

ISSN 0131-6656

СМОНА

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ. МЕЖ ДВУХ МИРОВ

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ. БЕЗ ТОЛСТОГО

10'90

大画面
テレビ
ビデオ
カメラ
オ
ロカット日産店

ロカット日産店

ロカット日産店

ロカット日産店

ビデオ
テレビ
ライコ
ステレオ

...с голубой
козачкой

(ЧИТАЙТЕ СТР. 264)

10'90 СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редаллегия:

БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ

(зам. главного редактора)
ЮРИЙ РАГОЗИН
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА
АМАЛИИ АВДЮШИНОЙ
Технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 07.08.90.
Подписано к печати 13.09.90.
Формат 84 × 108½.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 896 608 экз. (из общего тиража
3 300 000 экз.)

Заказ № 2691. Цена 70 коп.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный провзд. 14.

212-15-07 — для справок

212-11-27 — отдел писем.

Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-
ца «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются. Рукописи объемом
более 1 авторского листа (24 ма-
шинописные страницы) редакци-
ей не рассматриваются.

10 (1512) ОКТЯБРЬ

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1990.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

16

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ. МЕЖ ДВУХ МИРОВ

Рассказ

66

ЛЕОНИД ЖУХОВИЦКИЙ. ЛЯГУШКА В СМЕТАНЕ

Повесть

146

ВАЛЕРИЙ МИТРОХИН. ЙОТА

Повесть

190

РАЙМОНД ЧАНДЛЕР.
НЕВАДСКИЙ ГАЗ

Повесть

ПОЭЗИЯ

11

ЕЛЕНА КУЗЬМИНА, ЛЕОНИД КОЛГАНОВ, ВЕРА БРУСИЛОВСКАЯ, Л. ИПОЛИТОВА, ЮРИЙ ГРАЧЕВ, ЕВГЕНИЙ КОНДРАТЬЕВ, ВИКТОР КОЛЕСНИК

37

ВЛАДИМИР МИСЮК

120, 124

РАСУЛ ГАМЗАТОВ, ДМИТРИЙ ФИЛИМОНОВ

МОРАЛЬ И ПРАВО

50

ВИТАЛИЙ ЕРЕМИН. ИГРА В «УДАВОЧКУ»

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

38

ИГОРЬ ЧКАЛОВ. СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

4

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ. БЕЗ ТОЛСТОГО

64

ЛЮДМИЛА ПУТОЛОВА, ТАТЬЯНА ЗДОРИК. СПАСЕННЫЕ КАМНИ

127

СЕРГЕЙ РОМЕЙКОВ. УВИДЕТЬ, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ

224

ВЕРА ГЕНИСАРЕТСКАЯ. ПОСТСИМВОЛИСТ СЕРГЕЙ ПОТАПОВ

На нашей
обложке:
Каменя
Б. СКУБЕНКО
«Лето»
(Читайте стр. 64)

226

АЛЕКСАНДР МЕНЬ. СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

276

ГРУППА «НА-НА»

НАУКА

112

СЕРГЕЙ КАЛЕНИКИН. РАДИОФОБИЯ: СТРАСТИ-НАПАСТИ

НА ОДНОЙ ПЛАНЕТЕ

105

ЮЛИЯ БРАГИНСКАЯ. МИР ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ...

264

АЛЕКСАНДР ГЕРАСИМЕНКО. ... С ГОЛУБОЙ КАЕМОЧКОЙ

61, 109, 221, 260

ВАШИ ПИСЬМА

278

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ, ЮМОР

11•90

■ **СЕБАСТЬЕН ЖАПРИЗО.** «Бег зайца через поля».

Все романы известного писателя Себастьяна Жапризо во Франции экранизированы. Но автор пишет и непосредственно для кинематографа.

В прошлом году мы познакомили читателей с киноповестью «Прощай, друг!», вызвавшей многочисленные отклики, а сейчас предлагаем вашему вниманию журнальный вариант второй киноповести — «Бег зайца через поля». В ней описываются драматические приключения молодого француза, пытающегося скрыться от преследования в Канаде. Случайно он попадает в банду и оказывается в самой гуще событий...

■ **ВЛАДИМИР ТУРБИН.** Розанов.

■ **АЛЕКСАНДР КЕРЕНСКИЙ.** «Моя жизнь в подполье». Глава из книги.

АНОНС:

БЕЗ ТОЛЮ

4

Когда извлекаются сегодня из тьмы времен на свет божий, на суд людской погребенные некогда заживо романы, повести, поэмы и поражают современного читателя высотой мысли, глубиной прозрений, силой письма и художественности, особенно удивительного в этом как будто бы для нас уже и нет — пообвыклись, притерпелись. Тем самым научены уже и короткую булгаковскую формулу о том, что рукописи не горят, понимать шире, и всякую вновь найденную и того заслуживающую принимаем хотя и с радостью, но уже как должное. Речь идет, однако ж, исключительно о «больших», так сказать, поименованных выше жанрах литературы.

Ни тому, ни другому, ни третьему не принадлежит предлагаемая читателю публикация — несколько страничек текста, газетный, в сущности, подвал парижского русскоязычного издания

«Последние новости» от февраля 1937 года, подписанный именем, в зарубежье более чем известным, а в России если до недавнего времени и произносимым, то шепотом и с оглядкой.

Москвич по рождению, но которого гимназия и университет, а затем и первые шаги на поприще культуры сделали петербуржцем, Георгий Викторович Адамович (1894—1972) занимает, пожалуй, особое место в русской литературе, даже на таком широком и многоликом ее фоне, который представляло собой начало столетия. К моменту отъезда из России — 1922 год — даже в эту обильную на поэзию эпоху Г. Адамович был уже автором двух весьма приметных сборников — «Облака» и «Чистилище». Сопоставление и очерченность названий содержат в себе довольно убедительную символику: витать в «облаках», а затем пройти «чистилище» — не характерный ли это путь рус-

ЮГО

ских писателей его поколения?.. Но это, повторим, символика. Факты же таковы.

Как и ближайшие его друзья — личные и по «цеху поэтов» — Георгий Иванов и Николай Оцуп, Адамович принадлежал к кругу Гумилева, Ахматовой, Мандельштама, оставаясь и в их блеске поэтом самобытным и сильным. Это, казалось бы, должно было определить и дальнейший путь. Но вот в эмиграции произошел как бы слом, не оказавшийся, впрочем, для Адамовича трагическим: за рубежом стихи он писал редко и еще реже их печатал. Кризисом творчества, однако, назвать это никак нельзя — в эмиграции Адамович становится одним из самых влиятельных литературных критиков русского зарубежья. Его многолетние размышления на литературные темы — часто неожиданные и всегда нетрадиционные — составили книги «Одиночество и свобода»

и «Комментарии». Книги великолепные. Остается только ждать, когда придут они к советскому читателю.

Но, пожалуй, наиболее верно личность и суть творчества Адамовича определила Зинаида Шаховская: «Склад ума Георгия Викторовича был скорее скептическим, вольтерьянским, но, как и Бунин, он с уважением относился к духовным вопросам и даже религиозным, читал Библию и Евангелие не как эстет, а как человек, понимающий ценность прочитанного».

Думается, такое определение точно объясняет не событийный — глубинный смысл публикуемой статьи Адамовича и одновременно причину, по которой мы предпочли начать знакомство читателей «Смены» с забытым русским писателем именно его публицистикой и именно *сегодня*.

То, что предстоит вам прочесть, поразительно. Сегодня, когда

И 3-за какого-то недоразумения с подпиской произошел перерыв в получении советских литературных газет. Пришли они разом, целой кипой, за полтора месяца. Кое-что успело уже в них устареть... Но таковы были эти полтора месяца, что попадаются отдельные номера, достойные перейти в историю, — страницы, страницы, страницы, которые станут, вероятно, для «будущего историка» предметом тягостных и долгих размышлений.

Ничего нового, в сущности. Ничего неожиданного, непредвиденного. Признаемся: мы почти привыкли ко всему этому, мы перестали ужасаться, содрогаться... Но в том-то и особенность нашего времени, что оно заставляет к таким явлениям привыкнуть. А до-

статочно человеку хоть на минуту очнуться, вдуматься в то, что он читает, *понять, что он читает*, как поистине ему становится страшно. Никакие объяснения ничего полностью не объясняют.

Имею я в виду отклики писателей, ученых и артистов на последний московский процесс.

Недопустима была бы поза обличителя: поднятые к небу очи и фарисейское: «Благодарю Тебя, Боже, что я не такой!» Один из самых тревожных, самых смущающих выводов, на которые неизбежно толкает чтение всех этих «пламенных» призывов и деклараций — тот, что мы не знаем, собственно говоря, кто мы и каковы мы. Незнание это и делает нестерпимой всякую рисовку своим благородством. Возникает же оно оттого, что мы не прошли нужного испытания. Объясняюсь в двух

в изящной нашей словесности наступила и безраздельно господствует эпоха публицистики, эта полувековой давности статья, с необычайно точным в данном случае названием — «Без Толстого», обнаруживает то, чего даже лучшим образцам нашей публицистики так не хватает — благородства, если угодно, великодушия, а коли быть уж совсем точным — и милосердия. Увы, это так, хотя и не всегда виною тому личные качества автора, скорее, тот воздух, которым дышали мы долгие десятилетия. Не потому ли едва ли не вся нынешняя публицистика, оборачивающаяся, как правило, полемикой, начинается... с поиска врага? Обвиняя друг друга во всех смертных грехах, отыскивая в прошлом, да и в настоящем тоже, — но каждый на свой лад — виноватых в несчастьях, постигших страну, полемисты наши теряют чувство истории, чувство пространства, если

говорить шире. Но ведь как бы ни был уверен ты в своей правоте, губительно — по последствиям своим губительно — не думать, не сознать, что противник твой, пусть враг даже, в *своей правоте* уверен так же.

Чему же учит, нет, не учит — о чем задумываться заставляет писатель, выброшенный из страны, виновный в том только, что думал иначе, чем те, кто взял власть, но не иначе, чем народ под этой властью? Пишет же он в те времена, да и о тех самых временах, когда эмигранта воспринимали на его родине не иначе как в качестве «белогвардейского недобитка», каковым, к слову, именовали — пусть не удивляется молодой читатель! — и Сергея Васильевича Рахманинова... Кто-то, а уж он-то, Адамович, казалось бы, писать должен был зло, с ненавистью даже писать о том, что происходит в бросившей его стране, о событиях, которым

словах, и, надеюсь, читатель поймет, что речь здесь не о том или ином эмигрантском деятеле или писателе, а о всей «массе», с возможными из нее героическими исключениями.

Вот перед нами список людей, требующих «беспощадной расправы с гадами»: профессор такой-то, поэт такой-то, известная всей России заслуженная актриса такая-то... Что они, хуже нас, слабее, подлее, глупее? Нет, ни в коем случае. Мы их помним, мы их знали, и не произойди революции, не заставь она их обернуться неистовыми Маратами, никому и в голову не пришло бы усомниться в правоте их принципов и возвышенности стремлений. Что, они всегда чувствовали склонность к «большевистски-железному восприятию жизни», как выражается один из современных поэтов? Нет,

одно могло быть только имя — ужас, и вот об этом, сознавая всю чудовищность происходящего, пишет он без гнева, без *праведного* гнева, каковой большинство читающих несомненно ему бы пристало!..

Конечно, свести бы это можно было к формуле Станиславского: когда играешь злого, ищи, где он добрый. Но это формальная сторона дела, технология мастерства писателя, если угодно, и Адамович, конечно, ей следует. Следует он и другой, заключающей в себе пушкинское «и милость к падшим призывал». Есть, однако же, и высшая, восходящая к евангельскому: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?.. Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Матф., 7, 3—5).

Тут весь смысл и всему нача-

конечно! Паспортное разделение русской интеллигенции произошло на добрую половину случайно. Одни могли оказаться здесь, другие могли бы остаться там; не перебрались же в самом деле за границу только люди, абсолютно несговорчивые, не решили подождать лучших дней на месте лишь те, которым в большевизме с самого начала мерещилась какая-то правда! Нет, если не всё, то многое, многое расслоилось случайно, и, право, мало оснований предполагать, что качественный, моральный состав интеллигенции там иной, чем здесь. Значит, вполне возможно, что мы, находясь мы сейчас в Москве, подписали бы те же воззвания. Значит, тяжесть ложится и на нас всех, и нельзя красоваться чистотой риз, пока не доказано, что чистыми они остались бы всегда, везде, при всех

ло. Статья, написанная полвека назад, выставляет моральный счет каждому из нас нынешних — пишущих, да и читающих тоже, говоря словами автора: поставьте-ка себя на их место! Вот почему то, что предстоит вам сейчас прочесть, несмотря на жестокий, ужасный предмет, здесь трактуемый, трудно, да и невозможно назвать иначе как нравственной проповедью, ибо автор не судит, но объясняет, докапываясь до истоков, до истины, а мерилом здесь служит только одно — человеческая мораль, нам заповеданная. Единственная и неделимая.

Спросим же себя и мы, покорившие природу, осудившие всех и вся, источенные нетерпимостью к ближнему: чего же более всего не хватает нам сегодня, когда движется, движется потихоньку мир к согласию, — милосердия?!

Милосердия!

8

обстоятельствах. Почувствовать это необходимо хотя бы для того, чтобы иметь право говорить о тех, подписывающих, живущих в иной атмосфере, чем наша, несчастных иным несчастьем, чем наша эмигрантская, беспредметная, беспочвенная свобода. Но тяжесть, всеми разделяемая, остается все-таки тяжестью, — и трудно сказать, где она мучительнее. Ведь абсурдом было бы счесть, что в Москве собрались сейчас какие-то отщепенцы, нравственные уроды, потерявшие человеческий облик, и что это они требуют с какой-то маниакальной настойчивостью «крови за кровь», объясняясь в любви к «нашему родному товарищу Вышинскому», — нет, это обыкновенные люди, такие же, как мы, — и, значит, вот что такое обыкновенный человек, вот чем можно заставить его сделаться или хотя бы только казаться в зависимости от обстановки и окружения! «Есть же с чего с ума сойти!» К тому же это писатели, «инженеры человеческих душ» по пресловутому сталинскому выражению, звучащему сейчас так издевательски-иронично, и вот подумать, чего настроят эти инженеры, что могут они в беспечности своей сделать с тем беззащитным девственным душевным материалом, над которым призваны оперировать!

Дело не в самом процессе. Кто прав, кто виноват, как и чем виноват, в данном случае вопрос второстепенный. Наши личные чувства к Пятакову или Зиновьеву не имеют никакого значения. Сиди на скамье подсудимых кто угодно, все осталось бы столь же чудовищным. Основной факт ведь таков: один человек в чем-то уличен, человека судят, а другие беснуются вокруг, требуя его казни. Никаких сомнений насчет ценности личности! Никаких колебаний на-

счет права распоряжаться чужой жизнью, ничего! Инженеры человеческих душ всячески внушают, что эти гнилые заповеди давно отменены и что на их место пришли новые, усовершенствованные, которые им не стыдно назвать «истинно гуманистическими»! Да, да, разумеется, они иначе действовать не могут, они не по своей воле ставят свою подпись под каннибальскими резолюциями, и один Бог знает, что при этом у них в сознании и в сердце... Иногда о том, что там происходит, можно догадываться! Но если уж говорить правду, то нередко чувствуется и какое-то соперничество, рвение, вдохновение: кто кого перецеголяет в усердии!

Принуждение — принуждает. Но принуждение, без добровольного сотрудничества, «не за страх, а за совесть», не может вызвать к жизни всего того, чем заполнены «Литературная газета» и «Литературный Ленинград». Прочтем, например, речь даровитого беллетриста Б. Лавренива на общем собрании ленинградских писателей. Нет, слух не обманывает, и в этих «чеканных формулах» есть ораторское самоупоение, есть холодное уверенное актерство... От Лавренива могли потребовать речи. Он мог быть принужден ее произнести. Никто, однако, не мог его заставить декламировать, с явным удовольствием, поблескивая, вероятно, модным в Москве «стальным взглядом» сквозь очки:

— Нет меры и конца преступлениям, лжи, вероломству людей, которые сидят на скамье подсудимых. Как командир запаса Красной армии, на которую с любовью смотрит все передовое человечество, *я голосую за смерть!* (подчеркнуто в тексте. — Г. А.); как представитель советской интеллигенции — *я голосую за смерть!* Во

имя великого гуманизма, не того prostituiрованного гуманизма, который проливает слезы над всеми, без различия классового признака, а во имя гуманизма миллионов трудящихся, я *голосую за смерть!*

Добавлю, что речь Лавренева покрыта была «бурными аплодисментами» («Лит. Ленинград», № 5).

Или стихи, невероятный поток невероятных стихов, затопивший страницы газет.

Наш гнев ужасен — и прекрасен.

Мы свой вердикт произнесли,

И вот вердикт единогласен:

— Стереть их всех с лица земли!

(А. Безыменский)

*Горит советская наша звезда,
Растет волна народного гнева,
Республики, области, города,
Подводники с моря и летчики
с неба,*

*В океанах идущие корабли,
Поля, раскинувшиеся без предела,
Каждая пядь советской земли —
Властно требует их расстрела!*

(В. Гусев)

*Иди вперед, сметая все преграды!
Прямой наводкой бьем мы
по врагам!*

(Джек Алтаузен)

*Товарищ, кровь за кровь!
Товарищ, винтовку готовь,
Дай непреложный, святой обет:
Преступникам нашей земли —*

пощады нет!

(П. Майский)

Или заявления известнейших писателей А. Толстого, Ю. Олеши, К. Федина, в особенности Н. Тихонова, утверждающего, что «**все** писатели единодушно требуют поголовного расстрела мерзавцев».

Что это все такое? Было ли когда-нибудь что-либо подобное в истории? Повторится ли? Будто нарочуо тут же рядом статьи

о Пушкине*, — цитаты о «милости к падшим» и о «железном веке», со спокойными красноречивыми указаниями, что «только мы являемся его наследниками», ибо, видите ли, мы «утверждаем реализм»... Повторяю: люди сейчас ко всему привыкают, и в состоянии какого-то умственного оцепенения мы бываем готовы — что скрывать! — спорить о «реализме» и о том, действительно ли Лавренев, например, идет по пушкинской линии. Но иногда случается очнуться будто в сумасшедшем доме.

Есть в каких-то воспоминаниях о Михайловском такой рассказ. Для какого-то сборника нужна была статья о свободе слова. К Михайловскому обратились с просьбой дать ее. Он ответил согласием, но оказался в крайнем затруднении, когда сел ее писать... Вопрос был для него слишком ясен, слишком бесспорен и элементарен! Он не знал, с чего начать, он растерял элементарные доводы и доказательства. Он привык размышлять о разветвлениях темы, но забыл ее сущность, ее основные положения.

Приблизительно с той же растерянностью читаем мы московские речи и поэмы. С чего начать? Всякие вторичные и третичные возражения неуместны, смешны, а в наш «жестокий век» дорожки к нужным здесь словам безнадежно затоптаны! Да и неловко рядовому писателю или журналисту произносить слишком громкие слова, будто корча из себя какого-то Льва Толстого, будто ты тоже «не можешь молчать»! Но как жаль, что нет сейчас у нас Толстого или хотя бы Бьёрнсона, писателя с мировым моральным

* Год написания этой статьи — 1937-й — совпал со столетием со дня смерти Пушкина. — **Прим. ред.**

10

престижем, с мировым резонансом, как жаль, что такой человек, как Ромэн Роллан, на таком экзамене провалился, и вместо того, чтобы, ни с чем не считаясь, ни на что не оглядываясь, следовать великому толстовскому жизненному правилу «*fais ce qu'il faut, advienne que pourra*», тоже разделяет «справедливое негодование» своих московских собратьев. Роллан — слабоватый, сомнительный художник. Но по закваске своей, по духовному своему строю он мог, казалось бы, сыграть роль «мировой совести». К сожалению, выяснилось, что она ему не по плечу.

У нас здесь на днях был вечер, посвященный вопросу о смертной казни, вечер, навеянный, конечно, впечатлениями от московских событий. На собрании этом зашла речь о старинной, но в своем роде незабываемой безгранично ханжеской статье Жуковского, который желал из законного убийства человека человеком сделать «акт христианской любви» и «трогательное зрелище», для чего рекомендовал пение псалмов и священные процессии. Многие возражали против упреков сладкогласному и нежному поэту. Действительно, не устарел ли самый вопрос? Стоит ли поднимать разговоры о смертной казни теперь, когда мир, по словам другого поэта, «захлебнулся в крови»? Что значат отдельные убийства, когда гибнут сотни, тысячи, миллионы, когда у всех на памяти одна война и у всех в предчувствии другая, едва ли не более страшная?

Кто станет на такую точку зрения — сделается безотчетным сообщником всех «голосующих за смерть». Ибо ничего не устарело в таком деле. Вопрос так же остер, так же насущен, как был всегда, да и может быть

нужнее всего для нашей эпохи именно верность религиозным и общественным традициям, в такой долгой борьбе, в таком многовековом нравственном вдохновении созданным! Лавренев ужасен, но виноват и Жуковский, какие бы смягчающие обстоятельства ни действовали в его пользу, какая бы ни была между ними обоими пропасть. Один отвечает за другого.

Разница, однако, в том, что лирически-лицемерные размышления первого читала и смаковала избранная публика, те «немногие», для которых он писал свои прелестные (в самом деле, прелестные) стихи. А у Лавренева или у Безыменского несметная аудитория, — и нельзя исчислить, нельзя еще определить всей реакционности в истинном, глубоком смысле слова их работы в качестве инженеров, пусть они и вызывают к сочувствию всего «передового человечества». Отсюда-то и тревога. Кто будет восстанавливать разрушенное? С чем этим труженикам придется встретиться? Все ли надо будет начинать с основания?

**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ЕЛЕНА КУЗЬМИНА
ЛЕОНИД КОЛГАНОВ
ВЕРА БРУСИЛОВСКАЯ
Л. ИПОПОЛИТОВА

ЮРИЙ ГРАЧЁВ
ЕВГЕНИЙ КОНДРАТЬЕВ
ВИКТОР КОЛЕСНИК

ЕЛЕНА КУЗЬМИНА,

21 год,
церковный служака,
Архангельск

Ночью стучали в окно, и рыдали, и звали:
Сын твой убитый лежит за дорогою в поле.
— Мальчик любимый, мальчик прекрасный,
мальчик невинный...

Глупые женщины! Я отца провожала —
Этот убитый не может быть моим сыном.
Разве не ты вышивала ворот рубашки,
Ворот, изодранный в клочья сильной рукою?
— Ниткой зеленой, ниткою красной,
ниткою синей...

Глупые женщины!
Брата я провожала —
Этот убитый не может быть моим сыном.
Вот его тело. Трудно узнать беднягу.
Там не один он в поле лежал бездыханный.
— В поле холодном, поле усталом,
поле пустынном...

Глупые женщины!
Я жениха провожала —
Этот убитый не может быть моим сыном.

ЛЕОНИД КОЛГАНОВ,

33 года,
реставратор,
Москва

ОСЕННЕЕ ОЧИЩЕНИЕ...

Уже покров ее не покрывал,
Земля стыдобно голая лежала,
Костер осенний, словно бык, жевал
Последних ржавых листьев покрывало.

Привычно тлела рыжая листва,
Как царская парча, сопрев, горела,
Метались листья, вспыхнув, как слова,
Казалось, что, прогнив, она запела!

Раскольницей? Торговкою? Бог весть! —
Вся лживая и все-таки родная,
Проклятие, прощение и месть
В костре она смешала, догорая...
Казалось мне, — мы дети той листвы,
Наследники ее родного смрада, —
Все мечемся, как Гришка среди Литвы,
В предчувствии московского набата!
Но уносился пепла серый шквал,
Земля прекрасно голая лежала, —
Почто покров ничто не покрывал?
Почто безгласность голос обретала?

Земля вновь первородною была, —
Как в день творенья предвкушая болесть,
Казалось, — она трепетно ждала,
Чтоб первый снег настиг ее, как совесть!

ВЕРА БРУСИЛОВСКАЯ,

29 лет,
оператор ЗВМ,
Красноярск

Катится яблоко
полям нехоженым.
Вроде не старая,
только моложе бы.
Только на искренность,
только не наглостью.
Катится яблоко.
Разве пропасть ему?
С косточкой тайною.
Белое-белое.

Знать бы заранее,
падать умело бы.
Знать бы заранее.
Яблоко катится.
Новое колется,
старое плачется.
Катится яблоко,
стелется омутом.
Рядом с иконами
светится золотом.
Кто-то побрезгует.
Кто-то позарится.
Яблоко катится
так, словно дарится.
Только обида
уже с наворотами.
Катится яблоко.
Судьбами. Годами.
Только по ветру
стихи, как отдушины.
Душами внутрь
и навыворот душами.

Л. ИПОПОЛИТОВА,

40 лет,
корректор,
Москва

Безутешность — голоса земные,
В цвете ветра — дождь прошедших лет.
Падший ангел, трубы золотые
И креста серебряный ответ.

Зелень ив — раскидистая роскошь,
Блеск листвы при двух земных светилах,
Малахитовая млечность взгляда кошки
В час, когда ты снова впал в немилость.

Тайный скрип заветной старой двери,
Что в чулане сердца притаилась...
Здесь хранятся боли и потери,
Свет серебряный, которым жизнь светилась.

Здесь восторги, ужасы, паденья,
Древний хлам, заброшенный когда-то:
Слон любовный, сон, травы сплетенья,
Смех, улыбки и поминки брата...

Безутешность, таинства земные,
Голубые дали и разлуки.
Свечи, книги, голоса родные
И желанные, единственные руки...

След кольца, что скрыт в моем чулане,
След единственной моей надежды...
Да удушья час, когда лишь светлый ангел
За детьми приходит в город снежный...

ЮРИЙ ГРАЧЕВ,

24 года,
инженер-электронщик,
Орел

Я увидел, как гибнут помпеи,
И как пенел летит в небеси,
И движенья мои онемели,
И горела земля, как бензин.

И под выкрики гибнущей паствы
Полоумный святейший отец
Как последнее чудо-лекарство
Свои мысли читал, как святец.

Наземь рушились целые веси,
И слободки сжирала жара,
И толшой ангелá в поднебесье
Воскрешали людей до утра...

Ночью город кровавой кометой,
Что волнует потомков умы,
Сжался, скрючился в отблесках света,
И не света хотелось, а тьмы...

ЕВГЕНИЙ КОНДРАТЬЕВ

служащий,
Москва

ЕГО ВЫСОТА

Увидев людей,
Что колонною шли
С цветами, звеня орденами,
Вдоль края дороги
Хромал по пыли
Старик в полосатой пижаме.
Дорога шла в гору.
Тянулась верста...
И нервная дрожь
Старика колотила,
Ведь там за деревней —
Его высота
И братская рядом могила.
Его высота — над дорогою холм,
Где взвод в сорок первом
Держал оборону.
Огнем подыхали воронки кругом,

Безмолвие мертвых
И раненых стоны.
И кровью окрашенный
Таял здесь снег...
К утру отгремел

над высоткою бой.

Контужен и ранен, лежал он
Среди тех,
Кто был, хоть не мертвый,
Но еле живой.
Одних излечили.
Вручив ордена,
Их снова на фронт,
Снова в яростный бой.
Ему же пикама

на все времена,

Нелегкая жизнь
За больничной стеной...
А в мае, когда зацветают сады,
Ему медсестра надевает награды.
И он вдоль дороги —
На склон высоты
Идет, где рвались
Непрестанно снаряды...
И может быть, в этот лишь
Праздничный день
Светлее становится взгляд.
Склоняясь, кладет к обелиску
Сирень
Старик для погибших ребят...

ВИКТОР КОЛЕСНИК,

27 лет,
преподаватель,
Киев

Вначале — пауза. А там, презрев черту,
Напропалую, с гиканьем, со свистом,
Да так, чтобы сразило за версту,
Чтоб в лоб веслом, да сапогом под дышло.

Вперед — за счастьем — в злобной суете
(Помилуй, Боже, чтоб чего не вышло!)
Приблизиться к решающей черте...
Стать ангелом, стать дьяволом,
стать кришной.

И вот тогда... Да ничего тогда!
Как сонный зверь,
башкой в вольер упрешься.
И в миражах — последняя черта;
И пауза, которой задохнешься.

Между двумя

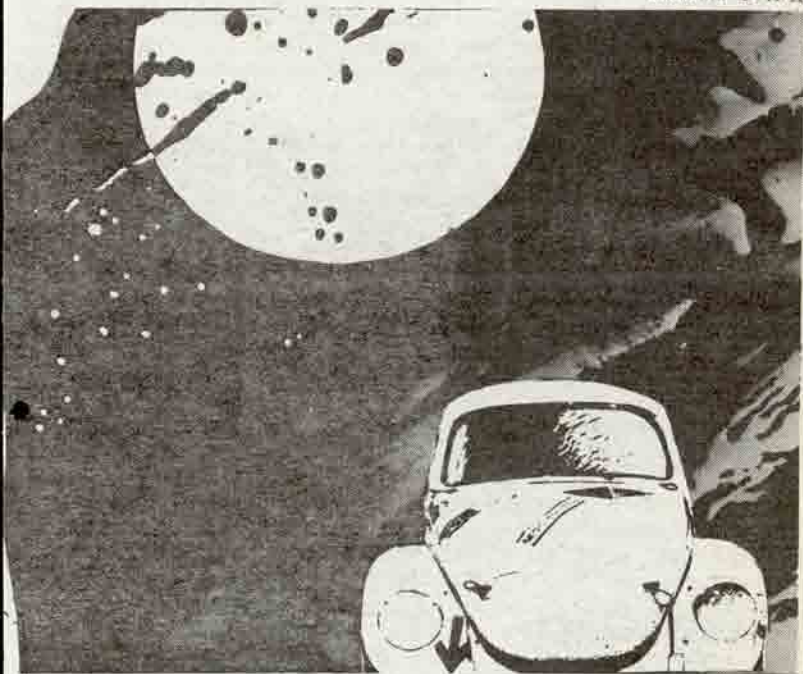
16

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС

В тот самый момент, когда за дальней стороной пирамиды открылся потрясающий вид на храм Кецалькоатля, Хилгард почувствовал резкий приступ головокружения и покачнулся, словно памятники Теотиуакана вдруг содрогнулись от легкого землетрясения. Прислонившись к ограждению, он ждал, пока пройдет слабость и охватившее его ощущение растерянности. Жара виновата? Высота? Или пришла расплата за вчерашний ужин с огненными приправами? Здесь, в Мексике, туристы быстро привыкают к мысли, что в любой момент можно ждать расстройства желудка.

Однако вскоре слабость прошла, причем так же неожиданно, как и накатила. Хилгард с замиранием сердца взглянул на колоссальные лестничные ступени храма. Из массивных камен-

Памяти Ф. К. Д.

17

ных блоков, словно морды динозавров, торчали головы пернатых змей. Тут и там еще сохранились следы фресок полуторатысячелетней давности, украшавших некогда стены храма. Хилгард отснял восемь или девять кадров. Но было слишком жарко, он устал и все еще чувствовал себя немного неуверенно после недавнего приступа. Кроме того, поджимало время: в два часа он договорился с шофером встретиться на центральной стоянке и ехать в Мехико. До двух оставалось совсем немного, а стоянка располагалась по меньшей мере в миле к северу. Дорога туда пролегла по открытой солнцу улице, известной как Дорога мертвых. Припомнив все это, Хилгард пожалел, что не начал свою экскурсию здесь, у потрясающего храма Кецалькоатля, а растратил запас утренней бодрости, ползая по двум огромным

пирамидам в дальнем конце археологической зоны.

Но жалеть было уже поздно, и Хилгард торопливо двинулся к стоянке. Он остановился только один раз, купил кружку пива, но оно оказалось теплым и противным. В четверть третьего он, запыхавшись и насквозь пропотев, добрался наконец до стоянки. Ни водителя, ни черного побитого такси. Видно, еще не вернулся с ленча, решил Хилгард с облегчением — ему не хотелось чувствовать себя виноватым. Но в то же время он подумал с раздражением: вот еще пример мексиканской пунктуальности. Что ж, теперь есть время сделать несколько снимков Пирамиды Солнца и, может быть...

— Сеньор? Сеньор!

Хилгард обернулся. Из маленького блестящего «фольксвагена» выбрался водитель и замахал ему рукой.

— Ваша жена, сеньор, будет через несколько минут. Она решила сделать еще снимки с вершины большой пирамиды и просила подождать. Это недолго.

— Я думаю, вы приняли меня за кого-то другого, — сказал Хилгард.

Водитель озадаченно посмотрел на него.

— Но вы ее муж, сеньор.

— Извините, я вообще ни чей не муж.

— Это шутка? Я не понимаю, — на всякий случай водитель неуверенно улыбнулся. — Блондинка. Темные очки. Я вас посадил у отеля «Сенчури», в Зона-Роса, сегодня в десять утра, вы помните? А десять минут назад она сказала мне: «Пусть мой муж немного подождет, я совсем ненадолго. Хочу еще раз снять пирамиды». И...

— Я остановился в отеле «Президент», — сказал Хилгард. — И я не женат. Сегодня утром я приехал на черном такси марки «форд», а моего водителя зовут Чучо.

Честная, располагающая улыбка не сошла с лица мексиканца, но рот немного перекосялся, и во взгляде появилось что-то враждебное, словно он решил, будто гринго хочет вовлечь его в какой-то непонятный и недобрый розыгрыш.

— Я знаю Чучо, — медленно произнес водитель. — Сегодня утром Чучо повез в Хочимилько каких-то американцев. Может быть, он возил вас вчера?

— Мы еще с вечера обо всем договорились и встретились с ним сегодня у отеля «Президент». Мне это обошлось в тысячу семьсот песо. — Хилгард огляделся по сторонам, опасаясь, что разговор станет еще более запутанным, если Чучо не появится в ближайшее время. — Вы, должно быть, принимаете меня за какого-то другого американца. Я путешествую один и в общем-то не имею ничего против знакомства с интересной блондинкой, но я холост и совершенно уверен, что приехал сюда не с вами, а с другим водителем. Извините, если...

— Вон ваша жена, сеньор, — холодно произнес мексиканец.

Хилгард повернулся. Стройная, привлекательная женщина лет за тридцать с короткими волнистыми волосами и внимательным открытым лицом пробиралась в их сторону мимо беспорядочно расставленных сувенирных киосков у входа на стоянку.

— Тед! — крикнула она. — Я здесь!

Хилгард смотрел на нее в полном недоумении: никогда раньше он не встречал эту женщину. Когда она подошла, он все же заставил себя улыбнуться. Что можно сказать в такой ситуации, если он даже не знает, как ее зовут? Извините, мадам, но я вовсе не ваш муж? Может быть, подумалось ему, это какая-нибудь телевизионная программа, из тех, чьи создатели разрабатывают сложные сценарии, чтобы разыграть ничего не подозревающую жертву, и он оказался в центре подобного розыгрыша? Видимо, когда им надоест эта игра, его завалят призовыми образцами домашней утвари и билетами бюро путешествий... Извините, мадам, но я на самом деле не тот, кто вам нужен, хотя зовут меня точно так же и мы невероятно похожи... Так и сказать?

Она подошла ближе и заговорила:

— Жалко, что ты не полез со мной на пирамиду. Знаешь, что там происходило последние полчаса? Празднование весеннего равноденствия. Это какой-то ацтекский обряд. Благовония, ритуальное пение, зеленые ветви, две белые голубки, которых только что отпустили... Захватывающее зрелище, и я засняла на пленку практически все. Подержи, пожалуйста, — без перехода добавила она, снимая с плеча тяжелую сумку с аппаратурой и вручая ее Хилгарду. — Боже, какая жара! Тебе понравился тот храм? Мне очень не хотелось тащиться туда по жаре пешком, и я надеюсь, что не пропустила ничего...

— Уже поздно, миссис. Мы едем в город? — вмешался в разговор водитель, стоявший неподалеку.

— Да, конечно. — Она заправила в брюки выбившиеся полы рубашки, взяла из рук Хилгарда сумку с камерой и двинулась вслед за водителем к «фольксвагену». Хилгард продолжал в растерянности стоять на месте, тщательно высматривая на стоянке Чучо с его старым черным «фордом» и лихорадочно пытаюсь сообразить, как ему поступать дальше. Сделав несколько шагов, блондинка обернулась, нахмурилась и спросила:

— Тед? В чем дело?

Хилгард издал какой-то невразумительный звук и в замешательстве махнул рукой. Может быть, сказал он себе, на него нашло затмение? Или же приступ головокружения у храма Кецалькоатля случился из-за солнечного удара, и теперь у него отшибло память? Может быть, она действительно его жена? Хилгард был совершенно уверен, что прожил холостяком всю свою жизнь, за исключением тех восьми месяцев с Беверли двенадцать лет назад. Он вполне отчетливо представлял себе свою холостяцкую квартиру на Третьей авеню: три симпатичные комнаты, картины, небольшой шкаф со статуэтками доколумбовой эпохи. С такой же легкостью в памяти всплывали любимые рестораны, которые он посещал со знакомыми женщинами — Джудит, Джейн, Дениз. Эта живая, бойкая блондинка совсем не вписывалась в его воспоминания, и все же...

Он совершенно не представлял, что делать дальше. Пальцы рук дрожали, ноги превратились в застывшие глиняные глыбы. Словно в полусне, Хилгард двинулся к «фольксвагену». Откры-

вая дверцу машины, водитель бросил на него презрительно-ядовитый взгляд, предназначенный, видимо, для тех гринго, которые так набираются в середине дня, что даже не могут вспомнить, есть у них жена или нет.

Всю дорогу до Мехико женщина оживленно говорила об их планах. Как понял Хилгард, во второй половине дня они собирались посетить музей антропологии в парке Чапультек, а на следующее утро должны были отправиться или в Куэрнавака, или в Гвадалахару — в зависимости от того, кто из них возьмет верх в полусерьезном споре, завязавшемся несколько дней назад. Хилгард, как мог, поддерживал разговор, но в конце концов замолчал, сославшись на то, что устал и перегрелся на солнце. Вскоре навстречу им поползли серые языки смога, и они въехали в пригороды Мехико. Машин в это воскресенье было на дорогах немного, поэтому шофер лихо промчался по широкой Пасео де ла Реформа, резко свернул к району Зона-Роса и высадил их напротив изящной черно-белой башни отеля «Сенчурн».

— Оставь ему на чай побольше, дорогой, — сказала женщина Хилгарду. — Мы задержали его дольше, чем следовало.

Хилгард вручил хмурому водителю две бумажки по тысяче песо, махнул рукой, чтобы тот оставил себе сдачу, и они прошли в отель.

— Возьми ключ, хорошо? — сказала она, входя в холл. — Я пока вызову лифт.

Хилгард подошел к стойке и с просительным выражением лица посмотрел на дежурную.

— Добрый день, мистер Хилгард. Надеюсь, вам понравились пирамиды, — произнесла она на беглом английском и вручила ему ключ от номера 177.

Мне это снится, говорил себе Хилгард, вспоминая комфортабельный номер на седьмом этаже отеля «Президент». Сон, галлюцинация. Он вошел в лифт вместе с блондинкой, она нажала кнопку с цифрой 17, и они медленно доехали к себе всего с одной пугающей остановкой между десятым и одиннадцатым этажом, когда вдруг упало напряжение. Номер 177 оказался компактно, без излишеств обставленной комнатой с полукруглой двуспальной кроватью и небольшим баром, заполненным миниатюрными бутылочками и всем необходимым для коктейлей. Женщина достала из бара бренди и спросила:

— Тебе налить рома, Тед?

— Нет, спасибо.

Он принялся бродить по номеру, присматриваясь к деталям. Женская косметика, занимающая почти всю полочку над раковиной: тени, румяна, лосьоны и бог знает что еще. Одинаковые чемоданы в шкафу. Аккуратно развешанные мужские рубашки и пиджак — не его, но такого же типа, что привык носить он. Книга на ночном столике — новый роман Андайка. Он прочел его несколько месяцев назад, но, очевидно, в каком-то другом издании, поскольку у этого обложка была красной, а он хорошо помнил, что читал книгу в синей.

— Я пойду приму душ, — сказала она. — А потом мы поедем и отправимся в музей, хорошо?

Хилгард поднял глаза. Уже раздевшись, она проследовала в ванную, и, прежде чем закрылась дверь, он с удивлением успел заметить маленькие груди и ягодицы с ямочками. Выждав, когда зашумит вода, Хилгард достал из открытой сумочки ее бумажник с обычным набором кредитных карточек, несколькими туристическими чеками и толстой пачкой мексиканских банкнотов. Там же лежали и водительские права: Сесилия Хилгард, тридцать шесть лет, рост — пять футов пять дюймов, волосы — светлые, глаза — голубые, вес — 124 фунта, замужем. Замужем! Домашний адрес — 85-я Ист-стрит. На карточке в правом кармашке бумажника значилось: «Если с владельцем бумажника произойдет несчастный случай, сообщить Теодору Хилгарду по адресу 85-я Ист-стрит либо в контору «Хилгард и Хилгард» на 57-й Вест-стрит». Хилгард разглядывал карточку так пристально, словно текст был написан на санскрите... Он всегда жил на углу 62-й Ист-стрит и Третьей авеню, в двух кварталах к северу от своего выставочного зала. В этом Хилгард мог просто поклясться, и ему предельно отчетливо представлялось, как он идет по Третьей авеню, оглядывая на здание «Блумингдейлс», сворачивает на 60-ю Ист...

Два Теда Хилгарда? С совершенно одинаковой внешностью?..

— Что ты ищешь? — спросила Силия, выходя из ванной и вытираясь полотенцем.

Щеки Хилгарда налились краской, и он пристыженно сунул бумажник на место.

— Э-э-э... просто хотел проверить, сколько песо у тебя еще осталось. Я подумал, что завтра утром, когда откроется банк, нам, может быть, придется обменять несколько чеков.

— Я уже обменяла в пятницу. Забыл?

— М-м-м, да, видимо, вылетело из головы.

— Тебе нужны песо?

— Нет, у меня пока достаточно, — ответил он.

Поесть они решили в ресторане отеля, и во время ленча Хилгарду постоянно казалось, что он сидит через стол от ящика с динамитом. Он еще не созрел, чтобы признаться в собственном помешательстве, но очень небольшое из того, что Хилгард мог ей сказать, содержало какой-то смысл, и рано или поздно она должна была это заметить. У него возникло такое чувство, словно он вошел в кинозал посреди фильма и теперь пытается понять, что происходит на экране, но здесь ситуация выглядела сложнее, гораздо сложнее, потому что на самом деле он не просто смотрел кино, а исполнял в нем главную роль. С середины фильма Хилгард оказался за столом с совершенно незнакомой ему женщиной, на которой он, оказывается, женат и, судя по всему, не первый год. Впрочем, людям, прожившим вместе несколько лет, обычно мало что есть сказать друг другу за ленчем, и Хилгард горячо благодарил судьбу за продолжительные паузы в разговоре. Когда Силия все же спрашивала что-нибудь, он отвечал осторожно и кратко. Всего один раз он позволил себе назвать ее по имени, но обращение «Силия» вызвало у нее мимолетный недоумевающий взгляд, и это еще больше озадачило Хилгарда. Может быть, он должен звать ее

каким-то ласкательным именем? Или она привыкла, что все зовут ее не Силней, а как-нибудь еще? Может быть, Си? Силли? Или, например, Чарли? Неразрешимая загадка. Медленно допивая кофе, Хилгард снова вспомнил тот краткий приступ головокружения у храма Кецалькоатля, когда все закачалось и завертелось у него в голове. Бывает ли так, чтобы с человеком случился удар, но при этом его не парализовало, а только отшибло память? Возможно, и бывает. Но у него не просто амнезия, поскольку он располагает исчерпывающим набором ясных воспоминаний о другой жизни, без Силии. Жизни, в которой он был вполне устроенным холостяком и преуспевающим владельцем выставочного зала. Настоящей полной жизни с друзьями, любовницами, путешествиями. В той жизни он прилетел в Мексику три дня назад, рассчитывая насладиться неделей благостного одиночества, теплой погоды, острой пищи и, может быть, кое-каких интересных находок для своей коллекции. Каким образом все это может возникнуть в памяти после удара: дружелюбный шофер Чучо, черное такси марки «форд», номер на седьмом этаже в отеле «Президент»?..

— Я забыл в комнате одну вещь, — сказал он Силни. — Сейчас быстро сбегая, и пойдем.

Поднявшись в номер, он позвонил в «Президент».

— Мистера Хилгарда, пожалуйста.

— Минутку. — Долгая пауза. — Повторите, пожалуйста, фамилию.

— Хилгард. Теодор Хилгард. Если я не ошибаюсь, он в номере 770.

Еще более долгая пауза.

— Извините, сэр. Мистер Хилгард у нас не останавливался.

— Понятно, — произнес Хилгард, ничего не понимая, и повесил трубку. Потом взглянул на себя в зеркало, пытаясь отыскать какие-нибудь признаки удара — отеки щеки или провисающие щеки... Ничего. Абсолютно ничего. Но лицо у него приобрело странный серый оттенок, и Хилгарду подумалось, что выглядит он на тысячу лет.

Выйдя из отеля, они остановили такси и отправились в археологический музей. Хилгард неоднократно бывал там, причем последний раз за день до того. Но из реплик Силии ему стало ясно, что она тут впервые, и это только прибавило хлопот: приходилось делать вид, будто он совершенно не знаком с музеем. Перемещаясь по залам, он, как мог, изображал удивление и свежий восторг по поводу экспонатов, знакомых ему уже многие годы, — огромные ольмекские головы из камня, устрашающая статуя богини Коатликуэ, инкрустированные нефритом маски... Впрочем, иногда необходимость в фальшивых чувствах отпадала. В ацтекском зале, слева от Камня Солнца, Хилгард обнаружил высокую мраморную стелу, которой еще день назад не было. Совершенно новым для него оказался стеклянный шкаф, заполненный удивительными ольмекскими статуэтками. Зал майя тоже выглядел совсем не таким, каким он его помнил. Хилгард никак не мог понять, в чем дело. Даже огромный фонтан в форме зонтика, расположенный во внутрен-

нем дворике музея, отличался от того, который запечатлелся в его памяти: из сегодняшнего торчали в разные стороны золоченые спицы. От всех этих маленьких странностей, накопившихся за день, Хилгарда буквально лихорадило, и Силия несколько раз спросила, не заболел ли он.

В тот вечер они пообедали в уличном кафе за несколько кварталов от отеля, потом гуляли пешком и вернулись в свой номер незадолго до полуночи. Когда пришло время раздеваться и ложиться спать, Хилгарду снова стало не по себе. Может быть, она ждет от него внимания? Эта мысль просто сразила его. Не то чтобы Силия была непривлекательна, отнюдь. Но ведь совершенно чужой человек... Он всегда предпочитал длительное ухаживание, ощущение непринужденности в общении со своими избранницами, духовную близость, любовь. Но даже если отмахнуться от собственных наклонностей, как мог он рассчитывать на успех, притворяясь мужем этой женщины? Все мужчины ведут себя в таких ситуациях по-разному, и она в два счета поймет, что он кто-то другой, или заподозрит неладное, ведь ему совершенно не знакомы все эти ритуалы и привычки, которые семейные пары вырабатывают и сохраняют годами. Неизвестно еще, как она поведет себя, если он обнаружит полное незнание их семейной жизни...

Хилгард панически боялся признаться, что чувствует себя каким-то перемещенцем из того мира, который по-прежнему считал своей настоящей жизнью. По крайней мере до тех пор, пока сам не разберется, что с ним произошло. К счастью, Силия была не в настроении. Она просто чмокнула его в щеку и кратко, почти по-дружески, обняла, затем повернулась на бок и прижалась к нему спиной. Хилгард прислушивался к ее ровному дыханию и долго не мог заснуть, размышляя о той неестественной ситуации, в которую попал, оказавшись в постели с женой другого человека. Даже при том, что Силия действительно была женой Теда Хилгарда, ситуация почему-то ассоциировалась у него с понятием супружеской неверности...

От гипотезы, в которой фигурировал удар, пришлось отказаться. Слишком многое она оставила без объяснений. Но что тогда? Внезапное помешательство? Он совсем не чувствовал себя сумасшедшим. Вот окружающий мир действительно свихнулся, а сам он казался себе по-прежнему спокойным, уравновешенным и педантичным. Настоящее безумие наверняка должно выглядеть более дико и хаотично. Но если это не потеря памяти и не приступ всепоглощающего самообмана, то что происходит? Может быть, там, в Геотиуакане, открылись вдруг ворота между двумя мирами, и в тот момент, когда на него накатило это странное головокружение, он перешагнул в мир другого Теда Хилгарда, а тот соответственно очутился в его собственном мире? Бред, конечно. Но происходящее с ним тоже походило на бред.

Утром Силия сказала:

— Я придумала, как разрешить наш спор насчет Куэрнаваки и Гвадалахары. Мы просто отправимся в Оахаку.

— Блестяще! — воскликнул Хилгард. — Мне так нравится

Оахака! Нужно будет только позвонить в «Президенте Конвенто» и заказать номер. Это прекрасный отель со старинными двориками...

— Когда это ты был в Оахаке, Тед? — спросила она удивленно.

— Э-э-э... довольно давно, — смущенно ответил Хилгард. — Еще до того, как мы поженились...

— А мне казалось, что ты в Мексике первый раз.

— Разве я так говорил? — Хилгард густо покраснел. — Не знаю, о чем я тогда думал. Должно быть, имел в виду, что мы в первый раз едем сюда вместе. Я едва помню Оахаку, поскольку это было давно, но я действительно летал туда как-то на уик-энд...

Все это звучало крайне неубедительно. Силия, конечно, заметила несоответствие, но предпочла не вдаваться в подробности, за что Хилгард был ей очень признателен. Однако он понимал, что эти маленькие противоречия и фальшивые ноты в его высказываниях откладываются у нее в памяти, и рано или поздно она потребует объяснений.

Меньше чем через час они закончили приготовления к поездке и в полдень вылетели в Оахаку. Прибыв в отель, Хилгард вдруг испугался, что клерк, запомнив его по визиту двухлетней давности, может сразу обратиться к нему по имени, но все обошлось. Сидя перед обедом в отеле у бассейна, Силия и Хилгард листали путеводители и планировали экскурсии по Оахаке — поездка к руинам Монте-Альбан, вылазка в Митлу, утреннее посещение знаменитого Субботнего рынка, — и снова ему пришлось разыгрывать неосведомленность обо всех этих местах, которые на самом деле он прекрасно знал.

В тот вечер они пообедали на балконе великолепного баскского ресторана, откуда открывался вид на центральную площадь города, и отправились к отелю пешком. Свежий аромат ночного воздуха окутывал улицы, с площади доносились звуки оркестра. На полпути к отелю Силия взяла его за руку. Хилгард едва ее не отдернул, но все же удержался: даже этот совершенно невинный жест заставил его почувствовать себя бессовестным мошенником. Когда они добрались до отеля, Хилгард предложил зайти в бар и выпить перед сном.

— Уже поздно, — сказала она мягко. — Пойдем к себе.

За обедом они выпили графинчик сангрии и бутылку красного мексиканского вина, отчего у Хилгарда возникло ощущение раскованности и спокойствия. Но это ощущение не заслоняло страха перед ожидающим его испытанием. Он остановился на лестничной площадке и взглянул на сверкающий отражениями бассейн. Тяжелые пурпурные кисти бугенвиллей у древней каменной стены внутреннего дворика казались в лунном свете почти черными. Картину дополняли огромные соцветия гибискуса, беспорядочно разбросанные по лужайке, и странные шипастые цветы, поднимавшиеся из пышной листвы. Силия тронула его за локоть.

— Пойдем.

Хилгард кивнул. Когда они оказались в номере, Силия вклю-

чила свет и начала раздеваться. Взгляды их встретились, и он заметил, как на ее лице желание сменялось тревогой и недоумением. Что-то было не так, и она это поняла. Притворись, приказал себе Хилгард. Притворись... Он робко обнял ее... Нет.

— Тед? — спросила она. — Тед, что происходит? Я не могу этого объяснить. Наверно, я схожу с ума. Со вчерашнего дня ты ведешь себя так странно...

Хилгард глубоко вздохнул.

— Вчера я увидел тебя в первый раз в жизни.

— Тед?!

— Это правда. Я не женат. У меня выставочный зал на 60-й Ист-стрит, недалеко от Второй авеню. В прошлый четверг я прилетел в Мексику один и остановился в отеле «Президент».

— Что ты такое говоришь, Тед?

— Вчера в Теотиуакане, когда я проходил около храма Ке-цалькоатля, у меня возникло очень странное ощущение, и с тех пор я, похоже, стал кем-то другим, но с тем же самым именем. Извини, Силия, наверно, я говорю невнятно? Я понимаю, в моих словах мало смысла.

— Мы женаты уже девять лет. Мы с тобой партнеры в фирме «Хилгард и Хилгард» на углу 57-й и Шестой.

— Изучение рынка... Странно. У нас есть дети?

— Нет. У нас квартира на 85-й, а летом мы обычно... Боже, Тед! Тед?

— Извини, Силия.

В темноте, смягчаемой лишь лунным светом, Хилгард заметил ее глаза — застывшие, испуганные, блестящие. В комнате стоял запах страха и его, и ее.

— Ты ничего не помнишь о нашей жизни? — хрипло спросила Силия. — Совсем ничего? В январе мы были с тобой в Сан-Франциско и останавливались в «Стэнфорд корт». Там все время лил дождь, и ты купил три статуэтки из слоновой кости в небольшом магазинчике напротив Гиранделли-сквер. Месяц назад мы получили от Брайса контракт на долгосрочный проект, и ты сказал: «Отлично. Давай махнем в Мексику и отпразднуем это событие. Нам ведь давно хотелось побывать в Мексике, а когда повторится такая возможность, неизвестно». В апреле мы должны представить в Атланте большой отчет, а в мае... Тед? Ты ничего не помнишь?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Боже, ты меня пугаешь. Обними меня, Тед.

— Извини...

— Нас вдвоем ты тоже не помнишь?

— Вчера в два часа дня я увидел тебя впервые в жизни.

— Нужно завтра же лететь домой. Наверняка есть какой-то способ... Лекарства или, может быть, шокотерапия. Первым делом мы переговорим с Джудит Роуз...

— С кем? — Хилгард почувствовал маленький всплеск удивления.

— Ее ты тоже не помнишь?

— В том-то и дело, что помню. Я хорошо знаю Джудит Роуз.

Высокая, смуглая, вьющиеся черные волосы. Она профессор нейробиологии в Рокфеллеровском университете...

— В Нью-Йоркском медицинском,— перебила его Силия.— Но все остальное верно. Видишь? Ты не все забыл! Ты по-прежнему помнишь Джудит!

— Она в Рокфеллеровском,— сказал Хилгард.— Я знаю ее уже пять лет. И в эту поездку мы собирались вдвоем, но в самый последний момент ей пришлось отказаться, поскольку им предложили крупную дотацию. С самого начала было ясно, что ей придется заниматься этим делом не одну неделю, поэтому я поехал один, а она...

— О чем ты говоришь? — удивленно спросила Силия.

— Как о чем? Мы с Джудит встречаемся уже долго и...

Силия расхохоталась.

— О боже! Нет, это уже слишком! Ты и Джудит...

— Конечно, мы оба время от времени видимся с кем-то еще. Но Джудит у меня на первом месте. Ни она, ни я, судя по всему, не созданы для семейной жизни, но в определенном смысле у нас идеальные отношения и...

— Прекрати, Тед.

— Я это говорю не для того, чтобы сделать тебе больно. Просто чтобы ты поняла, какие у нас с Джудит сложились отношения.

— Если ты таким оригинальным образом хочешь сообщить мне, что у тебя бывали романы, я это переживу. И даже не особенно удивлюсь. Но только при чем тут Джудит? Это абсурд. В нашем мире нет ничего постоянного, но в одном я могу быть уверена на все сто процентов: у Джудит нет никаких любовников. Они с Роном до сих пор как молодожены. Убедена, Джудит — самая верная женщина в мире.

— Кто такой Рон?

— Рон Вольф,— ответила Силия.— Муж Джудит.

Хилгард отвернулся к окну и глухо произнес:

— В том мире, где я живу, у Джудит нет семьи. Так же, как и у меня. Она работает в Рокфеллеровском университете. И я не знаю никаких Ронов Вольфов. Или Силий, если уж на то пошло. Я никогда не занимался изучением рынка. Более того, я ровным счетом ничего в этом не понимаю. Мне сорок два года, и я учился в Гарварде, специализируясь по истории искусства. Один раз, уже давно, я был женат на женщине по имени Беверли, но это оказалось ошибкой, которую я не собирался повторять. Мне очень жаль, что я испортил тебе отпуск и вообще поломал жизнь, но я просто не знаю, кто ты такая и откуда взялась. Что ты обо всем этом думаешь?

— Я думаю, что тебе нужна квалифицированная помощь. И я сделаю все возможное, чтобы ты ее получил, Тед. Чем бы ты там ни заболел, я уверена, это можно поправить, если не жалеть терпения, любви, времени и денег.

— Мне вовсе не кажется, что я помешался, Силия.

— А я ничего подобного и не утверждаю. Ты сам сказал, что сходишь с ума. На самом деле у тебя какой-то нелепый психологический срыв, расстройство памяти...

— Нет,— сказал Хилгард.— Я думаю, это здесь ни при чем. У меня есть другая гипотеза. Представь себе, что перед храмом Кецалькоатля есть какое-то таинственное место, э-э-э... ворота, пространственная воронка — называй как хочешь. Тысячи людей посещают это место ежедневно, и ничего особенного не происходит. Но я оказался жертвой редчайшего случая с вероятностью в одну триллионную. Я отправился в Мексику в своем мире, и точно так же поступил Тед Хилгард твоего мира. Мы попали в Теотиуакан в одно и то же время и по какому-то невероятному совпадению одновременно оказались в той таинственной точке. Мы оба прошли сквозь эти ворота и поменялись местами. Это могло случиться только потому, что наши два мира соприкасались, и мы оказались достаточно идентичны и взаимозаменяемы.

— Вот это уже действительно походит на помешательство, Тед.

— Почему? Эта гипотеза не безумней других. В этом мире многое не так. Ты, Джудит, Рон. Здесь у романа Апдайка красная обложка. Я занимаюсь не искусством, а исследованиями рынка. В музее не такой фонтан. И отправить письмо здесь стоит не восемнадцать центов, а двадцать. Здесь почти все похоже, но немного не так, и чем дальше я наблюдаю, тем больше нахожу несоответствий. У меня в памяти полная, живая картина мира по другую сторону этих самых ворот. С мельчайшими подробностями. Такое не может быть просто психологическим расстройством. Они не бывают столь детализированными. Сколько здесь стоит отправить письмо?

— Двадцать центов.

— В моем мире это стоит восемнадцать. Видишь?

— А что тут видеть? — устало произнесла Силия. — Если ты заблуждаешься относительно того, кто ты есть на самом деле, ты так же искренне можешь считать, что эта почтовая услуга стоит восемнадцать центов. Тем более, что расценки постоянно меняются. Что это доказывает? Послушай, Тед, нам нужно обратно в Нью-Йорк. Мы найдем, как тебе помочь. Надо что-то делать. Я люблю тебя, и ты нужен мне таким, каким был всегда. Ты понимаешь? До сих пор мы были счастливы с тобой, и я не хочу, чтобы все это исчезло как дым.

— Извини, Силия.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Может быть. Может быть.

— А теперь давай спать. Мы оба очень устали.

— Отличная идея,— сказал Хилгард, легко касаясь ее запястья.

Она сжалась, словно испугалась того, что могло произойти дальше. Но для Хилгарда это прикосновение было как спасательная веревка, брошенная с борта корабля. Он чуть сжал ее руку, потом отпустил и откатился на край кровати. Несмотря на усталость, он долго не мог заснуть и лежал, настороженно вслушиваясь в тишину. Несколько раз Силия чуть слышно всхлинула. Потом он все же заснул, но в эту ночь не видел никаких снов.

Хилгард предпочел бы остаться в Оахаке еще на несколько дней, побродить неторопливо по прекрасным древним улицам, подышать свежим воздухом, но Силия настояла на возвращении. Она хотела как можно скорее заняться его памятью, и одиннадцатичасовым самолетом Хилгарды вылетели в Мехико. В аэропорту Силия узнала, что днем есть рейс до Нью-Йорка, но Хилгард покачал головой.

— Сегодня мы останемся в Мехико, а полетим первым самолетом завтра утром.

— Почему?

— Я хочу вернуться в Теотиуакан.

— Боже, Тед! — выдохнула Силия.

— Ну сделай это ради меня. Я не улечу из Мексики, не убедившись до конца, что все потеряно.

— Ты надеешься, что тебе удастся просто перешагнуть в другой мир?

— Я не знаю, на что надеяться, но хочу проверить.

— И ты ожидаешь, что другой Тед Хилгард вдруг выйдет из-за пирамиды сразу, как только ты исчезнешь?

— Я ничего не ожидаю, — спокойно ответил Хилгард. — Но мне необходимо проверить.

— А если ты исчезнешь? Что будет, если ты исчезнешь в этой твоей пространственной воронке, а он так и не появится? Я останусь одна? Отвечай, Тед!

— Ты, кажется, начинаешь верить в мою гипотезу?

— Нет. Нет, Тед, но...

— Послушай, — сказал он, — если это действительно всего лишь сумасшедшая гипотеза, тогда ничего не произойдет. А если нет, то тогда, может быть, я вернусь в свой мир, а твой Тед вернется в этот. Кто знает? Я не могу лететь в Нью-Йорк, пока не проверю. Ну, уступи мне хотя бы в этом. Я прошу тебя, Силия. Пожалуйста.

В конце концов ей пришлось уступить. Они оставили багаж в аэропорту, сняли номер в отеле и заказали билеты на следующее утро. Потом попытались нанять такси до Теотиуакана. Водитель почти не говорил по-английски, и пришлось долго объяснять ему, что они вовсе не собираются бродить среди пирамид до вечера, а едут туда всего на полчаса. Этого он вообще не способен был понять: с какой стати может понадобиться кому-то — даже если это двое богатых гринго — гнать полтора часа в один только конец, чтобы провести там всего тридцать минут. Но все-таки они его убедили. Он припарковал машину на южной стоянке, и Силия с Хилгардом быстрым шагом двинулись по дороге к храму Кецалькоатля. В горле у Хилгарда пересохло. Сердце стучало. Силия выглядела не менее взволнованной и настроенной.

— Я шел здесь, — бормотал Хилгард, пытаясь в точности воспроизвести свой маршрут, — и сразу за углом, как только увидел фасад...

— Тед, пожалуйста, не надо. Прошу тебя.

— Ты сама хочешь попробовать? Может быть, тебе удастся проскочить к нему.

- Пожалуйста, не надо.
— Я должен,— ответил Хилгард.

Нахмурившись, он прошел по мощеной дорожке, остановился, когда показался фасад храма со свирепыми змеиными мордами, и, задержав дыхание, шагнул вперед. Хилгард ожидал нового приступа головокружения или того самого ощущения, что вызывало у него мысль о маленьком локализованном землетрясении... Но ничего не произошло.

Он оглянулся. Силия, бледная и расстроенная, смотрела на него, скрестив руки на груди. Хилгард вернулся и попробовал еще.

— Может быть, я ошибся в тот раз дюймов на шесть,— сказал он.— Нужно немного левее...

Снова ничего. И в третий раз. И в четвертый. Окинув его удивленными взглядами, проследовали несколько туристов, но Хилгард продолжал ходить туда-сюда, стараясь не пропустить ни одного дюйма мостовой. На узкой дорожке укладывалось совсем немного возможных маршрутов, но он так ничего и не почувствовал. Врата пространства оставались закрытыми, и он не мог попасть в свой собственный мир.

— Пожалуйста, Тед. Хватит.

— Еще один раз.

— Но это просто неприлично. Ты ведешь себя словно одержимый.

— Я хочу вернуться в свой мир,— твердил Хилгард.

Туда — обратно. Туда — обратно. Он тоже начинал чувствовать себя неловко. Может быть, она права: это просто безумие, завладевшее его душой. Никаких ворот на самом деле нет. И в конце концов не может же он ходить вот так весь вечер под взглядами этих устрашающих каменных изваяний.

— Еще один раз,— сказал Хилгард, и снова ничего не произошло.— Ничего не получается. Может быть, этот фокус срabатывает, только когда двойник проходит через ту же точку пространства в то же самое время. А организовать такое заранее просто невозможно. Если бы я мог хотя бы отправить ему сообщение, чтобы он был здесь, скажем, завтра ровно в девять... Привязать записку к камню и закинуть ее в эти ворота...

— Пойдем,— попросила Силия.

— Ладно. Пойдем.

Побежденный и подавленный, Хилгард безвольно проследовал за ней через прокаленную солнцем площадь перед храмом к ждущему такси. В Мехико они вернулись, когда на дорогах царил безумие вечернего часа пик. Ехали почти весь путь молча. В номере отеля вместо двуспальной кровати стояли две односпальные. И слава богу, подумал Хилгард. Ему казалось, что между ним и этой женщиной, считавшей себя его женой, протянулась бездна космической пустоты.

Они пообедали в одном из ресторанов Зона-Росы и рано легли спать, а утром встали с первыми лучами солнца и отправились в аэропорт.

— Может быть, когда ты окажешься дома,— сказали Силия,— какая-то часть памяти к тебе вернется.

— Может быть, — ответил он.

Квартира на 85-й Ист-стрит ничего не изменила. Симпатичная, красиво обставленная квартира на тридцатом этаже, и стояла она, должно быть, целое состояние, но это была чья-то чужая квартира с чужими книгами, одеждой и ценностями. Среди книг оказалось много таких, что стояли и у него, одежда подходила ему как нельзя лучше, а картины и кое-какие предметы искусства примитивных народов вполне соответствовали его вкусу. Хилгарду казалось, что он дома у брата-близнеца. Но по мере того, как он переходил из комнаты в комнату, его все сильнее охватывало паническое чувство беспомощности. Где его картотека? Где коробка, в которой он держал сохранившиеся с детства памятные вещи? Где его первые издания? Где коллекция перуанской керамики? Или все это плод фантазии? Прозрачные воспоминания о несуществующей жизни? Его словно отрезало от всего, что он считал реальным, и это приводило Хилгарда в крайнее смятение. В Манхэттенской телефонной книге не значился Теодор Хилгард с Третьей авеню, и точно так же отсутствовала «Галерея Хилгарда». Вселенная просто поглотила их без следа.

— Я позвонила Джудит, — сообщила Силия, — рассказала ей кое-что о случившемся. Завтра с утра она хочет тебя видеть.

Он неоднократно бывал в кабинете Джудит в Рокфеллеровском университете, поскольку выставочный зал отделяло от ее места работы всего несколько кварталов. Но это была другая Джудит, и работала она в Нью-Йоркском медицинском, неподалеку от Испанского Гарлема. Хилгард дошел до Пятой авеню и сел на автобус, задавая себе бесчисленное множество вопросов. Может, в этом мире полагается платить за проезд какими-нибудь жетонами? Остался ли музей «Метрополитен» на прежнем месте? Какой он увидит Джудит?.. С оплатой за проезд он справился без проблем. Серая приземистая громада музея все еще стояла сбоку от Центрального парка. Верхняя часть Пятой авеню тоже выглядела в общем-то неизменной. И все примечательные здания, что были видны из автобуса. Джудит также не изменилась: по-прежнему элегантная, красивая, излучающая духовное тепло. Ясный взгляд выдавал ее пронизательный ум. Не хватало только какой-то озорной искорки, заметной лишь ему одному ауры связывающих их отношений, молчаливого признания их чувств. Она поздоровалась с ним как с другом, но не более того.

— Что с тобой произошло? — спросила она.

Хилгард печально улыбнулся.

— В какое-то неуловимое мгновение у меня, похоже, произошла полная подмена личности. Раньше я был холостяком и владел выставочным залом в квартале от «Блумингдейлс». Теперь я женатый человек и совладелец фирмы на 57-й Ист-стрит, занимающейся исследованием рынка. И так далее и тому подобное. Краткий приступ головокружения среди памятников Теотнуакана, и все в моей жизни перевернулось.

— Ты не помнишь Силию?

— Здесь дело не только в амнезии, если ты это имеешь в виду.

Я не помню ни Силию, ни вообще что-либо, имеющее отношение к моей жизни здесь. Зато я помню миллион других вещей, которых теперь, похоже, просто не существует. Полная структура другой реальности, включая телефонные номера, адреса, детали биографии. Ты, например, Джудит, которую я знаю, работает в Рокфеллеровском университете. Она не замужем и живет в доме 382 по 61-й Ист-стрит, а ее номер телефона... Ты понимаешь, что я имею в виду? Кстати, ты, возможно, единственная связь между моей старой жизнью и этой. Почему-то я знаю тебя в обеих реальностях.

Джудит смотрела на него внимательно и озабоченно.

— Нам надо сразу провести весь комплекс неврологических тестов, поскольку меня это наводит на мысль о сильнейшем коротком замыкании у тебя в голове. Я в жизни не встречала ничего подобного, хотя уверена, что смогу отыскать в литературе аналогичные случаи. С людьми, которым довелось пережить радикальную диссоциативную реакцию, приводящую к полному разрушению структуры личности.

— Что-то вроде шизоидного припадка, ты это имеешь в виду?

— Психологи теперь не так часто пользуются терминами вроде «шизофрения» или «паранойя», Тед. Они давно потеряли свою строгость под давлением широко распространенных заблуждений, а кроме того, это слишком общие термины. Мы теперь знаем, что мозг — чрезвычайно сложный инструмент, обладающий способностями, которые выходят далеко за пределы нашего рационального понимания. Я имею в виду, например, всякие фокусы с перемножением в уме десятизначных чисел. Вполне возможно, что при наличии определенных стимулов мозг в состоянии выработать абсолютно логичную суррогатную структуру личности, которая...

— Сказать проще, я рехнулся?

— Если сказать проще, — ответила Джудит, — ты подвержен устойчивым заблуждениям чрезвычайно подробного характера.

Хилгард хмыкнул.

— Одно из таких заблуждений, должен тебе сообщить, заключается в том, что за последние четыре года мы с тобой провели вместе не одну ночь.

Джудит улыбнулась.

— В этом нет ничего удивительного. С тех самых пор, как мы с тобой познакомились, ты постоянно и очень мило со мной флиртовал.

— Мы когда-нибудь были близки?

— Конечно, нет, Тед.

— Я когда-нибудь видел тебя обнаженной?

— Нет, если только ты каким-то образом не подглядывал за мной.

Хилгард задумался, насколько эта Джудит отличается от той, которую он знал, потом рискнул:

— Тогда откуда я знаю, что у тебя на левой груди есть маленький шрамчик?

— Мне действительно удалили несколько лет назад неболь-

шую доброкачественную опухоль,— сказала Джудит, пожимая плечами.— Тебе об этом могла сообщить Силия.

— И я бы знал, на какой груди?

— Вполне возможно.

— Я мог бы рассказать тебе кое-какие подробности, которые полагается знать только человеку, очень близко с тобой знакомому. Например, как ты ведешь себя в постели.

— В самом деле?

Игривая, недоверчивая улыбка на лице Джудит исчезла. Губы ее сжались, глаза сузились, а на щеках появились пунцовые пятна. В глаза Хилгарду она уже не смотрела.

— Я не прятал магнитофон под твоей кроватью. И не обсуждал твои привычки с Роном,— сказал Хилгард.— Я его не узнаю, даже если столкнусь с ним на улице. Мысли я тоже не читаю. Но откуда мне это известно?

Джудит молча передвигала по столу бумаги. Руки у нее немного дрожали.

— Может быть, это у тебя диссоциативная реакция? — сказал он.— Ты забыла все, что нас связывало.

— Ты сам знаешь, что это нонсенс.

— Верно. Потому что Джудит Роуз, которую я знал, работала в Рокфеллеровском университете. Но я знал Джудит Роуз, похожую на тебя буквально во всем. Теперь ты в этом не сомневаешься?

Она не отвечала, глядя на него взволнованно и удивленно, и было в ее взгляде что-то еще — какое-то оживление, заинтересованность, отчего Хилгарду подумалось, что он все-таки сумел дотянуться до нее, до этой Джудит, через барьер своего затерянного мира и разжечь в ее душе некое подобие любви, которую они разделяли в другой реальности. Внезапно его воображение захватил дикий фантастический план — освободиться от Силии, увести Джудит от Рона и заново выстроить в этом незнакомом мире те отношения, что отобрала у него судьба. Но идея погасла так же стремительно, как и возникла. Глупо это. Бессмысленно. Невозможно.

Наконец Джудит сказала:

— Опиши мне все, что с тобой случилось.

Хилгард рассказал о событиях в Мексике со всеми подробностями, которые только мог вспомнить,— головокружение, ощущение перехода куда-то, постепенное понимание, что все изменилось.

— Мне хотелось бы верить, что это психическое расстройство и что несколько таблеток литиевого препарата вернут все на свои места, но на самом деле я так не думаю. Полагаю, случившееся со мной гораздо хуже обыкновенного шизоидного припадка, и вот в это верить мне как раз не хочется. Гораздо легче было бы считать, что виновата диссоциативная реакция.

— Да. Пожалуй.

— А что ты об этом думаешь, Джудит?

— Разве мое мнение имеет значение? Тут важны доказательства.

— Доказательства?

— Что у тебя было с собой, когда ты почувствовал головокружение? — спросила она.

— Камера, — ответил Хилгард и, подумав, добавил: — И бумажник.

— С кредитными карточками, водительскими правами и всем прочим?

— Да, — ответил он, начиная понимать, и внезапно его охватил страх, пронзительный и холодный. Доставая бумажник, он бормотал: — Вот он... здесь.

Хилгард извлек из бумажника права: адрес был с Третьей авеню. Он достал карточку Дайнерс-клуба, Джудит положила на стол свою: карточки отличались оформлением. Тогда он достал двадцатидолларовый банкнот. Джудит взглянула на подписи и покачала головой. Хилгард закрыл глаза, и перед его внутренним взором промелькнуло видение храма Кецалькоатля, огромные тяжелые головы пернатых змей, массивные каменные ступени. На лице Джудит застыло серьезное, даже суровое выражение, и Хилгард понял, что она поставила его перед решающим доказательством. Словно за его спиной навсегда захлопнулись тяжелые ворота... Он вовсе не жертва психоза. Он действительно перешел из одного мира в другой, и назад дороги нет. Его другая жизнь ушла навечно, умерла.

— Может, я все это подделал? — с горькой усмешкой произнес он. — Пока был в Мексике. Специально отпечатал фальшивые деньги и липовые водительские права, чтобы шутка выглядела убедительнее.

34

Потом он принялся лихорадочно копаться в бумажнике и извлек оттуда визитную карточку Джудит с блестящими выгравированными строками: «Отделение нейробиологии. Рокфеллеровский университет». Старую, затрепанную карточку со следами многочисленных перегибов. Джудит посмотрела на нее так, словно он положил ей на ладонь маленькую ядовитую змейку. Когда она снова подняла взгляд, Хилгард увидел в нем печаль и сострадание.

Спустя какое-то время она сказала:

— Тед, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

— Что именно?

— Приспособиться. Узнать свою роль в этом мире. На пару с Силией мы, должно быть, сумеем помочь тебе понять, кем ты должен здесь быть. Это пока единственное, что приходит мне в голову. И ты прав: от литиевых препаратов не будет никакого толку.

— Не надо вовлекать Силию, — сказал Хилгард.

— Но как же...

— Нет. Силия думает, что я ее муж и что у меня диссоциативная реакция, как ты это называешь. Если она поймет, что я совершенно чужой человек, я пропаю. Она вышвырнет меня и будет искать какой-нибудь способ вернуть своего настоящего мужа. Но у меня в этом мире только один путь — продолжать быть Теодором Хилгардом.

— Ты и есть Теодор Хилгард.

— Да. И я намерен им остаться. Намерен заниматься иссле-

дованиями рынка, жить с Сирией и подписывать чеки своей фамилией. Ты поможешь мне приспособиться. Мы договоримся о двух или трех сеансах терапии каждую неделю, и ты будешь рассказывать мне, кто мои друзья, какой колледж я закончил и кто были президенты в этом мире, если у вас тут вообще есть президенты. Для всех остальных — ты помогаешь мне избавиться от непонятного тумана в голове. Ты никому не скажешь, что я из другого мира. Пройдет время, и я действительно стану здесь своим. Верно, Джудит? У меня на самом деле нет выбора. Я не смогу вернуться назад. Мне уже удалось доказать одному человеку, что я не свихнулся, но теперь все это лучше оставить позади и начинать жить той жизнью, которая мне досталась. Ты поможешь мне?

— С одним условием.

— С каким?

— Ты в меня влюблен... Я вижу это и не осуждаю тебя, потому что ты невольно думаешь, будто я твоя Джудит. Но это не так. Я не твоя. Я — Рона. Можешь флиртовать со мной, можешь думать обо мне, но никогда не заходи дальше, чем следует. Никогда. Хорошо? Потому что ты, может быть, сумеешь разбудить во мне нечто такое, чего я не хочу будить. Понимаешь? Мы останемся друзьями. Даже заговорщиками. Вот и все. Согласен?

Хилгард посмотрел на нее несчастными глазами и лишь после долгой паузы произнес:

— Согласен.

— Пока ты добирался домой, мне позвонила Джудит, — сказала Сирия. — Мы разговаривали минут двадцать... Тед, бедный мой...

— Все будет в порядке. Нужно только время.

— Она сказала, что эти амнезии и подобные заблуждения чрезвычайно редки. Твой случай попадет в учебники.

— Замечательно. Но мне будет очень нужна твоя помощь, Сирия.

— Все, что смогу.

— Я совершенно пуст. Я не знаю, кто наши друзья, не знаю своей работы, не знаю даже, кто ты. Это стерто начисто, и мне придется все воссоздавать. Джудит поможет, насколько это в ее силах, но основная ежедневная, и даже ежечасная, работа достанется тебе.

— Я готова.

— Тогда мы начнем все заново. С самого начала. Сегодня мы обедаем в одном из наших любимых ресторанов — тебе придется рассказать мне, что это за ресторан — и пьем их лучшее вино, а может быть, возьмем бутылочку-другую шампанского. Затем вернемся домой. Мы будем как самые настоящие молодожены, Сирия. Хорошо?

— Конечно, — мягко ответила она.

— А завтра начнется настоящая работа. Будем приучать меня к реальному миру.

— Все вернется, Тед. Не беспокойся. Я помогу тебе всем, чем

смогу. Я люблю тебя, Тед. Что бы там с тобой ни случилось, я по-прежнему люблю тебя.

Хилгард кивнул и взял ее руки в свои. Неуверенно, с чувством вины и замиранием сердца одновременно, он заставил себя произнести слова, которые стали теперь единственным его спасением, единственной опорой на неизведанном берегу нового континента.

— И я люблю тебя, Силя,— сказал он незнакомке, которая была его женой.

**Перевод с английского
АЛЕКСАНДРА КОРЖЕНЕВСКОГО.**

За снегами полей, за полями снегов
 Остаются года.
 Сколько было друзей —
 столько было врагов.
 Не отыщешь следа.

За полями снегов, за снегами полей
 Как сумел растерять?
 Столько было всего! Но, жалея — не жалея,
 Не воротится вспять.

Остается одно, лишь одно — повторять,
 Чтоб дожить веселей:
 «За полями снегов, за снегами полей».

Последние листья кружатся,
 Последняя осень — на слом.
 И хочется к другу прижаться,
 Чтоб с листьями не унесло.

Смешная забота о теле.
 Последние листья сожгли...
 А друг — он и сам еле-еле
 На зыбком болоте земли.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Слышу хрустальный звон —
 С неба слетает снег.
 Словно со всех сторон
 Гости спешат ко мне.

Но бесконечен путь,
 Полночь ударит в срок.
 Боже, хоть кто-нибудь
 Переступи порог!

Валерий Чкалов погиб пятьдесят два года назад, испытывая новый истребитель И-180.

И вот, спустя десятилетия, выяснение действительных причин гибели легендарного авиатора вновь волнует множество людей. В прессе публиковалось немало противоречивых мнений.

У полковника Игоря Валерьевича Чкалова — свой взгляд на то, что произошло 15 декабря 1938 года...

В день гибели отца мне до одиннадцати лет не хватало всего двух недель, так что запомнил я многое, детская память цепкая. Но, конечно же, не только на свои воспоминания я опираюсь — друзья и сослуживцы отца нередко доверяли мне тайны, о которых боялись сказать взрослым. Помню, был у Чкалова личный охранник Иван Иванович Варенов, сопровождавший отца, когда он

баллотировался в депутаты Верховного Совета СССР. Уже в годы войны провожал я Варенова на фронт, он на прощание и поведал мне очень о многом, о чем я раньше и догадываться не мог. Как будто чувствовал, что мы больше не встретимся...

Когда по приказу Никиты Хрущева, ровно через 20 лет после гибели отца, в конце 1958 года город Чкалов, простоявший под таким именем все эти годы, вновь переименовали в Оренбург, я побывал там. Встречался со многими людьми, и все они недоумевали: почему переименовали город, по какой такой «просьбе трудящихся»? Позже узнал — местные власти поинтересовались тогда у Хрущева, что же делать с тремя имеющимися в городе памятниками Чкалову? На это последовал ответ: пусть уж стоят, раз есть...

Кстати, если говорить о памятниках, то хочется напомнить, что

КАК И ПОЧЕМУ ПОГИБ ВАЛЕРИЙ ЧКАЛОВ —

СЛУЧАЙНОСТЬ,
ОШИБКА,
ЗЛОЙ УМЫСЕЛ?

в свое время было принято решение о сооружении памятника Чкалову в Москве, напротив Курского вокзала. Был даже проведен конкурс, и не один, на лучший его проект. Однако и это решение было забыто. Или же другой аналогичный пример. Где-то в году 1946-м со стапелей Балтийского судостроительного завода спустили на воду крейсер, носящий имя отца. И опять же в конце пятидесятых годов это название было заменено другим.

Можно было бы привести еще немало подобных примеров, наверняка совершенно непонятных большинству наших людей, но стоит ли? Думаю, и так все ясно...

19 июня 1975 года с Г. Байдуковым и А. Беяковым прилетел я в американский город Ванкувер, повторив знаменитый маршрут, проложенный в свое время чкаловским экипажем через Северный полюс. Мы прибыли на открытие

«чкаловского монумента». Нам вручили очень красивые памятные буклеты, где был показан маршрут АНТ-25, рассказано об историческом перелете 1937 года.

Меня заинтересовала очень любопытная деталь. На одной из страниц буклета было совершенно четко напечатано: «Валерий Павлович Чкалов. Родился — 2 февраля 1904 года. Убит — 15 декабря 1938 года. Командир корабля». Вполне понятно, что, прочитав такое, я тут же поинтересовался, почему написано «убит», когда всем известно, что он разбился при испытании нового самолета. Так и в правительственном сообщении говорилось... Американцы ответили, что, конечно же, знают об официальной версии. Но им хорошо известны и некоторые загадочные, необъяснимые обстоятельства, позволяющие сделать вывод, что это было заранее подготовленным убийством...

Игорь Чкалов

Что же на самом деле произошло в тот трагический день 15 декабря 1938 года в Москве, на Ходынском поле?.. Не могут же люди, как говорится, высасывать подобную информацию из пальца. Наверняка за всем этим кто-то или что-то стоит?!

Чтобы до конца разобраться в обстоятельствах трагедии, начал я изучать доступные документы, расспрашивать людей, лично знавших отца, хорошо помнящих то время, и стала вырисовываться картина, значительно отличающаяся от привычной, общепринятой...

Хотя с того горького дня прошло уже более полувека, до сих пор не опубликованы документальные доказательства причин авиакатастрофы. А ведь работали две государственные комиссии (первая была образована сразу же после трагедии, вторая — в 1955-м, под председательством М. Громова, была создана по распоряжению Н. Хрущева).

Знакомлюсь с выводами первой комиссии (председатель комдив Алексеев): «15.12.38 г. в 12 часов 58 минут Герой Советского Союза В. П. Чкалов после нормального полета по кругу на самолете И-180, заходя на посадку, сел вынужденно вне аэродрома на расстоянии 500—600 метров от него, в результате чего произошла гибель летчика и разрушение самолета... Причина вынужденной посадки — отказ мотора в результате его переохлаждения и ненадежной конструкции управления газом...»

Судя по обстановке катастрофы, делает вывод комиссия, летчик до последнего момента управлял самолетом и пытался сесть и сел вне площадки, занятой жилыми домами.

На основной в подобных случа-

ях вопрос — кто же является главным виновником катастрофы? — комиссия единодушно ответила: главный конструктор Н. Н. Поликарпов, его заместитель Д. Л. Томашевич, директор завода М. А. Усачев, начальник летно-испытательной станции (ЛИС) завода В. М. Парай...

А вот что говорится в акте второй комиссии: «8 июля 1955 года, город Москва... Установлено, что на самолете И-180 мотор, винт, карбюратор были опытные и в воздухе до этого не были. На самолете отсутствовала система регулирующего охлаждения, без чего производство полета и особенно первого вылета в морозный день (-25°) было опасно.

...Наиболее верной причиной вынужденной посадки самолета следует считать отказ мотора в воздухе в результате его переохлаждения...»

Вроде бы выводы двух комиссий совпадают, но написанное дальше вызывает недоумение.

«Ответственными за вылет И-180, — утверждает в акте, — являются главный конструктор Поликарпов Н. Н. и летчик-испытатель Чкалов В. П.

Поликарпов ответствен за то, что разрешил первый полет на опытном самолете, совершенно неподготовленном к полету при низких температурах воздуха: отсутствовали жалюзи, регулирующие охлаждение мотора. Чкалов ответствен за то, что, имея богатый опыт эксплуатации истребителей в различных температурных условиях, согласился лететь без жалюзи...»

Первое, что бросается в глаза, — авторы второго акта как бы забыли то, что было написано в первом: отказ мотора произошел не только из-за переохлаждения, но и по причине «ненадежности конструкции управления газом».

(Действительно, эта система еще до последнего, губительного вылета ремонтировалась много раз...)

Не менее важным кажется вопрос об ответственности и решающем слове. Думаю, совершенно ясно, что им в первую очередь обладал, конечно же, Н. Н. Поликарпов... Не надо забывать и об отношении к дисциплине в то время. Летчик-испытатель, не имея на то веских оснований, просто не имел права отказаться лететь. Ведь он отвечает не за состояние машины, а только за то, чтобы научить ее летать. Именно поэтому и существовал тогда строгий раздел функций: главный конструктор создает самолет и утверждает документы на первый вылет, а уж летчик облетывает новую машину...

Теперь обратимся к другому не менее важному вопросу: должны ли быть установлены на И-180 жалюзи? И если должны, то куда они подевались?

И вот однажды пришло письмо от Н. М. Вязовецкого, которое расставило все на свои места: «По поводу того, были ли установлены на И-180 жалюзи, хочу сообщить следующее. Я сам лично монтировал эти жалюзи на самолете, изготавливая к ним все детали, кроме механических. И именно поэтому могу утверждать, что снять их было практически невозможно даже в течение целого дня. Держать же их открытыми Валерий Павлович при таком морозе не мог, так как отлично знал, что даже на земле при гонке двигателя стоило только перейти на малые обороты, как мотор «глох»... Кстати, именно за изготовление и монтаж жалюзи на И-180 мне был присвоен 7-й разряд, а это в то время равнялось довольно высокой квалификации файн-механика...»

Все это означает, что из завод-

ских ворот И-180 вышел все же с жалюзи. Но куда же они подевались потом? Значит, ошибаются те, кто утверждает, что жалюзи на И-180 не были установлены. Они, конечно же, были, но кто-то их СПЕЦИАЛЬНО снял. (В день гибели Чкалова эти жалюзи видели валяющимися на снегу аэродрома...)

Обратимся еще к одному письму. Его автор — Г. А. Гинзбург:

«...Я был на Центральном аэродроме им. М. В. Фрунзе как представитель конструктора моторного завода С. Туманского... Сразу же обнаружил, что на моторе самолета И-180 установлена одна бензопомпа, ведь предусматривалось то, что их должно стоять две. Да и все испытания на стенде проводились с двумя бензопомпами. Я тут же сказал об этом ведущему инженеру по испытаниям В. Лазареву и заинтересовался, кто разрешил это сделать... Он не ответил ничего конкретного, кроме того, что считает, будто двигатель вполне справится и с одной помпой. Я потребовал дать мне формуляр двигателя и написал: *В связи с отсутствием одной бензопомпы на двигателе полеты запрещаю. Представитель завода № 29 Г. А. Гинзбург.*

...13 декабря я совершенно случайно узнал, что вчера была пробежка и что во время пробежки при переводе рычага газа сломался кронштейн его крепления. Пробежка была прекращена. Я принялся объяснять, что карбюратор очень капризный и требует плавного перевода сектора газа. Иначе двигатель может захлебнуться и заглохнуть. Утром 15 декабря 1938 года, как обычно, я был на аэродроме. Вместе с С. Супруном мы возились с истребителем А. Кочергина на котором, кстати, стоял тот же двигатель М-88. Мне и в голову не

могло прийти, что кто-то опять прикажет поднимать в воздух И-180... Отладив кочергинский истребитель, мы, воспользовавшись тем, что он двухместный, поднялись с С. Супруном в воздух и, сделав небольшой круг, пошли на посадку. Только сели, подбежал к нам механик и испуганно воскликнул: «Чкалов погиб!»

Я ушам своим не поверил, но, когда понял, что это действительно произошло, зачем-то рассказал С. Супруну о своей записи в формуляре. «Именно эта записка и может спасти тебя!» — тихо ответил он. А в 15 часов собрали всех свидетелей и «участников» катастрофы и, рассадив по отдельным комнатам в здании ангара, заставили писать показания. Я почему-то попал в одну комнату с Н. Поликарповым...

— Слушайте, почему же нас все время так гнали? — неожиданно обратился он ко мне. — Почему Чкалову разрешили взлететь без жалюзи? Почему ему не показали вашу записку в формуляре, что вы запрещаете вылет без второй помпы?..

Самое интересное, на мой взгляд, заключается в том, что В. Лазарева на комиссию не вызывали. У него неожиданно поднялась температура, и его увезли в Боткинскую больницу, так что страшного «ковра» он избежал. А на следующий день его так же неожиданно выпустили. И куда уж он потом ехал на электричке, с которой его сбросили, я представления не имею. Короче, его не стало. Но странно все это, очень странно...

Интересно и то, что, как рассказывал мне потом позже С. Супрун, на объяснении Н. Поликарпова, которое он тогда написал в одной со мной комнате, рукой Сталина было написано: «Не трогать!». Именно поэтому и репрессировали

практически почти всех ведущих специалистов по И-180, кроме главного конструктора...»

Известность к отцу пришла еще в конце двадцатых годов. Но тогда она была «славой воздушного хулигана»...

Службу военного летчика он начинал в Ленинградской авиационной истребительной эскадрилье, во втором авиаотряде под командованием Петра Павлушева. Этого Павлушева, своего командира, Валерий Павлович как-то во время учебного боя «прижал» к земле, вынудив сесть. — Чкалов всегда считал, что бой есть бой, даже если он показательный, учебный. А значит, никаких поблажек «неприятелю» давать нельзя...

В 1927 году в воздушном параде, посвященном десятилетию Октябрьской социалистической революции, Чкалов решил показать все свое мастерство. Можно только представить, какое это было зрелище! Особенно если учесть, что еще его первый учитель, сам блестящий летчик, Михаил Иванович Жуков, отмечал у Чкалова большую склонность к авиационной акробатике...

Спустя некоторое время Чкалов был назначен старшим летчиком, командиром звена в 15-ю эскадрилью в Брянске. Вскоре после того, как он прибыл туда, звену поручили перегнать из Гомеля 3 самолета. Валерий Павлович шел на бреющем. Когда впереди показались линии электропередачи, решил пролететь между столбами. Скорее всего все обошлось бы хорошо, ведь опыт бреющего полета у него был, но Чкалов не заметил, что один из проводов сильно провис. Самолет задел его и упал... За отцом тогда-то и закрепилось прозвище «воздушный хулиган».

Но поступок этот не был пустой

бравადой — отец всегда считал, что каждый пилот обязан отлично владеть машиной на разных высотах.

«Ко всем данным мною ранее показаниям, — написал он в кассационной жалобе, направленной 31 октября 1928 года в Военную коллегия Верховного суда СССР и Наркому обороны, — главное заключается в различном понимании характера подготовки летчика-истребителя. На мой взгляд, тенденция к максимальной осторожности в полетах, имеющаяся в армии, неверна, в особенности в истребительной авиации. Летчик-истребитель должен быть смелым, с безусловным отсутствием боязни и осторожности в полетах. В противном случае в воздушном бою с противником летчик, привыкший осторожно летать, больше будет думать о самолете, чем о противнике, в результате чего безусловно будет сбит противником... Я, признаться, понимаю нашу бедность, необходимость сохранения материальной части, дорогостоящего самолета. Но в то же время не допускаю мысли о необходимости за счет сохранения ее ухудшить боеподготовку летчика-истребителя, учитывая и то обстоятельство, что будущая борьба с противником будет неравной с точки зрения разности качества самолетов. А эта точка зрения квалифицируется некоторыми как хулиганство, недисциплинированность...»

К сожалению, далеко не все думали так, и двадцатичетырехлетний военный ас был посажен в брянский исправдом. Правда, просидел отец всего 16 дней, на семнадцатый его выпустили: выручил начальник ВВС Петр Ионович Баранов, который обратился прямо во ВЦИК, доказывая, что такими классными летчиками, как Чкалов, бросаться нельзя. Отца освободили, но из армии отчислили...

Да, странно складывались его отношения с ВВС. И хотя в тридцать первом году Чкалов вновь надевает форму (работает в Государственном научно-исследовательском институте летчиком-испытателем), уже через два года он опять «на гражданке»...

Не буду подробно останавливаться на всех перипетиях армейской службы отца — ясно одно: его прямой, независимый характер, тяга к эксперименту, к нестандартным ситуациям выламывались из уставных рамок. Он не мог, не хотел подчиняться приказу — бессмысленному, безграмотному — лишь потому, что «так положено»...

...Уже «вольным казаком» пришел он на свое родное Ходыньское поле: здесь, на аэродроме, кроме стоянки НИИ ВВС, были еще и стоянки 39-го авиазавода и КБ Н. Поликарпова. Увидев Валерия Павловича, директор завода предложил ему должность летчика-испытателя. Отец, конечно же, с радостью согласился. А через месяц-другой его «переманил» к себе Н. Поликарпов...

2 мая 1935 года, когда на Ходынке правительству демонстрировали новую авиационную технику, Ворошилов представил Чкалова Сталину: «Это и есть тот самый воздушный хулиган!» Сталин ответил, что сам разберется. А через три дня вместе с конструктором Н. Поликарповым, самолет которого и представлял, Чкалов Валерий Павлович как шеф-пилот и испытатель был впервые награжден орденом Ленина...

Ну, а дальше жизнь Чкалова пошла, что называется, в гору: полет на остров Удд, перелет в Соединенные Штаты Америки через Северный полюс... Пришли слава, международное признание, приемы в Кремле.

Многие считают, что именно то-

гда Валерий Чкалов и стал любимцем Сталина: ведь вождь обнимал, целовал летчика на глазах у всех. Как же тут усомниться в его чувствах. Да, Сталин вроде бы и не скрывал их; он мог в любое время суток позвонить отцу в квартиру на Садово-Земляном валу (ныне — улица Чкалова); они нередко называли друг друга на «ты»; отец мог откровенно говорить со Сталиным, спорить, возражать, когда с чем-то был не согласен...

Здесь уместно вспомнить, что в марте 1938 года Чкалова специально пригласили на суд над Н. Бухариным и А. Рыковым. В перерыве он подошел к Вышинскому и прямо заявил, что не верит в то, будто соратники В. И. Ленина могли вдруг неожиданно стать врагами народа. Вышинский снисходительно усмехнулся: «Какой вы все-таки наивный человек, Валерий Павлович. Да разве же в этом дело. Был бы человек, а статья найдется!» А когда Чкалов обратился и к Сталину, тот впервые довольно резко перебил его: «Товарищ Чкалов, мы сами знаем, что делаем. А вы лучше занимайтесь своим делом!» Поняв, что спорить дальше невозможно, Чкалов повернулся и покинул кабинет вождя, на прощание довольно громко хлопнув дверью...

Дня через два Сталин сам позвонил: «Ну что ты на меня, Валерий, обижаешься!»

Так что, как видите, отношения у них были особые, не всегда даже объяснимые. Именно поэтому и складывается вполне определенное мнение, что подобная привязанность Сталина к Чкалову и стала одной из основных причин, укоротивших жизнь отца. (Далее станет понятно, кого именно не устраивали подобные отношения...)

После первой сессии Верховно-

го Совета СССР 1-го созыва 1938 года Сталин позвонил около двух часов дня Чкалову домой и пригласил его к себе. Тот быстро собрался и поехал в Кремль. Сталин уже ждал его, вышел навстречу. Пожал руку. Усадил в кресло рядом с собой и сразу же приступил к делу, сказав, что на Политбюро пришли к выводу: пора Чкалову переходить на другую — партийную, государственную — работу. Отец ответил: «Летать — это и есть моя партийная и государственная работа».

Чкалов ломал голову, что же именно хотел ему предложить. Наконец Сталин разрешил его сомнения, объяснив, что все понимают: давно пора расчистить ежовщину, вот партия и считает, что Наркомом внутренних дел должен стать именно он, Чкалов. А заодно, как и Ежов в то время, по совместительству, Наркомом водного транспорта.

Судя по всему, он ожидал чего угодно, но только не этого, поэтому довольно резко ответил, что водный транспорт для него — это куда ни шло, но вот НКВД... Сталин заметил, что любит такие чкаловские качества, как справедливость, умение хорошо разбираться в людях, как бы вскользь видеть, кто есть кто. Валерий Павлович молод — ему всего тридцать четыре года; в НКВД придется поработать всего года два-три, пока он не наведет там порядок. А потом планируется создать единый наркомат транспорта — водного, воздушного и железнодорожного, и тогда Чкалов станет заниматься только этим делом. Помощниками же к нему в НКВД Сталин планировал назначить Берия и Меркулова...

Чкалов стал объяснять, что стране в данный момент очень нужен совершенный истребитель и что таким самолетом может

стать поликарповский И-180, который лет на 5—6 вперед обеспечит нашу авиацию грозным оружием... Вот и попросил отец, чтобы дали ему возможность испытать эту машину. А уж после этого он согласится беспрекословно исполнить любое задание партии.

Сталин согласился не сразу, он понимал, что новый совершенный истребитель нашей авиации необходим. Поэтому поставил перед Чкаловым только одно условие: с сегодняшнего дня без его, Сталина, личного разрешения в воздух не подниматься. Расстались они на том, что вопрос о новом назначении окончательно будет решаться в конце декабря 1938 года, так как Чкалов был уверен, что к этому времени успеет испытать самолет...

Нового назначения не произошло. Неужели Валерию Павловичу все-таки удалось как-то убедить Сталина, что должность Наркома внутренних дел — не его стезя? Что-то не очень верится, чтобы могущественный генсек согласился менять свои решения. Думается, дело тут еще и в том, что прихода к власти, еще большего приближения к Сталину Валерия Павловича Чкалова не хотели многие — прежде всего среди приближенных Ежова, Берия да и самого генерального секретаря.

А действительно ли была у вождя тогда мысль назначить Валерию Чкалова Наркомом внутренних дел? Или, быть может, это была какая-то не понятная нам игра? Одна из тех страшных игр, которые не укладываются у меня в голове до сих пор и которыми так любил «забавляться» вождь?

Довольно интересную версию на этот счет выдвинул в своем романе «Отчаяние», заключительной части цикла романов «Экспансия», писатель Юлиан Семенов. Там по ходу действия Сталин раз-

говаривает с Берия по телефону. Тон конца разговора несколько смутил даже Берия. Далее приведу отрывок прямо по тексту:

«...Последние слова произнес тепло, мягко, как говорил с ним накануне расстрела Ежова, рассказывая со слезами на глазах, каких замечательных людей погубил этот «душегуб и алкоголик». Глядя на него, Берия испытывал ужас, ибо он-то знал одну из причин предстоящего устранения Ежова. Сталин был увлечен его женой — рыжеволосой, сероглазой Суламифью, но с вполне русским именем Женя. Она отвергла притязания Сталина бесстрашно и с достоинством, хотя Ежова не любила, домой приезжала поздно ночью, проводя все дни в редакции журнала, созданного еще Горьким, он ее к себе пригласил.

Сталин повел себя с ней круче — в отместку Женя стала ежедневно встречаться с Валерием Чкаловым; он, словно магнит, притягивал окружающих; дружили они открыто, на людях появлялись вместе. Через неделю после того, как это дошло до Сталина, знаменитый летчик разбился при загадочных обстоятельствах...»

Как видите, версия тоже весьма интересная. Но все же как-то не верится, чтобы «шерше ля фам» была единственной причиной, заставившей избавиться от Валерия Чкалова. Скорее всего, и я в этом уверен, это было лишь дополнением к другому, более важному, основному, если хотите, государственному преступлению.

Вернемся к логической последовательности событий... Во-первых, об обсуждении на Политбюро кандидатуры моего отца знали Берия и Ежов. Наверняка у Сталина с Берия был разговор еще раньше, коль он прочил его в замы к Чкалову. Берия прекрасно знал

и о том, какое влияние имел Чкалов на Сталина... Во-вторых, он отлично понимал и то, что, если ему все-таки удастся у Сталина заполучить пост Наркома внутренних дел, Чкалов будет не менее опасен для него в качестве Наркома транспорта.

...Но машина на уничтожение Чкалова была запущена давно и всерьез. Отступать было некуда.

Отец перед испытанием И-180, рассчитывая хорошо отдохнуть, поохотиться, поехал на Волгу. Взял с собой ружье с патронами. Вдруг в Горьком ему передают еще патроны, якобы специально для него изготовленные. Но воспользоваться таким «подарком» он не успел — отозвали из отпуска значительно раньше срока. Одну коробку этих патронов он и привез домой. (Ружье со второй коробкой оставил в Чкаловске.) А патроны оказались «с сюрпризом». Как-то Лев Александрович Фролищев, брат Владимира Александровича, мужа родной сестры Чкалова, захватил в Москву, направляясь в командировку в г. Боровск, и попросил патроны, чтобы сходить на охоту в выходной день.

Вернулся Лев Александрович через несколько дней и трясущимися руками выложил стреляные гильзы на стол.

— Что вы мне дали?!

Оказывается, увидев в щабобелу, он выстрелил. Осечка. Нажал второй курок. Снова осечка. С горечью опустил ружье. И вдруг... прогремели два выстрела подряд. Фролищев оторопел. Придя в себя, медленно перезарядил двустволку. Выстрелил в землю. Опять осечка... Легко догадаться, что охотник при осечках немедленно перезаряжает ружье (особенно если зверь рядом)... и поражает сам себя сразу двумя зарядами.

Мама тут же позвонила в прием-

ную Берия. Оттуда приехали и забрали «загадочные патроны», сказав, что доложат лично наркому и сообщат нам. До сих пор «сообщают»...

(Добавлю: спустя много лет пришел к Фролищевым помянуть Чкалова товарищ погибшего на фронте капитана Варенова полковник Дайшутов. Он-то и рассказал, что патроны эти были сделаны на Воробьевке. Так в Горьком зовут место, где располагалось областное управление НКВД. Как говорят, комментарии излишни!..)

Да, страшное было время! И сегодня, когда мы открыто заговорили об организованной преступности, поразившей все слои нашего общества, затронувшей и верхние эшелоны власти, невольно возникает вопрос: существовала ли тогда мафия? Бесспорно! Только была она более изощренной, скрытной, можно сказать, с дореволюционным стажем... Уверен, еще об очень многом мы не только не знаем, но даже и не догадываемся...

Однако не это цель нашего исследования. Мы занимаемся куда более локальным делом — выяснением причин гибели Валерия Павловича Чкалова. И поэтому невольно вспоминается фраза, которую произнес в день гибели Чкалова его друг, знаменитый летчик-«испанец» Анатолий Серов:

— Все-таки убили! Чует мое сердце, не обошлось здесь без германо-польской разведки!

Признаться, тогда мало кто придавал фразе этой особое значение. Попробуем теперь разобраться, могло ли такое произойти на самом деле.

Мы уже говорили, что поликарповский истребитель И-180 был машиной весьма перспективной. Именно он должен был прийти на смену уже начавшим морально устаревать И-15 и И-16. Но устраи-

вало ли это наших потенциальных противников? Конечно, нет! А раз так, то необходимо дискредитировать самолет еще до того, как он пойдет в серию. А если сделать это еще и «с помощью» такого прославленного летчика, как Валерий Чкалов, то в результатах дискредитации сомневаться не приходилось.

И, признаемся честно, цели своей эти неизвестные добились: И-180 в промышленную серию так и не пошел...

На чем строится подобная версия? Не только на фразе Анатолия Серова, хотя она и очень важна, но и на сопоставлении некоторых разрозненных фактов, да и на знании обстановки, сложившейся тогда в нашей стране. Скажем, удалось же фашистским спец-

службам сфабриковать документы, порочащие М. Тухачевского, и «подкинуть» их НКВД. К каким большим, развернутым репрессиям это привело — известно. Особенно остро их последствия ощущались в первый год Великой Отечественной войны.

Так что западные спецслужбы были способны на очень многое...

Узнаем ли мы когда-нибудь, кто же виновен в гибели Валерия Павловича Чкалова, кто был организатором всего того, о чем говорилось выше, — покажет время.

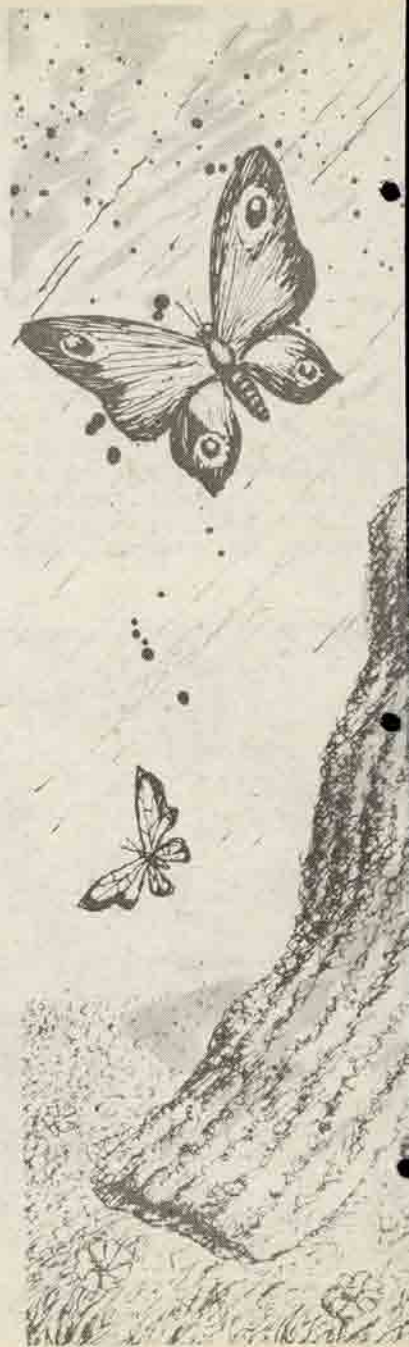
Главное нам уже удалось установить: авиакатастрофа на Ходынском поле в декабре тридцать восьмого не была случайной...

**Записал
ГЕННАДИЙ МАКСИМОВИЧ.**

ВИТАЛИЙ ЕРЕМИН

ИГРА В „УДАВОЧКУ“

В американской журналистике существует жанр «история дела». Отбывающие наказание заключенные — самостоятельно или с чьей-либо помощью — подробно описывают историю своей жизни. Подобные самоисследования составляют в США целую библиотеку и приносят читающим большую пользу. Одним, в основном подросткам и молодым людям, они помогают учиться на чужих ошибках и кого-то предостерегают от рокового шага. Другим, криминологам и сотрудникам правоохраны, помогают еще глубже погружаться в психологию человека, преступившего закон. Возможность выступить с печатной исповедью означает, что общество не поставило на этих людях крест. Именно так — как попытку внедрения и у нас жанра «истории дела» — я предлагаю читателю рассматривать этот материал.

Среди сотен сморщенных, плоских, желтых от курева, отсидевших немыслимые сроки особо опасных рецидивисток Ира Галушкина выглядела ребенком в доме престарелых.

В свои двадцать два года она уже отбыла в колонии шесть лет. За этот срок неволя успевает наложить свою страшную печать. Но Ира, если ее переодеть во все вольное и немного подкормить, выглядела бы, пожалуй, моложе своих сверстниц. Рост у нее 150 сантиметров, вес 44 килограмма. На щеках — румянец. Откуда он? Иру перевели сюда, в строгорегимную колонию, не потому, что она признана особо опасной рецидивисткой. Здесь размещен тубонар, или «всесоюзная здравница», — лучшая в стране туберкулезная больница для заключенных женщин.

Однажды вечером, когда мы с начальником колонии выходили за ворота, я обратил внимание на странный туман, стелившийся над землей. «Это не туман, — сказал начальник. — Это слой азота. Соседний комбинат сделал вечерний выброс».

Как же эта маленькая, тяжелобольная, с невинным, почти ангельским выражением глаз девчонка могла совершить в подростковой колонии покушение на убийство?

—...Жила в городе Чусовом Пермской области. Занималась санным спортом. Тренировки, частые поездки на соревнования. Школа отодвинулась на второй план. Стала ходить на дискотеку. Познакомилась с парнями, которые были судимы. Стали выпивать. Понадобились деньги. Брать у родителей было стыдно. Куда проще украсть где-нибудь на работе. Понимала, что мама работа-

ет, папа работает. Кормят меня, одевают, обувают, ни в чем не отказывают. Ну как можно дома воровать?

Вначале я воровала в магазинах, потом страшно стало. Вдруг поймают, и я буду опозорена. Что заставило воровать? Я же говорила, что выпивать стала и познакомилась с парнями старше меня. Они угощали спиртным. Вот и мне хотелось показать, что у меня тоже водятся деньги.

Однажды в дискотеке была, как обычно, пьяная. Кто-то кого-то толкнул. Все смешалось. Началась драка. Виноват — не виноват, милиция не разбирается. Выпившая, да еще малолетка — давай в машину! Первый раз продержали недолго. Приехал отец и забрал меня. Мы договорились, что он не будет меня бить, а я не буду выпивать. Сначала отец сдерживал свое слово, а потом...

До суда меня оставили на свободе, взяв подписку о невыезде. Но я сбежала в другой город. Мне было страшно сидеть в тюрьму. Этим побегом я только хуже сделала. Моим подельщицам, которые не стали сбегать, дали условно. А мне — полтора года общего режима.

В колонии мне выдали сарафан, платок, длинную телогрейку, ну и, конечно, кирзовые сапоги на три размера больше. Всё — черного цвета. За одну минуту я превратилась в чучело.

Надоело! Надоело писать о том, что уголовное наказание не должно сопровождаться унижением, в том числе унижением одеждой. Человек, ставший страшным внешне, не может становиться красивым внутренне. Женщины — еще ладно, но девчонки! Во время частых обысков больше всего они боятся, что у них отнимут маленький осколок зеркала...

Еще страшнее то, что в первые

же дни новичков обкрадывают, подбрасывая вместо новой страшной одежды и обуви еще более страшную старую. И новичок не знает, что делать с обносками. Возмущаться, протестовать — бесполезно. Жаловаться воспитательнице — значит навлечь на себя обвинение в стукачестве.

— Нарушители режима, конечно, не украдут. Отнять могут. Украсть — никогда. А «активисты» — запросто. Была у нас такая Червякова. Однажды у нее в тумбочке нашли много ворованных вещей. И это был не единственный случай.

Новичка пытаются при первой возможности опозорить. В особенности если девчонка не приучена следить за собой. Малейший непорядок — и могут надеть плавки на голову. Ну а потом могут запросто побить, в лицо плюнуть. Это называется «долбить». Долбят обычно активисты. А нарушители обычно «подписываются». То есть поддерживают.

Исправление — это обламывание. Вся жизнь в колонии построена на том, чтобы девчонка перестала быть такой, какая она есть на самом деле, и стала такой, какой ее хочет видеть окружение. Сначала мне от этого было жутко плохо. Мне и срок мой вначале казался страшно большим. А потом началась зоновская болезнь. Что это такое? Когда о свободе забываешь. Будто ее вообще нет. Становишься постоянно злой.

А если бы попыталась держаться сама по себе, не примыкая ни к нарушителям, ни к активистам, тогда меня гнули бы и те, и другие. Поначалу так и было, когда я решила соблюдать нейтралитет. Сапоги плохо почистила — скандал. Пуговица оторвана или плохо пришита — скандал. Бирка с фамилией неровно пришита — скандал.

«Тройка» по математике — скандал.

Для независимости нужно иметь авторитет. И у «нарушителей», и у «активистов». Должен быть свой голос. Этого можно добиться в основном с помощью силы характера и кулаков. Если чего-то одного у тебя нет — ты пропала. Даже физически крепкие девчонки бессильны против толпы.

Есть еще один способ. Это показать, что можешь что-то достать. Еду, например. И в особенности курево. Там, на зоне, надо уметь крутиться. То есть уметь выжить.

«Активисты» — такие же нарушители, только прикрываются красной повязкой, а администрация делает вид, что не замечает, как они крутятся. Некоторым своим приближенным администрация сама потихоньку приносит продукты и даже сигареты, которые строго запрещены. «Активисты» стараются ради условно-досрочного освобождения. Но освобождение светит через год или два, а может быть, и позже. А кушать и курить хочется каждый день.

«Активисты» и «нарушители» вроде бы должны враждовать. Все-таки одни поддерживают порядок и режим, а другие нарушают. Но это не так. «Активисты» и «нарушители» дружат. Прежде всего потому, что «нарушители» нужны «активистам». Когда нужно кого-то уговорить, обломать, обращаются к ним. Сами справиться не могут, вот и говорят: дай тому-то по шарабану, а я потом с тобой рассчитаюсь. «Нарушитель» приводит наказание в исполнение и идет в ДИЗО — дисциплинарный изолятор. А когда выходит, «активисты» дают ему курево или еще чего-нибудь. Потому и боятся «активистов», что у каждого за спиной — «нарушитель». «Нарушители» — это сила. На них держится порядок в колонии.

А еще бывает, вызывает какая-нибудь воспитательница яркого «нарушителя» и предлагает условно-досрочное освобождение, если он вступит в «актив». Из «нарушителя», как правило, получается неплохой «активист». Ведь он может запросто избить. Его боятся. А если боятся, значит, будет порядок. Воспитателям больше ничего и не надо. Чем можно держать девчонок в узде? Только страхом. Вот их и держат.

В колонии было примерно половина «активистов», процентов двадцать — тридцать — «нарушителей». Остальные — «машки», «чушки», «задрочки». «Задрочки» — это... ну, как вам сказать?.. Вот был случай. Одна девчонка, Марина, кого-то заложил. Выдала. То ли специально, то ли нечаянно, точно не помню. Ее избили толпой, одели в рваную одежду и объявили «задрочкой». «Задрочки» ходят во всем драном. Не имеют никакого голоса. Их не видно и не слышно.

«Машки» — это те, кто не следит за собой. Но чаще всего они в этом не виноваты. У многих просто нет возможности достать хотя бы мыло. Мыло дают всем поровну, но те, кто сильнее, отбирают. «Машки» бывают физически не слабые, но против толпы ничего не сделаешь.

«Чушки» — это те же «машки», только еще ниже. Они могут лечь где попало, в помойке ковыряться. Была у нас Неля Сазонова. У нее нашли в тумбочке грязные плавки, избили, надели плавки на голову и выгнали на улицу. Однажды на поверке ее не оказалось в строю. Вдруг видим, она выходит с помойки. Она там что-то делала и уснула. После этого ее объявили «чушкой».

Знает ли администрация о таких методах воздействия, как надевание плавков на голову? Конечно! Но никак не реагирует. Считает,

наверное, что это хороший способ воспитания аккуратности и чистоплотности. Опять-таки — воздействие страхом. По себе знаю: я страшно боялась, как бы у меня что-нибудь было не в порядке. Страшно тем, что «машки» между собой не объединяются. Каждая живет сама по себе. «Машки», «чушки», «задрочки» — это ведь бессрочное наказание. Поэтому из-за страха оказаться среди них готова была присоединиться к кому угодно...

Личное время нам давали — час в сутки. Все старались помыть-ся или написать письмо домой. А другого свободного времени у нас не было. Точнее, оно было. Но нам его заполняли. Каждый день мы два часа занимались строевой подготовкой. Да еще с песнями.

Пели «Дан приказ ему на запад», «Идет солдат по городу», «Миллион алых роз»... А если отделение занимает последнее место по разным показателям или нарушений много, то уже не два, а четыре часа надо маршировать.

...В зону въезжает грузовая машина. Шофера отвлекли. Или он куда-нибудь ушел. Открываешь крышку бензобака. Макнешь туда тряпочку и нюхаешь. Сразу как даст в голову! Ничего не замечаешь. Только потом голова сильно болит. Этим занимались даже «активистки». Мы закрывались в раздевалке, ставили чашку с краской ацетоновой. Лежим, нюхаем и курим. Начальница отряда, естественно, разгоняла. Выкидывала краску. Но это не прекращалось. Порой даже так было. Лежим ночью, и у многих под носом тряпка с краской или бензином. Нюхаем и балдеем.

Есть и другие способы побалдеть. Берем полотенце и перетягиваем друг другу по очереди шею. Отключаешься на какое-то время,

будто куда-то проваливаешься. У некоторых руки и ноги дергаются. Сначала я этой игры боялась. Одной девчонке так перекрыли кислород, что еле откачали. Но потом я решилась. Мне нужно было показать, что я не боюсь. Ты над кем-то смеешься, почему другие не могут посмеяться над тобой? Так обычно все рассуждают. После того как мне перетянули шею, я танцевала что-то под радио. И мне понравилось, что все смеются, все довольны, что я своя в доску. Игра называется «удавочка»...

Наколки и нарезки — это, между прочим, тоже балдеж, тоже времяпрепровождение. Ну и самоутверждение, конечно. Показываешь, что не боишься боли. Что ты «kozyрная» — своя в доску. И тебя за это начинают уважать. Наколки и нарезки, или, как мы говорим, «портачки» — это что-то вроде эпидемии. На свободе на пляж уже не сходишь. Перед детьми будет стыдно.

Даже на лбу, возле кромки волос у нее были наколоты три буквы: НЕЖ. Потом я узнал, что НЕЖ означает «надоела разэтакая жизнь». СЛОН — столько лет одно несчастье. БОСС — была осуждена советским судом. ЯПОНИЯ — я прощу обман, но не измену, ясно? ВЛКСМ — возьми лопату и копай себе могилу. ТУАЛЕТ — ты ушел, а любовь еще тлеет. ЗЛО — за все легавым отомщу. ГИТЛЕР — где искать тебя, любимый мой, если разлучат? У многих, прошедших малолетку, почему-то наколоты женские имена...

— Это имена страдалок — влюблешек. Когда я приехала в колонию, то сразу поняла, что дружба у девчонок нездоровая. Мне стали писать «ксивы» (записки), загоняли «тмон» (сокращенно, «ты мне очень нравишься»).

Сначала было дико. Я просто рвала «ксивы», а потом, когда встретила девчонку, которая мне писала «тмон», то не могла смотреть ей в глаза. А потом смирилась. Вижу, все страдают. Девчоночью дружбу в колонии так и называют: «влюблешки», «страдалки».

В чем это заключается? Ходить вместе в кино, писать друг другу «ксивы» о любви, целоваться по углам. Я была на двух «малолетках». В Рязани и Томске. В Рязани это не так распространено, а в Томске — зачастую. «Пацаны» (девчонки, которые исполняют роль парней) стараются изменить походу, делают мужскую стрижку. «Пацаны» носят красные гребешки, а «девочки» бантики завязывают. Та, которая «страдает», обязательно носит бирочку (нагрудную нашивку с фамилией) своей «страдалки». И поэтому сразу видно, кто с кем «страдает».

А где любовь, там и измена... Это особенно проявляется на танцах. Если две «страдалки» «в драме» (в ссоре), то одна назло другой приглашает какую-нибудь другую девчонку. А у той — своя «влюблешка-страдалка»... Получаются два конфликта сразу. Из-за этого на танцах постоянные драки. Но воспитатели смотрят на это сквозь пальцы. Тут ничего не изменишь...

Неволя — в классическом и гуманном толковании — это уединение, самоуглубление, напряженная работа души. Если этого нет, то как можно ожидать, что человек станет другим и больше не совершит преступления? Вот почему я допытывался, много ли у девчонок в колонии свободного времени, как они это время проводят и имеют ли хоть какую-то возможность заниматься своим внутренним миром.

Свободное время, как выясни-

лось, если и есть, то проводят его девчонки либо в стровых и других тошнотворных занятиях, либо в балдеже и жестоких играх, либо в противоестественных однополюх связях. А побыть в одиночестве можно разве что на помойке, как та Марина, о которой упоминала Ира. В неволе, как и на воле, девочку-правонарушителя продолжает окружать компания, или, как говорят там, «толпа».

— В «толпе» может быть десять — пятнадцать человек. А бывает и два. Два — тоже «толпа».

На «малолетке» строжайше запрещено курение. Нам говорили: вам нельзя, вы — будущие мамы. Достать сигареты очень трудно. Еще труднее курить в одиночку. Сразу сдадут воспитательнице. (Воспитатели поощряют доноительство: иначе им не уследить за каждой.) Как же: куришь и ни с кем не делишься! Так вот, «толпа» — это группа девчонок, которые вместе добывают курево и вместе курят. Сигарета идет по кругу. Каждая делает одну, две или три затяжки. Смотря по тому, сколько в «толпе» сигарет и девчонок. Если девчонка из одной «толпы» поругалась с девчонкой из другой, то чаще всего одна «толпа» идет на другую. Ну, а групповую драку легче засечь. Много шума, и телесные повреждения более тяжкие. Больше наказанных дисциплинарным изолятором. Больше вражды. Нет в колонии ни одной «толпы», которая не враждовала бы с какой-нибудь другой. Даже если ты не хочешь драться, будешь. Иначе тебе твоя «толпа» не простит.

Что в колонии — особенно в первые месяцы — больше всего меня поразило? Не поразило, а убило. Девчонки из одной «толпы» изнасиловали девчонку из другой. Футляром от зубной щет-

ки. А она была девственница... В 1982 году, рассказывали, другую девчонку изнасиловали в карантине. Человек семь набросились и заставили лизать... Когда я стала понемногу привыкать к тому, что девчонки занимаются гомосексом (я имею в виду добровольное занятие), пришлось еще раз удивиться. Одна из девчонок — ее звали Таня — как-то мне говорит: «Ирка, хочешь я посажу вон ту на лесбие?» Я говорю: «Она нормальная девка, хочет на свободе жить, вся не из этой жизни. Она не «подпишется» (то есть не согласится) на это». «Увидишь», — сказала Таня. И как-то ночью вижу такую картину. Танька лежит, тащится, а та, другая, у нее в ногах пристроилась. Я Таньку спрашиваю: «Как ты добилась?» Она сказала: «Врезала ей пару раз, и все».

Эта девчонка была у Таньки в полном распоряжении. И «исполняла», и обстирывала ее. Но и Танька тоже делала для нее все: продукты доставала, курицу, защищала, если кто-нибудь хотел обидеть.

А в 1985 году, говорят, был другой случай. Одна слишком ставила из себя грозного «верха». Ну, как эта Танька, заставляла «исполнять». На нее набросились хором, заталкивали футляр от зубной щетки, крапиву, наждачку...

Куда смотрят воспитатели? В общем-то они желают нам хорошего, но какие-то не такие пути для этого выбирают. Они там все законники. Воспитывают так, как велят им бумаги. А как подойти по-людски, не понимают. Ну, например. Как только приходишь в колонию, тебе говорят, что отныне тебя будут называть воспитанницей. Но стоит только сделать нарушение, сразу начинают называть «осужденная такая-то». Как будто это на кого-то может повли-

ять в лучшую сторону. Наоборот, только самолюбие задевают. После этого неохота к ним идти, даже если очень трудно. Могут обозвать ублюдками, сволочами. Но это никого не трогает. В школе учителя еще не так обзывали. Все уже привыкли к хамскому обращению и другого языка не понимают.

...«Активисты», бывает, нанимают «нарушителей», чтобы те кого-нибудь избили. Сами иногда делать это боятся. Одни воспитатели могут за это наказывать, а другие... Воспитательница первого отряда сама давала указания «активистам», чтобы они принимали меры. И «активисты» били «нарушителей» прямо у нее в кабинете. А по ночам устраивали «темную». Одевало на голову и — кирзачами. Одну девчонку избили до такой степени, что ее положили в санчасть.

Была у этой воспитательницы в подручных девушка Ира. Мужеподобная такая, за «пацана» шла. Они закрывались в кабинете... После этих «совещаний» у Иры появлялись конфеты и сигареты. О том, чем они занимались, Ира делилась с подружкой. Так что об этом знали все. Еще был случай: мастер пошивочного производства сожительствовала с воспитанницей. Это, может быть, редко бывает. Но когда знаешь об этом, то на каждую воспитательницу смотришь с сомнением: вдруг и она такая?

Правда, начальница отряда Легкодубова, например, любимчиков себе не выбирала. Для нее все были одинаковы. Или воспитательница 15-го отряда. Она для девчонок как мать была. Помогала наладить отношения с родными. Ведь от многих родители отказываются или редко пишут, еще реже приезжают. Девчонки очень уважали дежурных помощников начальника колонии Белкина

и Бондаренко. Другие на их месте знают одну меру наказания — дисциплинарный изолятор. А эти каждый день проводили беседы. Еще один начальник, он из смены Бондаренко, фамилии не помню, звали его Виктор Ильич, помог одной девчонке прописаться в Рязани.

Раз в год проводится родительский день. Готовятся к нему долго. Объявляются дни вежливости. Заматеришься — баллы с отряда снимут. И не матерились. Только не из-за страха. Ведь это никого не красит. Ну, представьте: мама идет по зоне, а из окна общезития — трехэтажный...

Что бы я переделала на «малолетке», будь на то моя воля? Балловую систему! Каждый поступок имеет свое количество баллов, которые снимаются с отряда, если кто-то этот проступок совершит. Виноват один человек, а страдают все. Могут лишить всех отоварки в ларьке, кинофильма. Бьют по слабым местам. Лишают того, что особенно дорого. Каждое утро по отрядам проводятся самоотчеты. Все выстраиваются, воспитательница стоит в стороне, главная «активистка» называет нарушительницу, по чьей вине с отряда сняты баллы, и велит ей отчитаться. Почему да отчего допущено нарушение — это никого не колышет. Всех интересует, почему не отмазалась, почему не сделала так, чтобы с отряда не были сняты баллы. Начинают «парафинить» всем отрядом — всячески обзывать. Если это не первое нарушение, то могут избить, плюнуть в лицо. С этого момента называют «харчиной». От слова харкотина.

...Мне было плохо, плохо, плохо. Я не могла привыкнуть ко всему. После свободы колония казалась мне концом моей жизни. Тот срок, который мне дали, полтора года, сейчас мне кажется ма-

люським, а тогда... Я себя ненавидела. Мне хотелось свести с собой счеты. Я слышала, что если влажное полотенце обмотать вокруг горла и уснуть, то можно не проснуться, потому что полотенце высыхает и сдавливает горло. Я попробовала, но у меня ничего не вышло. Я проснулась. Вскрыть себе вены боялась. Ну а как еще можно убить себя, когда вокруг все двадцать четыре часа люди? Ведь не дадут умереть! Я все равно «вскрылась» бы. Единственное, что меня оставляло, — это письма от мамы. Сяду в уголок, читаю и плачу, читаю и плачу...

Людке Воропаевой тоже было очень плохо. Как-то мы остались наедине, и я говорю: давай что-нибудь натворим, чтобы отправили в другую колонию. Дура была такая. Мне казалось, что где-то может быть лучше. Будто все «малолетки» не похожи одна на другую, как близнецы. Людка говорит: а что можно натворить? Я говорю: давай раздеремся с кем-нибудь или просто кого-то убьем. И тут эта Жанна Казанцева!.. Она была яркой «активисткой». Засекла нас с куревом и пригрозила, что доложит. Не знаю, что на меня нашло, но я не скрываю. Да, я предложила убить ее. Конечно, было страшно, но отказаться от своего намерения мы не могли. Боялись взглянуть в глаза друг друга балаболками. «Малолетка» есть «малолетка». Если ты сказал слово, то должен или сдержать его или за него ответить. Казанцева боялась, что я могу с нее спросить. А я боялась, что Воропаева с меня спросит.

Мы оказались втроем в небольшой комнатке, где шел ремонт. Людка принесла ремешок от швейной машинки. А я предложила играть в «удавочку». Жанна согласилась. Мы затанули ей ремень.

она закрыла глаза и сползла по стенке на пол. Если бы меня в тот момент кто-нибудь остановил, я бы очнулась. А тогда я полностью потеряла рассудок. Наверное, со стороны выглядела ненормальной. Какой-то садизм появился. Но когда увидела, что Жанна лежит, я пришла в себя и испугалась. Людка осталась, а я побежала к дежурному помощнику начальника колонии. Говорю: «Я убила девчонку, идите скорей, ну, идите же!» Он не верил и в то же время испугался. А меня всю трясло.

Жанну принесли в санчасть, откачали, а меня с Людкой посадили в изолятор. Пришел тот дежурный, хотел ударить, но я пригнулась, и удара не получилось. Потом пришел следователь и сказал, что заведено дело.

После обследования в психбольнице на меня надели наручники. Две руки в один наручник. На мои руки хватило одного.

Казанцева вроде бы отказывалась возбуждать уголовное дело, но ее никто не слушал. Судили нас показательным судом. У других вырабатывали страх. Драк на зоне хватало, но такого, видно, давно не было. Суд проходил прямо на зоне. За пять минут до суда появился адвокат. Но и он потом куда-то ушел. Он не был заинтересован нас защищать. А сама объяснить, что со мной было, я не могла. Да и кому это было нужно? Я вообще была пассивной к тому, что еще живу. Я видела кругом злые лица. Все говорили, что нас расстрелять мало. Мать Жанны кричала: «Это уже не люди!» И прокурор, и судья — все были против нас. Прокурор запросил по восемь лет, и столько же дали. Ну и добавили неотсуженные сроки. В принципе правильно дали — ведь могли и не откатать. Жанна на следующий день освободилась

по амнистии, а нас повезли в другую колонию.

И я поставила на себе крест. Перестала писать маме письма. Мама чуть не покончила жизнь самоубийством. Тут у меня еще больше пошли нарушения. Грубила администрации тюрьмы. Однажды вывели нас, четырех нарушителей, из камеры малолеток. Рассадили по разным боксикам. Смотрю, «мент» стоит с машинкой в руках. Стричь решили! Я начала сопротивляться. Я ведь только что помыла голову и надела венки из бумажных цветочков...

Мне надели наручники. Высоко, около локтей, за спиной. Было больно, но я боролась как могла. Орала: «При чем тут волосы!» От бессилия плюнула кому-то в лицо. Пришла женщина, принесла полотенце. Мне завязали рот, чтобы не плевалась, свалили на пол. Руки и ноги выкрутили. Остригли и снова надели ободок с цветочками. На голую голову. Я кричала, что писать буду. Мне говорят: «А что ты напишешь? Вот справочка, что у тебя вши!» Тогда я пообещала что-нибудь с собой сделать. Кричала, что «вскроюсь», но докажу, что в волосах ничего нет. Полчаса ждала, пока шмонали камеру, искали колюще-режущие предметы. Потом наручники сняли и закрыли. Девчонки тоже остригли. Они не сопротивлялись. Видели, что это бесполезно.

Как уйти от окружающего кошмара? Существуют три способа. Первый — «мостырка». Не случайно на «малолетках» сахар в чистом виде входит в число запрещенных продуктов. Сахарную пыль вдыхают, чтобы вызвать туберкулез. Кто знает, может быть, таким путем и заболела Ира... Но сама она отрицает. И в карточке у нее записано: инфицирована. Значит, заразилась от «мостырки».

Второй способ — «раскрутка».

Девчонка идет в оперчасть и заявляет, что на ее совести осталась, скажем, кража. Даже если нескладно придумано, ее этапируют в следственный изолятор, а там уж подсказут, научат. Мало ли у нас нераскрытых преступлений.

Третий способ — более страшная разновидность второго — найти «терпицу» (потерпевшую), разрядить на ней все свое отчаяние. Когда обесценено достоинство, обесценена и жизнь. Но убийство «терпил» случается не часто. Редко кто идет на это всерьез. Обесценено достоинство девочек-зэчек. Но не до конца обесценена жизнь в сознании многих из них.

Ира Галушкина набросилась на свою «терпицу». Но она же и спасла ее.

Через несколько месяцев они встретились в коридоре пересыльной тюрьмы, бывший «активист» Жанна Казанцева и бывший «нарушитель» Ира Галушкина.

Иру везли досиживать срок на взрослой зоне. Жанну — тоже в колонию. После освобождения она совершила несколько краж и получила четыре года.

— Она сама меня окликнула, значит, простила, — говорит Ира, — и я понимаю, что после этой встречи жить ей стало немножко легче...

А недавно я получил письмо от Иры. Вот оно (печатаю с ее согласия).

«...Мне осталось три с половиной. В последние годы я постоянно думаю о своей жизни и твердо решила: нет, нет и нет, ни за что я больше не вернусь сюда. За эти годы, проведенные здесь, я увидела и узнала все ужасы тюремной жизни. Но я верно, верю в нормальную человеческую жизнь, и она у меня будет. Я очень люблю своих родителей. Они приезжают ко мне, не пропуская ни одного

свидания. И я всегда с нетерпением жду их и живу ими. Мне очень жалко их, я знаю, что им тяжелее, чем мне. Я виновата, наказана за то, так мне и надо, а им-то за что страдать? И когда я буду с ними, хотя это не скоро, я уже никогда не предаю их. Я хочу жить так, как живут все простые советские люди на свободе, иметь свой дом, то есть свою семью, рано вставать, бежать на работу, воспитывать своих детей, чтобы они росли честными, а самое главное — добрыми людьми. Я считаю, что самое дорогое качество в человеке — это доброта. Ведь, попав сюда, я в первую очередь столкнулась с жестокостью, отчужденностью. Не хочу себя оправдывать, я себя не защищаю, но мне было 15 лет, характер не сформирован, многое недопонимала; не осознавала даже того, какими будут последствия. А рядом нет никого, кто бы поддержать мог в хорошую сторону, отвести от дурного. Да, я строго наказана законом, но в душе себя еще больше казнию, на моей совести лежит несмысливающееся пятно.

Здесь я заболела туберкулезом, эта тяжелая болезнь в местах лишения свободы практически неизлечима. Я стремлюсь на свободу, хочу быть здоровой, я молодая, хочу жить. Я буду помнить всю свою оставшуюся жизнь тюремные годы, чтобы никогда не вернуться сюда. И я уверена в себе, что не оступлюсь больше, знаю, что будет тяжело: жизнь — это борьба. И я буду бороться за себя, за своих детей, которые у меня будут, чтобы они росли добрыми, честными, справедливыми. Поверьте мне».

ЧИТАТЕЛЬ·«СМЕНА»·ЧИТАТЕЛЬ

- Г С кем пойти в разведку...
- Г «Вы, журналисты, развращаете молодых»
- Г Ученые в погонах армии не нужны?

Г Много лет выписывала «Смену», а в этом году как чувствовала — не хотела выписывать. Уже очень много вы стали писать пошлятины. Вроде бы вам хочется говорить на одном языке с молодежью, а на самом деле развращаете молодых — защищаете преступников, заключенных, проституток, ну и всякую другую чернь, как будто вся молодежь такая, как будто о чистом, возвышенном уже и писать не надо. Зря вы так. Очень много у нас чистой, хорошей молодежи, которая не впитала в себя мораль всяких развращенных ученых. Почему-то считается, если он доцент или профессор сексопатологии или еще какой-нибудь гадости, то все может выложить на страницах газет и журналов. В годы моей молодости тоже была всякая чернуха, но об этом газеты и журналы не кричали во всеуслышание. Люди были чище — никакого сравнения с нынешней молодежью, — и в наше время рождалось здоровое поколение. Да и девиц, парней легкого поведения не жаловали. Поэтому всяких извращений практически не было. Поверьте, молодежь хочет читать не только о постельных сценах, но и о чистоте души, морали, об экономике, политике,

о многом интересном, неизведанном, не познанном нами, людьми. А сексуальные сцены в кино, в витринах опостытели до отвращения. Исчезло самое главное, что тянуло молодежь друг к другу, — исчезла Тайна, та тайна, которую хотелось познать тому и другому полу. Поэтому молодежь сейчас и злая. Вы заметили, как сейчас к девочке, девушке, женщине относятся наши мальчики, парни, мужчины? А почему? Да потому, что то, что было тайным, стало явным. Мы, люди, не только любовь превратили в самое низкое, пошлое, но и святая святых — появление человека на свет — превратили в открытое разглядывание, опозили. Природа-мать все продумала до конца. Даже животные-самки стараются скрыться не только от самцов, но и от самок при рождении детенышей. А человек, разумное существо, выставил все это на весь экран видео и ТВ, кино, журналов, брошюр. Можно подумать, что раньше дети на свет не рождались. Рождались. Подальше от глаз мальчика, парня, мужчины. Сколько разводов, убийств, изнасилований после всех этих статей и фильмов! Кто-нибудь об этом задумывался?

Я всегда гордилась своей

страной, гордилась, что она по сравнению с другими чище морально. Гордилась! Я не имею в виду политические и экономические игры наших руководителей. Я говорю о морали, о чистой морали народа. Вот чем я гордилась! Теперь же рассказывают, как хорошо жить проституткам, сколько денег они получают. Зачем же нашим дочерям, женам быть морально чистыми? Ведь за это наши рыцари денег не платят. А парни? Кто этих девочек делает такими, уж если на то пошло? Кто их покупает, продает, бросает? Наши парни, мужчины. А ведь каждая девочка появляется на свет чистым созданием. Но не успеет она подрасти, как ее уже пытаются обозвать последними словами, испоганить, надругаться над ней и бросить на посмешище. Кто все это делает? Наши дорогие, сильные парни, мужчины, мальчишки. Раз об этом везде пишут, значит, все позволено...

Жаль, что женщин, будущих матерей, втоптали и продолжают втоптывать в грязь. А пресса нас не защищает.

Г. А. ПЛАТОНОВА,
Омск

Получил я второй номер вашего журнала и прочитал статью Виктора Малахова «Голыми руками». Все он написал правильно и о нашей милиции, и о ее оснащении. Но фраза о рабочих формированиях меня просто шокировала. Там написано, что и спросить с нас нельзя как со штатных сотрудников и что за 300 рублей никто из нас не прыгнет на нож. Это, простите, клевета.

Я состою в рабочем отряде содействия милиции с 1989 года. Не знаю, что за помощники

у милиции во Владимирской области, но зачем так писать обо всех?! Мы в Советском районе Краснодара работаем вместе с ротой милиции, и я не знаю ребят, которые струсили бы в трудную минуту. Мы бы пошли на нож и не за 300 рублей — многие из нас получают гораздо меньше. Но не в деньгах дело. Да, нас плохо готовили, мы пришли дилетантами. Но, проработав уже почти год, мы себя считаем такими же работниками милиции, как и «штатники». Обидно читать такие высказывания. Наши ребята задерживают и угонщиков, и насильников, и воров. С такими ребятами я бы не только в разведку пошел...

О. В. КОРНЕЙКО,
сотрудник РОСМ,
Краснодар

Хотел бы поделиться своим мнением о статье «Броня крепка?», опубликованной в прошлом году в «Смене», в № 18. Я не служу в армии, но по роду своей работы постоянно контактирую с одной из военных научных организаций. Думаю, что я достаточно хорошо знаю состояние дел в армии, и считаю, что проблемы военной службы вы осветили правильно.

Наши высокие военные руководители не только не просчитывали как следует экономическую и военно-техническую выгоду перехода к профессиональной армии, но, к сожалению, негативно относятся и к собственным профессионалам.

Во всех странах мира военный служащий-специалист, тем более имеющий ученую степень или ученое звание, — весьма уважаемый человек. Для его работы создаются хорошие условия, и это себя оправдывает.

Например, в Научно-техническом центре ВВС США, занимающемся исследованием причин летных происшествий, ученым существенно увеличен разрешенный срок службы и создаются условия, способствующие тому, чтобы специалист сам стремился служить как можно дольше. Ведь специалистов такого профиля высшие учебные заведения не готовят (кстати, в нашей стране — тоже), и их научная квалификация в основном определяется опытом практической работы. Аналогичное бережное отношение к специалистам наблюдается также в Военной аэрокосмической лаборатории Нидерландов.

У нас же военные научные организации ставятся на уровень полевых частей. Им ежегодно задаются высокие жесткие проценты сокращения личного состава, не глядя на ученые степени и звания специалистов, без учета специфики этих организаций и их роли в современной жизни Вооруженных Сил. В результате этого увольняют опытных научных сотрудников, которые могли бы еще эффективно служить, принося большую экономическую пользу военному ведомству. В гражданских отраслях народного хозяйства такие специалисты не нужны, поэтому их сокращение является чистой потерей, распылением научно-технического потенциала страны. При этом сокращают и тех, кто не дослужил 1—2 года до предельного срока службы (25 лет), который дает ощутимые льготы по пенсиям, медицинскому и транспортному обслуживанию, — несмотря на то, что министром обороны и начальником Генерального штаба не раз в га-

зетах провозглашалось, что каждому офицеру обязательно предоставят возможность дослужить до максимальной пенсии.

Думается, здесь военное ведомство действует не лучшим образом. Конечно, армию и расходы на нее сокращать надо. Но сокращать следует прежде всего строевые части. В научных же организациях нужно максимально сохранять научный потенциал. Во-первых, нужно разрешить, как было обещано, дослужить до максимальной пенсии всем, кто по состоянию здоровья годен к этому и желает служить дальше. Во-вторых, учитывая современный этап жизни нашей страны, одним из признаков которого является конверсия, необходимо разрешить военным научным организациям проводить часть исследований в интересах гражданских организаций и ведомств. Кстати, Научно-технический центр ВВС США за счет таких работ в значительной мере окупает свое содержание. Для этого он имеет даже излишки научных кадров и лабораторных площадей.

Разбазаривание наших военных научных кадров, на подготовку которых ушли многие годы и потрачены огромные средства, сейчас ничего, кроме недоумения и раздражения, не вызывает.

В. П. СОЛОВЬЕВ,
инженер,
Лыткарино Московской области

Спасённые камни

ЛЮДМИЛА ПУТОВА
ТАТЬЯНА ЗДОРИК

Весной этого года в Москве в выставочном зале Общества охраны природы прошла первая выставка «Спасённые камни». Организовал ее Межреспубликанский центр любителей камня. Задача Центра — создание постоянной экспозиции, народного музея, в котором будут демонстрироваться минералы, цветные камни и изделия из них.

На выставке представлены образцы, собранные в отвалах место-

рождений, извлеченные буквально из-под гусениц бульдозера, найденные на пляжах гальки.

Угадать, раскрыть «лицо» камня, найти его возможное сочетание с металлом — в ювелирных украшениях, с другими камнями — в мозаике или в каком-то, казалось бы, обыденном предмете — лампе, вазе, шкатулке — в этом талант художника, который дополняет, домысливает созданное природой.

Е. ЯХИН. Лесная нимфа.

Б. СКУБЕНКО. Девушка с розой.

В. ЛИТВИНОВ. Путник.

Б. СКУБЕНКО. Кофейниця.

В. ЛИТВИНОВ. Перекат.

Б. АСМАЧКИН. Райское дерево.

Из коллекции Н. КНЯЗЕВОЙ. Пейзаж.

Хорошо известны москвичам каменные миниатюры-пейзажи Н. В. Князевой, А. Н. Коробкова, А. А. Митрошина: мрачно-багряный закат (яшма) и удивительно нежный розовый восход (агат), скала с одинокой сосной у обрыва (яшмоид)...

А вот светлый лик мадонны, глядящий из овальной рамы,— это кремль, попавший в нее прямо с отвалов Дмитровского карьера (авторы Д. Я. Гросман и М. Е. Березовский).

Художник А. С. Верховский работает с морской и речной галькой. Он раскладывает разноцветные гальки так, что создается эффект необыкновенно живых и мягких по цвету «полотен». Например, портреты внуков художника и академика В. И. Вернадского.

Среди образцов минералов и художественных изделий на выставке представлен возрожденный жанр миниатюрной каменной пластики.

Пеликан из малиново-розового, словно светящегося родонита; нежная тропическая рыбка из топаза; крошка-тигренок из оникса с зелеными хризолитовыми глазами — работы Е. А. Яхина. Нельзя без улыбки смотреть на фигурку очаровательного, светящегося мягким юмором зеленого «динозаврика» А. В. Ступаченко, а рядом — изящная муха-кулон из мамонтовой кости, под стать прекрасным изделиям прославленных китайских и индийских мастеров.

В композиции «Земляничка» Н. А. Симонова — букетик рдеющих яшмовых ягодок и белых маленьких цветов из кахолонга с сочными зелеными листьями из нефрита.

В. Г. Болкунов — мастер крупных камнерезных изделий. В его

настойной лампе фиолетовый флюорит, зеленый нефрит, янтарно-желтый кальцитовый оникс, светло-дымчатый льдистый кварц.

Самобытны работы В. Ю. Рябцева. Крупные шкатулки — кварцевые жеоды, распиленные пополам и затейливо обрамленные металлом. Вот открывается шкатулка-ларец, и перед удивленным зрителем возникают таинственно поблескивающие «щетки» кристаллов горного хрусталя или мориона, выстилающие стенки, как волшебный ковер.

К нетрадиционным сочетаниям материалов в произведениях прикладного искусства следует отнести дерево и камень, которые удалось соединить в своих работах художнику-любителю Л. Н. Гуцину — в шкатулках «Хаджи Мурат», «Лето» и деревянной скульптуре «Черная скала». Здесь разные сорта дерева (липа, белая акация, кипарис), камень (нефрит, кахолонг, гранат) и металл в мелких деталях (рукоятка кинжала, замочек-подкова, головка бабочки) органично сочетаются друг с другом.

Есть еще один вид общения с камнем, может быть, самый благодатный: увидеть красоту в необработанном камне — в природных кристаллах, в их симметрии, в многоцветье, в их неразрывной близости к природе, к человеку. Как говорил академик А. Ферсман, камень — это «кусочек окружающей природы, тысячами нитей влияющий на человека, на его психологию, думы и творчество».

ЛЕОНИД ЖУХОВИЦКИЙ

ПЯГУШКА
В С М Е Т А Н Е

удильник. Душ. Зеркало.

Зеркало заглублено в стену, элегантно вписано в голубой кафель. Но — и это главное — оно большое, рабочее. И в зеркальной мастерской, и с плиточниками Алевтина договаривалась сама и сама следила за установкой. Оно и замышлялось как ее зеркало, рабочее зеркало. А в спальне висело еще одно. Два рабочих зеркала в квартире — это был вызов судьбе, наглый символ уверенности в успехе — чуть-чуть — кнут самой себе. Шевелись, Щипцова, шевелись, твой рабочий день с утра до ночи, лентяйки не танцуют Жизель... Когда это было? Давненько, тому лет пятнадцать, наверное...

После грубого полотенца тело порозовело, по коже расхлослось тепло. Хорошая кожа. И вполне приемлемое тело, возраст почти не ощутим. Грудь могла бы быть покрепче, да. Но — что делать. В ту давнюю пору, еще до зеркал и вообще до квартиры, ей говорили, да и сама знала: или девственная грудь или ребенок. Тут уж выбирать. Могла бы быть покрепче. Зато Варька на втором курсе.

На лицо Алевтина взглянула бегло, не оценивая. Здесь все ясно, лицо надо делать. Зато ноги — без вопросов, бедра словно художник по благу нарисовал. В сорок один год. Так что не гневи Бога, Щипцова.

Алевтина не любовалась собой, эта дурь истаяла еще в начале балетной карьеры — она просто смотрела на себя требовательным и жестким взглядом профессионалки. Надо же знать, чем располагаешь.

Особенно сегодня.

В наполных часах (память об интеллигентной бабуле) скрипнула стрелка. Девять, можно звонить. И нужно, а то еще уйдет, он ведь жаворонок. По крайней мере когда-то был.

Телефон она узнала накануне, вечером, однако долго колебалась и позвонила поздно: голос был его, но хмурый и словно бы сонный. Она повесила трубку.

Вот и теперь подошел он.

— Будьте любезны Анатолия Юрьевича. — вежливо произнесла Алевтина, хотя вполне имела право на иное обращение и иной тон. Но она заранее решила держаться предельно скромно. Большой человек, лауреат, пьесы в ста театрах. Так что степень фамильярности пусть устанавливает сам.

В свое время их связал стремительный, красивый роман — но когда это было...

— Это я.

В голосе некоторый интерес, но Алевтина не стала обольщаться: он ее не узнал, скорее обычная реакция на женский голос.

— Анатолий Юрьевич, это Щипцова... если еще не забыли...

— Алка?!

— Алка, — подтвердила она радостно и благодарно. Это имя было как пароль: все близкие с детства звали ее Тинной, и лишь для него она была Алка.

— Какого черта ты столько лет...

— А ты?

— Я лауреат,— сказал он,— а ты кто?.. Ладно, короче, когда увидимся?

— Я как раз хотела...

— Ты как живешь-то? Муж тот же?

— Сейчас одна.

— Так, погоди... Сейчас девять? Давай в полчетвертого ко мне.

— А ты не мог бы...— неуверенно начала она. Не хотелось являться просительницей.

— Ладно, тогда я у тебя в четыре. Так...— Он помедлил немного, после чего без ошибки назвал ее адрес.

Свободна ли она в четыре, он не спросил: как и в дни былые, не то чтобы не считался с ней — просто привык отсчитывать мир от себя. И Алевтина, даже не прикинув в уме, свободна ли в четыре, сказала, что ждет: еще в ту давнюю пору она тоже привыкла отсчитывать мир от него.

К тому же не она ему нужна, а он ей. Позарез нужен.

Между тем еще полгода назад окольно узнавать изменившийся телефон и проситься на прием к бывшему любовнику ей и в голову не пришло бы. Она жила совсем неплохо, существенных претензий к судьбе не имела — короче, и человеческой своей участью, и женской была довольна. Муж есть, дочка есть, квартира есть, занятие есть, деньги есть, моложава, одета, смотрится, звоночки старости пока еле слышны вдали — чего еще требовать в сорок лет? Конечно, кому-то повезло больше, но надо же и совесть знать.

Предложи ей тогда кто-нибудь поменять судьбу на другую, она бы очень и очень подумала.

Теперь же ее согласия никто не спрашивал. Земля разверзлась, все ухнуло в черную дыру, жить предстояло сначала. С нуля. В те же самые сорок лет.

С детства Тина даже не мечтала, а знала, что будет балериной, иные планы и не строились. Сперва ее водили в кружок при клубе, потом в народный театр, потом в училище — впрочем, в училище ездила уже сама, подросла. Родители, обычные советские служащие, спали и презили увидеть дочку на большой сцене в пышной пачке на цыпочках — особенно мать. Отец ворчал и пошучивал, но на все детские концерты ходил.

В кружке она была лучшей, в народном театре тоже превосходила всех сверстниц, кроме одной. Но уже в училище оказалось, что сильных девочек на курсе никак не меньше пяти, а среди старших есть вообще такие... Началась гонка дарований, Алевтина старалась не отстать, честно сидела на капустке, из зала с зеркалом во всю стену уходила мокрая. Не ее вина, что кому-то из девочек природа выдала ноги подлинней, бедра поуже и спину погиче.

Кончила она все же среди первых и распределилась удачно: не в самый главный театр, но тоже в знаменитый, где перспективы оказались даже радужней, потому что балеты ставились чаще и не все партии делились между сверхзаслуженными старухами. Почти сразу ей дали эпизод, через год еще один...

Неизвестно, как бы все сложилось, если бы не завертела личная жизнь.

Долгий и ровный роман с бывшим однокурсником к тому времени иссяк, а дальше пошла полоса невезения. Тогда она была глупа и неумела, в мужчинах не разбиралась и не могла понять, почему в постели им не хватало того, чем вполне довольствовался ее первый кавалер. В результате ее несколько раз бросали, причем однажды так болезненно и унизительно, что она, обрыдавшись растерянными, злыми слезами, решила: все, хватит — замуж, только замуж.

Зато муж попался просто идеальный и по тогдашнему ее настроению, и вообще: очкастый, лохматый, нескладный, длиннорукий и длинноногий, неотразимый в своей нелепости. Как-то главный администратор театра, циник и остряк, увидел, как Димка, пятясь, открывает перед ней дверь, и потом без конца изображал эту сцену в лицах: «Впервые вижу человека, который одновременно идет в четыре разные стороны». И профессия у мужа была как раз по нему: археология, все лето в экспедициях ради какой-нибудь глиняной посуды, в которую вот уже тысячу лет ничего не наливали.

Мужа она любила, была благодарна за поддержку в трудный момент и изменяла ему редко, куда реже, чем могла бы.

Замужество, Варька и двухкомнатная квартира вывели ее из тупика. Да, великие балерины не рожают. Что ж, она не великая, она не пожертвовала искусству всем. Зато обеспеченность тыла давала теперь ощущение уверенности и легкости, и кривая ее сценической судьбы снова пошла вверх.

70
Был даже момент, когда она начала выходить в прима — именно в ту пору она и надерзала Фортуне, установив в квартире, как в репетиционке, столь обзывающие зеркала. Тогда все получалось. Увы, чуть-чуть не хватило везения. Слишком влезла в театральную интригу, и мало того, что не угадала победителя, так еще и активничала сверх меры. Пришлось уйти в новаторский коллектив, где, впрочем, тоже были неплохие возможности, даже успешно съездили в Польшу. Но руководитель, талантливый человек, к сожалению, пил, чересчур уж откровенно не любил начальство и в довершение так запутался в молодых балеринах, что со скандалом был изгнан за Байкал, в какую-то из бедствующих филармоний. Верные девочки поехали за ним, Алевтина осталась. Бросать дом, мыкаться по провинции, спать в общагах — во имя чего? Славный реванш, может, со временем и состоится, но уже не для нее: балетный век короток, пройдут два-три года, и эти вот неумелые девочки, закалившись в борьбе, юными спинами безжалостно заслонят от нее зрительный зал...

В меру помыкавшись, Алевтина устроилась в экспериментальный театр, драматический, но с балетной труппой. Цель эксперимента, как быстро сообразила Алевтина, заключалась в том, чтобы заработать побольше денег. Но эту идею главный режиссер так умело обставлял нужными словами, что считался борцом с рутинной и даже эстетическим диссидентом. Словом, репутация у театрала была вполне пристойная, стыдиться не приходилось.

Муж давно защитил кандидатскую, у нее выходило до ста восьмидесяти, Варька пробилась на труднодоступные курсы при дипломатическом ведомстве — жизнь стабилизировалась по крайней мере на ближайший десяток лет. А кто в наше время загадывает дальше?

С полгода назад все это рухнуло быстро и глупо.

От полужанкой бабы Алевтина узнала, что у мужа есть любовница, студентка, что эта соплуха уже дважды ездила с ним в экспедицию, а в Москве ходила на выставку и в кафе. Были и еще какие-то подробности — баба, внявшему взглядом в лицо Алевтины, излагала их, только что не повизгивая от азарта. Алевтина кивала, но уже не слушала. Кое-как распрощавшись с доброхоткой, она стала соображать, что теперь делать. Разумней всего было плюнуть и забыть. Но Алевтина не могла выкинуть из памяти поганые глазки доносчицы и, едва явился муж, учинила ему скандал. Муж удивил ее дважды: во-первых, не стал отпираться, а, во-вторых, спокойно и холодно заявил, что готов на любые варианты. Алевтина взвилась и потребовала развод, на который он тут же согласился. «Вот и прекрасно!» — ответила Алевтина, чтобы последнее слово осталось за ней.

В ближайшую же неделю она завела внепланового и, в сущности, ненужного любовника, — было достаточно паскудно, но успокоило, — после чего заново, уже трезво, попыталась осмыслить ситуацию.

В принципе она, конечно же, понимала, что ничего страшного не произошло: мужик тоже человек, и не ее одну может занести налево. Противно, что молоденькая, но что поделаешь, если только мальчишек тянет на старух. Собственно, претензия могла быть одна: от такого мужа она ничего подобного не ждала. Будь он бабник, все было бы в порядке вещей. Но чтобы тебе наставлял рога такой трогательный лопушок...

Наверное, еще можно было все поправить — взрослые люди, двадцатый век, из-за шлюшки, лишней раз раздвинувшей ноги, никто не рушит дом, но Алевтина, увы, за ту же неделю успела сделать непоправимую глупость: в зале рассказала двум подругам и о выверте мужа, и о своей реакции на него. После чего внутрисемейный конфликт стал достоянием достаточно широкой общественности, активно старавшейся, чтобы матч был доигран до конца.

Развод оформили без проблем.

Первое время Алевтина жалела, что так получилось, ей даже казалось, что весь этот развод как бы понарошку, вроде супружеской ссоры: посидят по углам, подуются, а там или напьются на пару, или постель помирят. В конце концов Димка был хороший муж, уютный, покладистый, не мелочный и не ревнивый — чего еще желать в наши дни? С таким мужем не страшно стариться... Но постепенно стало ощущаться, что и без мужа в общем-то не так уж плохо. Он жил теперь где-то, почти не заходил, и в этом было свое удобство — чувствовать себя в своем доме полновластной хозяйкой. И если Варька не приходила ночевать (прежде врал, что у подруги, теперь просто ставила в изве-

стность: «Мам, я не приду»), Алевтина звала, кого хотела, с возбуждающей молодежной формулировкой: «Хата свободна».

Порой, размечтавшись, она придумывала будущую их с Варькой шокирующе нестандартную семью: молодая мать молодой дочери, практически подруги, понимание и откровенность, общая компания, общие тряпки, снисходительная взаимовыручка с обеих сторон...

Квартиру она сразу же решила не разменивать — пусть живет у соплихи или вступает в кооператив, они с Варькой не обязаны ломать быт из-за его закидонов. Приятель по ее первому, знаменитому, театру даже подказал конкретную возможность. Алевтина записала телефон, но предлагать помощь бывшему мужу, конечно же, не стала — пусть сперва попросит.

Словом, все сложилось так приемлемо, что даже у подруг не было повода ее пожалеть.

Но как-то через месячишко после развода Алевтина услышала из соседней комнаты дочкин с кем-то телефонный разговор. Пренебрежительно похмыкивая (ее обычная манера), Варька рассказывала кому-то: «Батя? Батя в большом порядке. Такую телку наколол! Двадцать лет и ноги из подмышек... То-то и оно. Кто бы мог подумать... Вот так вот, девушка, упустила шанс...» Дальше пошел ее обычный дурацкий разговор, почти целиком из междометий.

У Алевтины затряслись губы. Неужели сочувствует ему? В разговорах с матерью Варька ничего подобного себе не позволяла. А вот с подружкой... Предательство, тихое предательство за спиной.

Ничего выяснять Алевтина не стала. Но вечером все-таки сорвалась, из-за какой-то мелочи наорала на Варьку, а когда та отгрызнулась, даже съездила по физиономии, чтобы не забывала, кто из них мать, а кто дочь. Варька, с презрением фыркнув, ушла к себе.

Через час они формально помирились, Алевтина извинилась, даже вместе попили чаю. Но в глаза Варьке не смотрела, сидела напряженно, остро выставив локти, и вообще была опасна, как перетянутый тросик: не дай бог лопнет — и по глазам. Алевтина потом долго не засыпала и кляла себя, предвидя, что за эту материнскую затрепину ей еще платить и платить.

Платить действительно пришлось.

Довольно скоро Алевтина ощутила тревогу. Ничего вроде не происходило, мир и покой, а было не по себе. Потом Алевтина сообразила, в чем дело: Варька перестала просить деньги. А однажды вдруг притащила дорогие импортные сапоги. Спрашивать, на какие шиши, Алевтина не стала, чтобы не услышать очевидный ответ: все вычислялось элементарно.

Мудро выждав с неделю, Алевтина сказала как бы между прочим:

— Да, ты отца-то видишь?

Варька шевельнула ладошками:

— Естественно.

— Как он там?

— Нормаль.

Интонация была безлика, но Алевтина вновь ощутила, как подрагивает тросик.

— Я ведь к чему? — объяснила она. — Тут вариант с кооперативом, причем довольно срочный. Ты скажи ему, пусть позволит. Через год можно въехать, такое не валется.

— Конечно, скажу, — вполне дружелюбно отозвалась Варька. После чего тем же тоном сообщила: — Кстати, мам, знаешь, я останусь с отцом.

— Как с отцом? — глупо переспросила Алевтина.

— Ну, с отцом, — почти ласково повторила дочь.

— Так, — проговорила Алевтина, — так... И давно ты это решила?

— Мама, — сказала Варька, — ты не обижайся, но так же лучше. Останусь с тобой — это будет твоя квартира. А там моя. Две бабы в одной норе...

— Но ведь там тоже, кажется, баба? — Еще театральные интриги приучили Алевтину владеть собой.

— Ой, да ну что ты! — успокоила Варька. — Гулька-то? Да она в него так влюблена, что и меня чуть не облизывает. Первая подруга! — И улыбнулась матери.

Ненавидит, поняла Алевтина, ненавидит.

А молоденькая сучка, которую она когда-то в муках родила на свет, продолжала отвратительно сладким голоском:

— Сапоги видала? Это же она! Искала, выбирала, отец только деньги дал...

Вот сейчас Алевтине по-настоящему захотелось ей врезать, не для чего-нибудь, просто врезать, и все. Но надо было держаться: она понимала, что ситуация не та, власть кончилась и на сей раз получится не материнский урок, а злобная бабская драка.

— Ну что ж, — сказала она растерянню, — если после всего, что было, тебе важнее сапоги...

— А что было-то? — удивилась Варька. — Что такое было-то?

— А, по-твоему, ничего не было?

Глаза у Варьки блеснули зеленым:

— Да нет, почему же, было, конечно. Так ведь и у тебя было. Нет, что ли? Ну чего ты, мать, в самом деле? Ведь все же так! Как ты, так и он.

— Я по крайней мере новую семью не заводила.

— А вот он завел!

Алевтина усмехнулась как можно презрительней:

— Ну, раз ты этому рада...

На что Варька выдала:

— По крайней мере лучше, чем иметь отца-дурака.

Тут Алевтина сдалась:

— Это жизнь, — сказала она по-старушечьи покорно, — жизнь такая. Вот проживешь свою — может, поймешь.

На сей раз они как бы и не ссорились, так что и мириться не пришлось: просто сели обедать, потом Варька мыла посуду, а Алевтина, стоя за дочкиной спиной, вытирала тарелки и снова пыталась объяснить, что жизнь есть жизнь, что отца она любила, да и сейчас к нему хорошо относится, но что когда муж все лето в отъезде, это тоже нелегко, и вообще главное не формаль-

ная верность, а всегда друг о друге заботиться и помогать.

— Да я понимаю, — равнодушно откликнулась Варька, — я понимаю.

— Живут у нее? — спросила Алевтина со слабой надеждой.

— Снимают.

Больше этой темы не касались. И, чтобы окончательно поставить точку, Алевтина даже рассказала какой-то отдаленно относящийся к случаю, зато очень смешной анекдот.

Но внутренне она вся оцепенела. Ясно стало, что не семья распалась — рухнуло все. И что из дому уходить — ей. И не потому, что Варька не простит — хотя до конца, гадючка маленькая, конечно же, не простит, — а просто потому, что с отцом при его экспедициях ей действительно удобней, а значит, их двое, а она одна, и не судиться же с родной дочерью, а если и судиться, то не так уж трудно догадаться, кого пожалеет суд. И, значит, ее квартира с ее зеркалами останется, а она уйдет, просто уйдет, в никуда. Это было страшно. Но еще страшней стало, еще большим морозом охватило душу, когда представилась дорога впереди: серый, узкий и пока еще очень длинный тротуар к крематорию, с быстрым переходом в разряд погасших, стареющих баб, с ежедневной изматывающей погоней за необходимым рублем, с унижающей и все более безнадежной охотой за все более безразличными мужиками, с жиденьким колечком корыстных, недобрых подруг, которые сперва насладятся ее крахом, а потом быстро начнут убывать, пока не останется одна дурица Зинца. Две измятые бабы за бутылкой в захлавленной кухне — вот такое грядущее отсвечивало на доньшке тарелки, которую Алевтина едва не выронила. Но не упустила, удержала, уцепилась в последний момент. Когда уйдет, возьмет две тарелки, две чашки, две ложки, — для себя и для дуры Зинки. Больше не понадобится...

Алевтина Щицова была умна.

То есть, конечно, в ней хватало всякого — и тщеславие было, и бабство, и просто дурь, и на своем поставить любила, и приврать могла, и переспать с ненравящимся, но известным мужиком только ради того, чтобы потом хвастануть подруге, — словом, обычная женская суетность. Но в тяжелую минуту, когда судьба неожиданным ударом сбивала с ног, вся эта мелкость с нее опадала, и оказывалось, что в глубине своей природы она умна. Кстати, это и подруги знали, и в серьезных случаях советовались с ней.

Вот и теперь, уже на следующее утро, едва придя в себя от Варькиного ножа в спину, она полежала час в горячей ванне, вымыла голову, с машинальной тщательностью причесалась, подсушилась феном и начала соображать.

Все рухнуло, да. Нету дома. Ну и что? Значит, надо строить новый дом.

Тут возникло несколько вопросов.

Первый был бесполезный: за что? Но все же лучше было понять. Раз вышло, значит, в чем-то сама виновата. И надо понять, чтобы потом не повторять глупости.

Мужу изменяла? Да, изменяла, ну и что? А кто сегодня не изменяет? Он вот набрался ума и тоже изменил.

Вела себя по-хамски, вот в чем суть. Почти не пряталась, до Димки наверняка доходило. Варьку и то перестала сторожить-ся, сперва надеялась, ничего не поймет, потом — все поймет. Вот и доигралась. Забыла, как дети ревнуют. Дура. Сука... С другой стороны, кто сегодня не сука? Но ей-то от этого не легче...

Ладно, впредь будет умней. Если впредь ее ум понадобится...

Второй вопрос был: что делать?

Тут вариантов виделось мало.

Затевать обмен? Но что дадут за двухкомнатную? Однокомнатную и комнату в коммуналке? Она не студентка, чтобы в сорок лет собачиться с соседками на общей кухне и ждать принца, ее принцы давно просвистели мимо.

Нахально жить, как живет, а они пусть ломают головы? Так можно, в конце концов не она ушла. Но хороша будет жизнь под презрительными взглядами Варьки. Девочка та еще, найдет, как отыграться. Нет уж, с Варькой обострять нечего, и так почти потеряла дочь.

Собственно, оставалась одна возможность, именно та, что и подумалась с самого начала. Кооператив. Тот самый телефончик, что давний театралный приятель продиктовал ей для Димки. Записала для мужа, а пригодится самой. Если пригодится.

Кооператив — это, конечно, деньги. Они есть, но мало. Не для такой авантюры. Тут понадобится — ого-го! И соответственно возник третий вопрос: где взять? Впрочем, его Алевтина оставила на потом. Сперва надо выяснить реальность варианта.

Бывший коллега польсел, отрастил живот и выглядел старше нее лет на десять, что было приятно, но и слегка тревожило: а вдруг и она со стороны смотрится так же? Встретились они у телеграфа, Алевтина не сразу его узнала и с тем большей горячностью расцеловала в обе щеки, восстанавливая и как бы даже увеличивая бывшее не столь уж близкое приятельство.

— Ну, молодец, — восхитилась она, — вид просто директорский! Что ты, где ты?

Тот покраснел:

— Да вот видишь... Свое оттанцевал.

— Но-но-но, не клевети на себя! — возразила Алевтина с таким воодушевлением, будто и впрямь верила, что он, со своим животом и лысиной, еще выйдет на сцену в черном трико.

— Да нет, — сказал он виновато, — все. Как тогда порвал мышцу...

Это уже давало возможность посочувствовать.

— Что делать, — вздохнула Алевтина, — все мы...

— Не обобщай, — махнул рукой приятель, — ты как раз — вполне. Работаешь?

— Раза два в неделю выпускают.

— Где?

Она назвала свою экспериментальную лавочку.

— А что, нормально, — сказал он, — тоже театр.

— В наши годы не выбирают,— беспшабашно ответила Алевтина, уверенной улыбкой тем не менее намекая, что у нее лично возможности выбора еще не исчерпаны.— Ну, а ты-то, ты где?

Он снова покраснел и сказал, что на административной работе. Вот ведь стеснительный стал! Она решила не уточнять.

Конец сентября был противный, промозглый, даже снег пал раз два.

— Может, зайдем куда-нибудь?

— А куда? — спросил он, косо взглянув на часы.

Алевтина зავала его в ближайшую кафешку, решив, что всухую о делах не принято, а десятка ее не разорит. Взяли по салатику, по шашлык и бутылку сухого, причем вино, к ее удивлению, официант принес сразу.

Она вдруг забыла его имя. Вот уж глупо! Напрягшись, вспомнила: Илья. Ну да, конечно же, Илья.

— Илья,— сказала она,— так что там с этим кооперативом?

Он отхлебнул вина.

— Тебе ведь для мужа, да? Для бывшего, в смысле.

— Да нет,— сказала она весело,— для себя.

Илья слегка растерялся:

— Как для себя? Ты же говорила...

— Говорила. А вот теперь надо для себя.

Он как-то сразу поник.

— А что, есть разница? — удивилась Алевтина.

— Да, в общем, нет, но...

— Но что?

— Да нет, разницы, конечно, никакой.

Она пожала плечами и стала задавать практические вопросы.

Вариант наклеивался такой привлекательный, что она боялась верить. Хороший район, рядом метро, парк, дом кирпичный, кухня десять метров, лоджия, въезжать через год и телефон почти сразу...

— Прямо сказка какая-то,— сказала Алевтина.

— Председатель сильный, связи, все тылы схвачены.

— А взнос какой?

— Четыре сразу и пять в рассрочку.

— По-божески,— сказала Алевтина,— в наши-то времена...—

Она рассчитывала на три, но где три, там и четыре.— Так что, бумажки собирать?

Илья неопределенно повел утиным носом и опять покраснел.

— Или еще что-то? — догадалась она.

Он вздохнул:

— В наше время без «чего-то» не бывает.

Теперь Алевтина поняла, почему ему легче было говорить о бывшем муже.

Она попыталась помочь:

— Естественно, ведь кто-то должен все это пробивать...

— Лично мне, как ты понимаешь, ничего не надо,— слегка раздраженно заговорил Илья,— мне своих хватает. Но я что, я член правления, и только. Ну, подниму руку «за». А там таких рук еще двенадцать.

— Да нет, я понимаю, — заторопилась Алевтина, — надо, значит, надо...

Он молчал. И она спросила, улыбкой смягчая ситуацию:

— Ну, так сколько?

— Три, — уныло сказал Илья.

— Сотни?

Он невесело усмехнулся.

— Тысячи? — теперь растерялась уже она.

Приятель досадливо покачал головой:

— Ну вот смотри: Ты разведенная, так?

— Ну и что?

— Разведенным кооператив не дают. Только размен.

— Но у меня все-таки...

— У всех все-таки, — перебил он, — и всем не дают. У нас очередь. И в райисполкоме очередь. Теперь смотри: председателя уговорить надо? Правление надо? Собрание надо? Жилуправление надо? Депутатскую комиссию надо?

Депутатская комиссия Алевтину добила.

— Ну и когда деньги? — покорно спросила она.

— Три перед собранием, пай — как утверждают. Месяца примерно через два.

— А если не утвердят?

— Так не бывает, — отмахнулся Илья.

Алевтина молчала, прикусив губу, понуро уставившись в пространство. Три да четыре двести... Вариант рушился, и поддерживать его было нечем.

— Илюш, — сказала она жалко, — столько я не соберу.

— Три не соберешь?

— Ну, три-то, наверное...

— Остальное же потом!

— А потом где взять?

— Ну, иди в райисполком и жди десять лет, — бросил он с досадой, — да еще и запихнут в какое-нибудь Бибирово.

Она горестно подперла щеку рукой. За два месяца три тысячи? В крошечной тьме даже просвет не сквозил.

— Ну чего ты, ребенок, что ли? — урезонивал Илья шепотом, потому что за соседний столик кто-то шел. — Азбуке тебя учить? Займи, и все, потом отдашь. Я вон на трехкомнатную стою, восемь тысяч долга. Ну и что? Отдаю помаленьку, года за два расквитаясь.

— Ты что, тоже в лапу давал? — удивилась она.

— А ты думала! — разозлился он. — Что я, особенный? Принципальный? У них контора академическая, я им не сват, не брат. Еще и поклоняться пришлось, пока взяли... Ну, чего ты мандражируешь? Все занимают и все отдают.

Алевтине стало стыдно. Ей помочь хотят, а она раскиселась, как школьница. Она заставила себя собраться и заговорила почти деловито:

— Илюш, ты не злись, я тебе очень благодарна... Но, понимаешь, в нашем театрике не подхалтуришь. Хотя на пупе вертись, больше не дадут.

— А левачить не пробовала?

Теперь Илья смотрел на нее с сочувствием: практический разговор был ему понятней и ближе.

— Где?

— Вообще-то есть возможность, — поколебавшись, сказал он, — надо подумать. Смотришься ты вполне, форму держишь... Работы не боишься?

— Ради квартиры? — Алевтина возмущенно прищурилась. — Хоть на панель, да кто возьмет.

— Да, на панели нынче давка, — без улыбки отозвался Илья и глянул на нее, словно прикидывая, продолжать или нет. Все же продолжил: — Ты вот спросила, где я. Я сейчас в кооперативе. Кафе у нас. Не очень известное, но клиентура уже есть, ходит народ. Днем ничего особенного, столовка, только, конечно, получше. А вечером — другое дело. Вино, музыка. Ну и программа. Что я и имею в виду. Номер двадцать минут, пятнадцать рублей за выход. Насчет субботы и воскресенья — особый разговор, там вообще стольник.

— Ого! — изумилась Алевтина.

— То-то и оно. Даже если одни будни, за месяц можно, не напрягаясь, две сотни сделать. Подготовь номер... ну, естественно, с учетом специфики...

— А ты там кем? — спросила она.

— Главный администратор.

— И, думаешь, у меня выйдет?

— Иначе стал бы предлагать! Ты же прямой была. У нас там самодеятельность подвизается, и то сходит.

Алевтина благодарно посмотрела на Илью: до примы она, строго говоря, так и не дотянула, но слушать было приятно.

— А ты поможешь? — Она не столько нуждалась в его помощи, сколько вербовала в союзники.

— Само собой, — успокоил он, — сделаем по первому классу.

— Да, — словно бы вспомнила она, — а по выходным-то почему так много? Почему такая разница?

— Особая программа, — сказал Илья, — ночная, с двенадцати до двух. Между прочим, я придумал. И народ уже ходит именно на эту программу.

— А что за программа?

Илья отмахнулся:

— Да почти то же самое. Только еще... — он наклонился к столу и закончил негромко: — ...стриптиз.

Алевтина не слишком удивилась. Правда, о кафе со стриптизом она еще не слышала, но идея витала в воздухе: в кино не было фильма без голдой задницы, в серьезных театрах серьезные режиссеры наперебой вытаскивали на сцену раздетых актрис, дважды за последний год она попадала в видеобар, и оба раза крутили едва припудренную порнуху. Так почему бы и не стриптиз?

— Понятно, — сказала она. — Но все-таки... Так прямо и объявляете, что стриптиз?

— Ну зачем? — поморщился Илья. — В объявлении пишем — «Особая ночная программа». И все. И за стриптиз не контора платит, сами клиенты. Когда компания созреет — тут

им только намекнуть, что есть возможность. Осечек пока не было. Ночью же в основном деляги ходят, у кого бабки лишние. Им что двести за стол выкинуть, что триста...

— А кто работает стриптиз?

— Есть одна из самодеятельности. Лет двадцать. Мяса хватает, а больше ничего. Ни пластики, ни ритма. Раздевается, как в предбаннике. Ты бы лучше сделала.

Он не предлагал и тем более не уговаривал — просто высказал предположение, ни к чему ее не обязывающее, как, впрочем, и его.

Алевтина мечтательно подняла глаза к потолку:

— Заманчиво. Такие деньги! Жаль, годы вышли.

— Как знать, — отозвался Илья, опять-таки без нажима.

Она вдруг сообразила:

— Постой, Илюш, а если... Ну, допустим, дам три куска, утвердят, а пай так и не соберу. Тогда как?

Он ответил твердо:

— Вот этот вариант не годится. Тогда лучше и не начинать.

— Плакали денежки?

— Тин, ты же взрослый человек. Что ж, по-твоему, ходить по всем инстанциям и назад отбирать?

— Да нет, конечно. — Она поцеловала его в щеку. — Спасибо, Илюша. Такое спасибо, даже передать не могу. Ты как ангел с неба свалился. Но знаешь — дай подумать. Все посчитать. Сколько есть времени? Три дня, неделя?

— Неделя, — сказал он. — Но это уже крайний срок.

Бутылка стояла недопитая, поэтому официант не подходил. Илья окликнул его. Алевтина полезла за деньгами, но Илья проговорил ворчливо:

— Не шарься. Пока что я еще мужик.

Она посмотрела на него почти с нежностью и вновь спросила, но теперь уже чтобы услышать настоящий ответ:

— Ты-то как?

Он вяло пожал плечами:

— Ну, как... В той семье пацан, в этой пацанка. Живем с тещей. Еще шурия прописан, слава богу, офицер, только в отпуск и приезжает. У жены с печенью дела, говорят, надо в Карловы Вары, а какие тут Карловы Вары... Вертимся! Вот квартиру жду. Там уж авось наладится...

У метро она погладила его по щеке и поцеловала в губы. Хороший человек. Добрый и нелепый, как бывший муж. Жалкий немного.

Но жизнь приучила ее, что в тяжелый момент чаще помогают как раз не сильные, а жалкие.

Впрочем, вскоре ей пришлось просить помощи и у сильного.

Но сперва Алевтина сделала расчет.

Дождаясь, пока Варька сгинет по своим вечерним делам, достала бумагу, ручку и начала. В общем-то ситуацию она представляла достаточно ясно, никаких внезапных озарений не ждала, но риск был слишком велик, и надо было высчитать все до рубля, чтобы решать наверняка и потом не кусать локти.

Сверху она написала крупно: $3000 + 4000 = 7000$. И подвела жирную черту. Это — что требуется.

Ниже стала писать, что есть.

Было, к сожалению, не так уж много.

Во-первых, триста в сумочке, это то, что наверняка. Дурища Зинка должна сто семьдесят — баба нищая, грех торопить, но тут придется. Вот уже почти пятьсот.

Следующая цифра вызывала размышления.

Две шестьсот — столько было у них на книжке, у Димки и у нее. Димка, уходя к своей писюхе, взял только ежедневное тряпье, о книжке и речи не было, как лежала в шкафу под бельем, так и лежит. Книжка на Димку, но у Алевтины право распоряжаться вкладом, хоть все бери. Но тут сложности. Димка про книжку не вспоминал, Алевтина к ней не прикасалась — словно играли в молчанку, кто первый скажет слово, тот и проиграл. Теперь без книжки не обойтись. Половина ее — это без вопросов, и по закону так. Конечно, если по справедливости, то и вторая половина... Он мужик, она баба, ему квартира, ей белый свет — словом, тоже было без проблем. Но — Варька. Девушка та еще, цветок жизни! Чем ловить ее презрительные взгляды, лучше уйти, в чем есть, да еще и на нее глянуть, как заслуживает. К сожалению, не выйдет, не те ресурсы. Самое разумное — тихо договориться с Димкой, что вторую половину берет займы. Он, конечно, заблажит, что ничего не надо, пусть забирает все — в общем-то и правильно, — она и возьмет. А потом придет долг почтовым переводом.

Идея с переводом Алевтине понравилась, она повеселела, на бумаге сложила написанное и получила ту цифру, на которой с самого начала строила расчеты на кооператив. Но теперь оказалось, что это кошковые слезы. Три сто. Три уйдут в лапу, сотня остается на взнос. Вот так. Небогато, Алевтина Сергеевна...

Были и еще кое-какие возможности.

Австрийские сапоги, правый чуть жмет, достала по огромному блиату, так и лежат в коробке. Давно просили уступить, а она колебалась, отдать или разносить. Теперь придется отдать. Фирма, натуральный мех. Двести пятьдесят, не меньше.

Теперь пиджак. Кожаный женский пиджак с плечами, тонкая выделка, породистая вещь, униформа преуспевающей актрисы, женщины, не думающей о деньгах. Два года назад привезла из Венгрии, к сожалению, иногда надевала. Жалко до слез. Четыреста.

Сколько остается? Три двести пятьдесят. С учетом неожиданностей — Зинка не отдаст вовремя, за пиджак дадут меньше — три пятьсот.

Ну, наскребет по знакомым сотни четыре со скорой отдачей, и что это дает? Ничего. Ничего, кроме головной боли.

Мать трясти? Нет уж, только не это, у бабули если и отложено, так на похороны.

Зарплата? Тут не сэкономишь, десятка-другая не в счет. Илюшкина идея? Две сотни в месяц деньги немалые, но, во-первых, это вилами по воде, а, во-вторых, вносить надо сразу

после утверждения, год в кооперативе ждать не станут, возьмут другого, и все. На такую-то квартиру столько набегит!

Да, все было плохо, очень плохо.

Но не безнадежно.

Скажем так: не совсем безнадежно. Ибо даже тогда, в кафе, в разговоре с Илюшкой, в минуту крайней растерянности, когда руки упали и голос дрожал, в мозгу у Алевтины все же брезжили два пятнышка, два чуть слышных звоночка, два источника, которые в расчет никогда не шли, но все же молчаливо существовали где-то на периферии ее жизни, даже не на крайний случай, а на тот, что выходит за край. Самый что ни на есть неразменный рубль, шанс, который не используешь дважды.

Однако важнее квартиры у Алевтины сегодня ничего не было и в обозримом будущем не предвиделось.

Тогда она и кинулась разыскивать телефон Мигунова.

С Мигуновым была связана самая солнечная минута ее жизни.

Сколько же ей тогда было? Приятно вспомнить — двадцать пять. Вот везучее было время! Двухлетнюю Варьку скинула матери и работала, работала, нагоняла месяцы, ушедшие на ребенка. Ей дали первую в жизни выигрышную роль — характерную партию в современном балете как раз по пьесе Мигунова. Главную роль по инерции вручили приме — социальная героиня, передовая женщина, ангел с принципами, скука смертная. Алевтине досталась ее антиподка, юная стервочка, охотница на чужих мужей, моральная разложенка, при случае способная даже на такую гнусность, как переспать с мужиком. Главный балетмейстер, талантливый человек, циник и не дурак, сразу понял расклад. Обезопасившись от всех напастей бесчисленными регалиями ведущей балерины, он навалился на Алевтину. Как он ее мучил! Как унижал! Но работа того стоила: проводив вежливыми аплодисментами голубую героиню, зал стонал от восторга, когда Алевтина чертовка начинала со вкусом демонстрировать свою нахальную безнравственность. Никогда больше ей не кидали столько цветов. Никогда больше некрасивые девочки так верно не ждали у выхода...

На один из спектаклей пришел драматург. И хоть к балету он имел отношение весьма косвенное, за кулисами возник легкий мандраж: Мигунов был известен взрывным темпераментом и странностью манер. Но все вышло в лучшем виде: он пришел в восторг от Алевтины, кинулся за кулисы и, хватая ее за плечи, кричал, что она талантище, «звезда», что завтра билеты у спекулянтов будут по червонцу, что ни у нас, ни в Европе сейчас наверняка ничего подобного нет. Подошедший постановщик от смущения усомнился насчет Европы — Мигунов заорал на него, что тот поставил гениальную вещь, но сам ни хрена в ней не понял. Мэтр, сам привыкший орать, слегка опешил, но против того, что поставил гениальную вещь, протестовать не стал.

Мигунов на своей машине довез Алевтину до дому, всю дорогу говорил не переставая, у подъезда стал целовать ей руки

и с воплем «Нет, не могу так отпустить!» — колени. Ей было приятно, страшновато и совершенно непонятно, как реагировать. К счастью, было уже поздно и темно.

Мигунов принялся ходить на все ее спектакли и вообще стал так называемым «другом театра»: носил цветы, притаскивал за кулисы водку и шампанское, пригонял критиков, которые, ошеломленные его натиском, писали хвалебные рецензии — словом, сделался человеком, полезным и дирекции, и труппе. Если бы Алевтина не стала его любовницей, она бы выглядела не только неблагодарной хамкой, но и предательницей интересов родного коллектива.

Впрочем, это все равно бы произошло. Как-то впоследствии Мигунов сказал ей с удивлением, что, кажется, женщины никогда ему не отказывали — с чего бы это? А она, за что-то обиженная, отрезала, что ничего странного тут не видит: просто его монологи так непрерывны, что бабе просто некуда вставить слово «нет».

Он был типичный деспот. После репетиций она мчалась к нему, а он работал и велел молчать, пока не кончит сцену, или, наоборот, запикивал в машину и весь день таскал за собой, то в издательство, то в ресторан, то к кому-то за город. Иногда приходилось по часу ждать его в машине. Как-то решила надуться, но он просто не заметил ее оттопыренных губ.

Так длилось месяца два, а потом быстро пошло на убыль, потому что Мигунов увлекся студенткой-латиноамериканкой, написавшей ему письмо с просьбой объяснить смысл жизни. Студентка была юна, черноволося и плохо говорила по-русски, в силу чего оказалась идеальной слушательницей. Мигунов изумленно объяснял Алевтине:

— Шоколадная! Представляешь, с ног до головы шоколадная!

Тем не менее отношения у них сохранились вполне дружеские, еще несколько лет они сталкивались в разных компаниях, он отвозил ее домой или к себе попить чаю и поговорить о жизни. Если же вдруг возникало желание, он брал Алевтину так же естественно и почти машинально, как брал с тарелки бутерброд.

И, как прежде случайно сталкивались, так теперь случайно не виделись лет двенадцать, а то и больше.

Алевтина сбегала на рынок за мясом и зеленью. Знаменитый драматург мог есть что угодно, но от вкусного размякал и добрел.

Он опоздал минут на сорок, прямо в дверях взял ее за затылок, повернул лицом к свету, внимательно посмотрел и поставил диагноз:

— Молодец. Держишься. Лучше, чем я.

Только потом поцеловались.

Он тоже держался неплохо: седой, высокий, худощавый, грубоватое, типично мужское лицо. Но был хмур и матерился чаще, чем прежде.

Сколько же ему? Пятьдесят семь? Пятьдесят восемь? День его рождения Алевтина помнила до сих пор, а вот возраст забыла.

Прошли на кухню. Алевтина занялась мясом, а он сидел в кресле и жаловался на жизнь.

— Сил нет,— говорил он,— обрыдло. Перестройка — прекрасная вещь, я всю жизнь на нее работал, но в этом — вот в том, что сейчас,— участвовать не могу. Не хочу! Ты видишь, что творится? Холуй, лизоблюды, мразь, проститутки — и вот теперь они вспоминают, как страдали при застое. А стукачи — эти все сплошь патриоты, радатели за державу...

У Алевтины давно стояла начатая бутылка «кубанской». Утром, сразу после звонка, она перелила водку в маленький, граммов на триста, графинчик, мелко накрошила лимонной цедры, разболтала — авось за подня настоится. Настоялось вполне. Получилось нечто домашнее, уютное, припрятанное для избранного гостя — по нашим временам напиток богов. Они чокнулись, выпили за все хорошее, похрустели солеными огурчиками. Мясо получилось здорово, по мясу Алевтина была специалист. Но Мигунов все не мог вылезти из своей угрюмости, все хаял бестолковую эпоху, дебильных либералов, которые надеются, что Запад за хорошее поведение подбросит им колбасы, и вонючих патриотов, которые брызжут слюной про исконные традиции, а самим только и нужен жирный оклад да казенная дача. Себя тоже ругал — за лень и безволие.

При таком настроении подступиться к нему со своими делами было невозможно.

— Ну, чего ты,— мягко возразила Алевтина,— ведь сейчас, по сути, твое время. Сколько тебя раньше зажимали? А теперь...

— Ну что, что теперь?

— В двух театрах идешь.

Он посмотрел на нее, в глазах была мука.

— За полгода я не написал ни строчки. Вообще ничего. Заседаю, по ящику треплюсь, интервью всякие. Но ни единой строчки!

— А помнишь, когда мы познакомились,— сказала она,— ты как раз новую пьесу писал, через год она в шести странах пошла...

— Ну и что? — хмуро прервал он.

— А что говорил тогда, помнишь?

— А что я говорил?

— Да, то же самое. Что не пишется, что бездарен, что пора профессию менять...

Брови его полезли вверх:

— Я так говорил?!

— Ну, конечно! Это твое обычное настроение. Пойми — обычное. Наверное, ты так себя готовишь к работе. У нас ведь каждый по-своему с ума сходит. Помнишь нашу приму? Народная, вся в медяшках. Так вот, она, если не получалось, по щекам себя дупила и кофе лишала.

Мигунов с сомнением наморщился:

— Ты думаешь?

— А ты вспомни,— сказала она,— вспомни. Было такое время, чтобы ты себя хвалил?

Он задумчиво выпятил нижнюю губу:

— Черт его знает... Может, ты и права, просто период такой?

— Да конечно! — подхватила Алевтина.

То ли от ее уверенного тона, то ли от водочки под мясо Мигунов немного успокоился. Алевтина стала мыть посуду, он ушел в комнату. Войдя, Алевтина увидела, что он лежит на кровати скинув ботинки и заложив руки за голову.

— Устал, — объяснил он, — даже не устал, а так, завертелся. Какое-то беличье колесо. Надо иногда выпадать. Вот сейчас выпал, и вроде ничего. Живу. Даже на человека похож... Такая, понимаешь, свистопляска, даже задуматься некогда.

— Может, поспать хочешь? — предложила она. — Давай постелью, ложись. Варька раньше двенадцати не придет.

— Поспать, может, не поспать, а просто...

Она быстро разобрала постель, он скинул брюки и, не снимая рубашки, лег под одеяло, в той же позе, руки за головой. Потом сказал:

— Ложись рядом. Просто полежим, поговорим.

Алевтина забежала в ванную, сбросила тряпки и надела «парадную» комбинашку, слегка удивляясь собственной исполнительности. Словно и годы не прошли — он приказывал, она выполняла. Вовсе не потому, что от него сейчас так много зависело, — нет. Просто он был талантливый, сильный, состоявшийся мужик, и его хозяйские интонации она воспринимала естественно, как когда-то в училище требования педагога, а в театре — команды режиссера или балетмейстера.

— Просто полежим, — предупредил Мигунов, когда она подошла, но при этом махнул ладонью снизу вверх, и комбинашка, покорясь указанию, полетела в кресло. Зачем раздеваться, чтобы просто полежать, было неясно, но спрашивать Алевтина не стала: он так хочет. Хозяин чертов!

Он подвинулся и вытянул руку, подставив ей под голову плечо. После чего стал размышлять вслух задумчиво и неторопливо, словно только что к нему в постель не забралась голая баба:

— Вот ты говоришь — мое время. К сожалению, уже не мое. Ты знаешь, я не дурак, не трус, когда надо, умею драться. Раньше меня давили сверху, зато я точно знал, что делать: я дупил кулаками в этот проклятый потолок. А теперь потолка нет. Всю жизнь мечтал его пробить, а без него, оказывается, труднее... Вот почему я не пишу, знаешь?

— Нет, — поощрила она.

— Я ведь писал, начал пьесу. И неплохо начал. Сюжет, характеры — все на месте, материала навалом. Ты ведь знаешь, у меня отец прошел лагеря. Вот я пытался осмыслить эпоху, Сталина. А в это время какой-то мальчишка, соплик, написал про него водевиль, да еще в стихах. И все, закрыл тему. Я пошел, посмотрел. Хохочет народ! Пьеса как пьеса, до меня ему еще тянуться и тянуться. А вот время сейчас — его. Что толку осмысливать то, что уже оборжали?

— Но ведь...

— Да знаю, — оборвал он. — Все знаю. Я умней, я глубже, я талантливей. Ну и что? Ощущение такое, что все, что я напи-

шу, сейчас просто никому не нужно. Здорово напишу, а все равно будет не нужно. Да и сам я... Живу. А вот зачем живу, понятия не имею.

Он замолчал, и она осторожно спросила:

— Дома как?

Когда они в последний раз виделись, у него вызревал то ли скандал, то ли развод.

— Да нормально, — отмахнулся Мигунов, — жена, дочка, внуков двое, даже зять, и то есть — по нынешним временам просто редкость.

— А говоришь, никому не нужен, — шутливо укорила она.

Он проговорил недобро:

— Знаешь, когда я по молодости лет еще в бараке кантовался, у нас за стенкой семья жила: баба, детей трое и старик больной. Нищета барачная! Так вот, когда старик умер, они больше суток не заявляли, чтобы успеть на него за месяц пенсию получить. Веток еловых набросали и терпели. Мне иногда кажется, что и мои меня вот так же терпят — чтоб пенсия шла.

— Не нравится мне твое настроение, — сказала Алевтина. Она так вникла в его заботы, что забыла про свои.

— А что делать? — тяжело вздохнул Мигунов.

Она чуть подумала.

— Что делать?.. Ха! Ясно, что делать. Тебе, милый, нужно влюбиться, вот что. В кого-нибудь помоложе и пошоколадней.

— Мне, может, и нужно, — угрюмо возразил он, — да я кому нужен?

Алевтина почти искренне возмутилась:

— Ну, милый, ты нахал. Знаменитость, удачник, красавец! Какого черта тебе еще надо?

— Мне пятьдесят восемь.

— Ну и что? Для мужика это не возраст, а для тебя тем более.

— Ты просто хорошо ко мне относишься, — помятче сказал он, и рука благодарно прошлась по ее груди.

Этот жест Алевтина не переоценила: обычная мужская автоматика, будь рядом другая грудь, так же протянул бы лапу. Зато у нее появился некоторый азарт: неужели такого оголтелого бабника не заставит на себя среагировать? Она придвинулась к нему осторожно, словно бы вовсе и не придвигалась.

В конце концов Мигунов вспомнил, что она не только друг и советчик. Тут уж Алевтина показала все, что могла. Он по-прежнему был эгоцентрик, она получила гораздо меньше, чем дала ему. Зато осталось чувство удовлетворения от классно выполненной женской работы...

— Слушай, почему мы редко видимся? — удивился он, вновь обретая способность мыслить логично.

— Ты меня спрашиваешь?

Он помолчал и, не повернув головы, деловито поинтересовался:

— Ну, давай. Что там у тебя?

— В каком смысле?

— Ну, не так же просто звонила.

— У меня, милый, сложно, — ответила Алевтина и в общих чертах рассказала про кооператив.

— Ну, и чего надо?

— Если бы ты мог дать мне в долг хотя бы на год... То есть не хотя бы, а точно на год. Конечно, все оформим нотариально...

— Сколько не хватает? — спросил Мигунов.

— Две восемьсот. — Она хотела сказать «три», но почему-то не решилась назвать круглую цифру.

Он молчал так долго, что ее затошнило от страха. Неужели все, провал?

— Значит, так, — сказал он, — в долг я не беру и не даю, тем более под нотариуса. Сколько у тебя там, две восемьсот?

Она хотела повторить цифру, но сумела только кивнуть.

— Давай так: половина моя. Тебе срочно?

— Н-ну...

— Тогда одевайся, я вечером в Питер еду.

Шаг у него был по-прежнему быстрый, он почти швырнул ее в машину. У подъезда нового кирпичного дома с крупными окнами и широкими лоджиями ждать пришлось минут пять, не больше. Он вышел, достал пачку сторублевок и стал считать, отдавая ей по одной. Бумажек оказалось пятнадцать. Он удивился:

— Хреновый я математик. Значит, твоя удача.

И последнюю бумажку тоже отдал ей.

Мигунов подбросил ее до метро. Алевтина, слегка раскисшая от нежности, забормотала:

— Милый, спасибо огромное, но я действительно могу отдать...

Он ухмыльнулся и дал ей шлепка:

— Отработаешь!

Она ушла с чувством надежды и легкости, причем не только из-за денег: в темном коридоре будущего замаячил свет. Мужик, настоящий мужик. Не разовый дурной любовник, от которого ощущение одиночества только прибывает, а близкий человек, оазис для души на пустынной дороге в старость. Теперь будут видеться, не часто, но будут. Раз в месяц, два, когда его прихватит депрессия. И самой можно будет позвонить в крайний момент, как сегодня.

Будут видеться, будут. Надо же отработывать долг...

А на следующий день позвонил Илья.

— Ну как, мать, решила, нет?

— Ты же сказал, через неделю, — удивилась она.

— Да, понимаешь, тут кое-что изменилось, собрание перенесли, а один мужик в отпуск уходит. Так что, если отложить, стыковка не получается. В общем, подумай до завтра, но уж завтра...

— Ну, хорошо, — с удовольствием, невозмутимым тоном ответила Алевтина, — чего тут решать-то? Просто скажи, где и когда.

На следующий день она съездила к нему и в пятиметровой

кухоньке (в тесной квартирке безлюдней места не оказалось) отдала деньги. Он стал считать.

И тут она вдруг засомневалась:

— Слушай, Илюш, но это надежно?

— Что? — спросил он, мусоля толстенную пачку пятерок.

— Вот все это.

— Да ты что, мать?

Схватил ручку и на тетрадном листке, другого в кухне не оказалось, написал расписку, что такой-то у такой-то взял в долг на полгода.

— Получишь паевую книжку — порвешь.

Алевтина застыдилась:

— Илюш, ты не так понял. Что я, тебе, что ли, не верю? Я просто думала... Тут такая цепочка, столько людей. Вот я и спросила: надежные или нет?

Он вновь поднял свое унылое лицо:

— Надежные, ненадежные, а сидеть никому неохота.

Этот житейский довод Алевтину успокоил вполне. Верно же, круговая порука. Сидеть неохота никому.

Они опять поговорили о вечерней программе в кафе, и Алевтина сказала, что придет обязательно, ей сейчас халтурка позарез. Вот только в ближайшие дни она занята, а к концу недели позвонит.

Ничем особым занята она не была. Просто хотелось спокойно, без спешки продумать номер. Припомнить, где что видела, и скомбинировать свое. Найти образ, композицию, костюм. С пустыми руками нельзя идти даже на предварительные переговоры. Нужен номер. И — настоящий, качественный. Это студентке позволят кое-как вертеть молоденькой задницей, а в ее возрасте даже на халтурке халтурить нельзя. Уровень, только уровень...

88

Два дня подряд Алевтина была занята в спектаклях, причем второй — на выезде, черт-те где, на клубной площадке, два часа автобусом в один конец. Клуб был большой, с колоннами, но старый и на редкость неудобный: сцена мелкая, свет плохой, уборная из-за ремонта одна на всех. У Алевтины был выход во втором акте: героиня в зимнем парке мечтала о любви, и Алевтина, по режиссерскому замыслу, должна была в прозрачной тунике эту мечту танцевать.

Пьеса была глупая, но давала кассу. Впрочем, Алевтину ее эпизод вполне устраивал: во-первых, разрешалось делать, что угодно, полная импровизация, во-вторых, весь выход занимал пять минут, можно было как бы между делом заскочить в театр, изобразить пылкую страсть и бежать дальше по своим делам. Но это в городе. А здесь? Приходилось чуть не весь день убивать на пятиминутный, в сущности, никому не нужный эпизод. К тому же в клубе, опять же из-за ремонта, было отключено отопление, на сцене еще и дуло, и если героиня грезила о любви в тудупчике, то Алевтине приходилось мечтать почти голяком. Одеться же было нельзя, режиссер всю сцену поставил как раз из-за этого контраста: закутанная в теплое героиня и ее легкая, воздушная, обнаженная мечта. Однажды вот так же на выезде

Алевтина простудилась и после несколько раз пробовала уговорить режиссера вывезти спектакль без танца. Но ничего не получилось, потому что он тут же принимался кричать, что она любит не искусство, а себя в искусстве, и прочую цитатную чушь.

Сегодня к тому же пришлось переодеваться при мужиках. Впрочем, это неудобство едва замечалось: они для нее были такие же мужики, как она для них баба, общее ремесло делало их друг для друга почти бесполоыми. Но само убожество обстановки, тряская дорога и полупустой зал почему-то именно в этот раз показались ей особенно унижительными.

Уж лучше в кабаке выплясывать. По крайней мере не дуэт и платят по-человечески.

На холодной сцене Алевтина дала себе волю, и мечта героини в этот раз довольно сильно отдавала кафешантаном.

Теперь пожара с деньгами не было, впереди лежали два спокойных месяца. Тем не менее Алевтина решила не ждать последнего момента, а все сделать заранее, без спешки, чтобы уж зато потом не трепать себе нервы. Тем более что некоторые операции требовали времени.

Для начала она решила все заново посчитать. Необходимости в этом, разумеется, не было, и так все помнила до рубля, но с ручкой в руке легче думалось, и столбики цифр на бумаге вселяли уверенность и оптимизм.

Алевтина достала свой прежний листок, аккуратно, ничего не сокращая, проделала все расчеты и получила результат, какого и ждала. Требуется четыре двести. Есть: на книжке тысяча сто, в сумочке триста, дура Зинка — сто семьдесят, сапоги — двести пятьдесят, пиджак четыреста. Не хватает тысячи девятисот восьмидесяти, даже чуть больше, потому что пиджак пойдет через комиссионку, а там берут процент. Сотня туда-сюда — словом, нужны две тысячи.

Две тысячи — это была ее годовая зарплата. Но Алевтину цифра не испугала. Наоборот, она была настроена деловито, хотя и немного печально, даже торжественно. Потому что теперь должен был лечь на стол ее второй и последний неразменный рубль.

У Алевтины была одна по-настоящему дорогая вещь: бабушкино кольцо с изумрудом. Действительно бабушкино — бабка по отцу, не слишком ладившая с матерью, даже на тридцатилетие внучки не пришла, зато зазвала к себе и сама надела на палец кольцо, которое Алевтина видела у нее всего раза три, и только по большим торжествам. «Хотела завещать, — сказала бабка, — да уж ладно. А то залезет какая-нибудь жулябия — народ-то сейчас, сама знаешь...» Мать, увидев подарок, произнесла странные слова: «Дорогая вещь. Ты не носи, спрячь. Авось когда и спасет». Тогда Алевтина посмеялась, но как-то само получилось, что кольцо, по стопам бабки, надевала только на торжества и малознакомым людям старалась не показывать.

Права оказалась мать — кольцо пригодилось. Авось и спасет.

Сколько стоит кольцо, Алевтина точно не знала, но представление имела. Кольцо тоненькое, золота немного, меньше, чем

в ее обручальном, которое, кстати, тоже вполне можно продать рублей за полтораста — золото такое, что дороже никто и не даст. А на бабушкином кольце золото старинное, настоящее. Но главное — камень. Изумруды сейчас ценятся, а этот уж во всяком случае, не маленький, не такая кроха, как в нынешних цацках. Ну, и работа, старинная ручная работа, нынче в «ювелирках» такие вещи не лежат. Хотя сейчас там вообще ничего не лежит, сразу расхватывают.

Словом, по разным окольным прикидкам, кольцо как раз и стоило где-то около двух. Не меньше. Нет, не меньше...

В среду, когда репетиции не было, Алевтина достала кольцо и поехала в ювелирную комиссионку. Ценную вещь сперва хотела спрятать в сумочку, потом решила, что на пальце надежней.

Адрес ей объяснили толково, нашла сразу. Магазин был большой, двухэтажный, внизу — приемка, наверху — продажа. Хвост на комиссию был человек десять. Алевтина поступила разумно: заняла очередь за южным человеком и пошла наверх на разведку.

Там тесно не было. Впрочем, и прилавки разнообразием не баловали: много жемчуга, много кораллов, много серебряных цепочек и ни одной золотой. Кольца, правда, были. Алевтина просмотрела их придирчивым взглядом конкурентки и поняла, что ее дела, может, и не блестящи, но уж никак не плохи. Те, что с красными стекляшками, можно было в расчет не брать: на трезвую голову такие не купят. Три вещицы с янтарем выглядели получше, но и янтарь в золоте смотрелся бедно, собственно, даже не камень, а смола, ему и положено быть недорогим. А вот дальше, в отдельной витрине, два кольца с изумрудами — тут Алевтина остановилась надолго.

90
Одно стоило тысячу триста, но простенькое, и камешек чисто символический, с гречневое зернышко. Другое было красивое, много золота, оригинальная работа, два бриллиантика по краям и камень, как на ее кольце, не меньше, причем красивый, безусловно, красивый: и ярче, и зеленей, чем бабушкин изумруд. Но ведь и стоило это роскошество пять двести! Пять двести, и ни гривенником меньше! Да если ей дадут хотя бы половину, не только хватит на все, но и дурицу Зинку можно будет не дергать с долгом, и в венгерском пиджаке щеголять самой...

Вниз по лестнице Алевтина шла успокоенная.

Очередь продвинулась едва наполовину. Алевтина обратила внимание, что в очереди сплошь женщины и у всех что-то в руках, лишь единственный мужчина, южный человек, за которым она заняла, сидит пустой. Он сказал ей, бросив взгляд на лестницу в верхний зал:

— Неинтересно.

Она не очень поняла, что он имеет в виду, но на всякий случай кивнула.

— А у вас что? — спросил сосед. Он был лет пятидесяти, в дешевом мятом костюме, с плохо выбритым усталым лицом.

Не ответить было невежливо, и Алевтина показала ему кольцо, из осторожности согнув палец.

— А бриллиантов нету? — поинтересовался он без особой надежды.

Она пожала плечами:

— К сожалению...

— Бриллианты нужны, — сказал он уныло, — сына жено. Красивая вещь, но нужны бриллианты. У кого дочка, легче. А у меня два сына. Трудно!

— У вас что, вроде калыма? — спросила Алевтина, улыбкой смягчая, может быть, бестактный вопрос.

Собеседник не обиделся:

— Нет, у нас калыма не бывает. Но подарки надо. Невесте — бриллианты, еще другое... Много надо. Сервиза два, вазы хрустальные две, для конфет тоже ваза... Много надо, вся семья копит... А ваша вещь сколько стоит?

— Не знаю, — сказала она, — хочу приценить.

— Невесте бриллианты надо, — сказал южный мужчина. — А еще мать, ей тоже подарок надо.

— Ну, для матери это, наверное, будет дорого, — возразила Алевтина, — кольцо старинное, изумруд...

Она подумала, что хорошо бы продать кольцо вот так, в очереди, приценить и тут же продать, чтобы не ждать, не мотаться туда-сюда и без всяких комиссионных...

— У нас дорого детей женить, — вздохнул сосед, — у вас дешевле.

Тут подошла очередь.

— Идите, — сказал мужчина, — вы идите, я потом.

Алевтина только кивнула, не было времени даже поблагодарить.

Позвали двоих, и Алевтина вошла вместе с девушкой, стоявшей впереди. Оценщиков тоже оказалось двое, мужчина и женщина. Пока девушка колебалась, Алевтина подседа к мужчине. Она не знала, кто он, не успела его разглядеть. Просто вот уже почти двадцать лет, если приходилось от кого-нибудь зависеть, она предпочитала зависеть от мужчины. Предпочла и сейчас.

Мужчина был не стар, но почти лыс, с холодными, наглыми глазами. Глаза Алевтину насторожили, но забирать назад кольцо было поздно.

— Ясно, — сказал оценщик и зачем-то качнул мизинцем весы с маленькими чашечками. — За сколько хотите положить?

— Ну, не знаю... — замялась Алевтина. Она вдруг заметила, что за ее плечом стоит и смотрит на оценщика собеседник из очереди. — Не знаю, — повторила она. — Если бы современное, а то старинное...

— За триста можем попробовать.

— Триста? — Алевтина не поняла — то ли он оговорился, то ли она ослышалась.

— Ну, триста тридцать, — набавил лысый оценщик, — лежать ведь будет.

Алевтина задохнулась от возмущения. Жулик? Дурак? Или ее считает за дуру?

— Интересная цена, — громко сказала она. — Старинное кольцо с изумрудом — триста рублей. У вас там такой же камень лежит за пять тысяч, а этот — триста!

— Валя! — позвал оценщик.

Женщина, сидевшая за другой стойкой, не торопясь, подошла.

— Ну-ка, глянь.

Та посмотрела в лупу.

— Хризопраз,— сказала она и пошла к своему месту.

— Хризопраз,— повторил оценщик, и в наглых его глазах мелькнуло нечто вроде сочувствия,— тоже зелененький, тоже симпатичный, но стекло не режет. Так что носите и получайте удовольствие.

— Да нет, не может быть,— беспомощно и глупо забормотала Алевтина,— я же не выдумала, мне его бабушка подарила. Старинная вещь...

— А вы думаете, в старину не ввали?

Алевтина молча схватила кольцо, не смогла надеть на палец и, зажав в кулаке, выскочила из комнаты. На улице торопливо бросилась за угол и, лицом к стене, зарыдала. «За что,— билось у нее в голове,— ну за что?» Было так стыдно, что она почти не чувствовала страха. Хотя какая-то клеточка в мозгу уже знала, что самое ужасное не этот стыд, а неотвратимый будущий ужас.

— Зачем плачешь? — укорили за спиной с уже знакомым акцентом.— Народ сейчас такой, много нечестных. Сын мед купил на рынке, красивый мед, десять рублей кило. Две недели постоял — половина сахар! Много нечестных.

Она повернулась к южному гражданину и, вцепившись ногтями в его пиджак, сглатывая слезы, стала убеждать его, что вещь от бабушки, старинная...

— Красивая вещь,— сказал тот,— старинная, сразу видно. Жаль, не бриллиант, я бы купил...

Алевтина не поленилась, съездила на такси через весь город в другую комиссионку, после чего нелепость окончательно стала фактом.

Из дома она сразу позвонила Илье. Голосом к этому времени она уже владела.

— Ну что, Илюшенька,— проговорила бодро,— не рано звоню?

Он сказал, что немножко рано.

— Не успел еще? — с надеждой спросила она.

— Почему не успел, все успел. В понедельник решение обещаю.

— Ой, не слышно ничего, перезвоню,— наплась Алевтина, нажала на рычаг и положила трубку рядом с телефоном, чтобы он сам не перезвонил. После чего легла на диван и лежала час почти неподвижно. Больше всего хотелось хватануть пару таблеток снотворного, чтобы хоть на сутки избавиться от всего. Или сразу пачку, чтобы вообще избавиться от всего. Иди с ревом, с истерикой все вывалить дочке и бывшему мужу, этой злобной маленькой сучке и ее папаше, и пусть выпутываются, как хотят, она не может больше, она брошенная баба и не обязана думать о них, пусть думают о ней...

Пришла Варька, зажгла свет в коридоре, еще с порога заметила непорядок:

— Мать, ты что, у тебя же трубка валяется!

Алевтина что-то буркнула, притворяясь сонной. Варька поло-

жила трубку на рычаг. Телефон зазвонил почти мгновенно. Варька отозвалась, сунула трубку Алевтине и пошла к себе.

Звонила дурища Зинка. Ей срочно нужна была сотня — очень своевременная идея! Ее предпоследний любовник, алкаш и ничтожество, ехал в дом отдыха на Валдай, по этому случаю стрельнул у Зинки двадцатку и предложил посреди срока завалиться к нему дня на четыре.

Тут все было ясно, слава Богу, не в первый раз. В доме отдыха этот подонок, конечно же, сразу запыет, к середине срока, поистратившись, малость протрезвеет, потянет на бабу, и тут Зинка окажется вполне кстати. А поскольку приезжать к нему полагалось с гостинцами, дурище требовались деньги не только на дорогу, но и на коньяк любимому человеку, потому что вкус у этого мерзавца был аристократический.

Говорить про все это не хотелось, сто раз говорено, и Алевтина лишь ответила сухо, что денег у нее нет. Зинка тут же виновато затараторила, что про долг помнит и непременно отдаст, но вот если бы сейчас удалось где-то достать... Алевтина наорала на нее, едко заметив, что деньги порядочные люди не достают, а зарабатывают. Зинка, привыкшая к подружиным выговорам, не обиделась и продолжала нудить, что Алевтина, конечно, права, но деньги хорошо бы достать.

Этот маленький скандал сыграл свою положительную роль: разрядившись на подруге, Алевтина немного успокоилась.

Прежде всего она поняла, что Варьке ничего говорить не станет: еще не хватало в глазах дочери выглядеть жалкой идиоткой, перехитрившей саму себя. Да и что толку, если скажет? Оставить все, как есть, Димка с соплюхой где-то, она с Варькой тут? Пока можно. Но надолго ли? Две бабы, потому что и Варька давно уже баба, нечего себя утешать, нормальная баба, молодая и агрессивная, которой тоже хочется хозяйничать в собственном гнезде. А если приведет мужика? И не если, а приведет, не будет же она бесконечно довольствоваться случайными койками. Так что все равно разъезжаться, не сейчас, так через год или два. А кто гарантирует, что через год будет пусть не идеальный, а хоть сколько-нибудь приличный вариант?

Она вяло ругнула про себя Мигунова: понтырщик проклятый, принципы у него, не мог уж дать в долг... Но тут же выкинула этот вариант из головы: надо думать не о том, что пролетело, как фанера над Парижем, а о том, что делать сейчас.

Еще с училищных времен у Алевтины была любимая сказка про двух лягушек, свалившихся в горшок со сметаной. Одна из них сразу поняла, что выбраться не удастся, сложила лапки и пошла ко дну. А вторая дрыгалась всю ночь, к утру сбила сметану в масло и, оттолкнувшись от твердой поверхности, выскочила на свободу. Алевтина всегда гордилась, что она из вторых лягушек.

Первое, в чем она себя довольно легко убедила, что панику поднимать рано. Деньги нужны через два месяца. Где два, там и три, там и три с половиной. А вот больше нельзя, тут и рассчитывать нечего...

Достать. Эта дурища говорит: «Достать». Но где? И из каких

пишей потом отдавать? Спекулировать? Чем? Воровать? Слава Богу, воровкой никогда не была, в сорок лет начинать поздно.

Зарплата — это на жизнь. Гроши. Если какая сотня сэкономится, не спасет.

Илюшкина халтурка — это уже что-то. Даже очень что-то. Если все получится и номер вставят в программу, за три месяца выйдет рублей шестьсот. Деньги!

Обидно было, что какому-то ничтожеству из клубного кружка дают сотню в вечер. Но увы! Закон природы. Будь это пятнадцать лет назад... десять хотя бы...

Ладно, одернула она себя, хватит. Дело надо делать. Не мечтать, а сбивать масло...

Она набрала Илью.

— Илюш, прости, тут с телефоном чего-то было... Так вот, я что хотела: насчет номера в вашем «Пале-Рояле» — это реально?

— Ну, естественно, — оживился он, — готовь номер и приходи.

— Неужели ты думаешь, что за всю жизнь у меня не набралось парочки номеров? — ответила Алевтина с легкой надменностью — она по опыту знала, что и уверенность, и нерешительность заражают окружающих, и хотела, чтобы Илье, ее единственному пока союзнику в этой неведомой конторе, передалась именно уверенность.

— Да нет, не сомневаюсь, — стал оправдываться он, — но ведь специфика...

— Милый мой, — успокоила Алевтина, — я уже лет пять не девочка, и что нужно пьяным мужикам, как-нибудь сообразу.

Договорились созвониться завтра, и она, щедро бросив: «Целую, родной!», положила трубку.

Что нужно этим убудкам, она знала прекрасно. Баба помоложе, ритм, секс и побольше тела — вот что им нужно. С «помоложе», увы, не выйдет, чем богаты, тем и рады. А остальное получают сполна. Причем лучшего качества, чем заслуживают. Тут Алевтина в себе не сомневалась.

Беликой балериной она, к сожалению, не родилась, знаменитой не стала — судьба поскупилась на пару козырьков в нужный момент. А вот классной профессионалкой была, причем не так уж давно. И того, что осталось, для кабака более чем хватит.

Кривляться и лебезить перед алкашами она не станет. Не дождутся! Еще в училище их педагогиня, вошедшая в легенды Лигита Карловна, утверждала, что есть два пути к успеху: угождать или побеждать. И высокомерно заявляла, что угождать их научит кто-нибудь другой. Вот и Алевтина угождать не собиралась.

Тем более что все равно не получится, годы не те.

За двадцать с лишним лет, начиная с училища, она наработала столько, что теперь было из чего выбирать. Собственно, она этим и занималась, причем уже не первую неделю — с того дня, как сидели с Илюшкой в кафе. То есть, конечно, не прямо выбирала, но думала между делом, как бы автоматически, ненаправленно и клочковато, не принуждая мозг. Она давно убедилась, что танец — дело свободное, его не вымучивают, это на репетициях

пот льется ведрами, а придумывать надо легко, от напряжения все равно ничего не возникнет, кроме морщин на лбу.

Вот и все эти дни Алевтина искала будущий номер, словно бы развлекаясь, стараясь получить удовольствие от самого процесса. И кое-что уже нашла.

За стеной Варька негромко тоняла магнитофон. Потом ей понадобилось позвонить, она зашла и потащила телефон к себе, волочащимся шнуром загнав под кровать Алевтинину тапочку.

— Ты в гости не собираешься? — спросила Алевтина вслед.

Варька остановилась:

— А надо?

— Желательно.

— Ну, раз родная мать просит... Лучше до утра?

Она улыбалась, но глаза блеснули враждебно.

— Не дури, — сказала Алевтина, — мне просто надо поработать.

«Разъезжаться, — подумала она, — только разъезжаться. Надо же, поменялись ролями: ей все можно, мне все нельзя...»

Пока Варька звонила, пока одевалась, у Алевтины придумалась прямо-таки гениальная композиция первого выхода. И как это раньше ни постановщикам, ни ей никогда в голову не приходило? «Впрочем, раньше, — усмехнулась она, — задачи были иные».

— Пока, мать! — Уже в дверях Варька сделала ручкой.

— Варь! — позвала вдруг Алевтина.

Зачем позвала? Ни за чем, так. Просто захотелось удержать дочь рядом еще на секунду. Может, позвать, дотронуться до теплого родного тельца. Давно ли сама жалась к матери...

— Чего? — Вопрос был деловитый и слегка настороженный, словно ждала от матери каких-то очередных требований и уже изготавилась к отпору.

— Зонтик не забудь, — сказала Алевтина.

Все, выросла, отрезанный ломоть. Или на равных, или враги. Нет, только разъезжаться...

Варька ушла, и настала очередь большого зеркала в комнате, так давно не выполнявшего свою рабочую роль. Для выездных спектаклей сходило и так. Для халтурки придется постараться.

Придумала Алевтина вот что.

Уже много лет на очень, к сожалению, редких концертах она танцевала испанский танец — нормальный испанский танец со страстными ритмами, дрожанием плеч и гордо вздернутым подбородком. К танцу прилагалась маска-домино, широкая красная юбка с большой серебряной пуговицей у пояса, красная же шаль и касета с музыкой. Поскольку и в музыке, и в танце варьировались мотивы из «Кармен», шаль в конце выполняла роль мулеты, той самой красной тряпки для быка. Танец нравился и публике, и самой Алевтине, и она предполагала использовать его в Илюшкиной конторе. Единственно, чего в нем не было, — это специфики. Так вот, Алевтина решила в качестве красной тряпки употреблять не шаль, а юбку, сбрасывая ее прямо во время танца. Гениальность же замысла была в том, что танец становился не только «специфичней», но и просто

лучше: изображать тореадора в широкой юбке — в этом всегда было что-то неестественное, а вот в обтягивающем трико она войдет в образ легко и сразу.

Теперь надо было прикинуть, что из этого выйдет в натуре.

Она достала красную юбку и минут двадцать пробовала варианты перед зеркалом. В общем, получалось.

Второй танец она тоже выбрала из старого: лиричный, с богатой пластикой, почти весь на импровизации. Сперва черный балахон и тоже шаль, но серебристая, затем они спадают и остается туника. Для кабака надо чуть больше надеть, чтобы появилась возможность чуть больше снять.

Она и это попробовала перед зеркалом — тоже годилось. Но тут у нее возникла новая идея, совершенно неожиданная...

Илюшкино кафе помещалось в двух шагах от Садового кольца — в довольно симпатичном подвальчике столиков на пятнадцать. Раньше там была столовая, и Илья пожаловался, что вот уже полтора года никак не выветрится запах щей.

— Не преувеличивай, — сказала она, целуя его в щеку, — нормальный дух общепита.

В общем, было неплохо, она боялась худшего. Даже эстрада имелась — низенький полукруглый помост. Не разбежишься, конечно, но жить можно. Как говорила та же Лигита Карловна, чем меньше пространства, тем видней актер. Вот ухода хорошего, к сожалению, не было — только через зал, в короткий коридорчик, где справа была кухня, а слева — две комнатки. В одной из них, вроде кладовки, грудилась какая-то техника, в другой был кабинет Ильи.

— И все? — удивилась Алевтина. — Вся территория?

— Не так уж мало, — чуть-чуть обиделся Илья, — у других и того нет.

Он забавно смотрелся в солидном костюме и галстук, бестолково болтавшемся на выпирающем животе.

— А где же директор?

— У нас нет директора, все работают.

— Ну, не знаю, кто-то главный должен же быть? Председатель, что ли.

— Председатель — я, — скромно проинформировал Илья.

— Ну и ну, — всплеснула руками Алевтина, — а скрывал! — Она все еще играла роль преуспевающей, но демократичной актрисы.

— А чего тут хвастаться, — смутился он, — выбрали, вот и... числюсь, как говорится.

Алевтина решила, что первая задача выполнена, уверенность продемонстрирована, можно переходить к основному.

— Илюш, — произнесла она уже серьезно, обычным дружеским тоном, — я все приготовила. Посмотришь?

— Зачем? — возразил он, — я же тебя знаю. А ребята наши мне верят. Если хочешь, давай прямо сегодня. Выйди, попробуй. Что не так, не страшно, народ меняется, в следующий раз поправишь. У нас только по выходным клиентура стабильная.

— Да, кстати, насчет выходных... — начала Алевтина, но сама же себя и прервала: — Ладно, это успеется.

Она сказала так специально, чтобы легче было вернуться к разговору потом, в нужный, заранее намеченный момент.

Дебют Алевтины прошел успешно, как она и рассчитывала: смешно было бы ей, профессионалке, провалиться в кабаке. И вообще-то принимали хорошо, а уж неожиданный трюк с юбкой вызвал просто вопль восторга. Она сразу же убежала в коридорчик к Илье, а поклониться вышла только раз, так и не сняв маску. Илья долго восхищался и тут же, чтобы не забыть, сунул ей пятнадцать рублей, дав расписаться в какой-то бумажке.

— Серьезная контора, — улыбнулась она.

— Подальше от греха, — объяснил Илья и вздохнул: — Каждый рубль через ведомость, мало ли чего...

Без стука, по-хозяйски вошел крупный малый лет тридцати в импортной, но безвкусной куртке нараспашку, в мятых брюках, похожий на процветающего сантехника.

— Чего там за восторги? — спросил он громко.

Звучало это вполне доброжелательно, но неприятна была его бесцеремонность.

— Это вот Алевтина, — представил Илья, — я тебе говорил, коллега моя. А это Володя, самый у нас квалифицированный человек, вся техника на нем...

— Да брось, Илюха, — оборвал тот и повернулся к Алевтине.

— Осветитель я, рабочий класс, включить — выключить. — И, подмигнув, утешил: — У нас тут жить можно.

Он вышел.

— Осветитель у тебя компанейский, — сказала она.

Илья покраснел и забормотал:

— Нет, он хороший малый. У нас тут вообще все свои, без этикета...

— Да, Илюш, — вскинулась Алевтина, будто только что вспомнив, — мы там начали насчет выходных. Знаешь, я прикинула... Я бы хотела поработать и в выходной. Долги-то отдавать придется... — И, чтобы не выпасть из благополучного образа, показала улыбкой, что долги эти для нее не так уж и важны.

— Насчет выходных? Но ведь в выходные у нас... Я же тебе говорил...

— Да помню, помню, — успокоила она, — но рискнуть-то можно. А то так и помрешь, ни разу не попробовав.

Он смотрел неуверенно, и она погладила его по руке:

— Не бойся, милый. Я кое-что придумала. В крайнем случае не заплатишь.

— Да ты что? — обиделся Илья. — Я разве об этом?

— Только репетиция потребуется, — уже деловито проговорила она, — со светом кое-что. Но это просто. Остальное сделаю сама.

Алевтина говорила быстро, чтобы у него не было времени подумать. Он и кивнул, не думая:

— Ну, давай...

Репетицию пришлось проводить прямо в субботу, за час до открытия, с хамоватым Володей. От него требовалась, в общем, мелочь: вовремя убраться и вовремя дать свет. Володя слушал ее,

небрежно покуривая, а когда Алевтина, обеспокоившись, стала объяснять, как это важно, покровительственно обронил:

— Не бойсь, подруга, у нас тут порядок, как в роддоме.

Но тут же неожиданно проявил смысленность и даже вкус: сказал, что в кафе есть реостат, так что свет можно и приглушать, и усиливать постепенно. Это был приятный сюрприз: Алевтина сразу поняла, что так будет гораздо эффективней.

Саму репетицию она обставила крайне скромно: крутилась пленка, Володя убирал свет, а Алевтина в обычном своем уличном костюмчике двигалась по эстрадке, чисто символическими движениями лишь обозначая будущую пластику. В большем необходимости не было, потому что Алевтина взяла за основу свою репертуарную работу, ту самую сентиментальную «мечту», легко приспособив ее к новой идее. А детали, не столь уж сложные, отработала дома.

Худая официантка уже накрывала столы. Извинившись, Алевтина взяла шесть пепельниц и расставила на эстрадке так, чтобы не мешали, но и не стояли кучей. Потом быстро, уже без музыки, повторила композицию, лавируя между пепельницами.

— Так и будешь гулять? — спросил Володя. Похоже, он уже заскучал.

— Секрет фирмы, — ответила она и обаятельно улыбнулась.

Конечно, царень был хам, но теперь он как бы составлял ее коллектив, а с родным коллективом, какой ни есть, приходится ладить. Еще следовало расширить проход к коридорчику.

— Столы надо сдвинуть, — сказала она Володе и шагнула с эстрадки.

— Валий, — разрешил он и пошел в свою кладовку с техникой. Ну, хам...

Алевтина поставила на место пепельницы и принялась двигать столы. Худая официантка покосилась на нее, но ни протестовать, ни помогать не стала. Как ни странно, Алевтине это понравилось: похоже, здесь каждый знал собственное дело и доверял другому делать свое.

Вошел Илья и спросил, все ли в порядке. Она сказала, что все о'кей, и договорилась, что переодеваться будет в его кабинете.

В этот вечер она была занята в театре. Но субботняя программа в кафе начиналась в одиннадцать, она успела и подъехать, и даже отдохнуть в комнатке у Ильи.

Илья познакомил Алевтину с их постоянной стриптизеркой. Девочка Алевтине понравилась в основном тем, что была не опасна. Правда, молоденькая и с фигурой, но вульгарна до предела. Чуть не на каждую фразу она громко смеялась, глазки ее сплошисто поблескивали. Словом, своя в доску, из тех, кому при необходимости задирают юбку прямо в парадном.

Алевтина решила с ней подружиться. Девушка оказалась без комплексов, легко перешла на «ты», сказала, что двоим тут не тесно, даже лучше, смогут друг друга подменять, лишь бы месячные не совпадали. Илья поморщился, но юная коллега этого не заметила. В довершение ко всему назвалась она Марго.

«И такой сто за вечер?» — думала Алевтина, радушно улыбаясь новой подруге.

Опять без стука ввалился Володя и сказал Марго, что пора. Та подняла с пола сумку-рюкзачок, всю в фирменных нашлепках, и вышла следом за Володей.

А где же она переодевается, прикинула Алевтина. У осветителя, наверное, больше негде. Да, что надо коллеги!

— Хорошая девочка, — сказала она Илье. Тот поднял глаза, усмехнулся и не ответил.

В зале звякнул гонг.

— Пойду гляну, — поднялась Алевтина.

Марго вполне оправдала ее ожидания. Двигалась она, как на протезах, то и дело выпадала из ритма, посылала в зал воздушный поцелуй и явно старалась поскорей отделаться от танца, чтобы наконец перейти к настоящему делу. Но и тут была верна себе: лифчик едва расстегнула, в трусиках просто запуталась, потом постояла немного, кокетливо прикрыв ладонями лобок, и вскинула руки вверх, словно бы в олимпийском приветствии. О более выгодном фоне нечего было и мечтать.

Алевтина, ждавшая ее в коридорчике, показала большой палец и поцеловала в щеку. Марго благодарно ее обняла.

— Перетрахалась вчера, — словно бы извинилась она, как певица, предупреждающая, что нынче не в голосе. Затем, как вычислила Алевтина, толкнула дверь в Володино логово, и туда же официантка пронесла ее собранные в ворох тряпки.

Алевтина прошла в зал и расставила на эстрадке плошки со свечами. По идее, тут нужна была ассистентка, солистка не имеет права на глазах у публики заниматься черной работой. Но ассистентки не было, просить никого не хотелось, да и кого? К тому же скорей всего ее сейчас и примут за ассистентку и мгновенно забудут, как забывают гардеробщика или швейцара.

Вернувшись к Илье, она попросила:

— Милый, ты не посмотришь из зала? Мне очень важно, как это выглядит со стороны, — все-таки дебют.

С мнением Илюшки она не так уж и считалась, просто повандобился предлог, чтобы выставить мужика из комнаты: переодеть предстояло все, начиная с прозрачных трусиков. Конечно, смешно, собираясь на стриптиз, корчить из себя невинность, но разница все же имелась, и существенная: на сцене она будет обнаженной актрисой, а здесь просто голой бабой. Надо себя уважать, тогда и другие будут уважать.

Илья вдруг вспомнил:

— Да, там, в углу, компания с телками, это они заказали второй стриптиз. Ты уж им улыбнись.

Алевтина рассеянно обещала. Никому улыбаться она не собиралась.

Илья ушел. Она оделась, завернулась в черный балахон, сверху набросила шаль. Надела маску.

Ударил гонг, пошла музыка, Алевтина зашпепила в зал.

Сперва был просто ее эпизод из спектакля, лирика, сантименты, плавность. Потом Володя, умница, стал постепенно убирать свет. И так же медленно Алевтина одну за другой зажгла все расставленные на эстраде свечи. Все вышло идеально: послед-

няя свеча загорелась в тот самый момент, когда полностью погасли люстры.

Мелодия пошла сначала. Алевтина сбросила шаль и, встав на колени, задула первую свечу. Упал балахон — еще свеча.

Блузка — еще свеча.

В зале хоть бы вилка звякнула.

Этот танец Алевтина в общем-то не придумала, она видела его в Венгрии, в ту свою единственную заграничку, в ресторане при гостинице, куда их водили ужинать. Там все кончалось на голубом, в блестках, купальнике. Сперва Алевтина и хотела сделать все, как видела. Но потом решила не останавливаться. За купальник дали бы те же пятнадцать.

Прозрачные трусики соскользнули на пол, Алевтина мгновенно задула последнюю свечу, схватила шаль и в темноте между столиками пробежала в короткой коридорчик. Что творилось за спиной! Трезвые, алкаши, а люди везде люди...

Она буквально секунды на три появилась в дверях зала — босая, в маске, завернувшись в шаль.

В театре бы так хлопали...

Илья обнимал ее и облизывал обе щеки. Володя хлопнул по спине и одобрил:

— Умеешь!

Марго тоже хвалила, шумно и, кажется, искренне, лицо у нее было безмятежно-довольное. Алевтина вдруг с изумлением поняла, что и эта хабалка не видит в ней конкурентки. Впрочем, чему удивляться: судя по сегодняшней клоунаде, для нее главное не как двигаться, а что показать. Что ж, тем лучше — слишком выгодна халтурка, чтобы заводить здесь врагов...

100
Дома она прежде всего достала деньги из сумочки. Сотня как сотня, одной бумажкой. И всего-то две трети ее месячной зарплаты. С ума сойти...

Алевтина раздевалась, мылась, жарила яичницу — жор напал на ночь глядя — и все считала, считала. Получалась какая-то фантастика. За вечер сто, за неделю двести. За месяц...

Жуть крошечная, просто бред. Стоит ли мотаться в допотопном автобусе по колхозам? Ведь если так пойдет, за полгода не только Димке отдаст, но, чего доброго, и на мебель отложит...

Бред, сплошной бред. Просто анекдот!

Слава Богу, Варька дрыхла, а то бы сразу заподозрила неладное...

В воскресенье Алевтина снова раздевалась при свечах. Сотня. В следующую субботу то же. Сотня. Да еще среди недели удалось трижды помахать красной юбкой, разгоняя сигаретный дым с ближних столиков. Сорок пять.

Жизнь изменилась так стремительно, что Алевтину стало заносить, — она передумала продавать сапоги и пару раз без особой надобности проехала на такси.

Даже с Варькой стало налаживаться, причем как-то само собой. В понедельник за ужином та поинтересовалась, где это мать ошивается чуть ли не до утра, на что Алевтина невозмутимо отозвалась между двумя глотками кофе:

— А ты думала, только тебе можно шляться по ночам?

Варька, конечно, за словом в карман не полезла, но мордочка у нее была озадаченная: она явно не могла понять, с чего это вдруг мать из несчастной, озлобленной разведенки вдруг превратилась в современную независимую женщину, высокомерно живущую лишь по собственным законам.

Теперь каждое утро Алевтина разминалась минут по сорок, растиралась длинным полотенцем и с удовольствием разглядывала в оба зеркала собственное тело. Хороший инструмент!

Никаких осложнений в обозримом будущем она не предполагала.

В воскресенье у Алевтины снова был выездной спектакль, правда, в Москве, но на окраине, у самой кольцевой. Добираться пришлось через весь город, она успела, хотя и в обрез. Опаздывать было нельзя, потому что Марго накануне предупредила, что не придет, по-свойски бросив Алевтине, что всех денег не заработаешь. Возможно, в тот вечер она собиралась заработать в другом месте и другим путем.

Алевтина была в плаще. Дождя не оказалось, но плащик и нужен был не от дождя. Каждый раз выставлять Илью из кабинета стало неудобно, а плащ вполне позволял при известной сноровке все, что надо, снять и все, что надо, надеть.

Пробегая мимо гардеробщика, она услышала недовольный Володин баритон:

— Ну, где твоя бабуся-то?

Модное место, довольно усмехнулась Алевтина, уже бабуся стали ходить... Она вбежала в кабинетик Илья — тот сидел в своем кресле, а Володя стоял у стола почему-то в кепке.

— Привет, мальчики, — проговорила она, улыбаясь, и стала быстро выкладывать из сумки нужное для танца.

— Быстреей давай, — хмуро бросил Володя, — время-то...

И вышел, не договорив.

— Давай, давай, — заторопил Илья, словно поддакивая осветителю.

Алевтину как по затылку ударило. Она вдруг поняла, что разговор шел о ней, что «бабуся» как раз она и есть. Хам, холуй, ничтожество... И наверное, всегда так ее называет, и с этой шлюшкой Марго, когда раскладывает ее у себя в каморке... А Илья, вместо того чтобы поставить на место хама и холуя...

Звякнул гонг, пошла музыка, времени не было ни на что. Она надела маску и, на ходу набрасывая шаль, кинулась в зал.

Балерина есть балерина. Как говорила Лигита Карловна, полностью проваливаются только дилетанты. Алевтина и не провалилась, было хуже, чем обычно, но сошло. И свечки, как и полагалось, гасли в полной тишине. Алевтина даже помедлила перед тем, как задуть последний огарок: в конце концов эти в зале не виноваты, что сегодня они получили меньше искусства — пусть получают больше тела.

К сожалению, в расстройстве чувств она забыла про шаль, — вспомнила уже в проходе между столиками, когда возвращаться

было поздно — сейчас медленно пойдет свет. Ладно, прошмыгнет к Илье и сразу накинёт плащ Ничего, не ослепнет...

Она ничего не успела, потому что свет вспыхнул внезапно. Алевтина едва успела проскочить в коридорчик, где тоже сделалось светло. И вот тут все стало ясно.

У закрытой двери Илюшкиного кабинета стоял сам осветитель в мятых брюках и рубашке, расстегнутой чуть не до пупа, а поодаль неуверенно перетаптывались два незнакомых парня помоложе, один из них с откупоренной пивной бутылкой в руке.

— Вот так,— ухмыльнулся Володя,— это тебе штраф за опоздание. А с вас, мужики, по рублю за театр, Зрелище богов! — И, вполне дружелюбно подмигнув, легонько мазнул ее ладонью по груди.

И тут Алевтина забыла все на свете. С криком: «Хам, мразь, сволочь!» — она бросилась на осветителя.

Удар был несильный, но попал точно в скулу. Алевтина начала соображать, когда Володя уже поднимал ее с пола, укоризненно приговаривая:

— У тебя что, бабуся, совсем крыша поехала?

Алевтина вырвалась и кинулась к Илье.

— Ты слышал? — закричала она. — Ты видел? Этот хам... Эта мразь...

Илья смотрел на нее ошарашенно.

Только тут до нее дошло, как она выглядит: голая, растрепанная, в дурацкой маске... Алевтина захлопнула дверь и схватила плащ.

— Этот хам,— захлебывалась она,— эта мразь...

— Да что случилось-то?

— Он поднял на меня руку!

— За что?

Ее поразил и этот дурацкий вопрос, и испуганные глаза Ильи.

— Ты что, не слышишь? Он меня ударил!

— Да погоди,— шепотом проговорил Илья,— что случилось?

От его шепота у Алевтины свело скулы.

— Выгони его немедленно,— холодно сказала она,— я его рожу поганую видеть не могу. К чертовой матери выгони!

— Да как «выгони», — забормотал тот, — как «выгони»? Он же все-таки...

— Тебе что, осветитель нужен? Да я завтра пятерых приведу! — крикнула Алевтина. Она понятия не имела, откуда завтра возьмутся пять осветителей, но этого хама видеть больше не могла.

Официантка внесла ее вещи, положила на стул и вышла.

Илья сказал с досадой:

— Ты что, ребенок, что ли? Как я его выгоню? Кто мне даст?

— Но ты же набираешь штат? Ты председатель или не ты?

— Я,— сказал он,— я председатель. И штат набираю я.

А меня набрал он. Мое здесь — вот эта самописка. А все остальное — его. Аппаратура его, деньги его, связи его...

— А председатель тогда зачем? — По инерции она еще настаивала, но в голосе уже не было силы: реальная ситуация все четче прорисовывалась и не оставляла надежд.

— Председатель? — Илья горько усмехнулся. — По заседаниям бегать да в тюрьме сидеть, вот зачем.

— Но как же ты с ним работаешь? — растерянно спросила Алевтина. Илья жестко посмотрел на нее:

— Ты мою конуру видела? Вот так и работаю... Да ты не думай, все нормально. Он вообще-то хороший парень. Воспитание уж какое есть, а сам по себе... Ты еще плохих не видала.

— А откуда у него деньги?

— Умеет делать, — вздохнул Илья, — талант такой. Он умеет, а я нет. Вот потому я у него и служу, а не он у меня.

Алевтина натянула брюки, застегнула лифчик, надела свитер.

— Ладно, — сказала она, — спасибо за всё. Значит, не судьба.

— Да постой. Ты чего?

— После того, что было...

— Да брось ты, — отмахнулся он, поморщившись, — чего было-то? Ничего и не было. Тебе что, деньги не нужны?

— Деньги нужны, но не любой ценой. — Она хотела произнести это со спокойным достоинством, но прозвучало жалко.

— Мать, — попросил он, — не мучайся дурью, а? Посиди вот тут. Только не уходи. Жесты-то зачем? В театре, что ли, скандалов не бывает?

Алевтина неопределенно пожала плечами, но дала ему отнять плащик.

Минут через пять официантка принесла три блюда с закусками и высокую бутылку водки. Еще через сколько-то вернулся Илья с Володей и теми двумя парнями. Володя сказал:

— Все мужики, по-быстрому и по-тихому. Давай, Илюха, команду. Тина, давай. А я, понимаешь, думаю: чего это она? Ведь хохма просто. Хохма, и все. У нас тут вообще народ веселый. — Он сунул ей рюмку. — Давай, Тина. Все ведь свои. Вот эти двое, думаешь, чужие? Тоже свои... Ну, давай без обид. Ни ты на меня, ни я на тебя. Работаем вместе, значит, обид быть не должно.

Быстро чокнулись и быстро выпили, так что он почти не прервал свою речь.

— У нас ведь что главное? Чтобы каждый работал и своих уважал. А больше — нет проблем.

Илья разлил водку и предложил за Володю. Тот отказался:

— За меня не надо. Давайте за Тину. — И повернулся к ней.

— Думаешь, не вижу, как работаешь? Все вижу. Профессионал. А кто дело знает, я уважаю. Вот, например, Илья...

Он стал объяснять, за что уважает Илью. Тина старалась улыбаться и к месту кивать. Два месяца выдержать, думала она, только бы два месяца. Димке отдаст потом. Внести пай, а там уж как-нибудь. Ничего, два месяца выдержку. Зато будет своя нора. И с дурицей Зинкой не придется шептаться на кухне. И Мигунов, понтырщик чертов, будет приходиться. Не часто, нет, только когда депрессия. Приходить и заряжаться от нее, как фонарик от сети...

— Тин, за Илюху-то! — укорил Володя, и она поднесла рюмку к губам. Ничего, думала она, не страшно. Как-нибудь да наладится. Жить можно...

МИР

ОТКРЫТЫЙ

ДВОРОМ

С послом Бельгии
в СССР
господином

**ЛЮКОМ
ПЮТМАНОМ**

беседует наш
корреспондент

ЮЛИЯ БРАГИНСКАЯ

— Господин посол, обычно о дипломатах говорят, что они относятся к людям того типа, по лицу которых трудно прочесть какие-либо эмоции. В данном случае вижу полную противоположность этому правилу. Эта «противоположность» тоже профессиональное качество?

— И что же вы видите на моем лице?

— Я вижу человека открытого, очень эмоционального...

— Да-да-да. Хотя дипломат никогда не должен говорить то, что он думает, и показывать свою реакцию на происходящее, по-моему, это всего лишь методы традиционной дипломатии, существовавшей еще некоторое время назад... Правда, случается, дипломат должен «прятать» то, что он думает, и то, что он чувствует... Моя карьера складывалась так, что не раз приходилось выполнять трудные поручения. Когда

я был послом в Заире — пост для Бельгии важный и деликатный, — мне приходилось защищать точку зрения моего правительства и говорить, с одной стороны, ясно, с другой — проявляя внимание и такт к точке зрения и интересам противоположной стороны.

...Я не могу, впрочем, утверждать, что никогда не было конфликтных ситуаций и в Москве. Но в том-то и задача дипломата: понять точку зрения другого, последовательно и ясно отстаивая интересы своего правительства.

— Мне всегда казалось, что позиция представителя страны находится в прямой зависимости от позиции правительства, которое представляет дипломат. Какова степень этой зависимости?

— Я не посол Советского Союза, я — посол Бельгии. Поэтому, естественно, я должен защищать точку зрения правительства Бельгии. Но и в конфликтных ситуаци-

ях посол Бельгии в Советском Союзе может своим авторитетом также повлиять на формирующееся мнение своего правительства: находясь здесь, в Москве, есть возможность лучше узнать и проанализировать ситуацию, нежели находясь в Брюсселе.

— Ответ, достойный дипломата... А в чем, вы считаете, проблема нашей страны?

— В последнее время у вас часто говорят, что страна переживает период крупных проблем и что среди них не последнее место занимает проблема вашей системы. Для себя я разделяю страну и систему. Мне кажется, что ваш народ «расплатился» за систему, которая оказалась несостоятельной. И сегодня вам решать, сохраните вы ее или измените. Я очень уважаю русский народ, он чрезвычайно терпеливый, живет глубокой внутренней жизнью, обладает человеческими качествами, которые в нашей системе, системе потребления, стали менее очевидны. Тем не менее, когда вы говорите об экономических и социальных сложностях, Запад готов прийти к вам на помощь. Помогают Польше, помогают Венгрии, помогают Чехословакии, но помогают именно потому, что они окончательно проявили волю к гуманизации и либерализации своего режима. Но помогать системе, которая не соответствует критериям, при которых помощь эта станет эффективной для народа, мы считаем делом неперспективным.

— Сейчас в структуре СССР возникают независимые системы. Взять, к примеру, Литву...

— Это очень сложный вопрос, сложный по многим причинам. До последнего времени не были опубликованы секретные договоры пакта Молотова — Риббентропа. После публикации этих пактов весь мир смог, наконец, ясно по-

нять, как была совершена аннексия прибалтийских стран. Бельгия никогда не признавала и не признает такую аннексию. Мы всегда помним о праве народа на самоопределение и всегда защищаем такое право.

Москва решила применить экономические санкции. Запад, по принципиальным позициям, не мог остаться равнодушным и должен был решить, как надо реагировать на это, и надо ли реагировать вообще. Принимать ли ответные санкции или оставить ситуацию без внимания. Эта проблема поднималась не столько в Европе, сколько в Америке. Для Запада Горбачев, тот человек, который не только позволил Европе либерализоваться. Горбачев открыл путь к реформам в Советском Союзе. Продолжение и развитие этих реформ для нас приоритетно. Что касается экономических санкций, то, возможно, для Бельгии, страны в первую очередь коммерсантов, решение политических проблем экономическим давлением невозможно.

— Господин посол, как и почему вас назначили в СССР?

— Я был послом Бельгии в Заире до конца 1986 года. 2 марта 1987 года я прибыл в Москву, и эту дату я не забуду никогда.

— Почему?

— Я очень привязываюсь к стране. Для меня трудно покинуть страну. Назначение в Москву было и расставанием с тем, что я очень любил, — с Африкой.

— Вы сожалели когда-нибудь о том, что вас назначили послом в СССР?

— Нет, я сожалею только о тех странах, которые я покидаю.

— А какую страну вы покинули до Африки?

— Свою карьеру я начал в Варшаве. Я хорошо знаю проблемы социалистических стран, потому

что я был в Варшаве в 1956—1959 годах. Это была «польская весна», эпоха Гомулки. Мой дом находился напротив тюрьмы, в которую он был заключен. Каждый вечер я прогуливался мимо этого здания, видел, как его освободили... Я пережил «польскую весну».

Я начал свою карьеру в период первой попытки гуманизации, в первоначальный период борьбы за свободу в социалистической системе.

...Когда меня назначили в Москву, мне сказали, что здесь происходят очень важные события. И мне интересно наблюдать за эволюцией, которая происходит в СССР. Ни секунды не сожалею о своем назначении в Москву. Я свидетель исторических изменений, которые еще не закончились и которые, может быть, полностью не гарантированы.

— А что сегодня наиболее важно в отношениях между Бельгией и Советским Союзом?

— Считаю, что в первую очередь — коммерция. Бельгия — страна экономически очень развитая, живущая внешней торговлей и занимающая по экспорту десятое место в мире, сразу после Советского Союза. Когда после войны СССР искал возможности установить прочные коммерческие отношения с Западом, он сделал ставку на Антверпен. Ваши торговые корабли заходили в наши порты куда чаще, чем в другие порты Западной Европы. Наши страны развивают взаимоотношения во всех областях, но приоритетным остается экономический сектор. Это подтверждается недавним подписанием крупного контракта с бельгийской фирмой «Алкатель», реализация которого будет способствовать развитию вашей телефонной сети.

— Как вы проводите свободное время?

— Хочу открыть маленький секрет... Моя карьера сложилась так, что я прожил жизнь, богатую событиями, — много чего видел. Мои дети и близкие мне говорили: «Почему не пишешь обо всем этом?» И лет десять назад я начал писать. Я описал три года пребывания в Заире, а сейчас пишу о Советском Союзе. Пишу для себя, для детей, не думая пока издаваться. Мы живем в очень меняющемся мире. У посла много обязанностей, не всегда хватает времени обо всем подумать, но, когда садишься за стол, это лучший способ понять происходящее...

Кроме этого, несмотря на свой возраст, я пробую заниматься спортом. Больше всего люблю гольф: из-за этого мне было трудно в Москве — до последнего времени это была единственная столица в мире, где нет клубов для игры в гольф. Но я и здесь искал компромиссы: купил велосипед и очень полюбил совершать велосипедные прогулки. Люблю лыжи, особенно горные, но в Москве хожу на беговых. Часто посещаю музеи, выставки, мастерские художников, концерты...

— В 1992 году Европа объединится. Что, по-вашему, должно произойти в СССР, чтобы Советский Союз оказался полноправным партнером «европейского дома»?

— Это вопрос глобальный, о нем можно говорить в течение многих часов...

— Уточню: что конкретно должно измениться в экономике, законодательной жизни?

— В первую очередь хочу заметить: существует принцип невмешательства. Мы можем думать, что возможно или желательно было бы сделать, но решать вам.

Я же выскажу мою личную точку зрения, выработанную тремя годами наблюдений за изменениями, происходящими в вашей стране, изменениями, называемыми «революцией Горбачева». Я не радикал, но думаю, что перестройка еще не удалась в области экономики, потому что она не была достаточно ясна по своим целям и динамичной по реализации... Многие говорили: не надо спешить, необходима осторожная, но прогрессивная эволюция. Я считаю, что вы очень осторожны и недостаточно прогрессивны. Думаю, что перестройка в вашей экономической жизни не может быть вполне удачной, если она будет колебаться между двумя моделями.

А вот политическая перестройка очень впечатляющая. Прошли плюралистические выборы, съезды народных депутатов, образовался новый Верховный Совет, сформировались новые партии. Принято несколько важных экономических законов: о самостоятельности предприятий, суверенитете республик, о кооперации, о земле, о собственности. Но все они компромиссны и ограничены. Возвращение к частной собственности необходимо. Это основа любого конкурентоспособного государства. Почему? Для того чтобы система экономически функционировала, надо, чтобы люди в ней были заинтересованы. А люди будут заинтересованы только тогда, когда смогут реализовать себя, когда на заработанные деньги они смогут купить машину, квартиру, дачу, — короче, поднять свой уровень жизни. Конечно, счастье общества не зависит только от материального благополучия. Но без свободы выбора, инициативы ни общество, ни индивидуум не смогут процветать.

— Назовите, пожалуйста, ваше любимое место в Москве.

— Очень люблю Переделкино, набережные Москвы-реки, где обычно катаюсь на велосипеде. Мне нравится университетский район, с садами, которые его окружают. Но что я больше всего люблю, так это Красную площадь, собор Василия Блаженного. Это для меня не только историческое место, но и величественный архитектурный памятник.

— Где и как вы проводите свой отпуск?

— У меня есть правило: когда я приезжаю в страну, я провожу отпуск в этой стране, чтобы лучше ее узнать. Был в Сибири, Армении, Грузии, Азербайджане, на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Туркменистане, Ялте, Сочи. Но одну-две недели отпуска мы проводим в Бельгии. Работа посла очень специфически расписывает мое время. Я никогда не провожу отпуск целиком, в течение месяца: имену возможность отдыхать несколько раз в году...

— Задайте, пожалуйста, вопрос, на который советскому человеку, в данном случае журналисту, было бы тяжело ответить, не покривив душой?

— (Пауза.) Я просто могу задать вам те же самые вопросы и спросить: что вы думаете о перестройке? Об экономической реформе? Наконец, что вы думаете о Горбачеве?..

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

┌ «БЫТЬ ЛЮДЬМИ... НЕВЫНОСИМО»

┌ ЧТО НАМ СТОИТ ДОМ ПОМЫТЬ?

┌ ПИСЬМА — ЛЕЧАТ?

┌ Сейчас часто приходится слышать вопрос: «Легко ли быть молодым?»

Да, не легко. Более того, исключительно трудно. И дело даже не в том, что мы молодые и неопытные, а в том, что нам вообще трудно жить. Так уж устроено, что жизнь состоит из труда, из трудностей, но мы не способны их преодолевать, так как до конца убеждены в том, что труд — это всего лишь скучная и нудная обязанность. Это убеждение, порожденное ленью, делает невозможным получение удовольствия от труда. Постоянная лень буквально разлагает и сжигает нас изнутри. Она не дает нам нормально существовать. Она неустанно заставляет думать о том, что впереди нас ожидают лишь новые трудности, которые опять надо будет мучительно преодолевать.

Но ужаснее всего то, что страх перед трудом сопровождается потерей интереса к жизни вообще. Не секрет, что человек, лишенный интереса к жизни, оказывается на пути к гибели.

В общем, страх перед трудом — это самая страшная пытка, которая только может быть.

Меня спасает только то,

что у меня это состояние возникает лишь иногда.

Да, таким людям, как мы, быть молодыми, и вообще быть людьми, не просто трудно, а невыносимо. Потому-то мы и вынуждены превращать себя в животных, используя водку и наркотики, чтобы хоть как-то продолжить существование.

Я могу назвать лишь несколько человек, у которых искреннее стремление к труду сохранилось по сей день. У большинства же это стремление навсегда погребено под насаждавшимся с пеленок убеждением, что работа — это не самое интересное в жизни, что главное в жизни — кооперативные квартиры, дачи и голубые унитазы! Словом, все в нас раздавлено вецизмом и желанием родителей подарить своему ребенку прижизненный рай. «Замучился с уроками? Отдохни, сынок! Доченька, устала, отдохни!» — кто из нас не слышал в детстве таких ласковых призывов мам и бабушек, и мы, дети, отдыхали, не устав. В этом-то и трагедия моего поколения... Рай в детстве обернулся для нас адом в юности.

«Все у меня есть, — рассуждает молодой человек, — и модная одежда, и деньги, и развлечения, но все равно чего-то не хватает». А не хватает чувства нас-

лаждения жизнью. Да, именно этого главного чувства, без которого жизнь невыносима. А мысль о том, что в жизни для счастья не хватает труда, кажется нам абсурдной. Она моментально отбрасывается.

А вы заметили, с каким отвращением и насмешкой мы смотрим на вас, взрослых, когда вы разлагольствуете о труде и о той радости и счастье, которое, видите ли, от него надо получать? Если уж мы в практически полном безделье и в жизни, состоящей из сплошных развлечений, не смогли найти счастья, то что говорить о «счастье в труде»? Уж если от труда можно было бы получить хоть какую-нибудь радость, то наши родители не стали бы с пеленок убеждать нас побольше отдыхать и поменьше работать! Парадокс?

Один из законов природы гласит: ни одно живое существо, не приученное в детстве брать препятствия, не доживает до старости. Ни один человек, не приученный в детстве от преодоления трудностей испытывать радость, не может избежать унылого, пошлого существования. Вы, взрослые, пренебрегли этим законом, и в результате мы, ваши дети, теперь гибнем.

ЕВГЕНИЙ ОЛЕГОВ,
Калининград

Пишет вам обыкновенная шестнадцатилетняя жительница «города над вольной Невой»... Давно назревало желание выговориться по поводу нашей культуры, да все как-то некому было. А тут прорвало. Подтолкнул меня к этому письму недавний случай в троллейбусе. Гуляя с подругами по городу и уплетая мороженое, мы по

простоте душевной решили проехать остановочку в относительно неполном троллейбусе. Весело болтая, мы радовались сданным экзаменам и просто хорошей погоде. Вид наш был совсем не вызывающим, и накрашены мы были довольно умеренно. Внезапно на нас обрушился буквально шквал негодующих выкриков. Несколько опешив, мы некоторое время молча слушали какофонию возмущенных голосов, всматриваясь в злобные лица. Но когда дело перешло от мороженого, которым мы якобы усердно мажем добропорядочных граждан, к банальным фразам типа: «какая молодежь пошла», «теперь понятно, откуда у нас берутся детдома», мы, разумеется, завелись. Назревал крупный скандал. Кто-то порывался вызвать милицию. Доведенные до истерического состояния, мы все-таки с гордо поднятыми головами удалились из проклятого троллейбуса. Вслед летели оскорбления, на которые у меня язык не поворачивается.

Взрослые! Прислушайтесь к себе, посмотрите на себя, проследите за ходом своих мыслей. У всех ведь на уме: где купить, достать, как дожить до зарплат, наконец. Смешно сказать: раз в год в театре бываете, а про филармонию и говорить нечего. Так чего же вы от нас хотите?

КАТЯ СИЛКИНА,
Ленинград

Прочитал письмо академика АМН СССР Л. А. Булдакова, в котором он громит Б. Куркина, доказывая безвредность атомной энергетики («Смена» № 24, 1989 г.). Но вот читаю в книге У. Дугласа «Трехсотлетняя война»: «Исследования реки Колумбия

в районе Хауффорда (штат Вирджиния), где расположен ядерный реактор, показали, что радиоактивность воды незначительна. В то же время установлено, что концентрация радиоактивных изотопов в планктоне в 2 тысячи раз выше, чем в речной воде, в организмах рыб и водоплавающих птиц, питающихся планктоном, — соответственно в 15 тысяч и 40 тысяч раз выше, в организме птенцов ласточки, которых родители кормят насекомыми, пойманными у реки, — в 500 раз выше и, наконец, концентрация радиоактивных элементов в желтке яиц водоплавающих птиц — более чем в миллион раз выше, чем в воде Колумбии».

Хотелось бы знать, проводятся ли у нас такие исследования, скажем, в реках бассейна Днепра, и какие получены результаты?

А. КАТАЕВ,
Краснодар

Знаете, сколько стоит подмести и помыть 100 квадратных метров полов и протереть 100 квадратных метров панелей? Я, например, убираю девятиэтажный дом, четыре подъезда. Так вот, за то, что я подметаю весь дом, то есть все тридцать шесть этажей (а площадки там не маленькие, да еще часть с мусоропроводами), платят 1 рубль 80 копеек в день, за мытье этих же тридцати шести этажей раз в неделю платят 3 рубля 50 копеек, протирка панелей во всех четырех подъездах раз в месяц стоит 18 рублей. Из всего этого набегает 72 рубля в месяц. Тот, кто составлял эти расценки, пробовал хоть раз подмести такой дом, не говоря уж о мытье? А о мыле, чтоб помыть руки после работы, и не мечтай. Уве-

рена, что ни в одной стране такого нет.

К тому же в Гомеле у нас радиация, значит, мы каждый день глотаем радиационную пыль, а никакой доплаты за вредность нам нет. «Гробовые» нам тоже не выплачивают.

Правда, недавно «обрадовали» сообщением, что рублей по двадцать за 1989 год выдадут. Это получается по полтора рубля в месяц на усиленное питание. Вот спасибо-то!

СОЛОВЬИВЧ,
Гомель

Мне девятнадцать лет. Я инвалид детства первой группы. Мои болезни начали резко прогрессировать. Еще недавно я мог сидеть (ходить я перестала в пять лет), а сейчас уже не могу просидеть и полчаса. С трудом поднимаю правую руку (левую не могу поднять давно), и мое состояние становится хуже с каждым днем. Я на грани полного морального срыва, уже несколько раз хотел покончить с собой, но в последний момент не решался, все надеялся на улучшение. Теперь я совсем отчаялся и решил написать это письмо. Я читал у врача-психолога В. Леви, что письмо, написанное людьми, обладающими определенным даром, или телефонный разговор оказывают лечебное действие. В этом и заключается моя просьба: чтобы кто-либо из экстрасенсов мне написал или позвонил, а если кто-нибудь недалеко живет, может быть, приехал бы ко мне? Я надеюсь на помощь, после которой мои дела, я уверен, пойдут на поправку. Жду, верю, что мне помогут.

Мой адрес: 623730, Свердловская обл., г. Реж-2, ул. Космонавтов, д. 7, кв. 22, тел. — 2-20-79.

АЛЕКСЕЙ КРОХАЛЕВ

Десятилетиями на полигонах громыхали ядерные взрывы, устраивались радиоактивные погребения, создавалась и размножалась военная и гражданская ядерная техника — атомоходы, космические аппараты с ядерными реакторами, АЭС... Но что знали мы о радиоактивности — ее биологических и медико-генетических последствиях, загрязненности продуктов питания, питьевой воды, да и вообще о радиационной обстановке? Была ли у нас возможность убедиться в собственной безопасности, непогрешимости ведомств и правительства?

Растормошенные Чернобылем, поняв, чего стоит вся система контроля по радиационной защите, мы, похоже, впали в некий транс с признаками

112

РАДИОФОБИЯ

радиационного психоза и страха, не знал, чему, кому и в какой мере верить...

Радиофобия — еще одно последствие Чернобыля. Об этом беседа нашего специального корреспондента **СЕРГЕЯ КАЛЕНИКИНА** с директором отделения радиометрии и дозиметрии НИИ приборостроения Минатомэнергопрома СССР кандидатом технических наук **Николаем РЯБОВЫМ** и гл. инженером Всесоюзного объединения «Изотоп» **Валерием НЕСТЕРОВЫМ**.

С. КАЛЕНИКИН. Лично мне не совсем понятна запоздалая ведомственно-правительственная суета вокруг последствий апреля 1986 года. До сей поры утрясаются и принимаются какие-то решения, постановления... И что, если б не трагедия Чернобыля, мы так и почивали бы на лаврах, ничего не ведая о ядерной опасности?

Н. РЯБОВ. Проблемы массового облучения населения, радиационного контроля существовали и раньше — велись же испытания ядерного оружия, была челябинская авария в 1957 году, которую признали, правда, лишь в 1989-м... Всерьез же с радиоактивностью население столкнулось лишь после чернобыльской трагедии. Но, как это ни странно, до того момента в стране отсутствовала **единая система государственного контроля радиационной безопасности!** Получалось так: свою информацию собирал Штаб Гражданской

Н. РЯБОВ. Действительно, информация о радиоактивности как в нашей стране, так и за рубежом в значительной степени была закрыта — таковы правила пресловутой ядерной гонки (важно, кто первый совершит технологический рывок): скрывались масштабы и характеристики вооружения. Тут, пожалуй, секретность себя оправдывала. Но вот кому и зачем понадобилась секретность вокруг АЭС в период развития атомной энергетики, право, не знаю и не могу понять. Она не только лишена всякого здравого смысла, но и вредна. И дело не в кривотолках, досужих домыслах, слухах. Ведь там, где тишь и благодать, зреет благодущие. Работая в Чернобыле при Правительственной комиссии, я неоднократно встречался с персоналом АЭС. Там все, как один, веровали, что графитовый реактор невозможно взорвать, и в мыслях не допускали этого,

СТРАСТИ — НАПАСТИ

обороны, сориентированный главным образом на радиационную защиту населения в случае атомной войны; заинтересованные ведомства контролировали сами себя; был и надведомственный контроль со стороны Минздрава СССР и Госкомгидромета СССР...

Но вся информация оседала в Совмине.

С. КАЛЕНИКИН. Знакомо, Совмин — всему голова. Явно не без его усилий скрывались и скрываются сведения о радиоактивности, что, естественно, способствует нагнетанию радиационного психоза.

считая, что советские АЭС — самые надежные в мире... Как бы там ни было, убежден: хотим мы того или нет, а радиационный контроль должен быть на нескольких уровнях — ведомственный, государственный и общественный, независимый. Чего уж тут играть в прятки?

С. КАЛЕНИКИН. Как профессионал, вы, безусловно, понимаете, что контроль — это прежде всего радиометрические и дозиметрические приборы в достатке, доступные для всех...

В. НЕСТЕРОВ. А знаете, ли вы,

что до 1986 года приборы радиационного контроля считались труднореализуемой продукцией и их почти никто не заказывал. Две трети разработок союзного НИИ приборостроения лежало на полках — заводы попросту не брали их для тиражирования, откращивались, как могли. Выпускалось очень мало — на пять миллионов рублей в год, но уже в 1986-м — на 50 миллионов рублей. В 1987-м — на 70 миллионов...

С. КАЛЕНИКИН. И какая часть предназначалась населению?

Н. РЯБОВ. Тогда — никакая. Для населения бытовые дозиметры впервые появились в прошлом году, кстати, вопреки всем возражениям.

С. КАЛЕНИКИН. Такие были?!

В. НЕСТЕРОВ. А чему тут, собственно, удивляться? Не секрет, что наши компетентные органы в своей работе использовали радиоизотопы в качестве меченых атомов: ими метили деньги, вещи — весьма удобный метод слежки. Отсюда и возражения: дав населению дозиметры, мы, дескать, лишаем себя такой возможности!

И Минздрав СССР занял странную позицию. Его специалисты до конца 1988 года считали, что выпуск радиометрических и дозиметрических приборов для населения нецелесообразен. Люди, мол, не справятся с приемами измерения, будут неверно интерпретировать показания и невесть что подумают, усилится радиофобия и так далее. Пришлось их переубеждать, подталкивать...

Насколько мне известно, вопрос бытовых приборах обсуждался на самом высоком уровне. Право людей на радиозэкологическую информацию взяло верх. Этому во многом способствовала Государственная комиссия по чрезвычайным ситуациям при Совмине

СССР. Кстати, одно из первых ее решений как раз и было направлено на рассекречивание данных по радиационной обстановке в стране и выпуск дозиметров.

На примере дозиметров просматривается и другая проблема — как зарождается рынок. Кто являлся монополистом в производстве приборов? Предприятия нашего министерства. А кто уже сегодня собирается выпустить дозиметры? 33 завода различных министерств и организаций! Причем приборы в широком ассортименте — 25 типов. Идет борьба за рынок: кто сделает скорее и лучше. Бывшие монополисты в текущем году дадут процентов тридцать от общего количества дозиметров — не менее 100 тысяч штук.

С. КАЛЕНИКИН. Можно узнать, сколько дозиметров будет выпущено уже в этом и в будущем годах?

В. НЕСТЕРОВ. В этом году заводы могли бы выпустить 472 тысячи, но комплектующих изделий имеют на 250 тысяч штук...

С. КАЛЕНИКИН. 472 тысячи — строго выверенная, реальная потребность? Интересно, кто и как «изобретает» эти цифры?

Н. РЯБОВ. Вот именно изобретают. Так, Гомельский облсполком в прошлом году заявил: у нас — 300 тысяч семей, а потому нам надо ни много ни мало — миллион дозиметров! Выходит, каждый житель области, включая грудных младенцев, обзаведется прибором! Заявка явно завышена. Ведь в лучшем случае дозиметр купит каждый сотый взрослый человек.

В. НЕСТЕРОВ. Ленинград просит миллион. Но, на мой взгляд, там особый случай — и наглядный пример радиофобии — ажиотажного спроса, который возник благодаря телепередачам «600 секунд»...

Н. РЯБОВ. В целом на все загрязненные районы потребуется максимум 1,5 миллиона дозиметров и плюс еще миллион на все остальные районы. Вот это и есть реальная потребность 2,5 миллиона штук. Больше едва ли нужно.

В. НЕСТЕРОВ. Есть данные оперативного потребительского спроса. Если исключить Гомельскую область, они таковы: в первом квартале этого года Киевская область просила 30 тысяч дозиметров, а сейчас — уже 600 тысяч, Ровенская — 10 тысяч... Кто-то — пятьдесят, сто тысяч, не более.

С. КАЛЕНИКИН. Вы почему-то не упомянули Москву...

В. НЕСТЕРОВ. Москва (с областью) заказала очень мало — менее 5 тысяч штук. Но люди просят гораздо больше. Думаю, потребуется не менее 200 тысяч штук...

С. КАЛЕНИКИН. Я понял одно: бытовые дозиметры по-прежнему будут в дефиците. И мне, пожелавшему проверить молоко, кусок колбасы, придется идти к соседу или прибегнуть к услугам шабашников с дозиметрическим уклоном. Кооператоры? Так они, не моргнув глазом, три шкуры сдерут. Мыслимо ли: за простейшее разовое измерение фона — 15 рублей! И где гарантия, что их услуги профессиональны?

Н. РЯБОВ. Конечно, лучше, если бы эту работу взяли на себя общественные и государственные организации. Но я не против того, чтобы и кооперативы занимались радиационной проверкой. Согласитесь, работая грамотно и без рвачества, они помогли бы сбить радиофобию. Но можно ли им верить? Говоря откровенно, нет гарантий, что кооператоры, пользуясь своими разработками, выдают информацию без искажений. Есть весьма большая вероятность, что их приборы дезинформируют, ибо,

как правило, не проходят государственных испытаний и на них нет сертификата качества. С другой стороны, кооператоры не имеют на руках специального удостоверения, прав на официальное заключение. Ведь надо не только фон измерить, но и, поняв, объяснить, почему, допустим, есть превышение. В доме может оказаться мешок с калийным удобрением, а люди не на шутку всполошатся. И, разумеется, разовый замер мало что говорит, необходим систематический контроль.

С. КАЛЕНИКИН. Вот видите! А был бы рынок насыщен бытовыми дозиметрами, как в других странах, и проблем особых, вероятно, не знали бы... Заколдованный круг!

В. НЕСТЕРОВ. За рубежом действительно нет ажиотажа вокруг дозиметров. В них мало кто нуждается — там иная социальная ситуация, иной уровень гласности. К примеру, во Франции — регулярные и доступные для каждого человека экскурсии на АЭС, где можно узнать все, что вас волнует. Хотите получить сведения о радиационной обстановке? Есть телефон — звоните, специальная служба всегда выдаст необходимую вам информацию, причем это государственная информация, которая проверяется «зелеными», а потому — абсолютное доверие к государственным службам, чего, к сожалению, нельзя сказать о нашей стране.

Н. РЯБОВ. ...Но если вам все же очень захотелось приобрести дозиметр, то, просмотрев в магазине прейскурант или каталог и выбрав модель, тут же оформляете заказ, и через три дня вам привезут дозиметр. Однако прибор дорогой — простейший стоит четыре тысячи франков.

С. КАЛЕНИКИН. Вы упомянули Францию. Я же имел в виду Япо-

нию, где, по слухам (увы, самому не удалось побывать), выпускают не только чувствительные, дорогие приборы, но и весьма дешевые, удобные — в виде брелоков, часов, карандашей.

Н. РЯБОВ. В Японии та же ситуация, что и во Франции: заказываете дозиметр в любом магазине, торгующем радиотехникой.

Такой, как наша «Белла» (97 рублей), стоит около двухсот долларов... Да, есть часы с дозиметром, но это не дозиметр в нашем понимании: он не показывает фон, а фиксирует, сколько «бэр» человек набрал в течение месяца.

С. КАЛЕНИКИН. Теперь тест на самокритичность. Как вы оцениваете уровень собственных разработок?

В. НЕСТЕРОВ. Сошлюсь на реакцию американских коллег. Они, увидев разработки СНИИ и других наших институтов, откровенно изумились, отметив их высокий технический уровень. Наши приборы более точны, чувствительны к излучению. А вот с дизайном, элементной базой беда: вес, габариты...

Н. РЯБОВ. На мой взгляд, проблема дозиметров — не техническая проблема... Если у нас в конце концов восторжествует стопроцентная гласность, на что, видимо, потребуются годы, то тогда исчезнет радиophobia. А пока мы должны пережить этот бум, массовое увлечение бытовыми дозиметрами. Это неизбежно, и с этим надо считаться.

В. НЕСТЕРОВ. Так или иначе, все упирается в информацию. Несмотря на напряженность в зонах жесткого контроля Украины, Белоруссии, там ведь нет радиационного ажиотажа. А почему?

Гласность там на порядок выше, чем в иных районах, и с людьми считаются. К чему стремились (и чего добились)

журналисты тульской газеты «Коммунар», публикуя — и наверняка имея благие намерения — карту радиационной обстановки, на которой из-за примитивного полиграфического исполнения ничего нельзя понять и разобрать? В результате паника, никчемная суэта, всплеск массового психоза...

Другой пример. Мы — поставщики приборов для средств диагностики. Прежде всего в области онкологии. Радиоактивность не всегда зло, все зависит от дозы. Например, с помощью радиоизотопов беременность определяется уже на четвертый день; по капле крови диагностируется 120 недугов! Но отправить вовремя свою продукцию нам теперь стало не так-то просто — работники вокзалов, аэропортов, не мудрствуя лукаво, ее блокируют, полагая, что она чересчур радиоактивна.

Н. РЯБОВ. Надо всеми силами и средствами повышать радиационную грамотность. Ведь доходит до удивительных парадоксов. Помните, Валерий Павлович, как в суматошное время в Белоруссии из-за радиоактивности браковали горох? А потом выяснилось: измеряли неправильно, забыв, что в горохе — естественное повышенное содержание радиации. Сгоряча дров наломали...

С. КАЛЕНИКИН. Николай Васильевич, а откуда несведущему человеку знать, какая там радиация — естественная или искусственная? Допустим, я дозиметром обнаружил радиоактивную колбасу. Что мне делать, куда бежать?

Н. РЯБОВ. Обращайтесь в СЭС, где колбасу исследуют, выяснят, кто ее отворил, приостановят реализацию. Но не стоит обольщаться, полагая, что бытовым дозиметром измеряется все и вся. Он, скажем, среагирует на мясо,

рыбу, грибы, ягоды, молоко, если они будут иметь десяти-, стократное превышение допустимых норм, то есть вы сможете себя оградить от того, чтобы случайно не съесть очень грязную пищу. Для более тонких измерений продуктов питания нужны другие, профессиональные приборы. Бытовой дозиметр типа «Белла» в основном предназначен для определения мощности дозы внешнего гамма-излучения — окружающего нас фона. За ним (фоном) надо следить, и не только тем, кто проживает в зонах риска. Трагический случай со злополучной панелью в Краматорске, о чем писали в газетах, тому пример. Беду можно было предотвратить, если бы хоть у кого-нибудь в доме оказался дозиметрический прибор. Он, конечно же, «поймал» бы столь мощный источник излучения. Так что прибор не помешает, но не худо знать и помнить: фон не имеет постоянной величины и зависит от очень многих факторов — от радиоактивности земли, солнечной активности, содержания озона, атмосферного давления... У озера, на берегу моря естественный фон может быть пять — десять микрорентген в час, в горах — сто — пятьсот, в самолете — еще выше. Смотри где, в какой географической точке вы находитесь. К таким вот природным колебаниям человек приспособился, адаптировался. Но между тем граница естественного фона существует — в обычных условиях он не должен превышать тридцати микрорентген в час.

Но, помимо внешнего фона, есть и другая естественная радиоактивность, которую мы потребляем ежедневно. Она в продуктах питания. Урюк, салат, бобовые культуры и другие, как известно, полезные, особо ценные продукты питания часто включаются в ра-

цион больных, ибо богаты калием. Однако все эти продукты чрезвычайно радиоактивны — в десятки — сотни раз активнее картофеля, арбузов, молока... Словом, человек жил и живет в условиях постоянной радиоактивности, да и сам по себе (за счет изотопа калия-40) он радиоактивен. Кстати, радиоактивность человеческого тела в два-три раза выше, чем радиоактивность обыкновенного чернозема такой же массы. Другое дело, когда в организм постулают искусственные радиоактивные элементы, и надо знать, какая связь между ними: быстро ли они выходят из нашего организма, почему задерживаются и от чего это зависит.

С. КАЛЕНИКИН. Давайте, Николай Васильевич, внесем ясность. Я понимаю, затронута большая тема, о которой следовало бы говорить отдельно, но все же излишне будет пояснить вкратце, чем характерны радиоактивные изотопы, насколько они опасны для человека.

Н. РЯБОВ. Напомню: стронций-90 дает бета-излучение; цезий-137, йод-131, церий-144 — гамма-излучение; плутоний-239, уран — альфа-излучение. Цезий-137, попав в организм, дает равномерную нагрузку на все его органы и выводится из организма с периодом полураспада 70 дней, то есть примерно через 70 дней его активность понижается вдвое. Куда генетически опаснее стронций. Дело в том, что его нуклиды накапливаются в костях скелета человека (животного) и, облучая костный мозг, держатся очень долго. Период «полувыведения» — тысячи дней. Йод фиксируется в щитовидной железе и воздействует на щитовидку. Калий, как мы уже знаем, находится в мышцах человека, как и цезий. Между ними, кстати, идет постоянный об-

мен: чтобы в организме уменьшить поступления цезия, надо больше потреблять калия.

С. КАЛЕНИКИН. Коль сам человек — источник излучения, а вокруг него — сплошная радиация, то все это должно как-то балансироваться, регулироваться какими-то нормами.

Н. РЯБОВ. Существуют пределы доз. Суммарная доза облучения (а все нуклиды дают облучение) от внутренних и внешних источников не должна превышать 35 бэр (бэр — биологический эквивалент рентгена) за жизнь. Исходя из того, что стандартный человек за год потребляет 550 килограммов пищи и 700 литров воды, специалисты и определяют виды продуктов питания и их количество, сколько человеку можно находиться во внешнем облучении, и все это пересчитывается на допустимые нормы... После Чернобыля концепция 35 бэр подвергается сомнению. Правда, среди специалистов и экспертов единого мнения нет, однако, похоже, она будет пересмотрена, и пределы допустимых доз снизятся.

С. КАЛЕНИКИН. 35 бэр распространяются и на проживающих в зонах?

Н. РЯБОВ. Сейчас трудно сказать, кто в зоне, а кто за зоной — радиоактивность расползлась по всему Союзу. Обеспокоенность людей понятна, но и тут не без парадоксов. Установив нормы допустимых уровней в пять раз ниже, чем в странах ЕЭС, в Белоруссии стали браковать мясо, поступающее к нам из Европы, где оно, разумеется, проходило по всем показателям. Сейчас все в порядке — наши нормы по цезию соответствуют нормам ЕЭС.

С. КАЛЕНИКИН. Почему только цезий? А с остальным как?

Н. РЯБОВ. Цезий — основной радиоактивный изотоп, который

распространился после чернобыльской аварии. Все радиоактивные загрязнения в основном связаны с цезием - 137.

В. НЕСТЕРОВ. А до Чернобыля вся концепция ВДУ — временно допустимых уровней радиации — была сориентирована на бета-излучение. Считалось, что в случае ЧП продукты питания, вода и вся окружающая среда загрязнятся стронцием, и, понятно, серийные приборы в основном выпускались для измерения бета-излучения. После Чернобыля эта концепция рухнула: как оказалось, основной загрязнитель не стронций, а цезий...

С. КАЛЕНИКИН. Мне это напоминает историю с эпидемией гриппа, когда медики ожидали вирус А, но обнаружилось, что свирепствует вирус Б... Скупой и недальновидный платят дважды. Так и тут. Коль все нуклиды дают облучение, стало быть, не гадая, готовься ко всему.

Н. РЯБОВ. Что касается стронция, пока его уровень загрязнения менее опасен, чем уровень цезия, но тем не менее сейчас международными организациями рассматривается вопрос об установлении норм на продукты питания и по стронцию. Они будут весьма низкими, малыми, и для нас, приборостроителей, тут немало проблем, так как мерить стронций будет очень и очень трудно...

В. НЕСТЕРОВ. К сожалению, эти документы и нормы разрабатываются по ситуации: есть загрязнения по цезию — выпустили соответствующие нормы, появился стронций — готовятся ВДУ на стронций, нет загрязнений по альфа-излучению — и норм таких нет.

С. КАЛЕНИКИН. Иными словами: пока петух жареный не клюнет... А не дай Бог опять беда?! Стол-

кнемся, скажем, с тем же альфа-излучением...

В. НЕСТЕРОВ. Увы, проблем не избежать. Но это не наш вопрос, а Минздрава СССР, который и должен выдавать нормы, технические условия на разработку и производство приборов. А за 15 лет — ни одного заказа на разработку прибора по контролю за продуктами питания! Видимо, это не очень волновало Минздрав СССР, да и сегодня медики особой активностью не отличаются.

С. КАЛЕНИКИН. И это в то время, как на Западе сейчас много говорят и пишут — не без тревоги — о проблеме радона. Судя по дружному молчанию советских государственных служб, нас эта проблема не касается и не волнует...

Н. РЯБОВ. Ученым было давно известно, что радон — радиоактивный газ — всегда присутствует в атмосфере. Распадаясь, он образует радиоактивные продукты, а те оседают на частичках пыли, которыми мы дышим. Но это еще не проблема. А вот когда обнаружили, что закономерности рака легких и заболевания крови не укладываются в традиционные представления, решили проверить в жилищах радиационную обстановку. Тут-то и открылось: во многих домах — повышенное содержание радона, в десять — сто раз больше, чем в окружающем воздухе! Дальнейшие исследования показали, что строительные элементы тех домов сделаны из материалов (песок, гравий, пустая порода из урановых карьеров, гранит), в которых повышенное содержание радия и радона. Люди получали в отдельных случаях 50, 70, а рекордная величина — 140 рентген! Эти данные из Швеции. Но и в нашей стране, в районах Средней Азии, есть дома, где люди из-за радона получают десятки рентген.

С. КАЛЕНИКИН. Есть ли выход, что предпринимается?

Н. РЯБОВ. Необходима усиленная вентиляция квартир, ну а если дома — стеновые панели, перекрытия — из сверхрадиоактивного материала, то их разрушают. Во всяком случае, в Швеции, США, Англии и других странах такая кампания уже ведется. Многие дома сносят, а на их месте возводят новые...

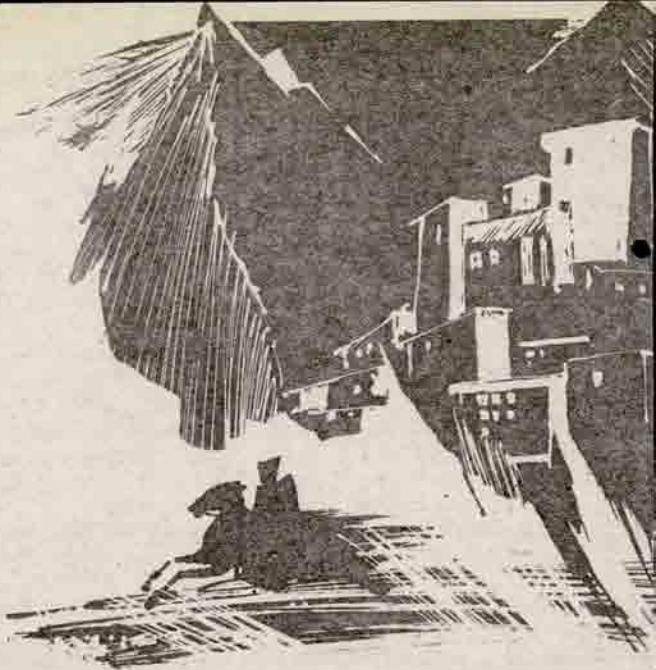
В нашей стране — после серии научных дебатов — наконец-то установлены нормы содержания радия в строительных материалах, а также нормы радона в жилых помещениях.

С. КАЛЕНИКИН. Могут ли я бытовым дозиметром обнаружить этот радон?

Н. РЯБОВ. Нет. Тут нужна специальная аппаратура. И потом, это дело профессионалов (СЭС, службы Минздрава) — слишком тонкие и сложные измерения...

С. КАЛЕНИКИН. А будем ли мы знать, что происходит на АЭС, мотельниках, заводах по изготовлению и переработке ядерного топлива?

Н. РЯБОВ. Каждый должен заниматься своим делом. Ведомства и их подразделения отвечают за свою деятельность и должны принимать все меры безопасности. Но то, что происходит за их забором, — функции госконтроля. Споры нет, тут не все гладко, но стоит подумать и о другом, о том, чего вовсе нет, — о создании системы общественного контроля по радиационной безопасности... Кстати, наш институт совместно с экологической ассоциацией работников культуры и науки «Аргус» создает службу радиоэкологии, или радиационной гласности. Но это только первый шаг, а вот будут ли последующие, зависит от всех нас. Радиофобия сама по себе не исчезнет.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

120

*Эта женщина входит ко мне по ночам,
чтобы мне по ночам не спалось.
В лунном свете сверкая, скользят по плечам
ливни черных роскошных волос.*

*Засыпаю... и вдруг, словно камень в окно...
Засмеется и скажет: «Вставай!
В одеяло не прячься, заснуть все равно
не удастся тебе, не мечтай».*

*Я не знаю, где видел ее я когда...
Но она меня знает насквозь,
говорит, что в большие дожди, холода
убережешься мне не удалось.*

*Кто такая? Мария? Марин? Из какой
дальней дали? — Секрет для меня.
Может, это аварка, что стала святой?
Может, ведьма? Не ведаю я.*

*Расстегнет она платье, шепнет: «О любви
написал ты лет на сто вперед,
что ж, проверим, какой ты...»
Приблизится и
тотчас платье свое застегнет.*

*Задохнется от смеха... Коснется рукой
и как будто мороз по спине...
Где бы лечь ни пытался я, вслед за луной
эта женщина входит ко мне.*

*И повсюду — в ауле, в отеле, в купе —
слышу голос безжалостный я:
«Растрянжирил ты молодость. Местью тебе
будет вечная юность моя!»*

В ОДИНОЧЕСТВЕ

*Я никуда не уйду,
не собираюсь в страны дальние,
один по комнате брожу,
а губы шепчут: «До свидания».*

*В моей квартире гости нет,
и стука в дверь мою не слышится.
Зачем я говорю: «Привет»?
Лишь тюль в ответ слегка колышется.*

*Скользят по дому сквозняки,
в душе и за окном — распутица.
Прислушаюсь — мои шаги
далекими, чужими чуются...*

С тобой печальный разговор
я не веду, где ты — не ведаю.
К чему мне скука прошлых ссор?..
Но с кем же я тогда беседую?

Часы остановили ход
в тоскливом полумраке вечера,
решив, что жизнь и так идет
и зря считать секунды нечего.

Один я... в доме никого...
А твой портрет как будто светится,
и я спросил бы у него
о чем-нибудь... Но что изменится?

==

Бывает, что предчувствия в судьбе
не так уж бесполезны и никчемны.
Мне помнится, услышав о тебе,
я вдруг забеспокоился о чем-то.

Когда же я твой голос различил
среди других, волнение моментально
утроилось, как будто получил
вдруг телеграмму я, в которой — тайна.

Ночами сны тревожные не зря
мне снились. Отчего мы снам не верим?
Когда тебя впервые встретил я,
покой навеки мною был утерян.

Мы вместе годы прожили с тобой...
Но где бы ни был — близко, далеко я, —
ты мне необходима, а покой
не нужен мне. Я не прошу покоя.

==

Художники, ну что вы в самом деле?!
Художниками можно ль вас назвать
до той поры, пока вы не сумели
портрет моей любимой написать?

С ребенком на руках, светлее лета,
она мадонна, истина, исток...
Не только я, поймите вы хоть это,
весь мир бы на нее молиться мог.

Спешите, композиторы, спешите!
Каскад мелодий о любви моей
не сочинили вы? Так сочините
прекрасную симфонию скорей!

И чтоб она звучала, проникая,
как свет, во все века, во все края..
Не видевших тебя мне жаль, родная,
им не понять, как в жизни счастлив я.

Бывает, осыплется с дерева снег —
зеленые ветви парят.
«А наша весна не прошла еще, нет», —
как будто они говорят.

Я с ними не спору. К чему? И в моей,
познавшей метели, судьбе
есть несколько точно таких же ветвей,
любовь сохранивших в себе.

Порою зима осерчает всерьез.
Все толще становится лед.
А толку? Река, несмотря на мороз,
до моря дорогу найдет.

Весь год иногда — то дожди, то снега.
Погожих и солнечных дней
не видно... А песня моя, как река,
прав летний у песни моей.

Ты меня мягким, робким
сделала. Стал послушен.
Только барашком кротким
был я тебе не нужен.

Ты меня сильным волком сделала.
Нет смелее.
Грозен и горд. А толку? —
Не по душе тебе я.

Как бы себя ни вел я,
что бы ни отвечал я,
ты была недовольна
и головой качала.

Я заболелю, скажешь:
«Сам виноват, а кто же?..»
Ты от простуды сляжешь,
слышу: «Виновен тоже...»

И голова под рокот
вечного непощенья
камнем с горы упретков
катится вниз в ущелье.

Перевод ДМИТРИЯ ФИЛИМОНОВА.

Человек загадочно устроен,
К самому себе и слеп, и глух...
Стены, страны, нации, устои —
Эпохально тополиный пух.

В нас и только в нас уходят корни
Будущих событий... Тайна в нас...
Нет в природе мира непокорней
Вечного сиянья наших глаз.

Времена скрываются в могилы.
Под ногами — пыль былых идей.
И молчат таинственные силы
В мыслях нетаинственных людей.

БАЛЛАДА О СТОЛБЕ

Был столб заложен в некоем году
у звезд ошеломленных на виду.
И мастер так решил: «Из года в год
пусть этот столб, как дерево, растет!»

Века сверкали золотом в крови.
Туристы, бедняки и короли,
имея и выпрашивая, шли
на Землю, по Земле и от Земли.

Столб рос. И у растущего столба
то праздничная слышалась пальба,
то смертная мольба. Но каждый год
все видели, как в небо столб растет!

А на верхушке у столба была
огромная и острая игла,
на той игле менялись чередой
орел и крест и месяц золотой.

Менялись очертанья на игле,
и только основание на Земле,
заложенное в некоем году
у звезд ошеломленных на виду,

не ведало, не знало перемен,
обернутое в полиэтилен,
с бегущими цепями — по бокам —
из канувших и к будущим векам.

Резцом на основание в некий год
был вырезан по мрамору народ,

идуший — как веками прежде шли —
на Землю, по Земле и от Земли.

А столб растет. И впрямь ему расти!
И звезды не помеха на пути.
И слышится привычная пальба,
пальба у основания столба!

ИДИЛЛИЯ

Прыщавые атланты хлещут пиво,
из «дипломатов» рыбку доставая.
А рыбка плавниками, что крапива!
Как будто мстит за то, что неживая.

Но юные атланты не боятся
и рвут ее здоровыми зубами.
За столиком — студенческое братство
распаренное — только что из бани.

Атланты пьют, и в сигаретном дыме
жонглируют мудреными словами,
и розово сияют между ними
венеры, как сосиски в целлофане.

Человеку о счастье мечталось,
Может, сбудется самая малость,
Но чудес на земле не бывает,
И надежда его убывает.

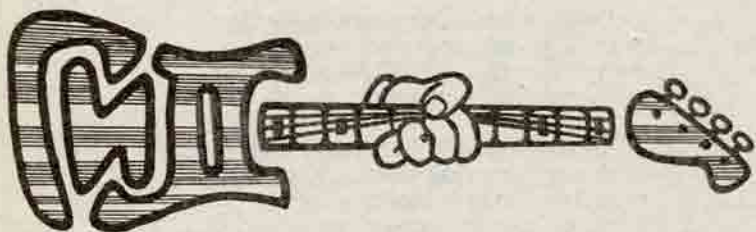
Убывает надежда с годами,
Листопадами и городами,
А когда совершенно убудет,
Человека на свете не будет.

Ничего, не первый раз
Я ударился, не первый.
И не будет красных глаз,
И не будет рваных нервов.

Выпью кофе, закурю,
Просмотрю газетный ворох
И навстречу сентябрю
Расстегну рубахи ворот.

Одиночество честней.
По неверным не рыдают.
Я теряю не друзей,
Это листья опадают.

Гитарный институт на дому

«ГИД»

— это эффективный метод и компетентность;
точные ноты и верная пальцовка;
приемы и трюки;
секреты быстрой игры и ценная информация.

«ГИД»

— это лучший способ научиться играть
и импровизировать в стилях блюз,
рок, фолк, металл и других.

Курс рассчитан на играющих и начинающих с «нуля».

Чтобы определить для вас оптимальную программу,
«ГИД» высылает тест-анкету
и подробную информацию о содержании курсов.

Начать можно в любое время.

Для этого необходимо перечислить на наш счет
2 рубля и разборчиво указать свой точный адрес.

Наш адрес: 119021, Москва, ул. Л. Толстого, д.5/1.
Р/сч. № 465501 в Киевском отделении ЖСБ Москвы,
Код Е7 МФО-201832, МНПКЦ «СМЕНА» ЦК ВЛКСМ.
Оплату производить почтовым переводом.

УВИДЕТЬ, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ

В мир фотографии и фотографов он не вошел — ворвался. Было с чем, иначе бы не взяли его прямо с журфаковской скамьи МГУ в штат такого журнала, как «Огонек».

Это было 15 лет назад, желтоволосому Игорю Гаврилову едва исполнилось 23 года. Внешне он мало изменился с тех пор — все так же взъерошен, стремителен...

А фотографии его повзрослели.

Наверное, способствовало этому и то, как калейдоскопически менялась жизнь наша. Будто в креп-ксм проявителе, трагически рельефно стали проявляться страшные, неприукрашенные, ранее старательно и умело скрывае-мые ее стороны.

Он никогда не снимал просто «чернуху». Это может сделать любой, если ему объяснить азы фотографии. Чтобы снимки ожили, заговорили, заставили человека смеяться и плакать, камера должна быть в руках художника.

...Сумгаит, Тбилиси, Ереван... Гаврилов оказывался там одним из первых, чтобы вести непредвзя-тый, беспристрастный рассказ из

этих «горячих» точек. Как он де-лал это — видно на снимках.

Отличный репортер с тонким, обостренным чувством на ситуации экстремальные, он, вглядываясь и в нашу «нормальную» жизнь, видит в ней то, что проходит мимо взгляда поспешного — тот штрих, ту «чудинку», что превращает обы-денность в искусство.

Он объездил страну, что назы-вается, вдоль и поперек. Его фо-тографии знают не только в стра-не — в мире. И Гаврилов лауреат таких престижных конкурсов, как «Интерпрессфото» и «Уорлдпресс-фото». В 1988 году крупнейшим американским журналом «Тайм» был признан «Фотографом года»...

Игорь Гаврилов нашел свою точку съемки. Эта точка — и в кричащих болью армянских или грузинских репортажах, она же — в глазах безутешно плачу-щей девушки...

А вообще говорить о фотогра-фе — дело неблагодарное, тем бо-лее если есть возможность уви-деть его работы...

СЕРГЕЙ РОМЕЙКОВ

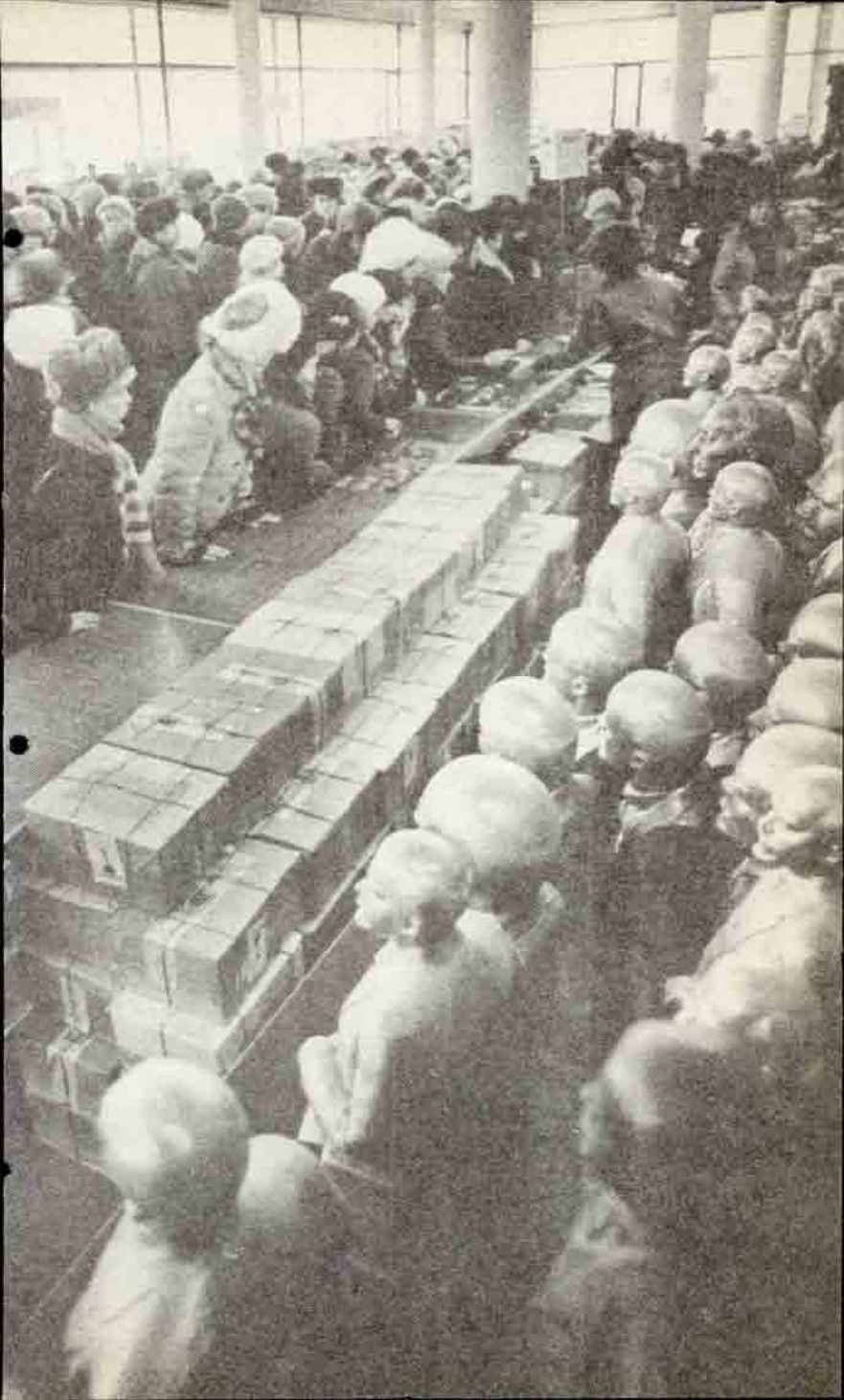
СОЕДИНЯЙТЕСЬ

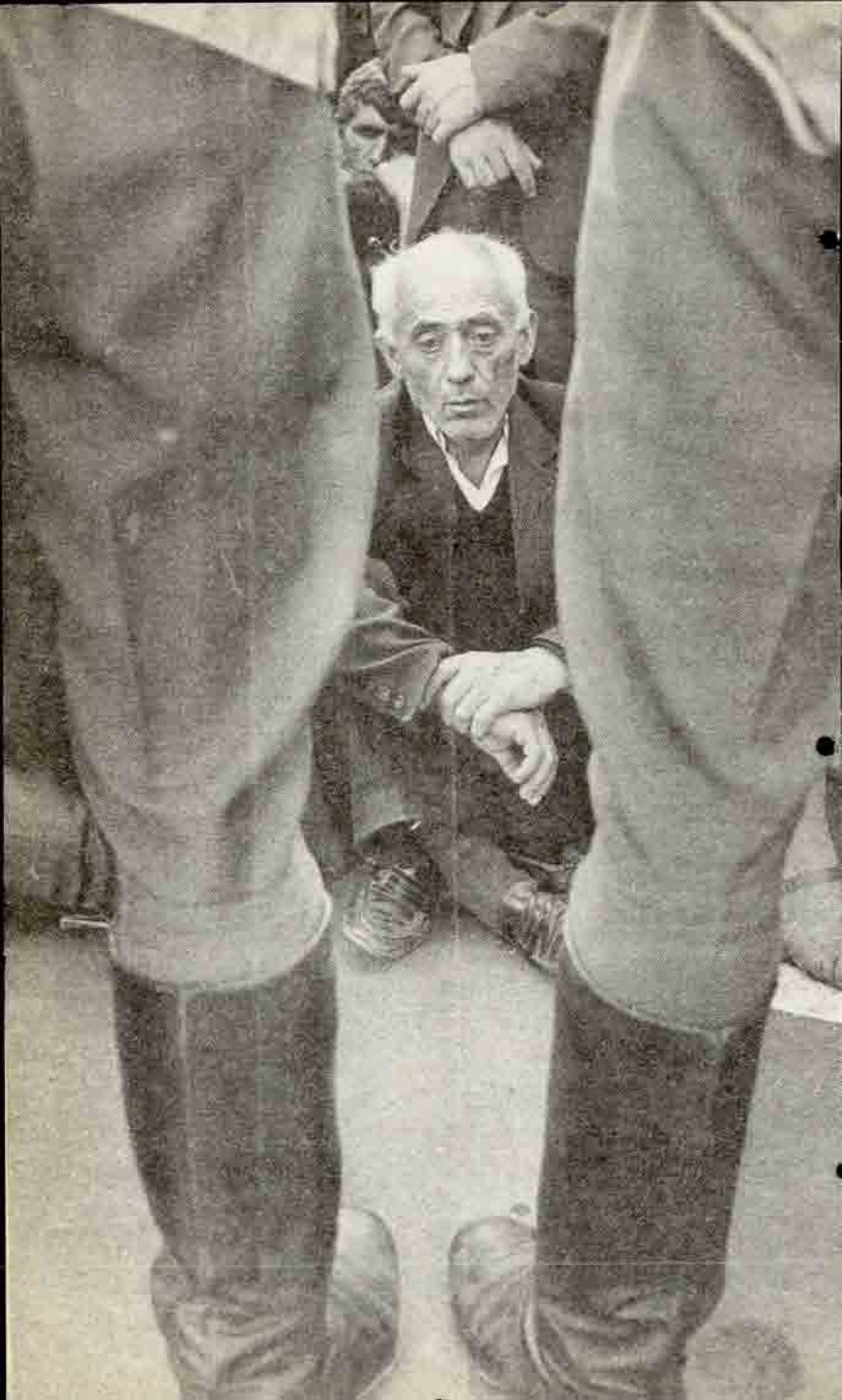

ОРГАНИЗОВАННЫЙ

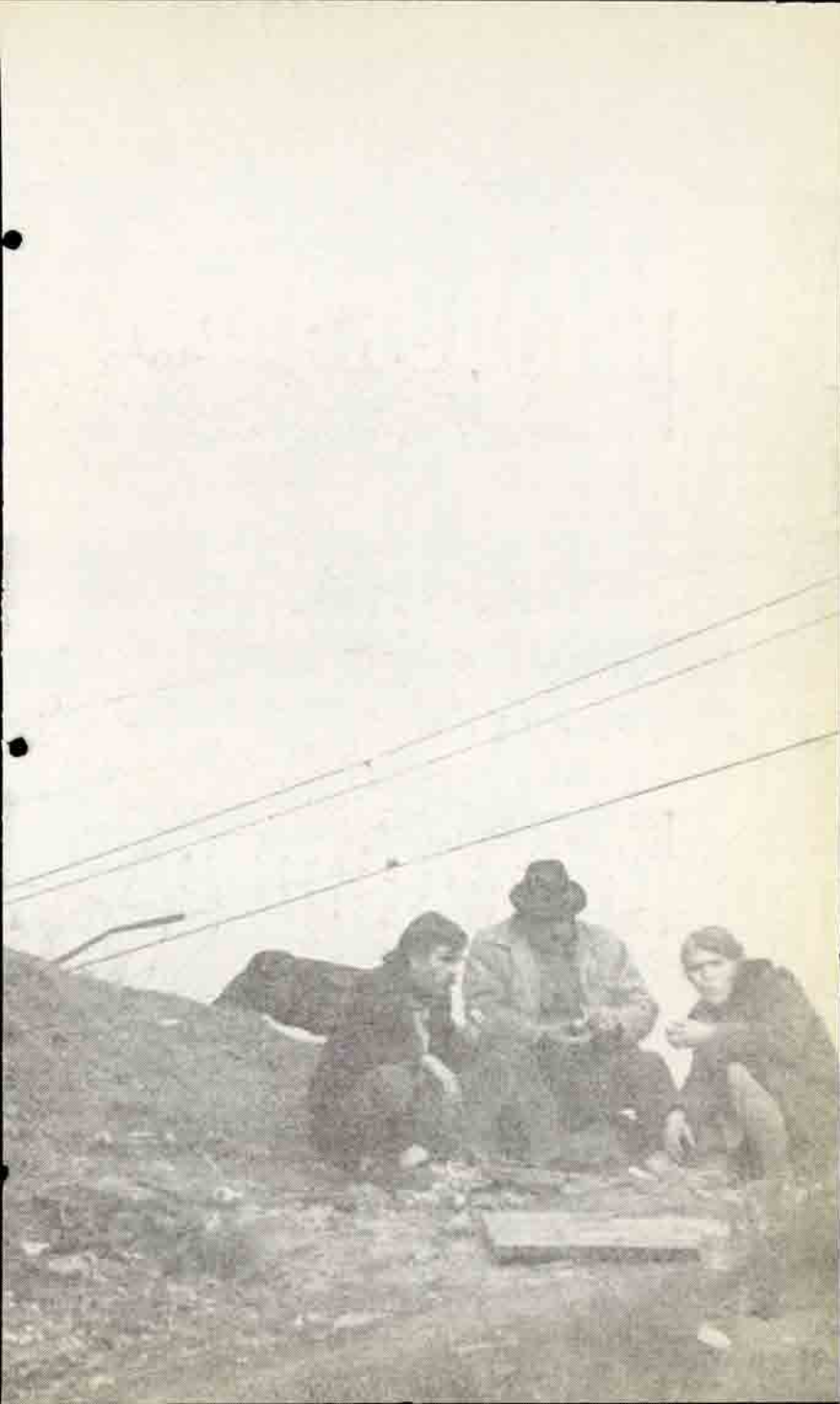
ОТДЫХ И

ДОСУГ -

ГАРАНТИЯ

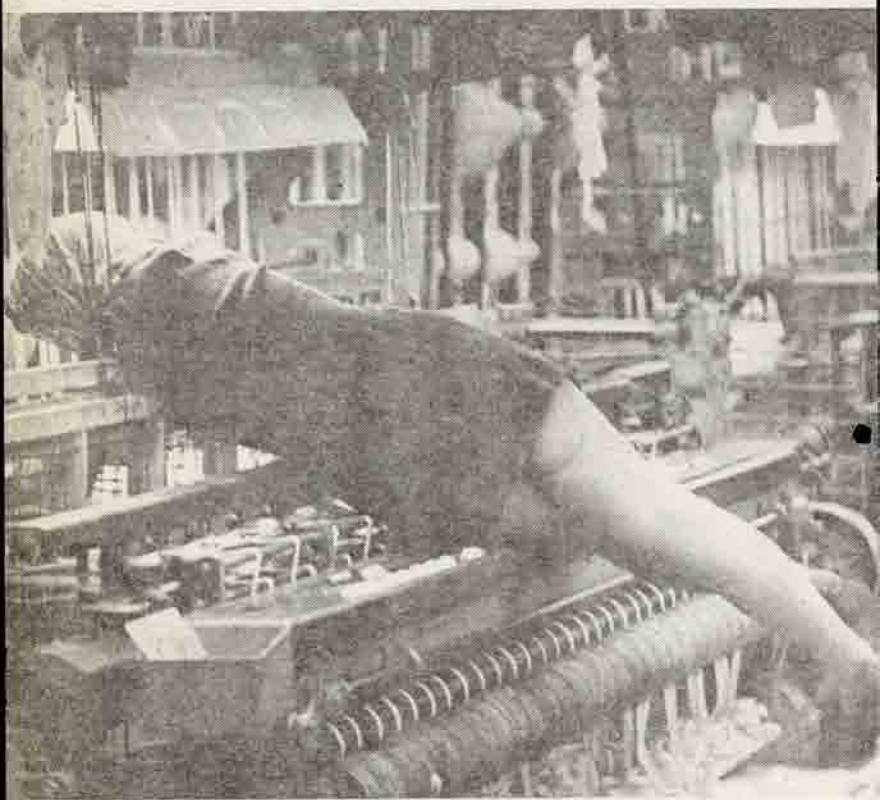
ПРОДУКТИВНОГО

ТРУДА

ЙОТА

ВАЛЕРИЙ
МИТРОХИН

Рисунки БОРИСА СОПИНА

Журнальный вариант

В углу зимнего сада, на пятиугольнике возвышения, обтянутого бордовым импортным войлоком, наигрывал провинциальный джаз-бэнд. За небольшим роялем импровизировал, стоя на полусогнутых, длинный, круглолицый парень. В кругу местных музыкантов считалось шиком лабать вот так, не присаживаясь. Законодателем шика был этот самый парень — Валек, волею судьбы занесенный в курортный городишко из каких-то столиц и больших оркестров и легко прижившийся на периферии. В ресторане «Чайная роза» птицы такого полета никогда не задерживались, потому лабуха Валька тут ценит и прощали некоторые его наклонности.

Валек присел перед клавиатурой, дал волю пальцам. Ударили барабаны, вступили духовые. С жиги — лучшей вещи Валька — всегда начиналась в «Чайной розе» активная часть вечера. Пребывающий до этого в лирическом оцепенении зал ресторана ожил. Зимний сад стал наполняться танцующими...

Массивный, с бычьей шеей и широкой приветливой улыбкой на морщинистом лице, одетый с иголки мужчина поднялся из-за столика и руками, благородно блеснувшими золотыми запонками в манжетах, приветствовал маленький голосистый оркестр. А когда перед ним возник серенький, низкорослый официант, он распорядился добродушным баритоном:

— Лабухам — трио шампанского, и с бригадира глаз не спускать.

— Заказ принят, — ответил официант и через минуту с тремя бутылками «Нового света» уже стоял перед бордовым пятиугольником.

Кончилась жига. Валек махнул оркестру, чтобы продолжили без него, и вышел в подсобку. Зеленый снаряд в его руках зашипел и выстрелил бархатисто-коричневой пробкой. Валек опрокинул содержимое в высокий фужер, стал жадно пить. И, пока не управился, никак не реагировал на незнакомца, замершего в дверях подсобки. Переведа дух, осведомился:

— Чего надо?

— Мне понадобятся твои шляпа и плащ, — ответил незнакомец и, пройдя в глубь подсобки, присел у стола, не спуская глаз с застывшего в столбняке Валька.

— За сколько просишь? — наконец нашелся Валек.

— Будешь доволен, — ответил бледный, заметно нервничающий гость.

— Вообще-то я не собираюсь продавать одежду. С чего ты решил, что мне ни плащ, ни шляпа не понадобятся? Здесь хоть и субтропик, все ж таки январь. Приходи в апреле. Может, и столкнемся.

— В апреле поздно будет, — ответил гость, продолжая гипнотизировать Валька.

— Ты что, болен? Простыл? Курточка на тебе больно не по сезону. А у моря сыро. Выпей шипучки. И топай, — все больше веселея, говорил Валек.

— Не могу я уйти. Я пришел, чтобы предупредить кое о чем и взять у тебя плащ и шляпу.

— Плащ и шляпу за предупреждение? Да ты знаешь, во сколько они мне обошлись? Да ты знаешь, что эти плащ и шляпа того же фасона и покроя, что носит Челентано...

— Цена этим тряпкам и в самом деле велика, Валек.

— Какая же?

— Твоя жизнь.

— Ты! — Валек расхохотался, снова налил себе вина, но, отпив глоток, нахмурился. — Дошло! Ну, конечно же, тебя прислал Морфий. Решил таким образом поизгаляться. Так вот. — Валек схватил гостя за отвороты легкой куртки и, дохнув безвольной яростью, театрально воскликнул: — Передай ему, что я не согласен! Работать на него не хочу и никогда не стану!

— Он знает, Он уже убедился в этом и сегодня собрался примерно тебя наказать.

— Как это понимать? Он что, избить меня хочет?

— Нет, Валек, тебя просто-напросто сегодня убьют.

— Да? Просто так возьмут и убьют? — Валентин поднял плечи и потерянно развел руками. — Что ж я такого ему сделал, чтоб меня?..

— Ничего особенного. Просто Морфий не хочет, чтобы другие его люди подумали, будто Морфия можно послушаться. Чтоб никому больше неповадно было пренебрегать просьбами Морфия. Морфий считает тебя неблагодарным, неплатежеспособным...

— Да! Я задолжал ему. Вот и за это. — Валек раздраженно ударил по полупустой бутылке. Она грохнулась на пол и закатилась под стол, омочив вином обувь гостя.

— Что теперь разговаривать? Я пришел помочь тебе избежать этой участи.

— Но как? — Валек потерянно уставился на своего странного ангела смерти.

— Тебе необходимо вернуться к оркестру и как ни в чем не бывало лабать.

— Легко сказать!

— А когда свое отработаешь, из кабака не выходи. Спрячься где-нибудь. Пережди. Не высовывайся.

— И что? Они уйдут? Оставят меня? Как будто они не знают, где я живу, по какой дороге хожу. Чуть, чуть! — Валек заломил руки. — Уж лучше я сейчас позвоню куда следует...

— А вот этого не вздумай делать. Тогда я не смогу тебе помочь. Сиди. Жди. Ты легко узнаешь, когда можно выходить. Смывайся сразу. Уехать было бы лучше всего.

— Слушай, — Валек быстро протрезвел, — а ты в самом деле здоров? Может, ты псих? Или жулик дешевый, присмотрел на мне одежду и ловко тут разыгрываешь детектив? Я сейчас позову Морфия. Он в зале. Что тогда запоешь?

— Зови, — махнул рукой благодетель, — если хочешь лишиться жизни. Тогда наверняка мне тебя не спасти.

— А как я узнаю, что можно выходить?

— Как только услышишь большой шум, сразу же выходи и не теряя времени рви когти куда подалее.

— Ну что там? — спросил Морфий.

— Ничего! Выдул все три бутылки и лабает лучше, чем тверезый, — доложил официант.

— Смотри, Козел, чтоб не улизнул, как это уже было. Правда, в тот раз он мне понадобился по пустяковому делу. А сегодня — важняк. Нельзя тебе его прозевать.

— Пойла подать еще? — вежливо уточнил Козел.

— Еще баллончик и, пожалуй, хватит, — решил Морфий.

— К нему заходил хмырь какой-то.

— Кто?

— Черт его знает. Из местных. Рвань сплошная. Не наш клиент. Это точно.

— О чем говорили?

— Просил купить какие-то шмотки. Валеку послал его, но вежливо. Предлагал выпить, тот отказался. Представляете, от «Нового света» отказался. — Козел снисходительно усмехнулся, открыв мелкие с желтинкой зубки.

— Знал бы, что шампань от меня, так не посмел бы.

— Это точно, — хихикнул Козел.

— На всех не напасешься, — отрезал Морфий. — Топаи, поглядывай. Я надеюсь на тебя.

— Принято, — поклонился официантик и пропал среди танцующих, заполнивших зимний сад.

«Здорово же меня облапошил этот проходимец», — сокрушался вполголоса Валеку, натягивая на себя холодную курточку и кепку, полученные взамен плаща и шляпы.

За дверью подсобки послышались шаги. Стук в филенку: один раз, другой, третий.

— Валеку? Ты здесь? — донесся тихий голосок Козла.

Валеку не шелухнулся. Шаги удалились и пропали.

«Положение дурацкое. Ну, конечно, проходимец и бродяга раздел меня, как мальчишку. Никакого здравого смысла не осталось в черепашке. И это со мной и во мне с тех пор, как начал ширяться. Ширма и довела до ручки. Но откуда благодетелю-бродяге известна моя зависимость от Морфия? Ведь именно на ней он так ловко сыграл. Облапошил? Или в самом деле предупредил? А что если они меня таким путем решили сломать? Ну зачем кому-то просто так, за здорово живешь, рисковать собственной головой, лезть в эту кашу, чтобы выручить давно пропавшего лабуха Валька?!»

Человек в сером плаще и темной широкополой шляпе, надвинутой на глаза, уже полчаса маячил на пустынной набережной.

— Хозяин, я уж думал: он смылся. Гляжу в окно — нет. Пришлось сбежать на улицу. Ждет на воздухе.

— Принято, — ответил Морфий и тут же поднялся. — Проследишь, что дальше будет, а сейчас исчезни к своим тарелкам.

Человек в плаще, увидев приближающегося Морфия, сорвался с места и быстрым шагом двинулся вдоль набережной.

— Валек! Куда ты? — весело окликнул убегающего Морфий. —
Постой же!

Убегающий прибавил шаг. Вдруг он резко свернул и по ступеням спустился к самой воде.

— Ну ты и мастак бегать, брат, — сказал подошедший Морфий, задыхаясь.

— Не брат, а шурин, — сдавленным голосом последовало в ответ.

— Какая разница? Я к тебе всегда относился по-братски. Но ты сам не захотел. И потому ты мне не брат и не шурин. Ты никто.

В этот момент «Никто» развернулся и ударил Морфия по лицу. От неожиданности Морфий покачнулся. «Никто» кинулся по ступеням вверх, к набережной.

— Назад! — закричал Морфий, в несколько скачков настиг беглеца и длинной рукой схватил его за спину. — От меня не уйти, шурин. — Жертва медленно повернулась и грудью повалилась на коротко блеснувшее влажное острие.

Морфий бережно обнял свою жертву и потащил, словно пережившего в ресторане приятеля, к лавочке. Посадил на присыпанную первым снегом доску. Заглянул под шляпу, пробормотал: «Неузнаваемый видок! Смерть и впрямь не красит!» И пошел прочь, бросая взгляды на тихое и маслянисто-гладкое море.

Небольшой курортный городок оглушила новость: из городской больницы пропал труп. Тяжелораненого мужчину средних лет «Скорая» доставила в реанимацию сразу после полуночи. К утру, не приходя в себя, пострадавший скончался... Вымотавшиеся вконец реаниматоры, сообщив куда следует, заперли труп в боксе, а сами отправились попить чаю. Спустя час, когда эксперт-патологоанатом вернулся в бокс, тела на месте не было.

Все, кто соприкасался с умирающим, были собраны в следственном отделе городского управления милиции, где фоторобот быстро воссоздал портрет покойного, то есть без вести пропавшего мертвеца. Дальше дело не сдвинулось ни на йоту. И было бы оно сдано в архив как безнадежное, если бы через несколько дней в милицию не поступило заявление об исчезновении скульптора Арусса.

Большую часть времени Арусс проводил в мастерской, которую арендовал вместе с приятелем, живописцем Коляней. Поначалу на исчезновение Арусса серьезно не отреагировали. В местном творческом союзе он слыл довольно амбициозным, неуживчивым человеком, с которым считались лишь потому, что за него горой стоял этот самый Коляня, довольно авторитетная, в отличие от своего приятеля-скульптора, фигура, преподаватель теории мастерства и рисунка в художественном училище. Арусс был за ним как за каменной стеной. Коляня, как правило, сам оплачивал аренду просторной старинной трехкомнатной квартиры-студии.

С Коляней поговорили. От этого разговора, пожалуй, и потянулась ниточка следствия. Она хоть и не привела никуда, однако оставила причастным к этому расследованию несколько

совершенно необъяснимых петель и узелков, которые иначе как мистическими не назовешь.

— Когда вы в последний раз виделись со своим приятелем? — спросил следователь Синаний, на котором висело дело о пропавшем трупе. Коляня, глядя безоблачно в глаза следователя, с сочувственным пониманием ответил:

— Арусс жив и здоров.

— На каком основании вы это утверждаете? — оживился пребывавший в полной безнадеге лейтенант Синаний.

— Дело в том, — доверительно продолжал живописец, — что Арусс не ладит с супругой, вследствие чего постоянно обитает в мастерской.

— Когда вы его видели? — устало вздохнул Синаний.

— Не видел.

— На каком же основании утверждаете, что скульптор жив и здоров? — стал выходить из себя следователь.

— Сегодня утром до занятий я забежал туда взять альбом репродукций Дали, а на кухне — чайник с кипятком. Я даже кофейка растворимого успел дернуть. Судя по всему, Арусс ночевал там и вышел перед самым моим приходом.

— А что, кроме вас и Арусса, больше никто не может бывать в мастерской?

— Никто. Там у нас немалые ценности. Мои картины, его работы. Исключено! Хотя... — вдруг замялся Коляня, затеребил кончик золотистой бороды, стал поглаживать уютную проплешину на макушке.

— Кто еще бывает в мастерской?

— Деликатный вопрос, старший лейтенант.

— В нашем деле все вопросы деликатные. Итак, не терзайтесь сомнениями.

— Видите ли, у Арусса есть женщина. Его, так сказать, пассия... Она бывает в мастерской. Но только вместе с ним. Сами понимаете, без него ей там делать нечего.

— Как ее найти?

— Мне известно только имя этой женщины. Видел ее однажды, случайно. Вошел, а они там... Неудобно получилось. После этого Арусс стал звонить и предупреждать об очередной встрече. Я сам его об этом попросил. Неудобно нарываться, когда...

Беседа продолжалась в мастерской, куда по просьбе Синания Коляня вынужден был пригласить нежданного гостя. Переступив порог студии, пропахшей скипидаром и смолами дорогих пород дерева — Арусс работал в основном с древесиной. — Синаний окончательно покорила Коляню своим полным несоответствием сыщицкой профессии. Он хлопнул себя по ягодицам и с неподдельным сожалением проговорил:

— А ведь я забыл взять санкцию на обыск! Придется вам подождать, пока я смотаюсь за этой формальной бумажкой.

— Пустяки! — поощрил растяпу Коляня. — Я сам рассеянный. Но у меня есть одно, компенсирующее мои недостатки качество. Я не терплю формальности и условности. Надо вам обследовать мастерскую — валийте без санкции!

Синаний распахнул платяной шкаф и, замерев в стойке, напоминающей боксерскую, издал тихий протяжный свист. Теперь и Коляня увидел. В шкафу висел окровавленный импортный плащ стального цвета.

Дальше действие стремительно набрало скорость. Коляня, потрясенный тайной своего шкафа, дрожащей от волнения рукой в несколько минут набросал портрет женщины, которую случайно увидел здесь. Он хорошо ее запомнил, поскольку Сандра была необыкновенно привлекательной особой. С картона на Синания и впрямь смотрело красивое создание. Зеленоглазое, округлое лицо с чуть вздернутым носиком, темно-каштановые распущенные волосы, высокая шея и изящная рука с длинными тонкими пальцами.

Потом Синаний и Коляня пили кофе, ожидая, пока весь горотдел разыскивал таинственную Сандру. Синаний ждал только ее. А Коляня втайне не терял надежды, что откроется дверь и в мастерскую войдет сам Арусс, и все прояснится с этим плащом.

Однако Арусс так и не появился ни в этот день, ни вечером, ни ночью, ни в последующие утра, дни, вечера и ночи. Зато под вечер привезли Сандру, сообщившую вполне спокойно, что именно эту ночь она провела с Аруссом в мастерской и что ушли они отсюда вместе. Где он теперь, она не знает. О следующей встрече не уславливались. Арусс звонит накануне, а заранее они никогда не договариваются.

Синания никак не устраивало ее безмятежное спокойствие. И вот почему. Женщины, тем более любящие, сами учиняют следователям допрос: что случилось, что натворил муж или любимый, почему вызвали?.. Сандру эти вопросы совершенно не взволновали. Это и настораживало Синания.

Подойдя к шкафу, он распахнул его и спросил:

— Вам знаком этот плащ?

Сандра, взглянув на окровавленный плащ, побледнела. Ее даже качнуло. Коляня усадил ее на диван, принес воды. А Синаний ждал, внимательно наблюдая и фиксируя все метаморфозы Сандры. Когда она пришла в себя и прошептала: «Какой ужас!» — сыщик констатировал:

— Вам знаком плащ. Он принадлежит Аруссу?

— У него никогда не было этого плаща. Такой плащ ему не по карману...

— Правда, — включился Коляня. — Да и не любит он дорогих тряпок.

— Не мешайте! — оборвал Коляню Синаний.

Коляня засопел, словно обиженный мальчишка, и ушел на свою половину мастерской.

— Тогда чей это плащ? — продолжал Синаний.

— Впервые вижу его, — ответила Сандра, довольно быстро справившись с потрясением. И Синаний понял, что момент упущен, что она, конечно, многое знает, однако ничего сегодня, а скорее всего никогда, следствию не покажет. Перекинувшись еще несколькими малозначащими фразами, Синаний и Сандра

расстались. Не ошибся прозорливый сыщик и в другом: Сандре окровавленный плащ был знаком, и весьма хорошо.

Два дня назад плащ этот висел в прихожей ее квартиры. Но вот как он очутился здесь, в мастерской, да еще в таком жутком виде, Сандра не знала, да и не хотела знать.

После разговора со следователем она со всех ног кинулась домой. Оставалось каких-то полчаса до обусловленного Аруссом звонка. Сандра никогда его не подводила. А сейчас тем более не могла опоздать. Она должна была во что бы то ни стало предупредить Арусса о нависшей над ним опасности.

Но что же было накануне?

После муторной ночи слегка кружилась голова. Перед глазами клубился розоватый туман. А сквозь сознание текли слова, весть откуда пришедшие: «Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон твой у меня в сердце».

Арусс ждал Сандру. Он ждал ее в этот час, как никогда до сих пор. Он хотел видеть только что родившегося ребенка. Исчезнуть из этой жизни, не повидав долгожданного малютку, было бы величайшей несправедливостью. Арусс огляделся и только теперь обратил внимание на то, что творилось вокруг него. Это был совсем не январь, как вчера вечером. «Вчера? Господи! Совсем что-то я...» — Арусс поднял глаза, чтобы на электронном календаре узнать время года, день и число.

154

Арусс похаживал по пустынной набережной. Шторм и сырой ветер сделали этот проспект безлюдным. Протянувшаяся вдоль плавно изгибающегося залива односторонняя улица хорошо и далеко просматривалась. Арусс увидел женщину. Он восторженно, хотя фигурка с развевающимися на ветру короткими волосами и полами незастегнутого легкого плаща была довольно далеко. Нет! Не она. Он разочарованно отвернулся. У этой походка легкая. А у той, которую он ждал, походка усталая, хотя с момента рождения ребенка не прошло и месяца. Правда, в эти дни и недели он видел ее только однажды. Но того мимолетного свидания хватило, чтобы понять: былого не вернуть. Той Сандры, веселой и покладистой, легкой на подъем, больше нет и не будет. Доставила же ему эта Сандра беспокойства! Сперва своей неожиданной заявкой, что беременна, чем сразу же оттолкнула его от себя, и он быстренько убрался из ее жизни. Казалось, что навсегда. Он даже не думал о ребенке. Знал — то забывая, то вспоминая, — что родится. Иногда досадовал, злился на Сандру, но не сильно, не очень долго. Знал, что сам виноват. Нисколько не сомневался, — кстати, и Сандра тоже, — что родится у них сын. О сыне и молил все годы. Хотя Сандра, встреченная им случайно, сама семейная, при здоровом, молодом муже, казалась ему совершенно безопасной во всех смыслах. И вдруг заявка: беременна и хочу родить; именно от тебя хочу ребеночка. Минул положенный срок, и Сандра позвонила. Обрадовала? Да! Неожиданно для себя он и в самом деле обрадовался. Тут же побежал на свидание. И увидел какую-то смесь бабы и жабы. Сиреневого какого-то младенчика. И замер.

глядя на голубоватое личико младенца и не находя в нем никаких своих черт. Сандра это просекла и, нахально усмехнувшись, выдала: «А мне начхать, что ты не признаешь его. Главное, я знаю, что он твой. Сейчас не видно, а вот через три-четыре месяца сам увидишь, что он твой!»

И вот не выдержал. Нет, не удостовериться на этот раз потянуло: мой, не мой. Повидать захотелось. Самым натуральным образом потянуло к ребенку. Позвонил. Сандра согласилась. Назначили день и час. Почему-то Сандра настояла на раннем утре. Тоже мне конспирация!

Арусс еще раз оглянулся. С противоположного конца улицы все шла легконогая, взветренная женщина, очень похожая на Сандру. Ту, какой она была, когда он встретил ее...

— Заждался? Извини! Не хотела его будить. Ждала, пока сам проснется. Потом — умывались, кормились...

— А где же он? — недоверчиво оглядывая женщину, спросил Арусс. Пигментные кляксы, растянутый еще недавно живот исчезли. Сандра стояла перед ним, розовощекая, подтянутая, на высоких каблуках.

— Он в скверике. Я не стала тащить его сюда. Ветрено и сыро у воды.

— В скверике? Ты его там одного бросила?

— А что такого? В коляске. Лежит себе, дремлет.

— Ненормальная! А если его...

— Кому нынче нужен чужой ребенок! Своих-то не жалеют, бросают прямо в роддоме.

— Чокнутая дура! — крикнул он, схватил ее за руку и потащил за собой. Сандра вырвалась, сбросила обувь и обогнала его. Он поглядел ей вслед. И ему захотелось ее. Когда остановились, сказал об этом.

— Хорошо, — тут же согласилась Сандра, — только мне по такому случаю придется ненадолго отлучиться. Ждите меня тут, знакомьтесь...

И она снова побежала. Теперь уже в сторону Кизиловой горы.

В сквере было затишно и ароматно. Пахло молодой, буйно проросшей хвоей, растопленной вчерашним солнцем смолой кипарисов и кедров. Он приподнял кисею, нависавшую над коляской, и увидел круглое молочно-розовое личико. Было в этих зыбких еще черточках нечто весьма знакомое. Словом, это был, несомненно, он. Свой, нашенький.

Арусс опустил кисею, отошел и закурил. Выкурив сигарету, он оглянулся. Сандры не было.

Малыш завозился, коляска покачнулась. Силен, восхитился папаша. И тут же испугался: а что если ребенок начнет кричать?..

Вдруг ему показалось, что Сандра больше не придет. Отдала ему его сына, а сама смылась. Навсегда. И даже имени ребенка не назвала. Подарила. На миг стало нехорошо. Куда деваться? Домой везти? Как же, обрадуются там. Вот вам, дорогие жена и дочка, новый член семьи. Прошу любить и жаловать. Как зовут? Промашка вышла. Не знаю. Нет! Сандра не такая. К тому же она наверняка его еще грудью кормит. Грудных не

подбрасывают... Подкидыви! Надо же! Он снова оглянулся. Сандры не было.

Она появилась минут через сорок. Уже после того, как малыш, накричавшись, переодетый неловкими руками пинаши, с трудом отысканного в багажнике коляски запасные пеленки, благодарно затих, но не заснул, а с пристальным вниманием рассматривал кусок прояснившего неба, ветвь кедра ливанского, голову попавшего в зону обзора спасителя.

— Извини, милый! Вспышках забыла свои причиндалы. Пришлось домой сбежать.

— Я так и думал,— ответил он, облегченно закуривая.

— Плакал? — участливо наклонилась Сандра над коляской. — Куда двинем?

— Куда, куда? А то не знаешь, куда можно сейчас пойти... — пробормотал он и тут же, спохватившись, спросил: — Звать-то как? Я ж до сих пор не знаю...

— Мог бы и сам догадаться или подсказать матери, как назвать сына...

— Догадаться? Что у меня голова — Дом Советов?

— Максим. — Сандра рассмеялась и с превосходством взглянула на него.

— Максим? С какой стати?

— Ну как же? Не догадываешься? Ведь мы его сотворили с тобой на улице Максима Горького.

— И в самом деле... — ответил он. — Именно по этому адресу мы сейчас и направляемся. Только хотел бы я знать, как мы назовем второго сына, которого сотворим.

— Второго? Насчет второго я пока не думала. Да и не получится. Я кормлю этого грудью. И, пока кормлю, я в безопасности. А если что — не проблема. Назовем Алексеем, настоящим именем Горького.

— Согласен, — ответил Арусс.

— А в мастерской сейчас никого?

— Коляня на службе. Я позвоню ему на всякий случай. У тебя нет двушки?

Сандра выгудила из кармана плаща горсть монет.

Пока он звонил, она разглядела его. Походка какая-то не такая, скованная. «Видать, переживает, что не сразу принял меня и Максима, — подумала Сандра снисходительно. — Ну ничего, оттает. Все пройдет, забудется. А может, он болен? Надо бы его к хорошему врачу повести. Живет как в воду опущенный. Никому нет до него дела. Дочка — еще ребенок. А жене он и даром не нужен. Все! Баста. Теперь мы с Максимом о нем будем заботиться, никому в обиду не дадим».

Сандра катила голубую с развевающимися занавесками коляску. Арусс едва поспевал за ней. И вдруг он ощутил властную, иную силу. Она замедлила ему шаг. Велела оглянуться.

В тупичке мощеной кривой улочки, на бутафорском фоне каких-то низких старинных строений стояли две пожилые женщины и смотрели вслед уходящей с коляской Сандре. Потом перевели взгляд на Арусса. Старшая осенила путь Арусса и матери с ребенком крестным знаменем. А та, что моложе,

протянула руки, словно звала всех троих вернуться к ней... Арусс разглядел их лица, хотя они были довольно далеко от него, и узнал этих женщин. А узнав, почувствовал, как заекло сердце.

Печальные, недоступные, утомленные, но светлые, они ответили на вопрос, что занимал его в этот час. Не словами. Слов он на таком расстоянии не расслышал бы. Сказанное ими долетело до Арусса ветерком, шумнувшим в кронах цветущего миндаля. Густо-густо полетели бело-розовые лепестки. А когда опали на мостовую, в тупике никого не было. Сердце Арусса успокоилось... Он облегченно вздохнул и бросился догонять Сандру.

Вскоре счастливая тройца по-хозяйски разместилась в мастерской. Так новорожденный завершил свой первый жизненный цикл: очутился по адресу, где был зачат и благодаря коему получил имя собственное...

Сандра рассказывала:

«Знаешь, я сегодня с ночи не в себе. Из-за моего. Такой он у меня чокнутый. Прибегает часа в два — и давай шебуршиться. Свет включил. Максима потревожил. Ну я и вышла из себя...»

— Сандра, не сердчай. Я смываюсь.

— Куда, зачем?

— На меня охотится Морфий. Совсем озверел...

— Охотится? На тебя? С какой такой стати?

— Хотел меня к своему делу приобщить, а я не согласный.

Вот он и взъелся.

Мне стало жаль мужика. Все же родной человек. Отец моей дочки. Стала собираться. А ему говорю: ложись спать, отдыхай, и все улажу. Он как заорет:

— Не ходи никуда. Не рыпайся! Хуже будет.

Ну, думаю, совсем рехнулся. Запуганный окончательно. Морфий кого хочешь до ручки доведет. Но только не меня. Я над ним могу власть свою поставить. Другой раз у самой душа в пятках.

Главное, не показать ему, что боюсь. Знаю, с ним, гаденышем, главное дело — потверже держаться... А мой лабух на колени передо мной бухнулся.

— Не ходи к нему, Санечка. Не ходи, ни сейчас, ни потом. Пусть думает, что это меня он кокнул. А я от тебя и детей не откажусь. Я буду вам писать до востребования. Переводы слать. Авось пройдет время и все забудет Морфий. А сейчас не ходи. Он же думает, что ухлопал меня.

Слушаю я, а волосы шевелятся. Чокнутых с детства боюсь. А этот, вижу, съехал.

— Пить тебе не надо бы, алкаш ты мой нечесанный. Бросай кабак. Тоже мне — руководитель оркестра. Самая должность, чтобы спиться под музыку...

— Нет. Дело, я думаю, не в питье. Я нормален. Он меня

психологически достал. Придет, сядет в зале напротив и наблюдает за мной. Измором решил взять. Я ему, видишь ли, показался подходящим для дела. Конечно, я был бы надежным курьером. И свой, то есть родственник, и вид интеллигентный. А я не согласился. Вот он и стал меня терроризировать. Придет, усядется, бельмы выпучит... Смотрит, ухмыляется и молчит. А вчера заявил, если я не соглашусь, то он меня пришьет».

— Тебе интересно? — Сандра уткнулась подбородком Аруссу в грудь, смотрит исподлобья. — Если надоело, я перестану.

— Что ты! Напротив, очень интересно. Просто детектив, продолжай.

«Ну вот. Собрал он манатки. Побросал в вещмешок. Сел на пол у двери. А меня прямо слезой прошибло — таким несчастным он выглядел. Я решила позвонить в «Скорую». А он:

— Я чудом спасся. Вернее не спасся, а один... Я его не знаю. Видел, помнится, пару раз в городе. Пришел он к нам в оркестр с черного хода. Поманил меня пальцем. Я подумал, вот он — мой палач, манит выйти, а там и пришьет. Однако пошел за ним. Он просил у меня плащ и шляпу. Я, ничего не соображая, отдал ему болгарский плащ — тот самый, что ты подарила на день рождения, — и шляпу — коричневую, с большими полями. Он ушел, а я стал себя ругать: олух, балда, да ведь тебя раздели. А потом вспомнил, что меня ждет, успокоился; все равно помирать. Я тебе на всякий случай рассказываю. Может, потом пригодится, если... Если меня эти подонки все-таки достанут. У них руки длинные. Поэтому не оставляю тебе адреса. Позвоню, когда доберусь до места. Это не близкий свет... Ну и... Работаю. Вида не подаю. Хотя играю из рук вон... Как никогда. Ребята на меня смотрят. Понять не могут, что со мной. В перерыве окружили: уж не заболел ли. Я криво усмехаюсь, шучу даже, мол, заболел и часа через два концы отдам. Смеются, наливают. А я, веришь, поднес рюмку к губам, и такое отвращение, будто в жизни не пил, не нюхал даже. Кое-как доработал смену. Сделал вид, что на выход направляюсь, а сам на кухню, забился в подсобку, как таракан, сижу — ни жив ни мертв. Наши все давно разошлись. Посудомойки тоже кончили дело. Тут прибегает баба Соня, уборщица. Кричит: девки, на Набережной человека убили! Я туда. Смотрю, грузят его в «Скорую». В моем плаще. Весь в кровище. А шляпу не заметили. Я ее хотел взять, да передумал. Зачем она мне...

Он говорил, и я видела, как ему страшно. Думаю, Валек сильно задолжал Морфию. Выпить он не дурак. А в последние месяцы замечала, что колотья стал. Словом, Морфий пристрастил его. А взамен потребовал работы. Любишь кататься, люби и саночки возить. Морфию нужны не просто курьеры, экспедиторы.

Ему нужны свои люди, близкие. Вот он и решил приобщить шурина. А шурина передрейфил... И рванул куда глаза глядят».

Сандра рассказывала. А Арусс прикрыл глаза. И увидел моло-

дую, красивую женщину с отрешенным лицом, заросшего мужчину, держащего за руки хрупкого ребенка в длинной белой сорочке. У мамы волосы темно-золотые, а у ребенка — белые. И храм белый позади них.

— Ах! — вырвалось у Арусса.

— Что? Что ты? — прервалась Сандра.

— Да так. Только что вдруг храм свой увидел.

— Храм?

— Есть у меня храм. Одни стены остались от некогда изящной базилики. Она мне снится — белая, словно облако. Я эти руины люблю, потому и называю мой храм. Я хотел бы восстановить этот храм. Иногда просто мечтаю, а сейчас вдруг увидел его. Целый-целехонький.

Извини. Рассказывай дальше.

— Поцеловал детей. Руку мне облобызал — когда-то этой манерой он меня махом купил, — и был таков. Я часа два глаз не сомкнула. А потом, успокоившись, вспомнила о тебе. О нашем свидании. Плюнула на все и заснула. Чуть не проспала. Максим разбудил. Уехал, ну и скатертью дорога. Оно даже к лучшему. Теперь я совсем вольная птица. Да?

— А то ты была подневольная. Жила, как хотела. Все сама решала...

— И то правда. Слушай. Ты не заболел ли? Какой-то не такой. Да ты никак поседел. И довольно заметно. Особенно за ушами... С чего это?

— Поседел? Может быть... — Он встал, подошел к зеркалу, долго всматривался.

А ей показалось, что не себя он разглядывает, а что-то другое, отдаленное, о чем обычно говорят: так далеко, что отсюда не видать.

— Значит, переживал... Дал мне развод и заперезживал. Знаю тебя. Хотел покончить наши отношения одним махом. Да не сумел. А я тебе — сына. Тут ты и скис. И постарел, да? — Сандра рассмеялась, вскочила, обняла его сзади. И они увидели себя в зеркале.

— Чем не семейный портрет, — обронил Арусс.

— Все хочу у тебя спросить: что это у тебя за колечко? С глазом каким-то?

— Деревянное...

— Вижу, что деревянное, но из какого дерева?

— Сам не знаю. Представь себе, полгода ношу, а до сих пор не разобрал.

— Так это не твоя работа?

— Мне подарила его одна...

— Можешь не продолжать. Небось молоденькая дурочка. Они теперь шустрые. И все норовят на старого повеситься. Гипнотизируете вы их, что ли?

— Значит, я старый? Ну спасибо!

— Да нет! Это они так называют вас, охотников на маленьких. Себя они называют маленькими, а вас... стариками. С вас можно что-то поиметь. Я имею в виду сармак, гонорар.

— Наверное, ты права насчет малышей с набережной. Но мне подарила это кольцо она.— Арусс посмотрел на фигурку из красного дерева.

— Эта?!— Сандра поднялась, подошла к полуметровому изваянию, замершему посреди мастерской, прикоснулась к смуглому телу скульптуры.— Ничего баба. Ты с ней был?

— У тебя всегда одно на уме.

— Можешь не продолжать. Я тебя знаю достаточно, чтобы самой разобраться... Стала бы она просто так дарить что-то. Тем более кольцо. Из такого дорогого дерева. Кольцо — подарок со смыслом...

— Хочешь, я расскажу, как все было.

— Расскажи...

Тут в коляске завозился маленький. Сандра наклонилась к нему и, так вот неловко стоя, дала своему чаду грудь.

Он отвернулся. И вспомнил, почти увидел тот переполненный сентябрьский троллейбус... И когда Сандра освободилась, а малыш успокоенно засопел, принялся рассказывать.

Она замечательно сложена, и, наверное, поэтому я сразу же обратил внимание, что колготки на ней драные.

Но оглянулся я на голос. И некоторое время не мог понять, почему никто не замечает ее неприличные, даже хулиганские реплики. Потом подумал: кажется, у нее не все дома. И успокоился. В троллейбусе никто не реагировал на реплики, видимо, из-за духоты. Я стал украдкой разглядывать ее. Точеная шея. Свежий золотистый загар. Лицо — чистое, молодое. Сильный, но изящный изгиб талии... «А этот уставился. И что за люди — ни стыда, ни совести», — услышал я и сразу же понял — в мой адрес. Мне стало жарко. Я поднял глаза от ног в рваных колготках и встретился с ее гипнотическим взглядом.

— Баб любишь? — спрашивала она меня на весь троллейбус. Я отвернулся и попытался переместиться от нее подальше. Но зеленые глаза меня не отпускали.

— Куда же ты, красавчик? Ах, мы испугались огласки? Похвально, похвально! Хотя на этом еще можно тебя прищучить. Но лучше было бы, если б все-таки из стыда, чтобы от укулов совести...

Я рассматривал ее овальное лицо с чуть вздернутым носиком и вдруг почувствовал легкое головокружение. Сердце замерло на секунду и пошло, спотыкаясь. Господи, губы... рот... Не шевелятся губы. И рот не открывается. Она говорит с закрытым ртом?!

«Да! Наконец-то дошло, как до жирафы, — услышал я ее резкий, насмешливый голос.— Да, кроме тебя, меня никто тут больше не слышит. А ты слышишь. Нравится?»

«Может, я того...» — пронеслась паническая мысль.

«С головой у тебя все в порядке. Ни жара, ни духота в салоне тут ни при чем. Просто я вошла, и мы с тобой совнали, пижон».

«Почему пижон?»

«Не нравится, не надо. Но как-то же я должна тебя называть...»

«У меня есть имя...»

«Твое имя не годится. Имя должно быть наше, общее. Одно на двоих».

«А при чем тут ты... вы?»

«Можешь называть меня на «ты». Ведь ты и я — по сути — одно... И не стремись все сразу понять. Постепенно, со временем непонятное прояснится перед тобой. Но не все, ибо непонятное неисчерпаемо. Откроется же тебе оно настолько, насколько ты достоин и способен постичь открывающееся тебе...»

«Бред какой-то!»

«Но ведь ты говоришь со мной. И никто нас не слышит. Ты ведь тоже говоришь сейчас с закрытым ртом. Почему же бред? Хотя... Я знала, какой ты. И потому не удивлена... Мне с тобой не повезло, потому что ты такой... и тут ничего не поделаешь».

«Какой такой?»

«Если бы ты был другой, — в голосе появилась нотка сожаления, — я бы тебя расцеловала».

«Другой? Что значит другой? И почему бы тебе не расцеловать меня таким, каков я есть, если мы с тобой так хорошо друг друга... слышим?» — Меня вдруг понесло, что называется, по кочкам. Я видел перед собой молодую женщину, весьма, правда, странную... Я знал, что слегка странные женщины весьма пикантны, с фантазиями... С ними очень и очень бывает интересно, хотя надолго меня с такими не хватает. Я приблизился к ней вплотную. От нее пахло каким-то поразительным ароматом. Снова закружилась голова, и сердце опять споткнулось. «Наваждение какое-то», — испуганно пронеслось в голове.

«У тебя грязные мысли. Бррр... Гадость какая! Работы с тобой будет! — нараспев протянула она. — Прямо хоть сейчас начинай...»

В глазах у меня потемнело. Я увидел салон в каком-то полумраке. Вокруг меня теснились потные, обезображенные возрастом и жиром, тощие, мохнатые, склеротические тела... Это было ужасно. Я зажмурился, прижался лицом к стеклу. Троллейбус качнуло. Я открыл глаза, увидел свою собеседницу на тротуаре и кинулся к выходу. Люди сторонились, ворчали, толкали меня в спину. Протиснувшись к двери, я со стоном вывалился на тротуар. Дверь с лязгом захлопнулась, и, пока троллейбус трогался с места, я увидел, как моя собеседница хохочет за окном салона. Укоризненно жестикулируя, я шагнул следом за откатывающимся троллейбусом. А она высунула руки и что-то обронила мне под ноги. Я наклонился. На тротуаре лежало деревянное колечко.

Спозаранку на пляжах царит суета. Желающие устроиться поудобнее столбят место под солнцем. Именно в этот момент, когда курортному люду не до любования морем, не до рассматривания кораблей или игры вод с небесами, в дикой части побережья из воды вышел стройный, спортивного вида, немолодой человек. Он шел покачиваясь, видимо, далеко заплыв, не рассчитав силы и переоценив себя. Это бывает. На его счастье,

море в то утро было спокойным. Окажись сей чудак вдали от берега хотя бы при двух-трех баллах — не выбраться ему. Сколько таких — дорвавшихся и зарвавшихся — нашли себе жуткую погибель в глубинах прекрасного, теплого залива. Этот же счастливчик, благополучно выбравшись, упал на гальку возле кучки своей одежды и полчаса лежал неподвижно. Отдохнув, вполне бодро оделся и уже через несколько минут очутился в самой оживленной части городка — на Набережной улице. Ел мороженое. Пил газировку. Шел расслабленной походкой свободного человека. Судя по всему, в карманах его модных полотняных брюк имелись деньги; и с жильем он уже устроился; а по тому, как хладнокровно проходил мимо зазывно-ароматных забегаловок общепита, легко сделать вывод относительно и этой стороны его благополучного бытия. Он выделялся среди дефилирующих мужчин тем, что не обращал внимания на женщин, которых здесь несчетно и на всякий вкус, а внимательно присматривался к мальчикам, сновавшим по Набережной.

Седой субъект добрался до Кизиловой горки, некогда утыканной частными домиками, а ныне тесно застроенной высотными жилыми зданиями.

— Где же она теперь живет? — озадаченно пробормотал он и, оглядевшись, направился к телефонной будке. Справочная служба выдала ему необходимый номер, и он тут же набрал его.

В трубке раздался девичий голосок:

— Слушаю вас.

— Девочка, мне надо поговорить с Александрой Александровной.

— Я не девочка, — ответила трубка. — А мама на работе.

— Все ясно. Сколько же тебе лет, мой мальчик?

— Девять. А что?

— Надо же! — обрадованно выдохнул в трубку пловец. И, словно испугавшись, что трубку на том конце повесят, заторопился: — А где твоя мама работает?

— На почтамте, до востребования. А вы кто?

— Я друг твоей мамы. Друг молодости...

— Значит, вы не местный?

— Когда-то жил тут.

— Вы не найдете ее. Давайте я вам объясню.

— Не нужно. Я найду.

— Тогда поспешите. Мама сегодня в первую смену. Скоро она кончит, и вы можете не застать ее на работе.

Мужчина повесил трубку и пошел назад, на Набережную. Спустился к молу. Долго стоял там, слушая, как кричат чайки, споря о кусочке хлеба, брошенного катающимися на морских трамвайчиках отдыхающими. Электронные часы показывали тринадцать часов. Потом на экране появилась и другая информация: температура воды, воздуха, балльность волнения, день недели, число, год. Спихватившись, мужчина побежал, и прохожие оглядывались на высокого, хорошо одетого человека с ослепительной шевелюрой. На подступах к почтамту он перевел дыхание. В зал вошел негоропливо. Направился к отделу «До востребования». За барьером сидела полная рыжеволосая жен-

щина. Он отметил: «Перекрасилась!» На мгновение в лице женщины что-то дрогнуло.

«Постарела. Особенно руки. Смотрит, словно под гипнозом».

Он быстро отвернулся и вышел на улицу. Сел неподалеку в скверике. Стал ждать.

«Скоро пересменка. Пойдет домой. Подойти?»

Минут через десять появилась она.

«Высокие ноги. Походка та же».

Он уже решил подняться и подойти. Но в последний момент что-то его удержало.

«Нет! Зачем? Да и как объяснить? Перепугается».

Мужчина поперхнулся.

«Господи! Все, как раньше. А думал, что давно уже все отмерло. Не как у людей...»

Из кустов выскочили двое ребятшек. Загорелые, светловолосые.

— Мама! — завопил один из них. Нос и щеки в веснушках.

«Этот подходящий. Этот, пожалуй, то, что надо. Мой!»

Встал и пошел за матерью с сыном. Крадучись, сторонясь и боясь упустить из виду.

Но вот мальчишки отстали. Женщина ускорила шаг и пропала в аллее Приморского сквера.

— Ну что, парни! — окликнул он ребят. — Какие проблемы?

— Проблем хватает, — ответил тот, которого он выбрал.

— Может, я помогу?

— Бабки нужны, — хитро сощурился конопатый.

— Тоже мне проблема!

— Если для вас бабки не проблема, то мы с вами дружим, — ответил второй.

— А зачем вам бабки?

— Цирк приехал, — ответил конопатый. — Билетов не достать.

Но тут один обещает за тройную плату.

— И что, интересный цирк?

— Там фокусник пилит бабу на виду у всех. Настоящей пилой. А потом она срастается; снова живая становится. Охота посмотреть. — Глаза конопатого горели. Он даже взмок от предвкушения счастья.

Мужчина дал мальчишкам денег. Наказал взять билет и на его долю.

Ждать пришлось недолго.

Размазывая по лицу пот и слезы, мальчишки выскочили из-за угла и стали наперебой жаловаться, что Козел их надул. Деньги забрал, а им еще и пинкарей навтыкал.

Пришлось идти разбираться. Козел, невысокий, вертлявый человечек неопределенного возраста, увидев, что мальцы вернулись с заступником, попытался улизнуть. Но разве от пацанов скроешься? Тогда он решил идти ва-банк. Подлетел к заступнику, надеясь взять его на испуг. Пришлось поставить беднягу с ног на голову и вытряхнуть из него все содержимое — деньги и пачку билетов в цирк. Козел вопил, брыкался.

— Пусть пацаны берут свои билеты, остальное отдай, иначе не обрадуешься!

Но деньги и билеты были уже подобраны. Судя по всему, их никто не намеревался отдавать.

— Длинно-белый. Ты, я вижу, приехалом. Имей в виду, Морфий тебя накажет. Не слышал про такого? Ну подожди, услышишь. Вертай бабки и квитки по-хорошему, иначе...

— Что? — воскликнул один из мальчишек. — Морфием пугаешь? Это тебя Морфий наследства лишит, если я расскажу, как ты хотел нас надурить. Да, да! Морфий — мой дядя. Понял, Козел?!

После таких доводов Козел замолчал и исчез. А троица пошла к цирку и, к восторгу оставшихся без билетов, стала раздавать их бесплатно. Начиналось дневное представление. Троица с наслаждением смотрела, как фокусник перепиливал девуцу, сам проваливался сквозь землю, спускался с неба в кубическом ящике. И всякое другое творил — невероятное, несусветное.

После цирка Длинно-белый провожал приятелей домой. Один из них жил тут же, на Набережной. Другой — подальше. Когда Длинно-белый остался наедине с конопатым, он обнял его за плечи, поднял и поцеловал.

— Что это за новости сезона? — вывернулся из рук мальчишка.

— Извини, брат, — смущенно пробормотал мужчина. — Это я так. Больше не буду.

— Ладно, извиняю, — возмущенно пробормотал мальчишка. И вскоре забыл об этом инциденте, который, судя по дальнейшему, несколько не убавил его интереса к Длинно-белому.

— Где это вы так ловко изучили приемчики, которыми скрутили Козла? — спросил конопатый.

— Да было дело, — уклончиво ответил мужчина.

— А кто вы? Откуда? — не унималось любопытство мальчишки.

— Ну что ж, давай знакомиться. Тебя я уже знаю. Мак?

— Мак.

— Что ж, вполне иностранное имя. Я тоже иностранец. Только что из Франции. По заданию. — Глаза его улыбались, и Мак недоверчиво спросил:

— Неужели шпион?

— Боже избави. Я прибыл сюда, чтобы спасти хорошего человека и наказать плохого, очень неважного, надо сказать, типуса.

— Значит, вы из Интерпола. Я читал, что эта полиция помогает тем странам, которые сами не могут со своими бандитами справиться. Да?

— Что-то вроде того, — нахмурился иностранец.

— Какие же в нашем городе могут быть преступники?

— Есть и у вас. Да еще какие!

— Вы, наверное, имеете в виду наркоманов?

— Ты угадал.

— Ясно! — заключил Мак и пристально взглянул на Длинно-белого. — Мне надо бежать. Мама не любит оставаться одна по вечерам. Спасибо вам за цирк...

— Мы еще увидимся, Мак?

— Ладно, — чуть подумав, решил Мак. И побежал прочь.

— Только у меня одно условие! — крикнул ему вслед иностранец.

— Какое? — остановился Мак.

— Приходи на мол. Но один, без приятеля.

— Ладно. А почему?

— Сам понимаешь, конспирация у меня. В тебя я верю, а вот приятель может проболтаться и все испортить. Я имею в виду мое задание.

— Согласен, — ответил Мак.

Всякий раз, возвращаясь, он как бы предчувствовал, куда возвращается. В калейдоскопе уходов и возвращений он не видел никакой закономерности или системы. Выныривая из небытия чаще всего в новом для себя месте, он тут же ориентировался во времени и пространстве. Шел туда, где был необходим, и сразу же находил пару: убийцу и жертву. И, не теряя ни минуты, начинал работать. Зачастую времени не было не только на отдых, но и на размышления. Уходы порой следовали один за другим. И тогда он воспринимал все происходящее с ним, как мучительно затянувшийся сон — тяжелый и изнурительный. Обычно после такой серии уходов он попадал на какое-то время в родной город. Здесь отдыхал, иногда довольно долго: неделями, а то и месяцами.

Где его только не носило, какими только способами его не отправляли на тот свет! В последний раз в него всадил всю обойму из автомата чернокожий наркоман, захвативший частную аптеку в предместье Лиможа. Арусс только приступил к службе. Взяли его подменным патрульщиком в дорожную полицию, куда и поступил сигнал о захвате аптекаря с женой и дочерью. Когда прибыла группа захвата, Арусс предложил комиссару полиции свой план. Мол, он с мегафоном пойдет прямо к парадному входу в аптеку, а ребята, пока будет переговариваться с захватчиком, ворвутся через черный ход. Для пущей важности Арусс надел жилет. Короче, он беседовал с черным наркоманом до тех пор, пока не увидел, что ребята вошли в помещение. Арусс бросил мегафон и начал вламываться в аптеку с улицы. Его сочли ненормальным, однако проверить это было невозможно, так как прямо от аптеки Арусса повезли в морг, откуда он благополучно испарился.

Еще в ушах пробуждающегося Арусса звучало: «Призри, услышь меня, Господи, Боже мой! Просвети очи мои, да не усну я сном смертным», — а сквозь тяжелые веки уже текло солнечное земное сияние. Ушные раковины наполнились шумом, памятным еще не определившейся в сознании гармонией.

«Все возвращается. Скоро я все увижу и пойму».

Сверкнула радостная искорка: «Домой еду!»

И дернулся, и вышел на поверхность того, что глухо и отдаленно шумело, и задыхал.

«Дома!»

Сюда он возвращался всегда морем. Выходил где-нибудь на диком пляже. Шел именно туда, где ждала его одежда. Одевал-

ся — и в город. В карманах всегда находились деньги на первый случай. Он не торопился, гулял, рассматривал заметно изменившийся облик города, вспоминал...

На следующий день они встретились. Катались на морском трамвайчике. Поднимались в горы по канатной дороге. Рассматривали город и море в подзорную трубу. Обедали в ресторане на скалах. Вернувшись в город, Арусс почувствовал, как накатила подстерегавшая его все это время тоска.

— А кто у тебя отец?

— У меня знаменитый отец, — ответил Мак. И было в его голосе нечто неведомое Аруссу, но такое необходимое. Что это? Аруссу захотелось схватить мальчонку, вцепиться в его щуплое тельце, полное будущего, дышать родным ароматом. И говорить ему. Пусть поймет, пусть запомнит, что этот Длинно-белый, щедрый, нежадный человек и есть его отец.

— Чем же он знаменит? — спросил Арусс.

— Он был скульптором. Только рано умер. На выставке, устроенной уже после его смерти, его хвалили и почти все раскупили. За большие деньги. Осталась самая малость, у Коляни. Коляня сказал, что отдаст мне, когда я стану совершеннолетним.

— А ты был на той выставке?

— Нет, я тогда совсем малой был. Это мне Коляня недавно пересказал, да и мамка кое-что сообщила. У Коляни осталась одна, как все говорят, шедевральная статуэтка. Когда вырасту, заберу ее. А пока она стоит в мастерской.

— Что же это за статуэтка?

— Женщина из красного дерева. Очень красивая. Из дерева, а как живая... Я даже боюсь в той комнате один оставаться, такая она...

— Что ж! — пробормотал Арусс. — Я рад за тебя! Как же фамилия твоего отца, ну и твоя, конечно?

— У нас разные фамилии. Мама не успела с первым мужем развестись. Жила с этим нелегально. А когда он умер, ей было все равно, какая фамилия, у меня будет. Неправильно она сделала. Надо было записать меня на фамилию моего отца. Когда стану совершеннолетним, возьму ее себе. Так я решил. Правильно?

— Правильно, малыш! — Арусса качнуло.

Заметив его состояние, мальчик сказал:

— Пойдем в теник. Посидим в парке. Жара сегодня несусветная. Да и день такой.

— Какой такой день?

— Магнитные бури. У мамки всегда накануне реакция. Ее тоже качает.

— А у тебя?

— Меня не берет. Мне эти бури ни о чем. Я весь в отца. Мамка никогда через перевал не ездила, в море не выходила, даже в штить. А самолета даже в глаза не видела, качки не переносит.

Придя в парк, Арусс и Максим уселись под старым, раскиди-

стым ливанским кедром. Глядели на море и горы. Дышали духом древней хвои. И одному из них казалось, что они уже сидели вдвоем под этим деревом. А другому вспоминалось их первое свидание под этим деревом, когда впервые плоть породившая соприкоснулась с плотью рожденной, чтоб запомнить этот контакт навеки.

Арусс обнял ребенка. Мальчишка приник к нему и тихо спросил:

— Ты скоро уедешь?

— Завтра-послезавтра.

— А я это почувствовал сегодня.

— Ты не хочешь, чтобы я уезжал?

— Не хочу.

— А чего бы ты хотел?

— Чтобы мы жили вместе: ты и я... и мамка. Ты не думай! Она у меня красивая. Знаешь, как на нее мужики оглядываются! И добрая она... и умная.

— Спасибо тебе! — прошептал Арусс. — Я знаю... То есть я и подумал, что она у тебя такая.

— А почему ты так о ней подумал?

— Потому что твой отец не полюбил бы никогда некрасивую, злую и глупую.

— Ты тоже умный. И с виду ничего... Но для мужика красивым быть не обязательно. Мамке моей нужен мужик авторитетный. Чтоб глянул, сверкнул глазами — и все. Она сама мне так объяснила. Понимаешь?

— Не совсем.

— А я понимаю мамку. Очень хорошо понимаю.

Арусс слушал этот голос. Дышал рыжей макушкой своего малыша. Дышал до спазмов в горле и в сердце. Душа его пела и плакала. И он боялся, что смятение его души почувствует мальчишка. На счастье, душа ребенка пребывала пока еще в стесненном состоянии, и доступны ей были лишь те сигналы извне, которые она ждала и хотела услышать.

— Слушай, я тебе еще кое-что хочу сказать напоследок.

— Говори, слушаю тебя.

— Я хотел заложить тебя Морфию. Он ведь мне дядя, мамкин брат, и ко мне хорошо относится. Матери помогает. Я и хотел... Если его арестуют, то все пропало.

— Что все?

— Все его богатство накроется. А он обещал, когда постареет, все свои деньги мне отдать.

— И ты возьмешь?

— А ты бы не взял?

— У Морфия не взял бы...

— Так ты приехал, чтобы арестовать его?

— Я никогда никого не арестовываю. Тюрьмой, наказанием ничего не исправить в человеке.

— Значит, ты не тронешь Морфия?

— Нет. — Арусс наклонился и, глядя в глаза Мака, спросил: — Ну и почему ты не заложил меня Морфию?

— Он бы тебя убил. А я против убийств.

— Я тоже против убийств.— Арусс поднялся и вздохнул.— Ну что, прощай и не поминай лихом. Помни меня, малыш, и не обижай мать.

— Постараюсь,— ответил Мак и шмыгнул носом.

— Будь счастлив, перебежчик!

— Почему ты назвал меня перебежчиком?

— Да так, вспомнилось кое-что. Однажды одной женщине приснился, а у другой родился один и тот же ребенок. Он как бы перебежал от одной к другой. То был мой сын. Ты мне напомнил его. Понимаешь?

Арусса разбудил телефонный звонок. Звонила жена Коляни. «Несусветная женщина», как прозвал ее сам Коляня, разбудила ни свет ни заря! И чего ради? Ну, не ночевал муж дома. Он художник. Ему свободы хочется. А тут контроль... Арусс тогда едва сдержался, чтобы не нагрубить. Посоветовал отправиться «несусветной женщине» в мастерскую, полагая, что Коляня заночевал именно там. Всегда так делает, когда малость переборщит в питии. Только положил трубку, собственная жена на хвост упала. Сон ей, видите ли, приснился. Поразительный сон. Идет якобы она в полном тумане. И видит двух женщин, жалостливо смотрящих на нее. Она подходит к ним и говорит: помогите, у меня такое горе, я сына потеряла... Женщины переглянулись, ни слова не сказали. Старшая осенила ее троеперстием. Младшая руку простерла — путь указала, куда ей идти...

Она могла бы родить Максимку. Но потеряла такую возможность. Ибо дети рождаются в любви. В ненависти ничего не рождается, кроме горя. Она потеряла, а Сандра нашла.

Арусс вернулся в мастерскую, где всю ночь точил из моржового клыка кольцо...

И лишь под утро решил позвонить. Сначала той, что потеряла, потом той, что нашла.

Ответил незнакомый, довольно приветливый голос, объяснивший, что прежние хозяева переехали в разные места. Мать и дочь повыходили замуж и разъехались.

Арусс облегченно вздохнул. И позвонил той, что так больше и не вышла замуж.

— Сандра, ты слышишь меня?

— Кто это? Я слушаю! Кто звонит?

— Не узнаешь? Сандра, давай повидаемся. Завтра я... Словом, у меня остается меньше суток. И я не могу не повидаться с тобой.

— Арусс?

— Только не пугайся. Приходи скорее...

— Куда?

— Я тебя жду там, где всегда...

— В мастерской?

— Да, да! Жду, приезжай.

— О Господи! Да что же это?.. Я боюсь.

Арусс положил трубку. Пошел на кухню. Поставил чайник. В мастерской всё оставалось по-прежнему. Старый друг оказался верным другом. Сохранил его работы. Арусс приходил сюда по ночам, открывал дверь ключом, благополучно пролежавшим все эти годы в тайничке, забирался под крышу некогда милого пристанища и точил из моржового клыка перстень — близнец деревянному.

Сандра влетела в мастерскую, тяжело дыща от волнения, граничащего с обмороком. Арусс шагнул к ней. Она замерла, поставив перед собой руки.

— Не подходи.— И перекрестила его троекратно.

— Этого-то я и опасался прежде всего,— пробормотал Арусс.

— Какой ты старый! Зачем ты явился, Арусс?

— Ты думаешь, я с того света явился?

— Господи! Откуда ж тогда? — едва слышно прошелестела Сандра.

— Ты в общем-то недалеко от истины. Но все-таки я живой. Я не привидение, не тень. Я человек. И не мог покинуть этот город, не повидавшись с тобой.— Арусс хотел коснуться Сандры, но она вскрикнула и потеряла сознание.

Арусс поднял ее, положил на диван, побрызгал водой. Сандра со стоном открыла глаза.

— Зачем ты явился, Арусс? За мной? Но ведь я еще не старая. И ребенок у меня пока еще маленький. Арусс! Ну что я тебе плохого сделала?

— Успокойся, Сандра. Милая! Не нужна ты мне! То есть очень нужна. Я люблю тебя. Ты, как теперь вижу, остаешься единственной женщиной, которую я любил, люблю... Вот не мог уйти, не повидавшись! Прости! Мне ничего не надо. Поверь, ничего не грозит ни тебе, ни нашему мальчику...

— Ты! Ты и с ним хочешь... или уже? — Сандра приподнялась, пытаясь сойти с дивана.

— Не волнуйся, Сандра. Ты ведь была такой смелой, отчаянной. Ну что ты в самом деле?.. Да, я видался с Максимом. Мы даже подружились. Хороший пацанчик растет. Смотри за ним. Не подпускай к нему Морфия.

И вот эти слова, эта житейская опаска отца за сына, как-то отрезвили перепуганную Сандру. Она глубоко вздохнула, села, спустив ноги на пол.

— И ты признался? Он знает, кто ты?

— Нет! Он так ничего и не узнает. Просто мы провели вместе несколько замечательных дней. Вот и все, что позволено мне. Сандра!..

— Все! Все! Будь ты хоть мертвяк, сатана, тень на плетень... С тобой! Вместе. Никуда больше не пущу. Не пущу! Все!

— Ладно! Ладно, Сандра. Угомонись. Ну вот... Молодец! Хорошая моя. Золотая моя девочка... Сладкая... Радость моя.

Сандра вдруг заплакала.

— Я забыла,— срывающимся от рыданий голосом бормотала она.— Я забыла все твои слова. Да и какая там девочка. Сорок

лет скоро. Дочка замужем. Скоро внуком наградит. Господи! Не отдам тебя больше никому. Ни за что...

— Ты очень постарел, Арусс! — после долгой паузы раздалось в темноте.

— Таков закон неба, — ответил Арусс. И тут же спохватился.

— Закон чего? Неба? — Сандра приподнялась, и кошачьи ее глаза полыхнули, как в прежнее время.

— Не знаю. Наверное, я не должен был тебе говорить. Но меня относительно этого не предупреждали, и я хочу тебе кое-что рассказать. Помнишь, когда-то я рассказывал тебе об этом вот деревянном колечке.

— Да! Хотя я тебе не поверила. Значит, правда, если вспомнил. Выходит, это она тебя захомутала. Забрала у меня.

— Она. Но...

— Я все эти годы так и думала, что ты с нею.

— Все не так, как ты думаешь. Хочешь, я расскажу дальше?

— Хочу, милый. Хочу... Но только... не сию минуту. Чуть позже, позже, позже...

— В следующий раз мы встретились с нею осенью. Я пошел в горы — поискать древесины.

— Так ты завтра, то есть уже сегодня, должен к ней вернуться?

— Не перебивай. Прошу тебя, послушай...

— Если не хочешь отвечать, значит, к ней. Здорово же она тебя захомутала! И как это у них получается? Умеют же. Есть же такие бабы.

— И к ней, и не к ней. Да и не баба она!

— А кто же? Девица! — Сандра горько рассмеялась. — Или ангел?

— Ты недалеко от истины, Сандра.

Легкий морозец высушил окрестности. Кончился слякотный период, начался звонкий и прозрачный. Среди слегка остеклевших ветвей скакала крохотная пичуга, клевала что-то среди покрасневших веточек.

«Пусть бы так всю жизнь», — вскрикнул кто-то рядом. Я оглянулся и понял, кто это. У меня уже бывало, когда внутренний голос кажется прозвучавшим извне.

«Господи! Наверное, такова вечность!» — пробормотал я. И услышал: «Ты недалек от истины...» Голос был мне знаком, хотя и не походил на мой собственный. Во всяком случае, я его уже слышал. Хорошо помню, где, когда и как это было. Я обрадовался. Прошло почти три месяца с тех пор, как я увидел эту странную женщину в троллейбусе. Все это время я ношу на безымянном пальце ее колечко. Из какого оно дерева, выяснить не удалось. Местные специалисты так и не пришли к единому выводу. Кто-то предположил, что оно из можжевелевой древесины, кому-то показалось, что это красное дерево. Один ювелир предположил даже саксаул... Кольцо было необыкновенным. Оно все время блестело, как платиновое, и пахло. От него постоянно исходил не похожий ни на какой другой приятный аромат.

Я снова оглянулся и никого не увидел. Однако голос подал.

«Значит, недалеко от истины. Так всегда — не хватает какой-нибудь малости до полного счастья».

«И все равно это не так уж мало... Мне трудно судить. Истина — я знаю наверняка — не угадывается, а познается. И то, что кто-то сумел приблизиться к ней, совсем неплохо. Надо ждать. Ощутишь свет в душе, притаись и жди. Возможно, тебе посчастливится в этой жизни...»

«В этой? Выходит, что была или будет еще другая?»

И тут я ее увидел. Короткая русая коса, темно-зеленые глаза, вязаное платье едва достигало загорелых колен.

— Почему ты босая? — вырвалось у меня.

Она стояла на фоне розового куста жасмина, по которому только что бегала птичка.

— Ты уже прожил семь раз по семь... Йота. Мое имя Йота. Наше с тобой имя. — Она поднесла руки к своему лицу, подышала на них. И пальцы ее засияли.

— Семь раз по семь? — воскликнул я, чтобы хоть как-то отвлечься от светящихся рук.

— Сорок девять жизней из ста восьми.

— Значит, осталось, — попытался я подсчитать, но, к своему удивлению, никак не мог справиться с элементарным арифметическим действием. — Осталось не так уж и мало.

— Пятьдесят девять раз осталось, — уточнила Йота.

— И что с того? — подсадовал я. — Разве я что-нибудь помню из того, что было со мной в те сорок девять раз?

— А ты бы хотел помнить? Все?

— Зачем же все? Самое лучшее из прожитого!

— Ишь какой! Лучшее. Так не бывает, запоминается только то, что полезно, поэтому не всегда лучшее.

— И что же запоминается?

— В первую очередь рождения и смерти...

— Это должно быть ужасно... потому что больно.

— Да. Рождаться и умирать больно. Но не это главное. А то, что при этом видится. Что видится в такие моменты, то и остается с тобой навсегда. Рождение и смерть закрепляют этот опыт. И чувство утраты. Оно непременно в обоих случаях.

— Утраты? Ладно, при умирании — я понимаю, но при рождении?..

— Рождаясь человеком, ты покидаешь вечность, то есть теряешь бессмертие, как же тут не сокрушаться. То, что потеря эта временная, человек не знает. Он не знает, потому что не способен понимать сущность бессмертия. Кроме того, ему не дано помнить, что было с ним в прежние жизни.

— Неправильно! Несправедливо! — От возмущения меня перестали пугать неподвижность Йоты и ее сияющие уже до локтей руки. — Не ведая о прошлом, забыв о своих ошибках, человек никогда не станет лучше. Он обречен повторяться, то есть топтаться на месте.

— Человек никогда не повторяется. От жизни к жизни

идет — медленно или быстро, у кого как получается, — к своему совершенству.

— И кто же это о нас так позаботился? Кто же это нас так жалеет, оберегает? Прямо святая ложь какая-то...

— Будто бы не знаешь... — улыбнулась Йота. — Только не думай, что это правило абсолютное. В нем есть исключения для желающих.

— То есть, если я захочу, мне будет позволено помнить?

— Вспомнить.

— Уж не ты ли спросишь меня о моем желании?

— Именно я, ты не ошибся.

— Тогда прошу тебя ответить прежде всего на такой вопрос.

С какой стати ты выбрала именно меня?

— Просто пришел твой срок: ты жил сорок девять раз.

— Но что такое сорок девять раз? Почему такая честь не оказывается, скажем, после сорока восьми, или тридцати девяти, или на сотом разе?

— Потому что семь раз по семь.

— Выходит, это единственный шанс?

— Шансов несколько. Они возникают при пересечении великих цифр: тройки, семерки, девятки...

— Значит, у меня в запасе по крайней мере еще два шанса: шестьдесят третья и восемьдесят первая жизни. Жаль, мало...

— У тебя еще четыре раза в запасе, 77 и 99 жизней. О чем ты сожалешь?

— О том, что ты не появилась раньше. Жаль предыдущих упущенных возможностей.

— Ты сам их упустил, но не помнишь об этом. Ты трижды отказывался.

— Отказывался? Странно. Тогда почему я сейчас готов согласиться?

— Потому что ты пока не знаешь, чем за это придется заплатить.

— Заплатить?

— В первый раз ты сказал, что еще не нажил, что у тебя еще будут шансы. Во вторую нашу встречу ты отказался, потому что у тебя все пошло на лад. Ты двигался на редкость успешно. Ты был — как никто другой из твоих ровесников — близок к цели. Тебе оставалось одно-два возвращения, чтобы достичь абсолютного. И в тот раз ты был прав. Мы это поняли. Но в третий раз, когда шла тридцать третья жизнь, все пошло прахом. Ты был отброшен к началу...

— Что ж я такого натворил, что пришлось начать сначала?

— Ты убил.

— Я? Кого же?

— Теперь это не важно.

— Но я хочу знать.

— Ты узнаешь все, но при одном условии.

— Каком?

— Тебе придется пожертвовать всеми оставшимися жизнями.

ми.

— Всеми?! Боже! Это же больше половины! Ничего себе!

Какой-то посторонний звук остановил Арусса на полуслове. Оба затаили дыхание. И услышали, как открылась дверь. В прихожей вспыхнул свет.

— Это Коляня! — облегченно выдохнул Арусс.

— Господи! Этого нам как раз и не хватало.

— Не переживай. Он пьян. Слышишь, мастерская настезь...

В прихожей было подозрительно тихо. Арусс тихонько поднялся и выглянул. Убедившись, что Коляня и в самом деле лыка не вяжет, Арусс захлопнул входную дверь. Затем бережно взял Коляню на руки и перенес в другую половину мастерской, где и уложил на топчан. Но едва только вернулся к Сандре, как на половине Коляни что-то грохнуло, послышался невнятный возглас, и, ударившись о косяк проема, на половине Арусса появился Коляня.

Щелкнул выключатель. Щурясь в неярком свете, Коляня с изумлением всматривался в негаданных постояльцев, нахально разместившихся на его — теперь его — диване. Жмурился, кряхтел, дергал себя за бороду, изрядно поседевшую за последние девять лет.

— Арусс! Это ты... На этот раз ты мне не снишься. А если снишься, то не так, как раньше. Во-первых, старый ты какой-то. Слушай, брат, что-то ты сильно постарел! Это что? Это у вас там такая геронтология? Или ты сам выбрал себе этот возраст? Значит, решил взять этот возраст, чтобы отказаться от женской зависимости? — Тут Коляня хихикнул и погрозил пальцем. — Шалишь! Меня не обманешь. Вижу! Кто это у тебя за спиной прячется? Баба! Значит, причина в другом. То-то! Ладно! Раз тайна, не говори! Вековой там себе. Но все-таки странно, что ты такой старый, а с бабой. Это во-вторых! А я ее знаю. Ее зовут... Дай Бог памяти! Вспомнил! Массандра! Ну, коль явились вы мне оба, запечатлею вас. Художник я или не художник?! Давно хотел. Да все откладывал. А теперь напишу я тебя, брат ты мой, вместе с нею. Не возражаешь?

Арусс кожей почувствовал, что Сандра решила подать голос, прижал палец к губам. Прошептал ей в самое ушко:

— Ни звука, иначе он поймет, что мы действительно живые. Его хватит кондрашка. Пусть думает, что это галлюцинация.

Коляня притащил мольберт и холст. Принялся выдавливать краски на круглую палитру. Он красил холст. Он мазал. Он писал. И трезвел с каждым мгновением работы.

Арусс так увлекся, наблюдая за своим феноменальным другом, что не заметил, как заснула Сандра. Загипнотизированный таинством творца, он и сам стал подремывать. И, наверное, тоже бы уснул, если бы не грохот. Это упал вконец обессиленный художник. Арусс поднялся и приблизился к холсту.

Этюд был практически завершен. Особенно удалась Сандра.

— Невероятно, ничего подобного нельзя было и вообразить! — пробормотал Арусс и отнес во вторую половину мастерской мольберт с холстом, кисти и палитру. Затем аккуратно вытер пол на своей половине, поставил чайник, разбудил Сандру. Они молча выпили чаю и навсегда покинули это прибежище.

— Ну а теперь ты куда? — Сандра крепко вцепилась в него обеими руками.

— Теперь мы расстанемся, золото мое. — Арусс отвел взгляд. Смотреть в лицо этой женщины у него больше не было сил. — Жена твоя как плодовая лоза в доме твоём; сыновья твои, как масличные ветви, вокруг трапезы твоей. — пронеслось печальным мотивом.

— Никуда я тебя не пущу!

— Это невозможно, Сандра!

— Невозможно что?

— Остаться.

— Тогда я с тобой!

— А это тем более невозможно. — Видя, что глаза ее наполняются решимостью безумия, сдался: — Ладно, можешь проводить меня. Но только до определенной черты. Когда я побегу, ты должна будешь остаться. Понятно?

— Да! Сделаю все, как ты сказал. Только не уходи сейчас, не бросай меня совсем.

— Иди домой. Отдохни. Потом я позвоню.

— Нет! — Сандру трясло. — Не надо звонить. Говори сейчас, где и когда мы встретимся.

— Ладно. Приходи к восемнадцати часам в парк на наше место. Помнишь? Только оденься получше, в парикмахерскую загляни. Я хочу тебя видеть в полном блеске. Понятно?

— Да! — Она жалко улыбнулась, сжала ему руку и сказала: — Вот теперь я вижу, что ты меня не обманываешь.

174

В половине седьмого вечера у комплекса «Интурист» остановилось такси. Из него вышли броская, довольно молодая женщина и пожилой представительный мужчина. Пара эта машину не отпустила, водитель, проводив их озабоченным взглядом, развернул свой лимузин и поудобнее припарковался в сторонке.

Однако в зал ресторана женщина вошла без сопровождавшего ее джентльмена. Пожилой мужчина из вестибюля свернул в курительную комнату.

Писателя Сандра увидела сразу. Он сидел, как объяснил Арусс, за столиком и был удивительно похож на Арусса. Такого же роста, с такой же седой шевелюрой, с такими же усиками. Сандре внезапно захотелось убедиться, настоящие они у него или такие же бутафорские, как у Арусса.

— Можно к вам? — весело спросила Сандра.

Писатель поднял глаза, и Сандра подумала: «Сейчас как погонит!» — Но по тому, как загорелись эти пустынные мгновение назад глаза, она поняла, что перед ней еще один совершенно заброшенный, никому не нужный человек.

— Откуда вы такая? — вскочил писатель. — Ради Бога садитесь. Как вас зовут? — Он с каждым словом оживал, распрямлялся. И, не дожидаясь ответов, задавал все новые вопросы: — Вы читали мои книги? Вы меня знаете? Разве мы уже встречались? — Наконец он иссяк и потупился.

— Вас ждет в курительной комнате один человек, ваш друг, — тихоенько проговорила Сандра.

— Друг? А почему он там?

— У него к вам экологическое дело. Он хотел поговорить с вами, но не здесь. Тут много глаз и ушей.

Писатель сразу же поднялся, а Сандра осталась. Поудобнее расположилась в кресле. Когда вошел Арусс, она — как ей казалось — интеллигентно обмахивалась фирменным меню в золотом тиснении. Для всех сидящих в зале вернулся не кто иной, как элегантный столичный гость — писатель, сидевший за этим столиком, а неделю назад выступавший с беседами о вреде, который будет нанесен природному комплексу в урочище Синяя бухта, чем страшно огорчил местную кооперативную строительную фирму, успевшую заключить взаимовыгодный контракт с одной из английских корпораций.

В это время такси на всех парах везло в аэропорт человека в сером плаще и темной широкополой шляпе, улетающего в Москву через полтора часа.

— Он, этот писатель, сломал им всю игру. Ставки в международной пульке оказались настолько высоки, что оставаться столичному лектору-экологу нельзя было ни минуты. Сегодня я целый день трудился, чтобы отправить его побыстрее. А у нас, милая Сандра, остаются буквально минуты.

— Поработать? — похолодевшими губами шевельнула Сандра. Она поняла его слова о минутах правильно и, чтобы хоть как-то смягчить удар, спросила о первом, что пришло на язык.

— А как же! Заказать билет на самолет да еще в разгар сезона — дело немислимое. Я никуда не езжу. А самолетов боюсь как черт лаdana, — тараторила Сандра, вцепляясь длинными пальцами в руку Арусса. И тут она вспомнила о колечке, которое обнаружила у себя на пальце, придя домой после ночи, проведенной в мастерской. — Арусс! А я и не заметила, когда ты нацепил мне эту прелесть! — почти истерично воскликнула она. — Откуда оно у тебя? Неужели сам соорудил? Давай сравним с твоим. Ну! Невозможно отличить. Тот же тон, тот же глазок.

— А вот и наш Серенький Козлик писательский заказ тащит! — как ни в чем не бывало воскликнул Арусс.

В щуплом, низкорослом официанте трудно было узнать спекулянта цирковыми билетами. Арусс с любопытством разглядывал еще одного своего убийцу. Козел поставил флакон с вином и закусками, словно почуяв подмену, поднял глаза. Убедившись, что не ошибся, побледнел, спросил дрогнувшим голосом:

— Что принести даме?

— Спасибо, ничего не надо. Не до того мне сейчас. — Встретив взгляд Арусса, Сандра смолкла на полуслове. Арусс тем временем налил вина в два бокала и подмигнул официанту: выпьем, мол, за компанию.

— Извините, не пью, — задушенно пробормотал Козел.

Арусс, любезно улыбаясь, тихо проговорил в опрокинутое лицо:

— Поди к ним и доложи, что писатель выпил свой херес и ушел.

— Зачем вы его спасли?! — не своим голосом спросил официант, догадавшись о подмене.

Отпустив официанта, Арусс допил свой бокал.

— Я не его, а тебя, дурашка, спасаю. Все, Сандра! Пошли на улицу, на воздух, на волю...

— Зачем, зачем ты выпил? — почти кричала Сандра, догнав Арусса, устремившегося к выходу.

Арусс неся вперед, уже не видя и не слыша этой жизни. А следом, задыхаясь от слез и горя, мчалась Сандра, обдирая на гравийных дорожках Приморского парка лак со своих лодочек на высоком каблуке.

Она летела, чтобы увидеть. И увидела все — от начала до конца. Кольцо на его руке вдруг засветилось, вспыхнуло ярким фиолетовым сиянием и тут же брызнуло, словно бенгальский огонь. Еще несколько мгновений, и лежащее ниц, нескладное тело Арусса было охвачено этим беззвучным стремительным огнем...

Тесный сырой мощный двор. Большая тяжелая женщина в халате неопределенного цвета развешивала на невидимом в вечернем полумраке шнуре белье, неловко наклоняясь над жестяным тазом. Прямоугольные пятна белья висели на фоне сиреневого неба. В старом, обшарпанном доме кричала радиола. Переругивались базарными голосами невидимые соседки. Брехала собачонка... Женщина услышала позади себя шаги, гулко отразившиеся от унылых стен, но не обернулась. Вошедший во двор бродяга, в кепке, спортивной фуфайке и холщовых штанах, остановился неподалеку от женщины, ожидая, когда она обратит на него внимание. Услышав покашливание, женщина нехотя оглянулась.

«Как изменила ее жизнь!» — поразился бродяга. И снял кепку, обнажив яйцеобразную лысину.

— Снова ты. И не надоело тебе являться? — устало проговорила женщина и отодвинула таз ногой. Таз громыхнул. Ноги у женщины были голые, в синих хризантемах склеротических сосудов. — А что теперь тебя привело?

— Я и сам не ожидал, что снова окажусь здесь, — ответил старик хрипло.

— Но как ты нашел меня?

— И в самом деле... Ты ведь раньше не здесь жила.

— Пришлось разменяться. — Женщина усмехнулась. — Дочка замуж вышла... А когда в доме две семьи, ничего не остается, как разъехаться.

— Дочка счастлива?

— А почему ты не спросишь, счастлива ли я?

— Не слепой, и так вижу...

— Ну и что ты видишь? — Она уперла руки в толстые бока, и на миг из глаз, обесцвеченных временем, пахнуло на бродягу далеким, но незабытым светом. — Говоришь уклончиво. Не бойся. Мне уже давно не больно и не обидно.

— Как же ты живешь? Здесь?

— По-всякому. Если бы не Коляня, который... Ну, словом, сошлись мы с ним. Нелегально, конечно, он помогает...

— Коляня? Это... замечательно. Слушай, я так этому рад...

— Ладно, ладно. Не суетись. Как можем, так и устраиваемся. Жить-то надо.

— Конечно. Я понимаю. Просто спросил.

— Аж оттуда притопал, чтобы спросить? Вспомнил? Ну и ну! Что ж так долго вестей от тебя не было? Ни посылки, ни письма. Увы. Теперь я другому отдана и буду век ему верна. Так, кажется, в песне поется. Опоздал, милый.

— Я же тебе объяснял, что собою не распоряжаюсь.

— Может, и объяснял. Только я не помню ничего.— Навалившись массивным животом на колени, она всхлинула, выхватила мокрое дырявое полотенце и стала утирать рыхлое лицо.— А мужик пропал. На моих глазах погиб. Я ж его любила. Души не чуяла за ним. А поделаться ничего не могла. Потеряла сыночка.

— Как? — Бродяга присел рядом на корточки.— Что ты говоришь? О ком?

— О мальчике моем. Сгорел он синим пламенем. В третий раз в принудиловке лежат. Видал бы ты его! Старик стариком. Мне было двадцать, ему тридцать пять, когда познакомились. Они очень похожи: отец и сын. Первый сгорел на моих глазах. И второй догорает. Старик, старик, старик...— Она покачнулась и, потеряв устойчивость, рухнула на колени.— Я боролась. Не хотела отпускать. А он, упрямый, мне сказки стал рассказывать: мол, я должен, у меня задача. Все впустую. Вынес из дома все, что можно было продать. А когда уже нечего было продавать, мужеву работу отнес — статуэтка красного дерева. Коляня говорит, что ей цены нет.

Бродяга вздохнул, состроил понимающую гримасу.

— Ну что ты кривилась? — Женщина встала на ноги, принялась развешивать оставшееся белье. Управившись, села на перевернутый таз и сказала почти спокойно: — Ну конечно, тебе должно быть обидно...

— Где он лежит?

— В том-то и дело, что трупа не нашли. Я побежала за людьми, а когда вернулась — ничего. Пустое место. Я сильно кричала, и все сочли, что я спятила... Меня долго держали в клинике. Я ни в какую не соглашалась с диагнозом, но в конце концов Коляня настоял, чтобы я поддалась. Мол, чем тебе плохо — пенсию дадут. Присвоили мне вторую группу. Дали сто рублей. Все равно не хватает. А когда с ним это началось, меня тут и взяло по-настоящему. Пока я находилась на лечении, он попался на крючок.

— Я хочу поговорить с ним...

— Хочешь узнать, почему это случилось? А кто ты такой? Ты — старый бродяга... А для такого дела нужен ловкий, молодой, храбрый человек.

— Пойдем к нему.

— Куда? Он уже пошел метить. Его теперь не найти. О нем

узнают, когда он достанет этого подонка Морфия. Мальчик поклялся мне. И я его благословила. Он за всех с ним рассчитается.

— А Морфий, где он теперь обитает?

— Всюду. Он везде. Иногда его можно застать у моей дочки. Сначала он ее сломал и сделал своей наложницей. Так он называет своих баб — наложницами. А потом моего мальчика завлек в сети. Не горюй, говорил, мы ж не чужие. Я сделаю твоего парня наследником. Все движимое и недвижимое его будет. И успокоил. Я уши развесила. Когда же увидела, в кого превращается мой мальчик, кинулась к Морфию, умоляла, на коленях просила спасти дитя. Он и бровью не повел, только сквозь зубы цедил. Я и сказала ему, что на всякого палача удавка припасена. Он думал, что на него управы нет. И вот пришло время. Дни его сочтены. Мой мальчик его прикончит, он у меня смысленый...

— Но ты сказала, что он лежит...

— Да! Он залег. Он в засаде. Не зря мы его с тобой сотворили. Ой, не зря.— Сандра яростно рассмеялась и пошла прочь в темный подъезд, ни разу не оглянувшись на Арусса.

Какой дорогой Фазан пойдет убивать спрятавшегося в горах Морфия? Возможно, и сам виновник переполоха в то раннее утро до конца не решил, с какой стороны лучше подбираться к логову главаря наркобанды.

Маршрут знал, кроме самого Фазана, еще один человек... Пожилой, лысый, бродяжьего вида мужик знал, что мальчишку надо перехватить заранее, то есть до первой заставы, которыми окружил свое убежище полубезумный Морфий, иначе очумевшие от бессонницы боевики поднимут такой шум, что никаких концов не спрятать. Или шустрого Фазана придется вычислять снова. Каждый охотник должен знать, где сидит фазан. А рассчитывает точно всегда тот, кто спокоен. Молчаливый старик, которому, судя по всему, спокойствия не занимать, Фазана на этом маршруте просто предвидел. Не важно, как ему это удалось. Важно, что именно такой человек вызвался помочь Морфию.

— Тебя рекомендовали достойные люди,— сказал ему при встрече Морфий.— Твое имя меня не интересует, а какое ты впишешь в свой международный паспорт, о котором мечтаешь, знать не хочу. Мы встретились с тобой потому, что понадобились друг другу. Итак, по рукам? Мальчишка опасен, но, к счастью, наивен. Он думает, что я спрятался от него. Пусть думает. Пусть ищет. Пусть олухи из моей охраны не спят по ночам. Для чего? А для того, мой милый, чтоб ты — никому не известный в этих местах человек — мог остановить этого сумасшедшего малолетку еще на подступах к моей даче.

Пусть подозрение падет на меня. На кого еще? Начнут таскать меня, моих ребят... Но мы не проговоримся, потому что чисты. Мы не убивали...

А вот тебе главное оружие. Если мальчик остановится, начнет прислушиваться к тебе, подпустит к себе, расстарайся, излов-

чись, дорогой мой, но введи ему эту вполне детскую дозу. Я бы хотел обойтись без кровопролития. Потом он постепенно войдет во вкус и сам ничего не захочет, кроме головокружительного поцелуя белого жала. Паспорт я тебе принесу сам. Туда. На место. Подождешь там, ко мне не поднимайся.

Арусс вышел на Фазана, как и предполагал, в овраге. Парень буквально носом к носу столкнулся с ним, выхватил «Макарова», но, разглядев, что руки Арусса пусты, успокоился.

— Кто ты? И чего тут шляешься? — воскликнул с хрипотцой Фазан.

— Какой же ты, однако, невежливый, Фазан! — мягко ответил Арусс.

— Ступай своей дорогой. И не оглядывайся. А не то получишь свинцовую оплеуху.

— Это от кого же получу? От тебя или от Морфия?

— Ах, вот оно как! — Фазан вскинул пистолет, навел его на Арусса. — Одна, значит, компания. Тем хуже для тебя.

— Морфию ничего не стоит тебя уничтожить. Подумай, почему он этого до сих пор не сделал?

— Я исчез. Меня нигде нет. Но я всюду.

— Исчез. Как знакомо мне это.

— Я ушел от людей. Я ненавижу ваш мир и не вернусь туда.

— Будешь жить, как Робинзон?

— Я должен уничтожить Морфия. Это моя цель. А потом не важно, что и как будет.

180 — Ты не знаешь своей цели. Мало кто знает ее. Убить человека — это не цель. Это — незнание. Зачем ты хочешь убить? И разве этим можно что-то поправить? От людей уйти невозможно, если ты человек. Тебе кажется, что ты ушел, спрятался. А я ведь вычислил тебя без особого труда.

— Видать, Морфий знал, кого нанимать. Сколько он тебе заплатил, дед? Что ж ты так промахнулся? Почему не напал на меня? Или Морфий послал тебя для другого: отговорить меня от покушения? Не верю.

— Он сказал, что не хочет пролития родной крови. Он что, твой родственник?

— Если ты мне заговариваешь зубы, имей в виду, как только они появятся, первым, в кого я стреляю, будешь ты.

— Все равно не успеешь. И вообще нам лучше не поднимать шума. Да и стреляют они лучше. Уж ты поверь. Повидал я стрелков.

— Не пугай! Я обязан увернуться. И я увернусь. У меня хороший слух. Только они меня и видели.

— Ничего такого не будет. Никого поблизости нет. И мы с тобой скоро уйдем отсюда. Я не хочу, чтобы ты убивал. Моя задача — остановить тебя. Любой ценой.

— Но кто вы?

— Я — искупитель.

— Искупитель?

— Я пришел, чтобы искупить твой шаг.

— Я не боюсь смерти.

— Ты не чувствуешь страха, потому что не знаешь.

— Чего не знаю?

— Просто: не знаешь. Нет в тебе знания. А я знаю, и мое знание — убереж тебя. Ты понял, малыш?

Фазан зажмурился. Потряс головой. Засунул пистолет за пояс.

— Все-таки кто ты?

— Я — Арусс!

— Арусс? Это имя?

— Фамилия.

— Ты иностранец?

— Нет. Я русский. И фамилия моя что ни на есть нашенская. Арусс — так в древности прозывалось наше с тобой племя.

— Я не верю тебе. Ты ловкий старик. Я ухожу, иначе ты меня охмуришь окончательно, а я должен достать Морфия.

— Подожди! — со стоном позвал Арусс. — Ты не ответил мне, за что хочешь его убить.

— Он, конечно, тебе не объяснил, почему я начал охотиться на него. Еще бы! Так слушай. Он погубил моих братьев и сестру. Вколот сестре вполне детскую дозу, а брата сделал своим подручным. Теперь Мак за поцелуй белого жала на что хочешь пойдет. Он и меня пристрелит. Пристрелил бы, если... Сейчас он на принудительном лечении. Ему всего-то двадцать пять лет, а выглядит старше тебя. А о сестре я и вообще молчу. Мать заговаривается от горя. Он и меня хотел приобщить. Но я не слабак. Я объявил ему войну. Так что не держи меня, Арусс. Или как там тебя...

Арусс почувствовал, что сейчас этот угловатый, жилистый мальчишка уйдет. И не решался остановить его.

— Постой еще чуток! — воскликнул Арусс, приветливо помахивая рукой. — Скажи напоследок, что это у тебя за имя такое? Откуда?

— Фазан — это для краткости. Да и понятнее: птица такая. А имя у меня немного не так звучит. Усфазан я!

— Странное имя. Кто тебя так назвал?

— Когда я родился, мама, говорят, застрессовала. Все боялась, что я не выживу. Кто-то и посоветовал окрестить меня. Вот в церкви и дали такое имя. Маме было все равно, а там, видно, больше свободных имен в тот день не оставалось. Все? Можно идти?

— Скажи, а как зовут твою маму? Брата, сестру?

— Похоже, старик, ты хочешь потянуть время. Ждешь Морфия? Извини, я пойду. У меня свой план встречи с дядюшкой!

— Да нет. Просто меня заинтересовала твоя семья, малыш!

— Хватит заливать, дедуля. Ишь ловкач, семья его моя заинтересовала! Не лезь в чужую семью. Не лезь! — Фазан рванулся, намереваясь убежать за дерево и броситься в овраг.

Арусс выхватил огромный белый маузер и, теряя на бегу куртку, несколько раз выстрелил.

Фазан замер. Через мгновение рухнул в папоротники.

— Ну ладно! Не прикидывайся. Вставай. Я же знаю...

В этот момент раздался выстрел Фазана. Теперь уже Арусс, обронив оружие, повалился наземь.

— Ну что! — Фазан подошел к Аруссу. Поднял с земли его маузер и стал недоуменно вертеть в руках странное оружие. — Ну что? — машинально повторил он несколько раз. — Ну что? — И, отбросив пистолет, кинулся к Аруссу. — Как же так, дед? Ты обманул меня? — Фазана трясло. — Я же не знал, что...

— Уходи отсюда, малыш! — прошептал Арусс. — Они придут сюда. И тогда...

— Зачем ты так? Арусс!

— Хорошая игрушка, не правда ли? Хлопает, как настоящий, а пуль нет. Ты сплеховал, малыш. Придется тебе еще раз...

— Сплеховал? Еще раз?

— Возьми свою пушку и поскорее стрельни еще раз, чтоб я умер...

— Нет! Нет!

— Вот видишь, убить человека — дело не простое. Но ты не бойся!

— Не могу! — Фазан зажмурился, затряс головой и брызнул слезами на бледное лицо Арусса.

— Не бойся, Фазан! За это тебе ничего не будет. А мне облегчение сделаешь. Ну же, сынок!

— Никогда! Я сейчас пойду позову людей, тут недалеко пансионат...

— Не надо. Стрельни в меня и исчезни отсюда. Не теряй время. Они уже в пути. Я не хочу твоей смерти. Не могу допустить ее. И я бы не допустил, если бы... А, да что теперь!

— Нет! Я остаюсь. Я буду ждать их. Пусть они делают со мной, что хотят, лишь бы тебе помогли.

— Да нет же! Они не помогут. Рана тяжелая. Да и не нужен я им. Они сделают то, о чем я сейчас прошу, а потом и тебя прикончат.

— Мы будем защищаться. У меня еще обойма имеется.

— Ну что с тобой делать? Ведь не уйдешь. Раз так, возьми у меня в куртке шприц, ампулу и вкати дозу. Больно мне.

— Значит, и ты... — Фазан уронил пистолет. Взобрался на кручу за курткой. Нашел шприц и ампулу.

Когда делал укол, Арусс увидел на его руке кольцо из моржового клыка.

— Твою маму зовут Сандра? — спросил он.

— Сандра. — Фазан отбросил шприц, наступил на него, растоптал.

— Тогда твоего брата зовут Максим.

— Мак!

— А сестра старше Максима на три года. И она вам не родная.

— Нет. Морфий пригрозил ее отцу, и он смылся. Так мать рассказывала.

— А кольцо это она тебе дала и сказала, что оно в память об отце.

— Об отце. Но я не верю. Мать — она у нас, сколько помню, странная, в последние годы вообще не в себе. Конечно, отец был.

Как же без него? Все остальное — ее фантазии. Конечно, она его сильно любила. Еще до несчастья с сестрой мать говорила, что виделась с отцом уже после его смерти. Якобы отец приходил к ней оттуда и оставил кольцо на память. Сказка все это, бред!

— Не так все просто, сынок,— проговорил Арусс.— Совсем непросто. А матери надо верить. Верь и позаботься о ней. Расскажи ей обо мне, обо всем, что тут было. Как только ты скажешь, что видел меня и что я узнал это кольцо, она выздоровеет. Только не говори, что я погиб. Скажи, что исчез. Она поймет.

— Ты не умрешь, Арусс! — Фазан вдруг заплакал.

— Не плачь, сынок. Лучше послушай меня. Я испытал десятки смертей. И каждая не походила на другую. Были мгновения, полные ужаса, но были и упоительно-страстные. Задышался в невыносимой тоске; безболезненно проваливался во тьму; то как бы взрывался изнутри, извергаясь огнем, то уносился ускорением, пьянящим, низводящим естество до мизера, превращающим материальное «я» в абсолютное ничто. Нечто подобное ощущалось и тогда, когда тело — уже парализованное, бездыханное — мгновенно разрасталось во вселенную. Распятое в бесконечности, оно становилось невесомым и невидимым...

Сейчас появится Морфий. Отдай мне «Макарова». А сам отыщи мою игрушку и сделай вид, что я тебя... понимаешь ли, пришел. За меня не бойся. Во-первых, я сам хочу, во-вторых, если что... Я при оружии.

Фазан ушел в глубь оврага. Упал в зеленых зарослях так, чтобы сверху — с кручи обрыва — Морфий сразу же увидел: опасность устранена.

Воздетые руки Йоты сияли кончиками пальцев.

— Без крови нет жизни земной. Без боли — тоже. Рождаются, становятся женщинами — все через боль и кровь. И слава стоит крови. А в причастии вкушаете вы плоти и крови заступника нашего. Осознай свой путь, и страх покинет тебя. Теперь он будет у тебя светел и легок, потому что кончится наконец долгая забота о других, нуждающихся в твоём участии. Искупил ты их преступления страданием плоти твоей, пролитием крови своей.

— Но ведь с болью ухожу я отсюда, и не будет мне покоя, знаю. Там, в папоротниках, чадо мое, мне неведомое до последнего часа, с истрадавшимися и полным ярости сердцем. Разве чужой он мне? Почему я, отдавший столько жизней своих за других, не могу спасти плоть и кровь мою?

— Не можешь, ибо не твое это дело. Рождение второго сына твоего не одобрялось, но прощено. А это немало. Знай! И облегчай этим знанием страдание свое.

— Но ведь погибнет он!

— Не ведаю о том. И мне не всякое знание ведомо. А ты свое выполнил. Ты чист и высок. Не оглядывайся назад. Там тлен и страсти. Изгони из себя плотское, земное. Недостойны они тебя отныне, ибо, внешнее и временное все, что во плоти и на земле.

— Выходит, мой ребенок мне чужой, если плоть — нечто внешнее, временное, и к душе его я не имею никакого отношения. Тогда почему я испытываю к этому ребенку такую нежность? Почему я скучаю, тоскую по нем? Почему испытываю болезненно-сладкое состояние, когда хрупкое это создание прижимается ко мне?

— В жизни не так, как в вечности. В жизни реальна плоть, а душа — миф. ТАМ же эфемерна плоть...

— А ТАМ? Разве я не смогу любить своего малыша Там? Разве мои мать и бабушка не любят меня Там? Тогда зачем они приходили?

— Они приходили?

— Я видел их, как тебя сейчас вижу.

— И что? Вы разговаривали? Ты их слышал?

— Они молчали. Но я их слышал. Они одобрили меня и благословили. За сына... Я был рад этому. Ведь я сомневался, не знал, как поступить. Пусть сын не знает меня, но я просил сына. И он был мне дан. Я хочу, чтобы он вырос человеком.

— Этого хотят все. А ты люби его на расстоянии. На земле этого достаточно. А Там... Там в любви не нуждается никто. Бессмертие — это и есть способность всем любить всех. Сто восемь возвращений на земле как раз и есть тот минимум, который делает человека способным к бессмертию.

— ...Да он никак помирает... — Арусс открыл глаза и увидел стоящего над ним Морфия.

Двое направлялись к Фазану, а на круче обрыва маячила еще фигура.

— Мы так не договаривались. Ты обещал один, — прошептал Арусс.

— Что-то я не дотумкаю, — продолжал свое Морфий.

— Всё, как условились. Я... Мне удалось его уколоть...

— Он тебя тоже... И, как я понимаю, основательно уколол. Ловкий пацанчик. Моя порода! Приучу гаденьша. Послужит дяде родному. А то, ишь ты, террор объявил. Ты, старик, молоток. Жаль, конечно, тебя. Но ничего не поделаешь. Я хотел помочь. — Морфий полез в карман. — Это твой паспорт. Вот твоя фотка — наклеена, придавлена печатью. И написано: международный. Осталось только заполнить его твоими данными. Но ты сам подкачал, в таком виде тебя никакая заграница не примет. — Морфий бросил на Арусса взгляд, в котором было неподдельное сожаление, и хотел отойти, но неожиданно упал навзничь, так и не сообразив, что произошло. Выстрела он не услышал и никак не ожидал ничего подобного от умирающего лысого бродяжки, мечтавшего выбраться куда-нибудь подальше за границу...

Опять весна, и опять цветут яблони. Вдали — храм, а окрест — домики, домики под красной, оранжевой, розовой, черепицей.

— Где это мы?

Глаза ее светились каким-то таинственным злато-зеленым светом.

— Спасибо тебе,— сказал Арусс.

— И тебе спасибо,— ответила Йота.— Сейчас я уйду. А ты чего хочешь?

— Увидеть землю...

— Зачем? — Йота изумленно посмотрела на Арусса и рассмеялась.— Ты удивительный, однако, тип. Смотри!

И Арусс увидел зависший над оврагом вертолет, бегущих по лесу, отстреливающихся людей, светловолосого парня, сидящего около распростертого тела...

— Сынок! — прошептал он.

Парень поднял голову, и Арусс увидел его сухие, вопросительные глаза.

— Прости меня.

Глаза оставались непонимающими.

Арусс заплакал и прошептал:

— Сильно угнетен я, Господи, оживи меня по слову твоему.

— ЗАЧЕМ? — закричала Йота.

Арусс оглянулся. И не увидел ее. Только злато-зеленый свет брызнул в лицо. И пахнуло морским ветерком.

Ведь, понимаешь, что снится тебе это стремительное падение с огромной высоты, а все равно жутко. Постепенно оно замедляется и превращается в полет. И тут же начинает звучать пение. Я давно знаю эту музыку: песня рабов из «Набуко» Верди. Какой совершенный хор! Не земной. Я слышал его Там... Какой хор! Если бы не сигнал, диссонирующий с гениальной мелодией... Звонок! Он все портит. Убивает.

Болят голова. Ноют суставы плеч. Подкашиваются ноги.

А тут еще эти звонки!

«Проснись! Ну проснись же! Па-а-а-па! К телефону тебя».

Какой капризный голос! Или испуганный? Дочка! Слышишь голос, а глаза не открываются. Какое-то вязкое бессилие.

Накопец возвращается способность говорить:

— Ну что там? В такую рань!

— К телефону иди! — Дочка, розовая, дылдастая, вздыбленная какая-то.

— Слушаю... Кто? Понял. Коляню не видел. Давно не видал. В мастерской? Не был. А что? Дома не ночевал? Значит, в мастерской. Нет в мастерской? Странно!

Пошли гудки отбоя.

— Что там стряслось? — Жена, тоже вздыбленная, усталая, словно всю ночь не спала.

— Коляня дома не ночевал.

— Коляня! Никогда бы не подумала. Божий одуванчик! Значит, и он туда же... Твоя школа!

— При чем тут это! Что ты сразу... с утра пораньше начинаешь!

— Да пошел ты! — Жена начинает метаться.— Это тебе звонят ни свет ни заря!

«Господи! Какая же она стала невыносимая! И куда все

подевалось? Ведь было же, было, и совсем недавно: и свет, и нежность, и что-то похожее на счастье».

— Мне скоро сорок! Теперь бы только жить да радоваться. А я уже старуха.

Снова звонит телефон.

— Слушаю.

— Привет, Ваня! Что молчишь? Не узнал?

— Узнал! Чего уж...

— Поздравляю тебя!

— С чем это?

— Ни с чем, а с кем.

— Что-о-о?

— А то! Сын у тебя родился.

— Давно?

— Скоро месяц...

— Ты где, где ты?

— Все там же.

— Жди. Я сейчас.

Разлетаются двери спальни.

— Куда это ты так рано? Может, позавтракаешь?

— Да нет! Коляня пропал. Надо... бежать.

— Да не ври ты! Куда денется твой Коляня! Ладно. Беги, беги! И когда уже совсем уберешься отсюда? Надоело!

Никудышная весна. Тоже мне, субтропики. На Набережной пусто. Ветрено. Море бьется о бетон. Пыль соленую несет с мола. Вот и счастливая мамочка.

— Заждался? Извини, что без него. Не хотела будить. Ночь выдалась сумасшедшая.

— Здравствуй, Шура.

— Здравствуй, Ваня.— По лицу жуткие пятна беременности, отвисший живот. Голова недочесанная.

— Что же ты, Шура?

— А что я?

— Ну так вот. Перед фактом ставишь. Нате вам, подарочек! Можно было посоветоваться, решить вместе.

— «Вот я в беззаконии зачат, и в грехе родила меня мать моя». Так, что ли? От этой печки плясать будем? — Шура сдернула с горла косынку. Растегнула малиновый плащ. Оказывается, он малиновый, а когда подходила, казался серым.

— Ну и весна нынче! — попытался перевести разговор на другое.— Апрель называется.

— Это мое дело: быть или не быть ребеночку. Ты, конечно, извини, что я решила, тебя не спросясь...

— Я мечтал. Я даже просил Бога,— ответил он.

Ее трясло. Она не могла и слова выговорить, только мычала.

Он гладил ее по спине, плечам, голове, целовал мокрые руки. А когда она смогла идти, повел ее на пирс и умыл морской водой.

— Пошли к нам,— горячо прошептала она.— Увидишь маленького, бабу, деда... Увидишь, какое гнездышко у твоего

птенчика. Золотое место — Кизиловая горка. Прямо над морем. Пошли же...

— Меня сегодня ни свет ни заря взбалмошили. Жена приятеля позвонила. Да ты его знаешь: Коляня. Дома не ночевал. Я знаю, где он — в галерее. Выставка там сегодня открывается, вот он и пашет всю ночь. Там и его картинки будут. Слышь, Шурик, пойдем, а потом — будь по-твоему — к тебе, к вам. Надо Коляню предупредить, что он в розыске. Жена у него несусветная. Скандал может учинить. К тому же увидишь одну вещьцу. Коляня нас с тобой изобразил.

— Когда это было, что-то не помню.

— Однажды застал нас в мастерской, когда мы уснули, и набросал, а потом доделал по памяти.

— Гольми?

— Да не волнуйся ты. Мы там неузнаваемы. Знаешь почему? Он написал нас не в том возрасте. Мы на картине старше, чем есть. Так что никто и не узнает.

— А я вспомнила. Ты мне тогда еще это колечко подарил...

— Колечко? Не помню... Покажи-ка.

— Ну как же, из моржового клыка. С глазком. Ты тогда еще присказку говорил: «Смотри в оба, зри в три!»

— Моя работа! Но, убей, не помню, когда делал, когда дарил...

— Правда? Ну, ты даешь...

— Я давно замечаю в себе какие-то чудеса с памятью. Помню, чего не было, и не помню, что было.

Они шли по Набережной. Ее черно-блескучие волосы играли. Глаза светились синим огоньком. Пигментные кляксы исчезли.

— Жуткая, Ваня, новость. Слышала, когда ехала сюда в троллейбусе: якобы из больницы мертвяк сбежал.

— Чуть ли какая-то. Вечно люди выдумывают...

— Я тож так думаю, Ванечка.

Внезапно он остановился. И, встревоженно глянув на Шуру, сказал:

— Шурик, подожди меня тут минуту. Я загляну в мастерскую. Может, Коляня там?

— Ты ж говорил, предполагал...

— Все-таки я сбегая, тут рядом. Подожди.

— Тогда и я с тобой.

— Не стоит. Я мигом. А потом — в галерею.

— Нет уж. Я с тобой.

— Ладно. Пошли.

Достав из тайничка свой ключ, Иван открыл мастерскую. Шура вошла первая.

— Тут человеческим духом пахнет, — сказала она. И направилась на кухню.

Иван же прямым сообщением бросился на половину Коляни, открыл шкаф. Там висел серый окровавленный импортный плащ.

— Арусс, Ваня! — кричала с кухни Шура. — Чайник совсем еще горячий.

— Значит, все в порядке, ничего с Коляней не случилось

плохого,— ответил Иван, оглядываясь и запихивая злосчастный плащ в один из старых вместительных этюдников Коляни.

Тут и раздался звонок. Иван не успел дух перевести, как Шура уже впускала в мастерскую незнакомого парня. Он бесцеремонно обожал все комнаты мастерской, ринулся к шкафу, заглянул в него, потом представился:

— Следователь Синаний Валентин Антонович, лейтенант милиции. А вы, как я понимаю, Арусс Иван Митрофанович?

— Вот именно.

— Мне поручен розыск без вести пропавшего художника Коляни Степана Степановича...

— Чем могу — помогу.— Арусс оглядывал молодого сыщика. И он ему не понравился. То ли из-за отсутствия военной выправки — был этот Синаний низкорослый и щуплый, — то ли потому, что начал с обыска, не представив никакой на то санкции.

— Когда вы последний раз видели своего товарища?

— В последний раз? Затрудняюсь сказать.

— Да жив Коляня,— вмешалась Сандра.— Только что здесь был. Чайник на плите горячий. Чашка, из которой он пил кофе, немытая.

— Чашка? Это интересно.— Синаний бросился на кухню.— Где же она? Чашка немытая?

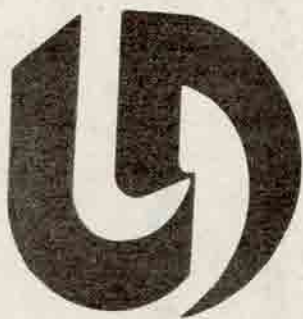
— В буфете,— ответила Сандра.— Я ее помыла и спрятала. Не разводите же мух.

— Жаль! — вышел из кухни Синаний.— Можно было бы дактилоскопировать чашечку.

— Да не волнуйтесь вы,— продолжала Сандра.— Сейчас мы его вам покажем. Мы знаем, где он. Пойдемте с нами. Правда, Ваня?

— Конечно. Отчего же не пойти? Выставка ожидается что надо,— пробормотал Арусс и бросил взгляд на старинный этюдник Коляни.

Стали собираться. Сандра размашисто натягивала на себя розовый балахон. Взмыло над коленями широкополое платье. Обнажились ляжки, обтянутые дырявыми колготками. И Арусс перехватил взгляд Синания, воровато пробежавшийся по небрежно прикрытым прелестям восхитительной Сандры.

ИНКОМ

БАНК

МОСКОВСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК

КРЕДИТЫ
ДЕПОЗИТЫ
ФАКТОРИНГ
ВЕНЧУРНОЕ
ФИНАНСИРОВАНИЕ
ДРУГИЕ УСЛУГИ

115612,
МОСКВА,
КАШИРСКОЕ
ШОССЕ, д. 57, кор. 5.
Телефоны:
344-67-11,
344-70-48,
393-17-39

НЕВАД СВИИ ТАЗ

РАЙМОНД ЧАНДЛЕР

1

Хьюго Кендлес стоял на площадке для сквоша, наклонив вперед свое грузное тело и осторожно придерживая маленький черный мячик. Он стукнул им о землю на линии подачи и замахнулся ракеткой.

Черный мяч лениво описал высокую дугу под самым потолком, едва не задев лампы, защищенные проволочными решетками, и медленно скользнул вдоль задней стенки, так и не коснувшись ее.

Джордж Дайел в отчаянном прыжке попытался взять мяч, но ракетка только чиркнула о цементную стенку.

— 12:14. Ничего не поделаешь, шеф. Вы слишком сильный противник.

Джордж Дайел — высокий, темноволосый, привлекательный мужчина — производил бы впечатление крепкого парня, если бы не полные мягкие губы и огромные, доверчивые, как у телят, глаза.

— Точно. Я всегда был сильным противником, — рассмеялся Хьюго Кендлес.

Он был одет в голубые спортивные трусы, белые шерстяные носки и тяжелые теннисные туфли. В волосах проглядывала седина, а на круглом луноподобном лице с маленьким носом выделялись пронзительные глазки. Обнаженный торс блестел от пота.

— Может, хочешь еще разок мне проиграть? — спросил он.

— Нет уж, спасибо.

— Ладно, — нахмутив брови, бросил Кендлес, распахнул две-

ри площадки и победно прошествовал по коридору в душевую. Дайел последовал за ним, ступая мягко, по-кошачьи.

В душевой Кендлес густо намылил большое тело и, шумно фыркая, попеременно переключал душ с горячего на ледяной. С неподдельным наслаждением вытерся насухо одним полотенцем, повесил на шею другое и, громко требуя имбирного пива со льдом, вышел в раздевалку.

Он отворил большой двустворчатый шкаф и выставил на круглый зеленый столик бутылку «Джонни Уоркер».

Официант — негр в накрахмаленном белом кителе — тщательно смешал две порции коктейля, пробормотал: «Пожалуйста, мистер Кендлес», и удалился, зажав в руке четверть доллара.

Появился Джордж Дайел в элегантном сером фланелевом костюме.

— На сегодня все, шеф? — Прищурясь, он поднял один из бокалов и сквозь стекло посмотрел на лампу.

— Кажется, да, — громко ответил Кендлес. — Поеду-ка я домой и задам своей девочке жару.

— Вы не против, если я проеюсь с вами?

— Мне все равно. Наоми будет недовольна, — отрезал Кендлес.

Дайел причмокнул и пожал плечами:

— Вам нравится помыкать людьми, а, шеф?

Кендлес не удостоил его ответом. Дайел замер с бокалом в руке, наблюдая, как шеф надевает сатиновое белье с моно-

граммой, бордовые носки с серыми стрелками, шелковую рубашку, костюм в черную и белую клетку, делавшие его похожим на сарай.

Завязывая бордовый галстук, Кендлес крикнул официанту, чтобы тот смешал еще коктейль.

От второй порции Дайел отказался, кивнул и бесшумно вышел.

Кендлес закончил туалет, допил второй хайбол, запер бутылку в шкаф, сунул в зубы толстую коричневую сигару и торжественно продефилировал к выходу, громко прощаясь по пути со знакомыми.

После его ухода в раздевалке наступило затишье. Кто-то хихикнул.

Привратник клуба «Дельмар» помог Хьюго Кендлесу надеть белый макинтош и подвел его к краю тротуара, где стоял «линкольн» небесно-голубого цвета с номерными знаком «5А6».

Кендлес грузно опустился на заднее сиденье.

— Пока, Сэм. Скажи ему, чтобы отвез домой.

Привратник отдал честь, закрыл дверцу и передал приказание шоферу. Машина сорвалась с места и исчезла за пеленой дождя.

Автомобиль выехал на Шерман-бульвар и повернул в сторону Беверли-Хиллз.

В салоне стало душно, от густого дыма сигары нечем было дышать.

Кендлес нахмурился и потянулся к стеклу. Рукоятка прокручивалась вхолостую. Он покрутил другую — с тем же результатом. Он рассвирепел, искал трубку переговорного устройства, но ее на месте не оказалось.

Автомобиль круто свернул на дорогу, засаженную эвкалиптовыми деревьями. Кендлес почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он наклонился вперед и со всего размаху ударил кулаком в стекло. Водитель не повернул головы. Автомобиль быстро поднимался на темный холм.

Хьюго Кендлес в ярости стал искать дверные ручки. Напрасно — ручек не было. Кривая улыбка исказила луноподобное лицо Хьюго.

Водитель наклонился вправо, потянувшись рукой в перчатке к чему-то невидимому. Послышался свистящий звук. Хьюго Кендлес ощутил запах миндаля.

Слабый, поначалу очень слабый и очень приятный. Свист нарастал. Запах сделался горше, резче и тяжелее. Хьюго Кендлес выронил сигару и что есть силы ударил в ближайшее окно. Стекло не поддалось.

Лимузин въехал на вершину холма, оставил позади редкие фонари жилого квартала.

Кендлес упал на сиденье. Лицо искажилось гримасой боли, голова, зажата толстыми плечами, безжизненно откинулась на подушки. Мягкая белая фетровая шляпа сползла с большого квадратного черепа.

Водитель быстро обернулся, показав на мгновение худое хищное лицо, затем вновь наклонился вправо. Свист прекратился.

Машина остановилась у обочины заброшенной дороги. Дождь монотонно барабанил по крыше.

Водитель вышел, открыл дверь салона и отвернулся, зажав нос. Затем отошел в сторону, внимательно изучая дорогу.

На заднем сиденье лимузина неподвижно лежал Хьюго Кендлес.

2

Френсин Лей расположилась в низком красном кресле за маленьким столиком с пепельницей в виде алебастровой чаши. Дым от сигареты, брошенной в пепельницу, выписывал в неподвижном воздухе замысловатые фигуры. Она закинула руки за голову, серо-голубые глаза излучали тепло, золотисто-каштановые волосы волнами спадали на плечи.

Джордж Дайел наклонился и поцеловал девушку. Френсин не изменила положения, только лениво улыбнулась.

— Послушай, Френси. Когда ты наконец порвешь со своим картежником и уйдешь ко мне? — спросил Дайел низким голосом.

— Он честный игрок, Джордж, — ответила девушка, растягивая слова. — А это в наше время немало. Кроме того, у тебя нет денег.

— Я достану.

— Каким образом? — Низкий хриплый голос девушки напоминал Джорджу Дайелу звук виолончели.

— Возьму у Кендлеса. У меня есть кое-что против этого типа.

— Что же, например? — небрежно поинтересовалась Френсин Лей. Дайел нежно улыбнулся, открытый взгляд придавал его лицу невинное выражение.

— Много всякого. Например, в прошлом году он надул одного крутого парня из Рио. Двоюродный брат этого парня сидел здесь за налет с убийством. Кендлес запросил двадцать пять тысяч за его освобождение, поделил деньги с прокурором округа и упрятал-таки парня за решетку.

— Ну а что тот крутой парень? — промурлыкала Френсин Лей.

— Ничего. Наверное, до сих пор не догадывается, что его провели. Не всегда ведь удается выполнить обещание.

— Узнай он правду, Кендлесу несдобровать. Как его имя, Джорджи?

Дайел понизил голос и зашептал девушке на ухо:

— Пусть я буду последним дураком, но тебе скажу. Парня зовут Заппарти, и я никогда его не видел.

— Ты просто не пытался, Джорджи. Что я, не знаю тебя? Нет, благодарю покорно. Меня в сомнительное предприятие не втянешь.

Дайел улыбнулся, обнажив ряд ровных зубов, казавшихся на фоне загара особенно белыми.

— Предоставь это мне, Френси. Забудь о моих словах, знай только, что я от тебя без ума.

— Принеси чего-нибудь выпить, — попросила девушка.

Гостиничный номер, в котором они находились, был выдержан в бело-красной гамме и напоминал королевские покои. Белые обои с тонким красным рисунком, белые жалюзи, красный полукруг ковра с белой полоской по краю перед газовым камином. Между окнами у стены — белый столик неправильной формы.

Дайел подошел к столику, налил виски в два бокала, добавил льда и минеральной воды.

— Бросай своего картежника, — сказал Дайел, подавая девушке бокал. — Если кто и втянет тебя в аферу, так это он.

Френсин кивнула, потягивая коктейль. Дайел взял ее бокал, отхлебнул, наклонился и еще раз поцеловал девушку.

Небольшую прихожую отделяли от гостиной красные портьеры. Они раздвинулись на несколько дюймов, и в проеме показалось лицо. Холодные серые глаза внимательно наблюдали за поцелуем. Затем портьеры бесшумно опустились.

Через мгновение стукнула входная дверь, в коридоре послышались шаги, и в комнату вошел Джонни Де Рьюз, высокий, стройный, молчаливый мужчина, одетый с иголки. Вокруг его пронзительных серых глаз собрались насмешливые морщинки. Тонкие губы были плотно сжаты, на подбородке — ямочка.

Дайел поднял глаза, сделал неопределенное движение рукой. Де Рьюз молча прошагал к столику, плеснул в бокал виски и выпил, не разбавляя. Потом с улыбкой повернулся, растягивая слова, бросил: «Привет, ребята», и ушел в другую комнату.

В громадной, вычурно отделанной спальне он подошел к шкафу, вытащил кожаный саквояж, раскрыл его и бросил на кровать. Насвистывая, выпотрошил комод, аккуратно, без спешки, уложил вещи.

Когда саквояж был набит, он застегнул его и закурил сигарету. Постоял неподвижно посреди комнаты, вышел в туалет и вернулся, держа в руке миниатюрный револьвер в мягкой кожаной кобуре и двумя короткими застегжками. Закатав левую штанину, он укрепил кобуру на ноге, взял саквояж и прошел в соседнюю комнату.

Глаза Френсин Лей сузились при виде саквояжа.

— Уезжаешь? — спросила она низким, хриплым голосом.

— Ага. А где Дайел?

— Ушел.

— Жаль, — задумчиво произнес Де Рьюз, поставил саквояж на пол и изучающе посмотрел на девушку. — Очень жаль. Мне хотелось бы видеть его почаще, а то со мной ты скучаешь.

— Наверное, ты прав, Джонни.

Он нагнулся к саквояжу, но внезапно выпрямился.

— Помнишь Мопса Паризи? — спросил он небрежно. — Я встретил его сегодня в городе.

Ее глаза расширились, зубы едва слышно стукнули.

— Что собираешься делать? — спросила она.

— Хочу отправиться в путешествие, — ответил Де Рьюз. — Я уже не такой двинутый, каким был раньше.

— Значит, сматываемся. Куда же?

— Я намерен путешествовать, — поправил ее Де Рьюз. — и еду один.

Френсин замерла, пристально глядя ему в глаза.

Де Рьюз полез во внутренний карман пиджака, достал продолговатый бумажник и бросил толстую пачку банкнот девушке на колени. Она не пошевелилась.

— Этого хватит надолго, если не будешь тратить на мальчиков,— сказал он безразличным голосом.— Понадобятся еще деньги, обращай ко мне.

Френсин медленно поднялась, деньги соскользнули на пол. Руки повисли вдоль тела, кулаки сжались так, что побелели костяшки пальцев. Глаза стали холодными, как льдинки.

— Значит, между нами все кончено, Джонни? Знаешь, кто ты? — Ее хриплый голос перешел на шепот.

Он ждал.

— Ты — растяпа, Джонни. Растяпа.

— Возможно, но именно я навел фараонов на Мопса Паризи. Мне не нравится, когда похищают людей, детка. В этом я солидарен с фараонами. У тебя все?

— Что же получается? Ты навел фараонов на Мопса Паризи и даже не уверен, знает ли он об этом, но на всякий случай линияешь... Это же смешно, Джонни. Не валяй дурака. У тебя другая причина.

— Может, ты мне просто надоела, детка.

Девушка запрокинула голову и рассмеялась. Де Рьюз не шелохнулся.

— Никакой ты не храбрец, Джонни. Ты слабак. Джордж Дайел куда сильнее тебя. Боже, какой же ты слабак!

Она отступила, глядяваясь ему в лицо. На мгновение в ее глазах промелькнула тоска.

— Боже, как я тебя любила! Жаль только, что слабак.

— Не слабак, детка,— поправил ее Де Рьюз,— а просто осторожный человек. Я люблю ставить на лошадок, поигрывать в картишки или бросать маленькие кубики с белыми точечками. Мне нравятся неожиданные повороты во всем, включая женщин. Но если я проигрываю, то не расстраиваюсь и не жульничаю. Просто перехожу за следующий стол. Пока!

Он наклонился, поднял саквояж и исчез за красными портьерами. Френсин Лей погрузилась в изучение узора на ковре.

3

Дождь падал тихо, монотонно. Капля с шипением затушила сигарету. Де Рьюз встряхнул саквояж, пошел по Ироло в направлении к своему «седану», остановился, открыл дверь, и в этот момент ему в грудь уперся пистолет.

— Не двигайся! — раздался из машины резкий голос.— Руки вверх!

Рассеянный свет, сглаживая полутона, освещал лицо с ястребиным носом. Сзади послышались быстрые шаги, и в спину уткнулся второй пистолет.

— Доволен? — спросил голос.

Де Рьюз уронил саквояж, поднял руки и положил их на крышу машины.

— О'кей,— произнес он усталым голосом.— Это что, ограбление?

Лялющий смех донесся из глубины машины. Рука ощупывала Де Рьюза.

— Назад! Медленно!

Де Рьюз попятился, держа руки высоко над головой.

— Да не так высоко, мразь,— зашипел угрожающе человек за спиной.— На уровне плеч.

Де Рьюз немного опустил руки. Человек вылез из машины, потянулся. Снова приставил дуло пистолета к груди Де Рьюза, свободной рукой расстегнул его плащ, обшарил карманы, подмышки. Тяжесть пистолета 38-го калибра исчезла.

— Один есть, Чак. Что у тебя?

— Пусто.

Человек впереди сделал шаг в сторону, поднял саквояж.

— Шагай, дружище. Прокатимся на кольмаге.

Впереди виднелся большой «линкольн» — лимузин голубого цвета со светлой полоской на боку. Человек с ястребиным носом открыл дверь.

— Влезай.

Де Рьюз подчинился, выплюнул окурок в мокрую темноту. Слабый запах защекотал ноздри, запах перезрелых персиков или миндаля. Он устроился на сиденье.

— Забирайся к нему, Чак.

— Слушай, давай сядем впереди. Я гарантирую, что...

— К нему, Чак,— отрезал ястребинолицый.

Чак поворчал, но влез на заднее сиденье рядом с Де Рьюзом. Второй бандит с силой захлопнул дверцу. Его лицо с запавшими щеками хищно ощерилось сквозь поднятое стекло. Он обошел машину, опустился в водительское кресло и запустил мотор.

Де Рьюз поморщился, вдыхая странный запах.

Лимузин доехал до угла, выбрался по Восьмой улице к площади Нормандии, проехал по Уилширскому бульвару, миновал пологий холм и повернул на Мельрозу. Чак, насупившись, сидел в углу, держа пистолет на колене. В свете уличных фонарей его квадратное, землистого цвета лицо, казалось, утратило былую самоуверенность.

За стеклянной перегородкой маячил затылок водителя. Они проехали Сансет и Голливуд, повернули на восток по бульвару Франклина. Миновав Лос Фелпиц, выехали к реке.

Встречные автомобили ослепляли пассажиров «линкольна». Де Рьюз напрягся в ожидании. Когда очередная машина полоснула фарами, он быстро нагнулся, засучил левую штанину и мгновенно принял прежнее положение.

Чак ничего не заметил. Он по-прежнему сидел неподвижно.

У развилки на Риверсайд Драйв, ожидая, пока переключится светофор, им пришлось пропустить целую вереницу автомобилей. Де Рьюз выждал момент, сполз с сиденья, опустил руку, рывком выдернул револьвер из кобуры на лодыжке и выпрямился, спрятав оружие за левым бедром так, чтобы его не заметил Чак.

«Линкольн» повернул на Риверсайд и проехал мимо входа в Гриффит-парк.

— Куда едем, приятель? — поинтересовался Де Рьюз.

— Потерпи, — бросил Чак, — узнаешь.

— Так это не ограбление?

— Не дергайся, — рявкнул Чак.

— Вы ребята Мопса Паризи? — медленно произнес Де Рьюз.

Краснолицый гангстер заерзал на сиденье, сжимая в руке пистолет.

— Я сказал: не дергайся!

— Извини, приятель, — миролюбиво проговорил Де Рьюз, выставил дуло пистолета из-за ноги, прицелился и нажал на курок. Пистолет издал хлопок, совсем непохожий на выстрел.

Чак взвизгнул и выронил пистолет, схватившись за правое плечо.

Де Рьюз переложил маленький маузер в правую руку и сунул его Чаку в бок.

— Тихо, приятель, не суетись. Пододвинь пистолет ногой.

Чак подтолкнул большой автоматический пистолет. Де Рьюз быстро нагнулся и поднял его. Водитель оглянулся, машина вильнула, потом выровнялась вновь.

Де Рьюз прикинул, что маузер слишком легок, чтобы вывести человека из строя, и стукнул Чака большим пистолетом в висок. Чак застонал, завалился вперед.

— Газ! — промычал он. — Газ! Он включит газ!

Де Рьюз ударил еще, на этот раз сильнее. Чак рухнул на пол.

«Линкольн» свернул с Риверсайд, переехал через мостик и запылил по дороге, разделяющей площадки для гольфа, подпрыгивая на ухабах и качаясь из стороны в сторону.

Де Рьюз попробовал открыть дверь. Ручки на месте не оказалось. Сжав зубы, он ударил в окно рукояткой пистолета. Толстое стекло держалось прочнее каменной стены.

Ястребинолицый наклонился вбок, и в кабине послышался свистящий звук. Запах миндаля резко усилился.

Де Рьюз вытащил из кармана платок и прижал к носу. Водитель втянул голову в плечи, пытаясь спрятаться за спинкой сиденья.

Де Рьюз приставил дуло большого пистолета к стеклянной перегородке и быстро нажал на курок.

Стекло, вопреки ожиданиям, не разлетелось вдребезги. Пули проделали в стекле крошечную дырочку с зазубренными краями, от которой отходила неглубокая трещина.

Он просунул ствол пистолета в образовавшееся отверстие и выломал кусочек стекла. Газ начал проникать сквозь платок. Голова стала невесомой, как воздушный шар. Глаза слезились, предметы начали расплываться.

Водитель распахнул дверь кабины, крутанул руль в противоположную сторону и выпрыгнул.

Автомобиль проломил невысокую изгородь, описал полукруг и врезался в дерево. Удар был достаточным, чтобы задняя дверь распахнулась.

Де Рьюз вылетел из машины. Влажная земля мягко спружи-

нила, легкие вдохнули свежий воздух. Он перевернулся на живот, втянул голову в плечи, выставил пистолет.

Человек с ястребиным лицом стоял на коленях и тоже вытаскивал пистолет.

Де Рьюз выстрелил первым. Ястребинолицый согнулся пополам и медленно опустился на землю.

По Риверсайд-Драйв сплошным потоком шли машины. Луч маяка Гриффит-парка скользил по низким облакам. На земле царили тишина и покой.

Де Рьюз еще раз вдохнул свежий воздух и поднялся на ноги. Он бросил пустой пистолет на землю, вытащил маленький фонарик из кармана плаща и, прикрыв полый плаща рот и нос, приблизился к машине. Выключил фары, осветил фонариком кабину и, быстро наклонившись, закрутил вентиль на медном цилиндре. Свистящий звук прекратился.

Де Рьюз посмотрел в темноту, туда, где за рекой Лос-Анджелес светили огни Грендэйла, улыбнулся и пошел назад к «линкольну». Вытащил Чака, уложил на мокрую землю и обыскал мертвеца.

Он нашел все, что можно найти в кармане мужчины, включая бумажник с водительскими правами, выписанными на имя Чарльза Леграна, отель «Метрополь», Лос-Анджелес, коробок спичек с этикеткой клуба «Египет» и ключ от номера 809.

Он опустил ключ в карман, захлопнул помятую дверь «линкольна» и сел за руль. Мотор завелся сразу.

Добравшись до Риверсайд, Де Рьюз направился к Голливуду, оставил машину под деревьями возле кирпичного многоквартирного дома на Кенмор-стрит и взял с собой саквояж.

Свет от фонаря на подвезде освещал передний номер «5А6». Интересно, подумал он, какую цель преследовали гангстеры, воспользовавшись таким заметным номером.

Из аптеки Де Рьюз заказал такси, которое отвезло его назад, в «Чаттертон».

4

Номер был пуст. Запах духов «Шалимар» и сигаретный дым еще витали в воздухе. Де Рьюз вошел в спальню, проверил одежду в обоих шкафах, предметы на туалетном столике, вышел в красно-белую гостиную и смешал себе виски с содовой.

Затем закрыл входную дверь на задвижку, перешел с бокалом в спальню, сбросил грязный костюм, надел другой — темный, но такой же щегольской, вымыл руки и перенес бокал к телефону.

Первым номером, по которому он позвонил, был телефон «Кроникл». Он попросил позвать Вернера из отдела городских новостей.

В трубке раздался зычный бас:

— Вернер у телефона. Ну, валяй, удиви меня.

— Это Джон Де Рьюз, Клод. Сделай одолжение, выясни, кто владелец машины с калифорнийским номером «5А6»?

— Должно быть, какой-нибудь чертов политикан, — пробасила трубка, замолчала, и через некоторое время вновь раздался голос Вернера:

— Лимузин «линкольн», 1930 года выпуска, зарегистрирован на имя Хьюго Кендлеса, живущего в Каса де Оро, Клируотер-стрит 2942, Западный Голливуд.

— Адвокатишка?

— Да. Большая шишка. Мистер «Добудь Свидетеля». — Вернер понизил голос. — Вот еще, что я тебе скажу, Джимми. Только между нами. Это порядочное дерьмо и на редкость вонючее. Он вращается в определенных кругах достаточно долго, чтобы знать, кому нужно дать на лапу... У тебя к нему дело?

— Боже упаси, — ответил Де Рьюз мягко, — его автомобиль обляпал меня грязью, а он даже не извинился.

Он повесил трубку, осушил бокал, взял телефонный справочник и нашел номер Каса де Оро. Телефонистка сообщила, что мистера Хьюго Кендлеса в настоящий момент нет в городе.

— Соедините меня с его апартаментом, — потребовал Де Рьюз.

Ответил приятный женский голос.

— Да. Говорит миссис Хьюго Кендлес. Что вы хотели?

— Это клиент мистера Кендлеса. Мне необходимо с ним поговорить. Вы не подскажете, где я могу его найти?

— Весьма сожалею, — холодно произнес голос, — мужа неожиданно вызвали из города. Я даже не знаю, куда именно. Надеюсь, позвонит вечером. Он оставил телефон своего клуба...

— Какого клуба? — небрежно поинтересовался Де Рьюз.

— «Дельмар-клуб». Если бы вы оставили...

— Благодарю вас, миссис Кендлес, — прервал ее Де Рьюз. — Я позвоню позже.

Он повесил трубку, мрачно улыбнулся, отпил коктейль и нашел в справочнике номер отеля «Метрополь».

— Соедините, пожалуйста, с мистером Чарльзом Леграном из номера 809.

— Восемь-ноль-девять, — ответил портье. — Сейчас соединю. — Спустя минуту добавил: — Номер не отвечает.

Де Рьюз поблагодарил, вытащил из кармана ключ и посмотрел на номер. 809.

5

Сэм, привратник «Дельмар-клуба», стоял, прислонившись к облицованной светло-коричневым камнем стене клуба, и наблюдал за потоком машин на бульваре Сансет. Яркий свет фар вызывал резь в глазах. Сэм устал и мечтал о конце смены. Хотелось курить, кроме того, он не отказался бы от порции доброго джина. Еще хотелось, чтобы дождь перестал. В дождливую погоду клуб здорово смахивал на склеп.

Он потянулся, отклеился от стены и прошелся взад-вперед под навесом, похлопывая большими черными руками в перчатках.

Де Рьюз вынырнул из-за угла со стороны Гудзон-стрит и остановился перед привратником.

— Хьюго Кендлес здесь? — спросил он, глядя в сторону.

— Нет его.— Сэм прищелкнул языком в знак отрицания.

— А был?

— Спросите у портье, мистер.

Де Рьюз вытянул руку из кармана и скатал трубкой пятидолларовую банкноту.

— Вряд ли ему известно больше, чем тебе.

Физиономия Сэма расплылась в улыбке. Как замороженный, он смотрел на палец в перчатке с обернутой вокруг банкнотой.

— Это точно, шеф. Да, он был здесь. Приходит сюда почти что каждый день.

— Давно он ушел?

— Кажется, около семи.

— Укатил небось в своем голубом лимузине? Номерной знак «5А6»?

— Точно,— хмыкнул Сэм.— Номер, как у сенатора.

— Водителя знаешь?

— Еще бы...— начал Сэм, но осекся, поскреб белым пальцем по черному подбородку.— Да я просто черный осел. Разрази меня гром, если он опять не поменял шофера. Ведь я не видел этого парня раньше.

Де Рьюз сунул скатанную банкноту в громадную белую пятерню. Сэм схватил бумажку, но внезапно его охватило сомнение.

— Скажите-ка, мистер, зачем вы задаете столько вопросов?

— Но ведь я плачу за ответы.

Де Рьюз повернул за угол, прошел по Гудзон-стрит и забрался в свой черный «паккард». Он повернул на запад, в сторону Беверли-Хиллз, оттуда направился к холмам, внимательно читая надписи на перекрестках, и выехал на Каса де Оро. Дом, который он искал, имел громадный вестибюль, вместительный гараж выходил на Паркинсон-стрит, примыкая к кирпичной стене.

Де Рьюз припарковался на противоположной стороне и некоторое время сидел в машине, вглядываясь через широкое окно в будочку, где в безупречно белой униформе сидел служитель, водрузив ноги на стол. Он листал иллюстрированный журнал и время от времени сплевывал через плечо в невидимую урну.

Де Рьюз вылез из «паккарда» и незаметно для сторожа проскользнул в гараж.

Автомобили стояли в четыре ряда. Машин было много, хотя свободные места еще оставались, но лимузин был только один. С номерным знаком «5А6».

Машина содержалась в образцовом порядке и блестела всеми хромированными частями. Де Рьюз снял перчатку, приложил руку к радиатору. Никаких признаков тепла. Он провел рукой по шинам, посмотрел на палец. Немного сухой пыли.

Пройдя вдоль ряда автомобилей, Де Рьюз просунул голову в стеклянную будочку. Сторож услышал шорох, поднял голову и вздрогнул от неожиданности.

— Вы не видели шофера Кендлеса?

Сторож метко плюнул в медную урну и покачал головой.

— С того времени, как я заступил на дежурство, нет. То есть с трех часов.

— А он не заезжал за стариком в клуб?

— Похоже, что старик туда не ездил. Иначе взял бы эту колымагу.

— Где он бросает свои кости?

— Кто? Меттик? Здесь есть помещение для obsługi, но я слышал, что он припарковался в каком-то отеле. Кажется, это...— Сторож сдвинул брови.

— «Метрополь»? — подсказал Де Рьюз.

— Кажется, да. Полной гарантии дать не могу. Меттик не слишком-то общительный парень.

Де Рьюз поблагодарил его, пересек улицу и вновь забрался в своей «паккард». Теперь он направился в центр города.

Часы показывали девять двадцать пять, когда он добрался до угла Седьмой авеню и Спринг-стрит, где находился отель «Метрополь».

Это был старый отель, балансировавший между полным банкротством и сомнительной репутацией в полицейском управлении.

За большим прилавком блондинка продавала сигареты. Молодость ее давно миновала, а от ухаживаний назойливых клиентов в глазах появилось циничное выражение. Де Рьюз облокотился на прилавок, сдвинул шляпу на затылок.

— «Кэмел», красotka, — сказал он голосом профессионального игрока.

Продавщица шлепнула пачку на стойку, отсчитала пятнадцать центов сдачи и с улыбкой приняла десятицентовую монетку, всем своим видом показывая, что он не остался незамеченным.

— Окажите мне любезность.

— Какую? — осторожно поинтересовалась женщина.

— Узнайте, кто живет в восемьсот девятом.

Блондинка выглядела разочарованной.

— А почему вы не спросите об этом сами, мистер?

— Я слишком застенчив.

Она подошла к телефону, поговорила с портье и с томной медлительностью вернулась к Де Рьюзу.

— Фамилия Маттик вам что-нибудь говорит?

— Кажется, нет, — ответил Де Рьюз. — Большое спасибо. Как вам нравится в этой чудесной гостинице?

— Кто сказал, что это чудесная гостиница?

Он улыбнулся, приподнял шляпу и удалился. Женщина подперла подбородок рукой и проводила его печальным взглядом.

Де Рьюз пересек вестибюль, поднялся по ступенькам и очутился в кабине открытого лифта.

— Восьмой, — сказал он лифтеру и прислонился к стене, сунув руки в карманы.

Восьмой был последним этажом в «Метрополе». Де Рьюз прошел длинным коридором, пропитанным запахом полировки. В самом конце он повернул за угол и оказался прямо перед 809-м. Постучал в массивную дверь из темного дерева, нахло-

нился, заглянул в пустую замочную скважину, постучал еще раз.

Затем вынул из кармана ключ, открыл дверь и вошел.

Оба окна были закрыты наглухо. Воздух пропитан запахом виски. Горел свет. В комнате стояла широкая кровать, комод из темного дерева, пара коричневых кожаных кресел, антикварный столик с почти пустой бутылкой «Четыре Розы». Де Рьюз втянул запах виски и присел на краешек стола, внимательно осматривая комнату. Обшарил комод, кровать, остановился у двери, из-под которой пробивался свет, пересек комнату и открыл дверь.

На желто-коричневом полу ванной ничком лежал человек. Кровь загустела и потемнела. Из двух рваных ран на затылке бурные потоки стекали по шее на пол.

Де Рьюз стянул перчатку, наклонился и прикоснулся к шее, где должна биться артерия. Покачав головой, он убрал руку, надел перчатку, вышел из ванной, затворил за собой дверь и открыл окно в комнате, подставляя лицо под струи дождя и глотая свежий воздух.

Придя в себя, он закрыл окно, вынул из ящика комода табличку с надписью «Не беспокоить», выключил свет в комнате, повесил табличку на ручку двери, спустился на лифте и покинул отель «Метрополь».

6

Френсин Лей шла нетвердой походкой по опустевшему коридору «Чаттертона», мурлыча под нос нечто неопределенное, одной рукой волоча за собой зеленую вельветовую накидку и сжимая в другой завернутую в бумагу бутылку.

Она повернула ключ, распахнула дверь и прошла в гостиную.

Работающий рефлектор освещал красно-белый ковер. Его мерцание отражалось в начищенном черном предмете. Этим предметом был мужской ботинок.

Френсин Лей тихо вскрикнула. Рука, держащая плащ, сжалась, длинные ухоженные ногти вонзились в ладонь.

Щелкнул выключатель, и лампа осветила кресло-качалку, на которой с каменным лицом сидел Де Рьюз.

— Гуляла, Френси?

Она медленно опустилась на краешек кушетки и поставила бутылку на пол.

— Я выпила. Потом захотела есть. Потом захотелось напиться.

— Кажется, шефа твоего дружка Дайела похитили.

Прекрасное личико, искаженное гримасой страха, превратилось в отвратительную размазанную маску. Рот открылся в немом крике.

Наконец Френсин овладела собой.

— Я понятия не имею, о чем ты толкуешь.

— Когда я вышел отсюда, на улице меня поджидали двое. Причем один из громил забрался в мою машину. Думаю, они засекли меня раньше и выследили, где я живу.

— Наверное, ты прав, — произнесла Френсин Лей безжизненным голосом. — Все было так, как ты думаешь, Джонни.

— Потом меня усадили в громадный «линкольн». Корабль, а не машина. С пуленепробиваемыми стеклами, дверьми без ручек и припрятанным баллоном цианида — невадского газа. Мы поехали по шоссе Гриффита к клубу «Египет». Есть такой притон за городом. Они проворонили маузер, который я иногда ношу в ноге. В конце концов водитель врезался в дерево, и мне удалось выбраться из машины.

— Джонни, я не имею к этому ни малейшего отношения.

— У парня, которого катали в этом лимузине до меня, похоже, не было оружия. Я говорю о Хьюго Кендлесе. Тот лимузин был точной копией его собственного — та же модель, тот же цвет, даже номерные знаки точно такие же. Но все-таки это была не его машина. Кто-то на славу потрудился. Кендлес уехал из клуба «Дельмар» около половины седьмого. Жена сказала, что его вызвали из города. Я разговаривал с ней час назад. Его собственная машина не выезжала из гаража после обеда... Интересно, жене сообщили о его похищении?

Френсин Лей судорожно сжимала подол платья. Губы ее дрожали.

— Сегодня же, — невозмутимо продолжал Де Рьюз, — в отеле застрелили шофера Кендлеса. Полицейским об этом пока не известно. А ты не замешана в этом грязном деле, драгоценная моя?

Френсин склонила голову набок и уставилась в пол.

— Мне нужно выпить, — сказала она тихим голосом, — кайф проходит, я начинаю чувствовать себя ужасно.

Де Рьюз поднялся и подошел к белому столику. Нацедил в бокал виски, повернулся к девушке, держа бокал на расстоянии.

— Я редко выхожу из себя, детка, но когда это случается, удержать меня трудно. Поэтому, если тебе что-нибудь известно об этом деле, самое время рассказать.

Он протянул бокал, и девушка залпом осушила его. Ее серо-голубые глаза вновь загорелись.

— Об этом деле, Джонни, — тщательно подбирала слова Френсин, — мне ничего не известно. Я к нему непричастна. Но сегодня Джордж Дайел предложил мне стать его любовницей. Он пронюхал, как его шеф обвел вокруг пальца одного крутого парня из Рино, и сказал, что может выколотить деньги из Кендлеса.

— Чертовски складно поешь, только Рино — мой город, детка. Я знаю там всех крутых парней. Ну, так как его имя?

— Запшарти.

— Запшарти? — переспросил Де Рьюз. — Так зовут владельца клуба «Египет».

Френсин Лей вскочила и схватила его за руку.

— Держись от них подальше, Джонни. Ради бога, Джонни, не впутывайся хоть на сей раз!

Де Рьюз покачал головой, мягко улыбнулся девушке. Потом отнял руку и отступил на шаг.

— Я прокатился в их душегубке, детка, и мне это не понравилось. Я даже сейчас слышу запах газа. Кроме того, я оставил

свою пулю в одном подонке. Так что, либо я заявляю в полицию, либо становлюсь вне закона. Если действительно произошло похищение и я обращусь в полицию, одной жертвой станет больше. Если Дайел сказал правду, и крутой парень действительно Запартти из Рино, тогда я прочно влип. Паризи ненавидит меня лютой ненавистью.

— Тебе не справиться с ними в одиночку, Джонни,— воскликнула в отчаянии Френсин.

— Но нас ведь будет двое, детка. Накинь плащ подлиннее. На улице все еще моросит.

Она вытаращила глаза. Рука, вцепившаяся в Де Рьюза, задрожала, потом безвольно опустилась. Голос изменился до неузнаваемости.

— Я, Джонни?.. О нет, прошу тебя..

— Одевайся, детка. И приведи себя в порядок. Возможно, это наш последний совместный выход в свет.

Пошатываясь, она прошла мимо него. Он мягко остановил ее и произнес почти шепотом:

— Так ты действительно не замешана в этом деле, Френси? Девушка всхлинула, выдернула руку и убежала в спальню.

7

Прищурясь, Де Рьюз наблюдал за руками крупье. Руки были пухлые, с подвижными музыкальными пальцами.

Пальцы правой руки исчезли под столом. Пуговицы на рукавах его коричневого велюрового пиджака, сшитого наподобие смокинга, оставались на бортике. Де Рьюз довольно заулыбался.

Он поставил три синих жетона на красное. Шарик остановился на черной двойке. Крупье выплатил выигрыш двум игрокам.

Де Рьюз поставил пять синих жетонов на красное, краем глаза заметив, как крепко сбитый молодой блондин поставил три красных жетона на зеро.

Де Рьюз облизал губы и повернул голову, окидывая взглядом маленький игровой зал. На диванчике возле стены, откинув голову на подушки, сидела Френсин Лей.

— Кажется, я на верном пути, детка,— сказал ей Де Рьюз.

Френсин заморгала, приподняла голову и протянула руку к кокетлю, стоявшему на низком круглом столике.

Крупье нетерпеливо барабанил пальцами по столу, не спуская глаз с игроков.

— Интересно, почему, когда я ставлю на красное, выигрывает ваше зеро, а когда на черное, ваше двойное зеро? — спросил Де Рьюз.

Блондин улыбнулся, пожал плечами и не ответил.

Де Рьюз положил ладонь на игровое поле и подчеркнуто вежливо сказал:

— Я с вами разговариваю, мистер.

— А может, я Джесс Ливермор,— хмыкнул молодой человек,— и собираюсь сорвать банк.

— Не задерживайте игру,— рявкнул один из игроков.

— Делайте ваши ставки, джентльмены,— сказал крупье.

— Ну ладно,— процедил сквозь зубы Де Рьюз.

Крупье завертел колесо левой рукой, запустив шарик в противоположную сторону. Правая рука осталась лежать на краю стола.

Шарик попал на 28 черное, рядом с зеро. Блондин рассмеялся.

— Близко, очень близко.

Де Рьюз посчитал оставшиеся фишки.

— В минусе на шесть тысяч, но, кажется, здесь нечестно играют. Кто содержит этот притон?

Крупье пристально посмотрел на Де Рьюза.

— Вы сказали «притон»?

Де Рьюз кивнул.

— Я не ослышался, вы сказали «притон»? — повторил крупье, приподнимаясь со стула.

Двое других игроков поспешно собрали жетоны и ретировались к стойке бара в противоположном углу зала, откуда, заказав выпивку, они принялись с интересом наблюдать за Де Рьюзом и крупье. Блондин остался на месте.

— Тсс.— Молодой человек многозначительно приложил палец к губам и улыбнулся де Рьюзу.— Зачем же так грубо?

Френсин Лей допила коктейль и откинулась на подушки, наблюдая за происходящим из-под полуприкрытых ресниц.

В стене, отделанной панелями, отворилась дверь, и в зал вошел очень крупный мужчина с черными усами и густыми бровями. Крупье взглядом указал на Де Рьюза.

— Нет, я не ослышался, вы действительно назвали наше заведение притоном,— громко повторил крупье.

Верзила подвалил к Де Рьюзу, взял его за локоть и устало произнес:

— Вон!

Блондин ухмыльнулся и сунул руки в карманы темно-серого костюма. Верзила стоял к нему боком.

Де Рьюз перевел взгляд с рулетки на крупье.

— Заберу свои шесть тысяч, и будем считать, что мы квиты.

— Вон,— повторил верзила, сжимая локоть Де Рьюза.— Тебе ведь не хочется осложнений, верно?

Лысый крупье одобрительно скалился.

— Ну гляди, вышибала,— тихо произнес Де Рьюз,— сам наприсился. Давай, Ник.

Блондин вытащил руку из кармана и замахнулся. Кастет молнией блеснул в свете ламп. Удар пришелся верзиле по затылку, он рухнул на стол и медленно сполз на пол.

Френсин Лей вскочила и поднесла руку ко рту.

Блондин развернулся и посмотрел на бармена, но ни бармен, ни остальные игроки не собирались вмешиваться.

— Средняя пуговица на правом рукаве, Ники. Должно быть, она медная.

— Посмотрим.— Блондин сунул кастет в карман, обошел стол. Подойдя к крупье вплотную, он взялся за среднюю из трех пуговиц на правой манжете и что есть силы дернул. После

второго рывка пуговица оторвалась, за ней вытянулась тонкая проволока.

— Точно.— Блондин отпустил руку крупье.

— Сначала я заберу свои шесть тысяч,— сказал Де Рьюз,— а потом мы поговорим с твоим боссом.

Крупье кивнул и потянулся к лотку с жетонами.

Верзила на полу лежал неподвижно. Блондин сунул руку за спину, вытащил из-за пояса автоматический пистолет 45-го калибра и, вежливо улыбаясь, обвел зал внимательным взглядом.

8

Лысый крупье открыл дверцу в дальнем конце галереи и вошел, не оборачиваясь. За ним последовали блондин, Де Рьюз и Френсин Лей.

За дверью начинался тускло освещенный короткий коридор, упиравшийся в выкрашенную под дерево металлическую дверь. Крупье надавил пухлым пальцем на кнопку и позвонил условным звонком. Щелкнул автоматический замок.

Уютная комната служила одновременно кабинетом и гостиной. Горел камин, на диване, обитом зеленой кожей, сидел тщедушный человечек с маленькой головой и сморщенным, как у мумии, лицом. Живыми казались только пронзительные черные глаза. Он оторвал их от газеты и взглянул на вошедших. Лицо его вмиг посерело.

За большим столом в центре комнаты стоял высокий человек с шейкером для коктейлей в руках. У него было изъеденное оспой лицо, глубоко посаженные глаза, серая кожа и густые рыжеватые волосы. Левую щеку пересекал тонкий зигзагообразный шрам. Он медленно повернул голову и окинул взглядом четверку незваных гостей, не переставая взбалтывать шейкер.

Человек на диване не шевелился. В его неподвижности чувствовалось скрытое напряжение.

— Мне кажется, это налет,— сообщил крупье.— Я ничего не мог сделать. Они вывели из игры Большого Джорджа.

Блондин хмыкнул, вытащил из кармана пистолет и опустил его дулом вниз.

— Ему кажется, что это налет,— сказал он.— Как же он еще в штаны не наделал со страху?

Де Рьюз захлопнул тяжелую дверь. Френсин отошла в угол, подальше от огня. Мумия на диване проводила ее взглядом.

— Длинный — Заппарти,— произнес Де Рьюз,— коротышка — Мопс Паризи.

Блондин сделал шаг в сторону, взяв коротышку на мушку.

— Да, я Заппарти.— Высокий мужчина с интересом посмотрел на Де Рьюза.— Ну и что?

Не дожидаясь ответа, он повернулся, взял шейкер, откупорил его и налил коктейль в низкий бокал. Залпом выпил, вытер губы батистовым платком и аккуратно засунул его в нагрудный карман.

Де Рьюз растянул тонкие губы в улыбке.

— Мы с Ники решили разыграть небольшой спектакль, чтобы парням в зале было о чем поболтать после нас.

— Интересное начало,— согласился Заппарти.— Итак, по какому делу вы хотели со мной поговорить?

— Нас интересует автомобиль-душегубка, в котором вы катаете пассажиров.

Мумия на диване дернула ногой, будто ее ужалили.

— Спокойнее, мистер Паризи,— произнес блондин,— я ведь могу неправильно вас понять.

Паризи замер, безвольно опустив руку на толстую ляжку.

Заппарти удивленно приподнял брови.

— Автомобиль-душегубка? — В его голосе слышалось недоумение.

Де Рьюз вышел на середину комнаты и остановился рядом с крупье, чувствуя себя хозяином положения. В его серых глазах загорелись огоньки, хотя сам он выглядел изможденным и постаревшим.

— Возможно, кто-то и подставил тебя,— сказал он Заппарти,— но лично я так не думаю. Я говорю о голубом «линкольне» с номером «5А6» и баллоном невадского газа на переднем сиденье. Этот газ используют в нашем штате для исполнения смертного приговора.

Громадный кадык на горле Заппарти заходил ходуном. Он надул щеки, хлопком выпустил воздух.

Мумия на диване рассмеялась. Происходящее очень забавляло ее.

Вдруг в комнате раздался голос, не принадлежащий никому из присутствующих.

— Брось револьвер,— рявкнул голос.— Остальные — руки вверх!

Одна из панелей отъехала в сторону, в ней показалась рука с пистолетом, освещенная лампой.

Пистолет был нацелен точно в голову Френсин Лей.

— О'кей.— Де Рьюз поспешил поднять пустые руки вверх.

— Должно быть, это Большой Джордж,— предположил блондин, роняя оружие.— Оклемался-таки.

Заппарти вытащил револьвер из ящика стола и взял на мушку неожиданных визитеров.

— Все в порядке, можешь идти,— сказал он в сторону потайного отверстия в стене.

Окошко захлопнулось. Заппарти кивнул головой лысому крупье, который за все время так и не пошевелился.

— Возвращайся к столу, Луис. И впредь будь внимательнее.

Крупье кивнул и вышел из комнаты, тщательно прикрыв за собой дверь.

Френсин Лей рассмеялась, поежилась, будто от холода, и потянулась рукой к вороту. Комната была без окон, к тому же камин давал достаточно тепла.

Паризи, насвистывая, подошел к Де Рьюзу, сунул дуло пистолета прямо ему в лицо, вытащил кольт, обошел вокруг, проверил задние карманы и вернулся назад.

Отступив на шаг, он ударил Де Рьюза по щеке пистолетом. Де Рьюз устоял, только голова дернулась, когда ствол рассек кожу.

Паризи ударил еще раз в то же место. По щеке потекла струйка крови. В глазах потемнело, ноги подогнулись. Де Рьюз опустился на пол, тряся головой, правая рука безвольно замерла.

— Довольно, Мопс,— вмешался Запшарти.— Не переборщи. Нам нужно еще кое-что у них выяснить.

Френсин Лей стояла, придерживаясь за стену, и смеялась.

Тяжело дыша, Паризи отошел от Де Рьюза. На его смуглом лице играла довольная ухмылка.

— Я так долго ждал этого момента.

Де Рьюз одним рывком выхватил из-под штанины что-то маленькое и блестящее. Раздался резкий хлопок, в руке вспыхнула оранжевая вспышка.

Голова Паризи дернулась, под его подбородком образовалась круглая дырочка, которая на глазах начала набухать кровью. Ослабевшие руки выронили оба пистолета. Покачиваясь из стороны в сторону, Паризи рухнул на пол.

— Боже мой! — пробормотал Запшарти.

Френсин дико завизжала и, царапаясь, лягаясь, кусаясь, бросилась на Запшарти.

Револьвер дважды выстрелил. С потолка посыпалась штукатурка.

Френсин Лей опустилась на четвереньки. Из-под платья выглядывала изящная ножка.

Блондин, стоя на одном колене с пистолетом в руке, восторженно крикнул:

— Она-таки отобрала пистолет у этого мерзавца!

Запшарти замер с выражением глубочайшего недоумения на лице. На правой руке кровоточила царапина. Револьвер лежал на полу у ног Френсин.

Паризи захрипел и затих.

— Следи за панелью, Ники.— Де Рьюз поднялся на ноги.

Снаружи не доносилось ни звука, в комнате царил мертвая тишина. Запшарти безмолвно застыл у стола.

Де Рьюз склонился над Френсин Лей и тронул ее за плечо.

— Ты в порядке?

Девушка, не отрывая взгляда от Паризи, встала. Ее трясло, будто в лихорадке.

— Извини, детка.— Де Рьюз нежно обнял ее за плечи.— Должен признаться, я тебя недооценивал.

Он вытащил из кармана носовой платок и вытер кровь с левой щеки.

— Наверное, Большой Джордж отправился на боковую,— сказал Ники,— ну и болван же я, что не пристрелил его сразу.

Де Рьюз кивнул.

— Ты прав. Мы чуть было не завалили всю игру. Где ваше пальто и шляпа, мистер Запшарти? Мы приглашаем вас проехаться с нами.

— Вот она, Ники. Кажется, ее еще не обнаружили. Но лучше держать ухо востро.

Блондин вылез из машины и пошел к кирпичной многоэтажке, у которой припарковался большой «линкольн».

Де Рьюз повернулся к заднему сиденью и потрепал Френсин Лей по щеке.

— Ты поедешь домой одна. Мне предстоит еще кое-что сделать.

— Джонни, что ты задумал? Ради всего святого, неужели тебе мало приключений?

— Не волнуйся, детка. Мистеру Заппарти есть что рассказать. Думаю, небольшая прогулка в лимузине развяжет ему язык. Кроме того, мне нужны доказательства.

Он посмотрел на Заппарти, забившегося в угол.

Ники вернулся к машине.

— Ключи, случайно, не у тебя?

— У меня,— ответил Де Рьюз, вытащил ключи из кармана и протянул их Ники.

— Прощу, мистер,— обратился Ники к Заппарти и открыл дверь машины.

Заппарти вылез. Де Рьюз последовал за ним.

— Поезжай, детка.

Френсин Лей села за руль, повернула стартер, и машина мягко покатила по полутемной аллее. Де Рьюз проводил ее взглядом до угла. Потом взял Заппарти под локоть.

— Пойдем. Ты сядешь на заднее сиденье. К сожалению, мы не можем гарантировать тебе смертельную порцию газа из-за дырочки в перегородке, но будем надеяться, что запах тебе понравится. Поедем куда-нибудь на природу. У нас целая ночь впереди.

— Вы наживете себе крупные неприятности,— процедил сквозь зубы Заппарти.

— Именно это делает жизнь такой интересной,— ответил Де Рьюз.

Они неспешно прошли по улице. Ники открыл пассажирскую дверь «линкольна», занял место водителя и включил зажигание. Де Рьюз устроился рядом, положив ноги на баллон с газом.

В машине сильно пахло миндалем.

Ники запустил двигатель, выехал на середину улицы и повернул на север в сторону Глендейла. Через некоторое время Заппарти постучал в стеклянную перегородку. Де Рьюз приложил ухо к дыре.

— Кирпичный особняк,— хрипло произнес Заппарти.— Касл Роуд, в районе Ла Крешента.

— А он слабак,— пробормотал Ники, не отрывая глаз от дороги.

Де Рьюз кивнул и, на мгновение задумавшись, сказал:

— Тут не все ясно. Теперь, когда Паризи мертв, Заппарти не стал бы разговаривать с нами, если бы что-нибудь не придумал.

— На его месте я бы предпочел молчание. Зажги мне сигарету, Джонни.

Де Рьюз закурил две сигареты, одну передал блондину и отпрянул на Заппарти. Встречные автомобили отбрасывали блики на его напряженное лицо. Тени под глазами сделались еще глубже.

Лимузин бесшумно скользил по магистрали. За Глендейлом они повернули в сторону Монтрозы и проехали по Санлендскому шоссе до Ла Крешента.

Через несколько минут показался кирпичный особняк, стоявший в стороне от дороги и отделенный пустырем, бывшим некогда лужайкой. За домом начиналась полоса сплошных разрушений от новогоднего наводнения. То здесь, то там росли одинокие кусты, громадные валуны, принесенные потоком, были разбросаны в хаотическом беспорядке. У дороги росло дерево, подмытые корни его выступали из земли на добрых четыре фута.

Ники остановил машину, потушил огни, вытащил из-под сиденья фонарик с длинной ручкой и передал его Де Рьюзу.

Де Рьюз вылез из машины, постоял с минуту, опершись на дверцу, достал из кармана пальто пистолет.

— Веселенькое место. Сомневаюсь, что мы найдем здесь что-нибудь интересное. — Он посмотрел на Заппарти, усмехнулся и побрел по направлению к дому. Наполовину открытая входная дверь увязла в песке. Де Рьюз приблизился к углу дома, стараясь не находиться на одной линии с дверью, пошел вдоль стены, заглядывая в забитые досками темные окна.

212
Остатки курятника, гряда металлолома в покосившемся гараже — все, что осталось от большого семейного «седана». Дверь гаража ошестинилась ржавыми гвоздями, окна были забиты. Де Рьюз постоял под дождем, размышляя, почему открыта дверь. Потом вспомнил, что несколько месяцев назад в этих местах произошло еще одно наводнение, не такое разрушительное, как первое. Поток с гор и сломал дверь.

На соседних участках он заметил два полуразрушенных дома. Неподалеку на возвышении стоял еще один дом с освещенными окнами. Это было единственное жилье в округе.

Де Рьюз вернулся к фасаду, проскользнул в полуоткрытую дверь и остановился, прислушиваясь. Выждав, он включил фонарик.

Чувствовалось, что в доме давно не жили, пахло улицей. В первой комнате не было ничего, кроме песка, нескольких досок от шкафа и темной водяной полосы на стенах.

Де Рьюз прошел коротким коридором и очутился на кухне. На месте раковины зияла круглая дыра, газовая плита лежала на боку, сорванная с места. Из кухни он вышел в спальню.

Спальня оказалась квадратной темной комнатой. На полу, засыпанный илом, лежал ковер. В углу стояла металлическая кровать, наполовину прикрытая подпорченным водой матрасом.

Из-под кровати торчали ноги.

Ноги крупного человека, обутого в кожаные ботинки и бордо-

вые носки. С серыми стрелками по бокам. Брюки — в черную и белую клетку.

Де Рьюз, как замороженный, не мог отвести взгляда от ног, освещенных фонариком. Он неподвижно простоял минуты две, потом укрепил фонарик так, чтобы луч, отражаясь от белого потолка, освещал комнату рассеянным светом, взялся за матрац и сбросил его на пол. Притронулся к руке лежащего. Рука была холодна, как лед. Он ухватился за лодыжки и потянул, но человек оказался неподъемным.

Легче было сдвинуть кровать.

10

Запшарти откинулся на подушки сиденья, закрыл глаза и отвернулся, пытаясь избавиться от яркого света.

Ники приставил фонарик к глазам Запшарти и монотонно включал и выключал его.

Де Рьюз смотрел вдаль, где сквозь пелену дождя на горизонте мигали бортовые огни самолета, заходящего на посадку.

— Никогда не знаешь, какой способ окажется самым эффективным, — заметил Ники. — Однажды я видел, как клиент сломался, когда инспектор засунул свой ноготь в ямочку на его подбородке.

— Наш клиент покрепче, — рассмеялся Де Рьюз. — Тебе следовало бы придумать что-нибудь посерьезнее, чем фонарик.

— Это нетрудно, только не хочется пачкаться.

Через некоторое время Запшарти поднял руки перед собой и заговорил. Голос его звучал монотонно, глаза оставались закрытыми.

213

— Похищение организовал Паризи. Я ничего не знал, вплоть до последнего момента. Паризи предложил мне это дело примерно месяц назад. Он еще прихватил с собой парочку головорезов на случай, если я откажусь. Что мне еще оставалось? Каким-то образом он пронюхал о том, что Кендлес облапошил меня на двадцать пять косых, когда взялся защищать моего двоюродного брата в деле о налете с убийством, а сам продал парня. Около семи вечера Паризи пришел в клуб и сказал: «Мы взяли твоего дружка, Хьюго Кендлеса. Дело на сто тысяч, быстрый оборот капитала гарантирован. От тебя требуется только распределить деньги по столам, смешать их с другими деньгами. Получишь свою долю, в противном случае у тебя будут крупные неприятности». Вот, собственно, и все. Потом Паризи уселся и начал кусать ногти, поджидая своих парней. Он очень разнервничался, когда они не вернулись вовремя. Один раз он выходил звонить по телефону из пивбара.

Де Рьюз затаился сигаретой.

— Откуда ты узнал, что Кендлес здесь?

— От Мопса, — ответил Запшарти. Глаза его, мутные и застывшие, как у дохлой рыбы, были приоткрыты.

— Здесь чертовски холодно, — сказал Ники. — Что будем делать с нашим фантазером?

— Отведем в дом и привяжем к Кендлесу, — предложил Де

Рьюз.— Пусть погреют друг дружку. А утром вернемся, может, к тому времени у него появятся свежие идеи.

Заппарти вздрогнул. В уголке глаза блеснула слеза. После минутного колебания он произнес:

— Ну, хорошо. Это я спланировал операцию. И автомобиль с газом — тоже моя идея. Мне нужны не деньги, а Кендлес, причём мертвый. Дело в том, что в прошлую пятницу в Сан-Квентине вздернули на виселице моего младшего брата.

Наступила тишина. Ники пробормотал что-то под нос. Де Рьюз не проронил ни слова.

— Маттик, шофер Кендлеса, ненавидел Кендлеса и тоже был замешан в деле, — продолжил Заппарти. — Он должен был вести машину, чтобы всё выглядело, как обычно, а потом сбежать. Но затребовал слишком много за работу, это взбесило Паризи, и он его убрал. За руль сел другой парень, и все сошло, потому что лил дождь.

— Уже лучше, — сказал Де Рьюз, — хотя далеко не вся правда.

Заппарти пожал плечами и ухмыльнулся.

— Чего же вам еще нужно? Масла с обеих сторон бутерброда?

— Мне нужен тот, кому я стал поперек дороги... Ну да ладно. Я отыщу его сам.

Ники отложил фонарик, забрался на место водителя, запустил мотор.

— Высади меня у ближайшего телефона, я вызову такси, — попросил Де Рьюз. — Потом покатаешься, а через час позвонишь Френси. К тому времени у меня будут для тебя новости.

Блондин покачал головой.

— Ты отличный парень, Джонни. Но дело зашло слишком далеко. Я обязан сообщить в управление. Ведь дома под бельем у меня лежит удостоверение частного детектива.

— Дай мне час, Ники, — сказал Де Рьюз. — Только один час. Автомобиль спустился с холма, пересек Санлендское шоссе и взял курс на Монтрозу.

— Ладно, — после долгой паузы произнес Ники.

11

Настенные часы с боем, висевшие в холле Каса де Оро, показывали двадцать минут второго. Холл был выполнен в колониальном испанском стиле: черно-красные индейские коврики, стулья с резными ножками, кожаной обивкой и кожаными кисточками по уголкам, массивные двери оливкового цвета с длинными крыльями на дверных петлях.

Худой портье с тоненькими усиками и светлыми набриолиненными волосами развалился за конторкой, посмотрел на часы и зевнул, прикрыв рот ухоженной маленькой ручкой.

Дверь распахнулась, и в холл вошел Де Рьюз. Он внимательно осмотрелся по сторонам, не спеша подошел к конторке и положил руку в перчатке на стойку.

— Какой номер бунгало Хьюго Кендлеса?

Портье недовольно посмотрел на часы, потом на Де Рьюза,

потом снова на часы, надменно улыбнулся и произнес с едва заметным акцентом:

— Двенадцать С. Прикажете о вас доложить... в такой час?

— Нет,— отрезал Де Рьюз, повернулся и направился к большой двери с окошечком в виде сердечка, какие бывают на дверях первоклассных сортиров.

Он уже взялся за ручку двери, как сзади зазвенел звонок.

Де Рьюз глянул через плечо и вновь подошел к конторке. Портье поспешно убрал руку со звонка.

— У нас не принято входить без доклада,— заметил портье ледяным тоном.— Здесь вам не какая-нибудь многоэтажка.

Лицо Де Рьюза покрылось пятнами. Он наклонился, схватил служителя за лацканы и притянул к краю конторки.

— Что за шутки, цыпа?

Портье поблдедел, но ухитрился еще раз нажать на звонок дрожащей рукой.

Коротышка-толстяк в мешковатом костюме и накладном парике возник откуда-то сзади, поднял вверх пухлый палец и произнес:

— Эй, полегче.

Де Рьюз отпустил портье и с интересом посмотрел на толстяка. Его пиджак был густо усыпан пеплом от сигары.

— Здесь я отвечаю за все. Если хочешь побузить, обращайся ко мне.

— Ты понятливый,— ответил Де Рьюз.— Давай-ка отойдем в сторонку.

Они отошли в угол под пальму. Толстяк сладко зевнул, приподнял парик и почесал голову.

— Меня зовут Кувалик,— представился он.— Иногда мне тоже хочется надавать этому шведу по морде. Итак, в чем дело?

— Ты умеешь держать язык за зубами?

— Нет. Я люблю поболтать. Кроме того, мне нравится слоняться по этому пижонскому ранчо.— Кувалик вытащил из кармана половину сигары и ловко прикурил ее, едва не подпав нос.

— На этот раз придется придержать язык.

Де Рьюз сунул руку в карман, вытащил бумажник, достал две банкноты по десять долларов, обернул их вокруг указательного пальца, скатал в трубочку и сунул в наружный карман толстяка.

Кувалик заморгал, но промолчал.

— В апартаментах Кендлеса,— объяснил Де Рьюз,— находится человек по имени Джордж Дайел. Его машина стоит на улице, так что апартаменты Кендлеса — единственное место, где он может быть. Мне нужно повидать его, но без лишнего шума. Ты мог бы проводить меня и присутствовать при нашем разговоре?

— Не поздновато ли? — замялся толстяк.— Может, он уже в постели?

— Если даже так, то наверняка в чужой. Ему придется освободить место.

— Мне эта затея не по душе,— проворчал толстяк, поднима-

ясь,— зато по душе твои десятки. Пойду погляжу, может, они не спят. Ты подождешь здесь.

Де Рьюз кивнул. Кувалик прошел вдоль стены и исчез за угловой дверью. Под пиджаком на поясе отчетливо проступали очертания пистолета. Клерк проводил взглядом детектива, презрительно глянул на Де Рьюза и достал маникюрный набор.

Прошло десять минут, потом еще пять. Кувалик не возвращался. Де Рьюз резко встал и решительно направился к двери. Портье напрягся, бросил взгляд на телефон, но не решился взять трубку.

Де Рьюз оказался в крытой галерее, пересек дворик, в центре которого помещался продолговатый бассейн с яркими мозаичными панно на бортиках. Дождь монотонно барабанил по черепицам крыши. В крайнем слева доме светилось окно. Он положился на удачу и, подойдя поближе, увидел на двери номер 120.

Де Рьюз поднялся на крыльцо и позвонил. Звонok эхом разнесся по дому. Никакого ответа. Выждав паузу, он позвонил еще раз, повернул ручку. Дверь была заперта. Ему послышалось, что в глубине дома раздался глухой стук.

Де Рьюз с минуту постоял под дождем, затем обошел бунгало по узкому и мокрому проходу и подергал заднюю дверь. Заперта. Де Рьюз выругался, вынул пистолет, приложил шляпу к стеклу и выбил сегмент рукояткой. Стекло слабо звякнуло.

Он спрятал пистолет, надел шляпу и просунул руку в отверстие.

216 Огромная кухня с желто-черными шашечками на полу предназначалась главным образом для смешивания напитков. На стойке бара выстроились в ряд бутылки «Хейг и Хейг», «Хенесси» и с другими крепкими напитками. Короткий коридор выходил в гостиную. В углу стоял рояль, возле него горела лампа. Еще одна лампа стояла на низком столике, уставленном бутылками и бокалами. В камине тлели угли.

Глухой стук повторился, на этот раз ближе.

Де Рьюз пересек гостиную и оказался в превосходно обставленной спальне. Стук доносился из кладовки. Он открыл дверь и увидел мужчину, сидящего на полу среди вороха женских платьев. Рот, руки и ноги мужчины были связаны полотенцами. Череп гол, как у лысого крупье из клуба «Египет».

Де Рьюз внимательно посмотрел на него, улыбнулся и принялся развязывать.

Человек сплюнул, крепко выругался, исчез в недрах шкафа, затем вынырнул с мохнатой тряпкой в руке, встряхнул ее и напялил на лысину, превратившись в Кувалика.

Ругаясь на чем свет стоит, он поднялся и попятился прочь от Де Рьюза. На его лице застыло напряженное выражение, правая рука потянулась к пистолету на боку.

Де Рьюз развел руками и уселся в маленькое кресло, обтянутое ситцем.

— Рассказывай,— бросил он.

Кувалик окинул его подозрительным взглядом, затем расслабился и снял руку с кобуры.

— Я увидел свет,— начал он,— и решил позвонить. Дверь открыл высокий парень. Это был Дайел. Я сказал, что его ждет человек, который хочет переговорить с ним с глазу на глаз.

— И ты понял, что свалил дурака,— сухо заметил Де Рьюз.

— Нет, не тогда, позже.— Кувалик скривился и вытянул из рта нитку от полотенца.— Описал тебя и понял, что свалил дурака. Он предложил мне зайти на минутку, а когда закрыл дверь, ткнул в бок пистолет. «Так говоришь, он одет во все черное?»— спросил он. «Да,— ответил я,— но при чем здесь пушка?»— «Так у него серые глаза, вьющиеся черные волосы, и он не слишком разговорчив?»— «Да, но зачем тебе пушка?»

«А вот зачем»,— ответил он и с размаху ударил меня по черепушке. В комнату вошла дамочка Кендлеса, они вдвоем связали меня и запихнули в кладовку. Некоторое время слышалась возня, потом все стихло. А еще через несколько минут раздался звонок в дверь.

Де Рьюз довольно заулыбался.

— Они сбежали,— лениво произнес он.— Их кто-то предупредил. Но боюсь, что это не лучший выход.

— Я давно работаю детективом у Уелса Фарго,— сказал Кувалик,— и повидал разное. Так чем занималась эта парочка?

— Что за женщина миссис Кендлес?

— Темноволосая, привлекательная. Сексуально озабоченная, как говорят люди. Здесь, в Каса, есть пара-тройка ребят, с которыми она спит. Злюка, к тому же прижимистая. Они меняют шоферов каждые три месяца.

Де Рьюз взглянул на часы и потянулся.

— У тебя есть знакомые, которым можно подкинуть это дельце? По-моему, пришло время известить полицию.

— Не пришло,— произнес чей-то голос, и в комнату вошел Джордж Дайел, держа в руке миниатюрный автоматический пистолет с глушителем.

— Нет, мы не сбежали. Мы просто не успели подготовиться.

Пухлая ручка Кувалика рванулась к кобуре на поясе.

Черный автоматический пистолет дважды глухо выстрелил.

Пули подняли облачко пыли с пиджака Кувалика. Он дернул руками, тяжело упал на пол у стены и завалился на левый бок. Его маленькие глазки вылезли из орбит, как горошины из незрелых стручков. Парик сполз на лоб.

Де Рьюз бросил на него быстрый взгляд, потом посмотрел на Дайела. Выражение его лица не изменилось, оставаясь таким же непроницаемым.

— Дайел, ты безмозглый кретин. Тебе не следовало этого делать. Но это не единственная твоя ошибка.

— Нет,— спокойно ответил Дайел,— не единственная. Мне не следовало присылать к тебе своих парней. Я страшно разочлился. Профессионал не должен давать волю эмоциям.

Де Рьюз кивнул в знак согласия и посмотрел на Дайела почти сочувственно.

— Просто ради интереса, кто тебя предупредил, что игра проиграна?

— Френси. Она очень волновалась. К сожалению, я уезжаю,

поэтому у меня не будет возможности поблагодарить ее.
— Вряд ли ты успеешь пересечь границу штата. Тебе не наложить лапу на деньги босса. Ни тебе, ни твоим подручным, ни даже его жене. Легавым уже все известно.

— Ну, это мы еще посмотрим,— процедил Дайел.— По крайней мере у нас достаточно денег, чтобы отправиться путешествовать. Прощай, Джонни.

Лицо Дайела напряглось, рука, держащая пистолет, поднялась. Де Рьюз прикрыл глаза, приготовившись к самому худшему. Но выстрел не успел раздаться. В комнату вошла высокая темноволосая женщина в серой меховой шубке. Маленькая шляпка сбилась на затылок. Женщина была красива, но какой-то демонической красотой. Темно-бордовая помада напоминала запекшуюся кровь, лицо было слишком бледным.

— Кто такая Френси? — спросила она ледяным тоном, полностью соответствовавшим ее внешности.

Де Рьюз приоткрыл глаза, рука скользнула по направлению к внутреннему карману.

— Френси — моя подружка,— объяснил он.— Она выказывала знаки внимания мистеру Дайелу. Он видный мужчина, и я на него не в обиде.

Лицо женщины потемнело от злости. Она схватила Дайела за руку, в которой он держал оружие.

Де Рьюз рывком выдернул пистолет из-под мышки, но выстрел прогремел с пола, от правого бедра Кувалика, где его пухлый пальчик нажимал на спусковой крючок.

218 Кольт выстрелил только один раз, но этого было достаточно, чтобы Дайела отбросило к стене. Красивое загорелое лицо залилось кровью.

Он рухнул на пол, револьвер выпал из руки. Темноволосая красотка упала на колени и потянулась за пистолетом.

Схватив его обеими руками, она прицелилась. Рот оскалился, обнажив острые, как у волка, клыки.

— Я крепкий парень,— раздался голос Кувалика.— Я служил в агентстве Уелса Фарго.

Его пушка выстрелила еще раз. Женщина завизжала и упала на тело Дайела. Глаза испуганно заморгали, лицо побледнело.

— Плечевое ранение. Поправится.— Кувалик поднялся на ноги, расстегнул пиджак и похлопал себя по груди.— Пуленепробиваемый жилет. Но я предпочел некоторое время полежать тихонько, а то, чего доброго, он пальнул бы в голову.

12

Френсин Лей зевнула и вытянула длинную ногу в зеленой пижамной брючине, обутую в изящную зеленую туфельку. Она зевнула еще раз, поднялась, плеснула себе в стакан из бутылки и залпом выпила.

Стрелка часов приближалась к четырем, когда раздался звук открываемой двери. Присев на столик, Френсин взволнованно задышала.

Красные портьеры раздвинулись, и в комнату вошел Де Рьюз. Он задержался на пороге, обвел девушку равнодушным взглядом, медленно снял плащ и шляпу, бросил их на кресло. Затем скинул пиджак, отстегнул кобуру и подошел к столику.

Налил себе тройную дозу и залпом осушил стакан.

— Ты все-таки предупредила этого мерзавца,— мрачно бросил он, глядя на пустой стакан в руке.

— Да,— призналась Френсин Лей,— мне пришлось позвонить ему. Что случилось?

— Ты-таки предупредила его, хотя тебе прекрасно известно, что он замешан. Ты готова была помочь ему, даже если это стоило бы мне жизни.

— Но, Джонни, с тобой же все в порядке,— произнесла она устало.

Де Рьюз не ответил. Он аккуратно поставил стакан, плеснул виски, добавил газировки, поискал лед. Не найдя ни кубика, выпил коктейль, не отрывая глаз от белой поверхности стола.

— В целом мире не найти другого такого парня,— сказала Френсин Лей,— способного помериться с тобой силами. А что касается Дайела, то он растяпа, и далеко ему не уйти.

— Толково говоришь,— растягивая слова, произнес Де Рьюз.— Только я совсем не герой и наверняка был бы покойником, если бы не опереточный детектив, который ходит на работу в пуденепробиваемом жилете и не расстается с «Бант-лайн-спешл».

— Хочешь, чтобы я слиняла?

Де Рьюз взглянул на Френсин, поставил стакан и отошел от стола.

— Нет,— бросил он через плечо,— только перестань лгать.

Он уселся в глубокое кресло, вытянул ноги и закрыл глаза. Френсин понаблюдала за ним с минуту, потом подошла, устроилась на подлокотнике и стала гладить его волосы.

Де Рьюз расслабился, почувствовав себя первый раз за прошедший день в безопасности.

— В клубе «Египет» ты, возможно, спасла мне жизнь,— произнес он сонным голосом.— Наверное, это дало тебе моральное право позволить красавчику стрелять в меня.

Френсин Лей не ответила, продолжая гладить его по голове.

— Красавчик мертв,— добавил Де Рьюз.— Детектив попортил ему лицо.

Рука девушки замерла в воздухе и снова опустилась на голову Де Рьюза.

— Мадам Кендлес тоже замешана в деле. Похоже, крепкий орешек. Она охотилась за бабками муженька, а заодно — за всеми мужиками в мире, за исключением Хьюго. Слава богу, ее не успели ухлопать. Она выложила все. Впрочем, как и Запартти.

— Да, милый,— голос Френсин был полон нежности.

— Кендлес мертв.— Де Рьюз зевнул.— Когда мы вступили в игру, он уже был мертв. Что касается Паризи, то он с теми, кто больше платит.

— Да, милый,— повторила с той же нежностью Френсин.

— Остальное дорасскажу утром,— пробормотал Де Рьюз.—

Мы с Ники рассчитались с законом... Давай махнем в Рино, распишемся... Честно говоря, я чертовски устал от этой собачьей жизни... Сделай мне еще один коктейль, детка.

Френсин Лей не двинулась с места, ее пальцы продолжали перебирать волосы Де Рьюза, прочно обосновавшегося в кресле.

— Да, милый.

— Не называй меня «милый», — пробормотал Де Рьюз сквозь сон. — Зови меня «голуба».

Когда он засопел, девушка опустилась на пол. Она сидела, закрыв лицо руками, задумчиво наблюдая за Де Рьюзом сквозь длинные изящные пальцы с вишневым лаком на ногтях.

**Перевод с английского
АЛЕКСЕЯ АНТОМОНОВА.**

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г Нужна ли милостыня многодетным?
Г Цена независимости

Г Пишу вам, а зачем — и сама толком не знаю. Просто надоело все до чертиков, а поговорить-то, оказывается, и не с кем. Друзей и подруг хоть пруд пруди, да все, как в поговорке: «Денги есть — Иван Иванович, денег нет — вали, халыва!» Что-то не спится мне сегодня, вот и рискнула: вдруг найдется знающий человек, объяснит, почему у меня в жизни получается все сикось-накось. Правда, если письмецо мое и напечатается, вряд ли что-нибудь дельное услышу — мне такие лекции закатывали, ого-го!

Скажу сразу: я пьяница. Не алкоголичка еще, но чувствую, что это состояние приближается: уже сейчас со мной временами бывает такое — словами не объяснить. Я не хочу становиться алкашкой, ползать у пивных; не хочу, чтобы на меня смотрели с презрением и гадливостью. Сейчас-то в винных очередях и у пивных еще опасаются связываться со мной, — никто не знает, что я могу выкинуть, если что не по мне. Да и компания, дай бог: у каждого за плечами десять — пятнадцать лет зоны... А знакомых встретишь — начинается: «Такие хорошие родители, за что им это наказание, и вроде бы росла, как все дети...»

Вот именно — вроде как все, да не совсем. Сколько помню себя — все время меня били. Били дома, в детсадыке, в школе. Правда, в школе давала сдачи, не раздумывая. В драке зверела, меня приходилось буквально отдира́ть от «противника». Не подумайте, что была силачкой, наоборот, тощая, как смерть, так «скелетом» и звали. При всем при том до седьмого класса была отличницей. В седьмом к нам пришла новая классная, преподавательница русского и литературы. Она меня возненавидела сразу же, естественно, и я ее. Сейчас уже не помню, из-за чего именно началось, кажется, из-за какого-то глупейшего диктанта. Короче, все сидели и дружно проверяли ошибки, а я что-то рисовала на листке. Вот она и заявила на весь класс, что, мол, Миронова считает себя умнее всех и не соизволит заглянуть к себе в тетрадь, а ошибок наделала, конечно, больше всех. Я всю жизнь проклиная себя за свой характер и часто в самой критической ситуации просто не могу сдержаться, но тогда еще могла — встала и сказала, что ошибок в русском языке я не делаю со второго класса, так что проверять мне нечего. Что было дальше! Поток ругани с ее сто-

роны, пять минут молчания с моей, после чего я ушла с урока, напоследок сказав, что за оскорбление дают срок, надо бы это знать. В общем, с того дня я в школу почти не ходила, кое-как сдала экзамены и пошла работать. А работать, как оказалось, я не просто не люблю, а не могу. Вот честное слово. Мать со мной намучилась! Я утром собираюсь на работу, чувствую, тошно. И чем ближе к работе, тем сильнее. Так прошло две недели. Потом она меня сводила к каким-то врачам, я глотала какие-то таблетки. Но с тех пор я сменила много мест, а работать не могу все равно. Самое страшное то, что я ничего для себя не хочу, мне ничего не нужно. Изредка попадают старые знакомые, ну и разговоры у них — деньги, мебель, тачки, дачи, квартиры, шмотки... У тебя французские, у меня штатовские, у тебя дача двухэтажная, а у меня с фонтаном, у тебя ребенок в английской школе, а у меня занимается музыкой, да еще и японским. Жуть! Так люди и живут? Когда спрашивают, как у меня дела, я отвечаю, что я — дикая кошка, которая бродит где вздумается, гуляет сама по себе.

Пусть говорят, что так нельзя, что у жизни свои законы, что я женщина и т. д. Плевать. Как выражается один мой знакомый: «Я плевал на законы ваших предков». Закон один: человек человеку — волк. И я не верю людям, никому! Единственный раз в жизни я влюбилась. Он тоже «волк», а потому его посадили, и я жду его, потому что хоть он, может быть, и не любил меня, зато мог, старался понять. Но ждать так долго... А я уже да-

леко не девочка, мне двадцать пять. Видать, не зря у многих наколки «Нет в жизни счастья!»...

В письме всего не расскажешь, да и не умею я писать толком, по порядку. Чувствую, что намолола всевозможной ерунды, но перечитывать не буду, боюсь. Мне в последнее время бывает так тошно, что хочется взять автомат, собрать всех тех, кто помог мне устроить такую жизнь, как сейчас, и по ним, по ним, чтоб корчились и плакали, как плакала я. Это, конечно, садизм, но, значит, я садистка. Пусть я ненавижу людей, зато никогда не обидела ни собаку, ни кошку, да и вообще никого нелюдской породы.

Вот и все. Это даже не крик души, ее уже просто не осталось. Извините за письмо.

ТАТЬЯНА МИРОНОВА,
Ленинград

Хочу написать о многодетных семьях. Да, да! Опять! Но — без жалоб. Когда я читаю такие письма-жалобы, меня зло разбирает. Нарожают, не задумываясь, а потом требуют помощи. Надо прежде всего рассчитывать на свои силы, на себя, на мужа. Зачем рожать ребенка, если знаешь, что кормить его нечем? Сколько раз видела: многодетные женщины купят что-нибудь по своим льготным удостоверениям и тут же в магазине перепродают в два раза дороже. Это они так своих детей кормят: пусть, мол, те, у кого один ребенок, купят дороже, ничего, у них деньги есть.

Я тоже многодетная мать. В восемнадцать лет вышла замуж. Работали с мужем на одном заводе, я в отделе, он в цехе. Родился сын. Потом ре-

шились на второго ребенка — очень хотели девочку. А родилась тройня. Муж сразу устроился в кооператив и работает там вечерами после основной работы. Я год сидела с детьми, потом тоже устроилась в кооператив — шью на дому. Естественно, обшиваю всю семью — от кепки до обуви. Покупаем только обувь. Вяжу неплохо, иногда беру заказы. Это очень помогает семье. Конечно, устаю. Встаю в пять утра, ложусь в час ночи. Днем, правда, часок-другой прихвачу, когда сын из школы приходит: он и за младшими посмотрит, и постирает их вещички, и полы помочет, хотя ему всего семь лет. Есть у нас небольшой дачный участок. Какое-никакое — тоже подспорье. Выходных, конечно, не видим. Но все равно не жалуемся — и в театры, и на концерты ходим. А в кино раз в неделю обязательно. На два часа я спокойно оставляю младших на сына. Он сделает все, как надо. Так что если захотеть, жить можно нормально, ну а если рассчитывать на чью-то помощь да сидеть сложа руки, то ничего и не будет.

ИРИНА БОЛЬШАКОВА,
Калининград
Московской области

В № 3 «Смены» прочитала письмо жены моряка. Она ждет совета, как ей жить, так вот, может быть, мое письмо ей поможет? Мне тридцать три года, одиннадцать лет я замужем, и муж, как вы понимаете, моряк. У нас восьмилетний сын.

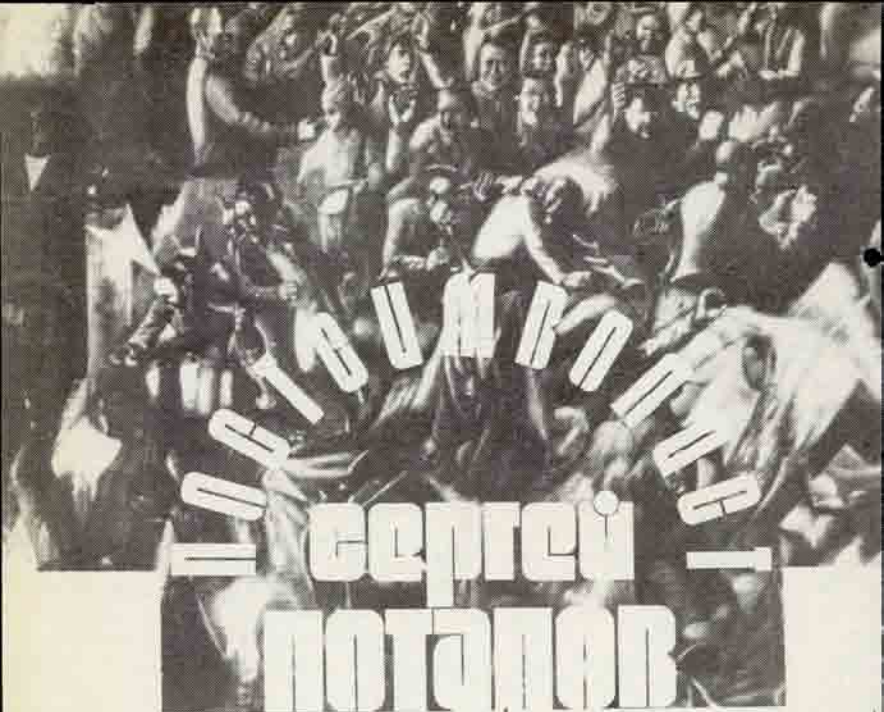
Естественно, что я тоже испытала на себе и горечь разлук, и одинокие вечера, — ребенка растила почти без мужа.

У меня, впрочем, проблемы — изменять мужу или нет — не было.

Во-первых, если действительно любишь мужа, такая проблема не может возникнуть. А во-вторых, я очень люблю своего сына. И в первую очередь именно перед ним дорожу своей репутацией. Может быть, мое мнение излишне резкое, но мне думается, что очень уж поздно А. Рыжкова стала мучиться сомнениями. Да и в чем, собственно, сомневаться? Разводиться нужно было сразу, как только стало ясно, что эта ноша не по тебе. Как женщина, я могла бы понять эту «жену». Но вот что неприятно поразило в ее письме — ни слова о муже, ни слова о том, каково же будет ребенку. А ведь муж находится куда в более сложной ситуации. В письме ни полслова о том, как относятся медики к тому, что морякам по погода приходится быть вдали не то что от дома, а попросту от земли. Погода приходится ходить только по железу, спать в сплошном гуле и вибрации, работать по двенадцать часов в сутки и без выходных. А что в результате? Нищенская зарплата, двадцать четыре дня отпуска, подорванная психика...

Не знаю, почему до сих пор об этом молчит пресса. Хотя бы о том, что вот сейчас где-то далеко тысячи наших с вами соотечественников работают за гроши, в условиях, далеко отличающихся от человеческих. Стоило бы послать корреспондента всего в один рейс с каким-нибудь «рыбаком», и материала с лихвой хватало бы на целый номер журнала.

Татьяна Л.

Есть люди, умеющие различать очертания скрытых от взора простого смертного миров. Порой их называют «фантазерами». Но можно ли помыслить несуществующее?

Творчество не ставит таких вопросов, просто раскрывает незримые двери и проходит сквозь незримые границы. Увидеть лицо человека, жившего сто лет назад, попасть в толпу тех, кто еще не родился, заметить в ветвях древа летающих ангелов-птиц могут только дети, маги и художники.

Сергей Потапов пишет то, что я называю «медитативными ландшафтами» — сферы мира вокруг нас, в небесах, на земле, и в нас, ведь человек не только микро-, но и макрокосмос.

Булгаковский Мастер «угадал» рождение сына звездочета и увидел один из пластов истории во Вселенной. Сродни такому «угадыванию» любое творчество. Не вы-

ходя из «комнаты», человек способен совершать далекие путешествия, возвращаясь из них с картой обратной стороны Луны, с памятью о «песчаных степях аравийской земли», о не вошедших в историю событиях, о невиданных существах. Это так же нормально, как видеть вещие сны, угадывать мысли на расстоянии...

Художник умеет не только увидеть, но и запечатлеть в холстах и красках увиденное. Как писал Николай Гумилев, «духи ада любят слушать эти царственные звуки, бродят бешеные волки по дорогам скрипачей».

Творческий путь Потапова начался с постижения мира символов. На холстах вспыхивали и гасли надежды, обретался путь в бесконечный мир; там были иллюзии — двери и тропы, запутанные лабиринты из одной замкнутой сферы в другую. Там были «верх» и «низ», свет и тьма, но в этой

драме неизменно открывался выход — люк, щель, проблеск — всегда в свет.

Буддийская самоуглубленность, погружение на самое дно «я» — собственного одиночества — завершили ранний период творчества художника выходом в мир страдания, радости и милосердия.

«Вход в Иерусалим». Сюжет, традиционный для христианской иконографии. Однако перед нами не икона, а картина, где все мы одновременно и вне времени, в своих масках, миражах, бедах и надеждах, со знаниями о страданиях Одного ради всех, и в неведении. Его же муки и слава — дальше и выше, но в нас с вами. Как путь, который можно выбрать, даже неосознанно, полагаясь лишь на врожденные чувства доброты и красоты.

Этот путь можно и отринуть, ибо есть и другой. Сегодня, когда земля задыхается от наших темных деяний и мыслей, и над нею нависла до предела реальная угроза экологической и ядерной катастрофы, во многих обострилось чувство, называемое «апокалиптическим сознанием». Символы А. Э. Каллиписа проносились перед страдальцами Хиросимы и Нагасаки, они же вспыхнули после трагедии в Чернобыле.

«Восхождением в никуда» назвал Потапов этот путь. Блудница верхом на звере и ее многоликие подобия, апокалиптические всадники, потоки живых и мертвых, устремленные ко злу. «Кто подобен зверю сему?», но здесь есть и свобода — не выбрать этот путь, даже если его выберет весь мир, и голубой свет нового неба и новой земли просматривается сквозь страшные очертания, — кошмарные сны кончаются пробуждением. Ведь человек свободен, если сам, по своей воле, не принял навеки усыпляющего

и умертвляющего яда. В предчувствии свободы запечатлена душа на картине «Космическое дыхание». Здесь она — восходящая во Вселенной пирамида, нанизанная на хребет времени. Путь ее — в золотое сияние вечности. Горизонтальные дороги на растянутой плоскости, события и страсти просачиваются сквозь оболочку «внутреннего человека» — капканы и пустоты, в которые мы так часто попадаем, отказываясь от подлинного ради мнимого.

Но, к счастью, мы пребываем не только в своей душе, ибо ее обитель — душа мира, духовный мир. Его можно различить на картине «Мировое древо». Потапов увидел этот вечный образ вокруг распятия. Действующие лица явленного здесь космоса связаны между собой перетекающими друг в друга энергиями, находятся в одном пространстве с центром, как ветви, листья, плоды дерева. Поэтому для них не закрыто золотое сияние Пути.

Художник на нашей земле, земле миллионов замученных и убиенных, стонов «неузнанных и пленных голосов», наверное, особенно обостренно видит, слышит и чувствует. Его дар и награда — высветлять омраченные небеса покаянием, надеждой и красотой истинности видения.

ВЕРА ГЕНИСАРЕТСКАЯ

Протоиерей
АЛЕКСАНДР МЕНЬ

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕС- КИЙ

Глава десятая

ТАЙНА СЫНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
Лето — осень 29 г.

По-видимому, для того, чтобы переждать, пока стихнет народное волнение, Иисус совсем покинул пределы Земли Израильской. Он удалился в соседнюю Финикию, где жил некоторое время, стараясь оставаться неузнанным. Проповедь Его умолкла в те дни: вокруг Него были одни язычники, час которых еще не наступил¹. Оттуда Он пошел на юго-восток в Декаполис и лишь после этого возвратился наконец в тетрархию Филиппа. Но у Вифсаиды Его уже поджидала толпа, хоть и значительно поредевшая, и Иисус снова вынужден был скрыться. На этот раз Он ушел в Голан, а потом дальше, к верховьям Иордана.

Продолжение. Начало в №№ 6—9.

Путь Его лежал близ увенчанной снегами Ермонской горы, через окрестности города Кесарии, названного так Филиппом в честь кесаря Августа.

Апостолы безропотно всюду следовали за Учителем, недоумевая, почему Он не воспользовался энтузиазмом галилеян. Впрочем, странствуя по дорогам Заиордания, они получили возможность спокойно обдумать события минувших месяцев и утвердиться в решимости никогда не оставлять своего Господа. Они догадывались, что Наставник ждет откровенного разговора, что пришло время ясно определить их отношение к Нему.

Однажды, после уединенной молитвы, Иисус обратился к Двенадцати с вопросом:

— За кого Меня почитают люди?

— Одни за Иоанна Крестителя, — сказали они, — другие за Илию, а иные за Иеремию или одного из пророков.

— А вы за кого Меня почитаете?

Раньше Учитель никогда не требовал от апостолов столь прямого исповедания. Но слова Его уже не застали их врасплох. От лица всех ответил Симон:

— **Ты Мессия, Сын Бога Живого!**

— Блажен ты, Симон бар-Иона, — торжественно проговорил Иисус, — потому что не кровь и плоть открыли тебе это, а Отец Мой, Который на небесах. И Я говорю тебе: Ты — Скала *, и на этой скале Я построю Мою Церковь, и врата адавы не одолеют ее. Я дам тебе ключи Царства Небесного; и что ты свяжешь на земле, будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, будет разрешено на небесах ².

Эти слова о Церкви явились как бы ответом на поворот, происшедший в их сознании. Хотя и прежде некоторые апостолы называли своего Наставника Мессией, но тогда они были еще целиком в плену ложных представлений. Иное дело теперь. Даже убедившись, что Иисус пренебрег земной властью и скитается, как изгнанник, на чужбине, они все же нашли в себе веру и мужество, чтобы признать Его Христом. И пусть Симон был пока не в состоянии полностью объять смысл слов, сказанных им самим, его исповедание станет отныне символом веры всей Новозаветной Церкви.

Вопрос Иисуса: «За кого Меня почитают люди?» — звучит и сегодня; и сегодня, как две тысячи лет назад, многие готовы видеть в Нем только пророка или учителя нравственности. Они не могут объяснить, почему именно Иисуса Назарянина, а не Исайю и даже не Моисея миллионы людей признали «единосущным Отцу».

В чем же заключалась неповторимая притягательность Христа? Только ли в Его моральной доктрине? Ведь возвышенную этику предлагали и Будда, и Иеремия, и Сократ, и Сенека. Как же в таком случае могло христианство победить своих соперников? И, наконец, самое главное: Евангелие отнюдь не похоже на простую нравоучительную проповедь.

* Или «Камень», по-арамейски *Кифа*, по-гречески *Петрос*, *Петр*.

Здесь мы вступаем в область наиболее таинственного и решающего во всем Новом Завете, здесь внезапно разверзается пропасть между Сыном Человеческим и всеми философами, моралистами, основателями религий.

Пусть Иисус жил и действовал подобно пророку, но то, что Он открыл о Себе, не позволяет ставить Его в один ряд с другими мировыми учителями. Любой из них признавал себя лишь **человеком**, обретшим истину и призванным возвещать ее. Они ясно видели дистанцию, отделявшую их от Вечного. А Иисус? Когда Филипп робко попросил Его явить ученикам Отца, Он ответил так, как не мог ответить ни Моисей, ни Конфуций, ни Платон: «Сколько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца». Со спокойной уверенностью этот Учитель, чуждый фальши и экзальтации, провозглашает Себя единственным Сыном Божиим, Он говорит уже не как пророк — от имени Сущего, — но как Сам Сущий...

Неудивительно, что теперь многим Христос кажется неразрешимой загадкой. Можно даже понять тех, кто пытался рассматривать Его как миф, хотя эти попытки потерпели неудачу. В самом деле, трудно предположить, что в Израиле был Человек, Который осмелился сказать: «Я и Отец — одно»; куда легче представить себе, каким образом греки или сирийцы соткали легенду о Сыне Божиим из обрывков восточных поверий.

228 Язычники полагали, что боги иногда рождаются на земле и посещают смертных, но Иисус проповедовал в обществе, где подобные мифы никто не принимал всерьез, где знали, что Божество несоизмеримо с человеком. За эту истину ветхозаветная Церковь заплатила слишком дорогой ценой и слишком долго боролась с язычеством, чтобы измыслить Пророка, утверждавшего: «Я в Отце и Отец во Мне». Пытались объяснить все ссылкой на св. Павла, который якобы создал догмат Воплощения. Но «апостол народов» был иудей до мозга костей и сам по себе никогда не пришел бы к идее богочеловечества.

Парадокс явления Иисуса в том, что Он — невероятен и в то же время Он — историческая реальность. Тщетно бьется над Его загадкой плоский «эвклидов» рассудок. Когда прославленного знатока античности Теодора Моммзена спросили, почему он не упомянул в своих трудах о Христе, он ответил: «Я не могу понять Его и поэтому предпочитаю молчать». Философ Спиноза, хотя и не был христианином, признавал, что божественная Мудрость «более всего проявилась через Иисуса Христа»³. Наполеон, много думавший в своем заточении о путях истории, к концу жизни говорил: «Христос хочет любви человека — это значит, Он хочет того, что с величайшим трудом можно получить от мира, чего напрасно требует мудрец от нескольких друзей, отец — от своих детей, супруга — от своего мужа, брат — от брата, словом, Христос хочет сердца; этого Он хочет для Себя и достигает этого совершенно беспредельно... Лишь одному Ему удалось возвысить человеческое сердце к невидимому до пожертвования временным, и при помощи этого средства Он связал небо и землю»⁴. «Язычник» Гёте сравнивал Иисуса с Солнцем.

«Если меня спросят, — говорил он, — соответствует ли моей натуре благоговейное преклонение перед Ним? Я отвечаю: конечно! Я склоняюсь перед Ним, как перед божественным откровением высшего принципа нравственности»⁵. Индуст Махатма Ганди писал, что для него Иисус «мученик, воплощение жертвенности, божественный учитель»⁶.

Таковы суждения историка, философа, политика, поэта и мудреца, размышлявших о личности Христа. Но если Он не миф и не только реформатор, то кто же Он? Не следует ли в поисках ответа прислушаться к тем, кто ходил с Ним по городам и весям Галилеи, кто был всего ближе к Нему, с кем Он делился самым сокровенным? А они на вопрос: «За кого вы почитаете Меня?» отвечают словами Симона-Петра: «Ты — Христос, Сын Бога Живого»...

Чтобы лучше понять самую суть этого исповедания, мы должны еще раз вернуться к далекому прошлому.

МЕССИЯ: ЦАРЬ И СПАСИТЕЛЬ

Моисеева религия зародилась вместе с идеей *спасения*. Первая заповедь Декалога напоминает, что Ягве освободил Свой народ, томившийся в неволе. Широкие массы чаще всего понимали спасение вполне конкретно, как избавление от врагов и стихийных бедствий. Пророки же одухотворили эту надежду, вложив в нее эсхатологическое содержание.

Согласно Библии, мир уже давно пребывает в состоянии упадка и нуждается в исцелении. Жизнь человеческая коротка, как сон, она проходит в бесплодной борьбе. Люди погружены в суету. «Рождаясь в грехе», они неизбежно влекутся к гибели. Как мало похоже это царство мрака и страданий на осуществление воли Божией!..

К подобным же выводам пришли и многие древние философы Запада и Востока. По их мнению, смертный — игрушка слепых страстей и обстоятельств; неумолимый рок господствует над всем, обрекая Вселенную биться в замкнутом кругу.

Осознание несовершенства мира привело к развитию «учений о спасении».

Их можно свести к трем типам.

Для одних (Платон) выход заключался в лучшей организации общества, для других (Будда) — в мистическом созерцании и бегстве от жизни. Оба решения объединяла, однако, общая предпосылка: ни человек, ни Божество не в силах внести радикальных изменений в устройство мира. Можно лишь достигнуть частичного облегчения страданий или надеяться на упразднение самого бытия. Третий тип сотериологии возник в Израиле и в Иране. Только там существовала уверенность, что зло одолимо, что в грядущем наступит преображение, которое есть высшая цель жизни человека. При этом персы считали, что Добро и Зло суть два равных полюса бытия, как бы два Бога-соперника, библейские же пророки отказались принять эту заманчивую теорию. Ягве явил им Себя как единый и единственный. Он

«не сотворил смерти», Его воля — привести все мироздание к гармонической полноте.

Но откуда тогда несовершенство, идущее вразрез с божественным замыслом? Оно, по учению Ветхого Завета, — результат отпадения. Власть Божия непохожа на власть диктатора. Бог оставляет за тварью **свободу** в избрании пути. Мир призван сам, в своем опыте, познать, что подлинная жизнь лишь с Тем, Кто дарует ее; отход от Него влечет к провалу в бездну небытия. Только добровольно следуя призыву Творца, создание будет достойно Создателя.

Авторы Библии, пользуясь языком священной поэзии Востока, изображали дух разрушения, противящийся Божией Премудрости, в виде Змея, или Дракона, неукротимого и мятежно-го, как морские волны. А впоследствии Писание дало этому черному демоническому потьку, возникшему в творении, имя Сатаны, то есть Противника. Через него «**вошла в мир смерть**»⁷.

Природа, какой ее мы видим сейчас, не является всецело соответствующей высшему предназначению. Поэтому в ней буйствуют пожирание, борьба, смерть и распад. Именно среди такого двуликого, искаженного мира и оказался первозданный человек, которого Библия олицетворяет в образе Адама.

Он стал отображением Бога в природе, «подобием» Самого Сущего.

Древний псалмопевец, потрясенный величием ночного неба, не мог скрыть своего изумления: что есть человек, что Ты помнишь его? Почему поставлен он столь высоко?⁸ В Книге Бытия говорится о царственной роли Адама, о его «**владычестве**» над тварями. По словам Библии, он пребывал в «саду Эдема», то есть был огражден близостью Божией от природного зла. Однако, наделенный свободой и могуществом, Адам поддался искушению поставить свою волю выше воли Творца.

Писание изображает эту духовную катастрофу в рассказе о Грехопадении людей, которые вняли голосу Змея и пожелали властвовать над миром **независимо** от Создавшего их, иными словами, «**быть как боги**»⁹.

Тем самым разрушился первоначальный Завет между ними и Сущим.

Грех уничтожил или ослабил многие дарования человека, он распространялся как эпидемия, он пускал всюду свои ядовитые корни. «Воздельватель и хранитель» природы, Адам стал ее врагом и насильником. Над самим же человеческим родом приобрели власть темные стихии, подчиняя его себе и превращая землю в ад...

И все же — как Сатана не смог полностью извратить облик мира, так и семя греха не уничтожило порывов человека к высшему и тоски об утраченном.

Центральное благовестие Библии заключено в том, что Бог не покинул падшего мира. Он призывал праведников, которые среди тьмы и безумия сохраняли верность Ему, и возобновлял через них священный Завет. Они-то и дали начало избранному народу, ставшему орудием при достижении целей Промысла.

Сущность этих целей лишь постепенно прояснялась в сознании Израиля. Сначала он должен был просто довериться Господу, отдать себя Его водительству. Из поколения в поколение вожди, пророки и мудрецы укрепляли веру в грядущее, углубляли понимание Царства. Они знали, что наступит день, когда чудовище Хаоса будет повержено и падет преграда, отделившая мир от Бога. Предварит же вселенский переворот явление Мессии — Христа.

Он будет потомком Давида, сына Иессеева, но родится тогда, когда царский дом лишится земной славы.

*И вырастет Ветвь из срубленного древа Иессеева,
и Побег — из корня его.*

*И дух Господень почиет на Нем,
дух Премудрости и дух Разума.*

(Исайя, 11, 1 сл.)

В сердце Божиим Мессия пребывал «от века», а в грядущем царстве Его не будет конца. Явление Его восстановит согласие между людьми и природой, между миром и Творцом.

Однако эсхатология пророков не исчерпывалась ожиданием Христа. «День Господень», говорили они, будет днем величайшего Богоявления. Сам Запредельный войдет в мир, Сам Сокровенный станет явным и близким для сынов человеческих.

Но не дерзость ли, не безумие надеяться на это? Ведь Бог бесконечно выше всего созданного! «Видевший Его не может остаться жив». Мудрецы ветхозаветной Церкви отвечали и на этот вопрос. По их учению, есть лики Неисповедимого, которые как бы обращены к природе и человеку. Употребляя земные понятия-символы, их можно называть Духом, Премудростью и Словом Господним. В них заключена та мера божественности, которая соотносима с тварью. Ими даруется существование Вселенной, и через них Сушый открывает Себя человеку.

Но когда пророки пытались описать явление Слова или Духа, они представляли его в виде мирового катаклизма, потрясающего небо и землю. Точно так же и Мессия рисовался большинству из них в облике могучего триумфатора, окруженного силами небесными. Лишь немногие пророки, например, Исайя Второй, изображали Его без ореола внешнего блеска.

*Вот Служитель Мой, Которого воздвиг Я,
Избранник Мой, желанный души Моей!
Даровал Я Ему Дух Мой,*

*Он принесет справедливость народам.
Не станет кричать и не возвысит голоса,
не даст его услышать на улицах;*

*Надломленной тростинки не сломит,
тепящегося огонька не потушит.*

(Исайя, 42, 1—3)

Вплоть до евангельских времен вера в Мессию-воина говорила народу куда больше, чем идеи мистического мессианизма. В римскую эпоху боевой революционный дух получил явное

преобладание. Мечта о Спасителе стала земной утопией, вдохновлявшей партизан Гавлонита.

Почему Иисус прямо не осудил это направление?

Скорее всего причина здесь крылась в том, что оно черпало свои идеи из пророческих книг. *Отделить* же в них подлинное прозрение от традиционных метафор, в которые оно облекалось, люди были еще не готовы. Поэтому Христос, не затрагивая *формы* пророчеств, лишь стремился оттенить их духовный смысл, указать на то основное, что содержалось в библейской эсхатологии. Когда Он называл Себя Сыном Человеческим, когда говорил о Себе, как о благовестнике свободы и исцеления, когда давал понять, что пребывал в ином мире «прежде Авраама», — все это означало, что именно Он и есть Грядущий, Чей приход предрекали пророки.

Но Христос открыл и то, чего *не предвидел ни один из них*. Богоявление совершилось в Нем Самом, в обетованном Мессии. Безмерное и Всеобъемлющее обрело человеческий лик и голос в Плотнике из Назарета, «Сыне Бога Живого».

СЫН БОЖИЙ

В Библии мы нередко встречаемся с такими выражениями, как «сын благословения», «сын гнева», «сын пророческий». Они обозначают свойства, характер и призвание человека. Под «сынами Божиими» израильтяне обычно подразумевали духовные существа, ангелов, иногда же — праведников народа Господня или монархов, помазанных на престол. Поэтому наименование «Сын Божий» прилагалось, естественно, и к Мессии¹⁰.

Христос постоянно называл Себя Сыном небесного Отца. Но из Его слов явствовало, что Его отношение к Богу не похоже на отношение других. «Никто не знает Сына, кроме Отца, и Отца не знает никто, кроме Сына». Когда он говорил: «Мой Отец», то касался неповторимой тайны Своей внутренней жизни: «Во Мне Отец и Я в Отце»¹¹. Однако это — не иступленное слияние мистика с божественной Глубиной, а нечто совсем иное.

Богосыновство становится во Христе **Богочеловечеством...**

Книга Царства повествует, как пророк Илия ожидал на Синае явления Славы Господней. Пылал огонь, ревел ураган, колебания почвы сотрясали все вокруг, но в этом не было Бога. И лишь когда в раскаленной пустыне внезапно повеял тихий прохладный ветер — пророк ощутил наконец присутствие Сущего. Нечто подобное произошло и в священной истории. Ждали катастроф и падающих звезд, а вместо этого на земле родилось Дитя, слабое, как любое из детей мира. Ждали небесного витязя, сокрушающего врагов, а пришел назаретский Плотник, Который призвал к Себе «всех труждающихся и обремененных». Ждали могущественного Мессию и грозного Богоявления, а земля увидела Богочеловека, умаленного, принявшего земную «плоть и кровь»...

Весть о Христе приводила в смятение и иудеев, и эллинов. Желая заключить Его в привычные для них мерки, одни утвер-

ждали, что Иисус был лишь обычным смертным, на которого сошел Дух Божий, а другие — что Он имел призрачное тело, оставаясь в действительности только божественным Существом. Между тем Евангелие говорит о Человеке, Который ел и пил, радовался и страдал, познал искушения и смерть, и в то же время Он, сам не ведая греха, прощал грешников, как прощает Бог, и не отделял Себя от Отца. Поэтому Церковь исповедует во Иисусе Сына Божия, Слово Сущего, Бога в действии, Который как бы проникает в самые недра творения.

*В начале было Слово,
и Слово было с Богом,
и Слово было Бог.
Оно было в начале с Богом.
Все через Него возникло,
что возникло.
В Нем была жизнь,
и жизнь была свет людям.
И свет во тьме светит,
и тьма его не объяла...*

*И Слово стало плотью,
и обитало среди нас,
и мы увидели Славу Его,
Славу как Единородного от Отца,
полного благодати и истины...
Ибо Закон был дан через Моисея,
благодать же и истина через Иисуса Христа.*

*Бога никто не видел никогда:
Единородный Сын, сущий в лоне Отца,
Он открыл¹².*

Богочеловечество Христа есть откровение и о Боге, и о человеке.

Уже пророки знали, что Первопричина всего — не безличная Мощь или космический Порядок, равнодушный, как лобая из сил мироздания, но — **Бог Живой**, говорящий с людьми, даровавший им Свой образ и подобие. Он ищет согласия с человеком, призывает его к высшей жизни. Но если в Ветхом Завете замысел Божий и лик Божий оставались прикровенными, то явление Иисуса приближает Творца к людям. Через Мессию мир должен познать, что Сущий «есть любовь», что Он может стать для каждого Отцом. Блудные дети земли призываются в дом Отчий, чтобы там обрести потерянное сыновство.

Ради этого в мир рождается Сын Человеческий и Сын Божий, Который в Самом Себе примиряет небо и землю. В Новом Завете стало реальностью то, что было лишь неясной надеждой Ветхого. Отныне духовное единение с Иисусом есть единение с Богом.

«Бог стал человеком, чтобы мы стали богами» — эти слова св. Афанасия передают самую суть таинства Воплощения.

«Сын Человеческий, — говорит Христос, — не для того пришел, чтобы Ему послужили, но чтобы послужить и дать душу Свою как выкуп за многих»¹³. Слова «выкуп», «искупление» были в Библии синонимом спасения, ибо само понятие выкупа связано с освобождением от рабства и с «приобретением для себя»¹⁴. Как некогда Господь спас ветхозаветный Израиль и сделал его «своим народом», так и Церковь Нового Завета должна стать Его «уделом»¹⁵.

Искупление есть и нечто большее — возврат твари на пути, предначертанные свыше. Порабощенная злу, вся она, по словам ап. Павла, «стенает и мучается, ожидая откровения сынов Божиих»¹⁶. Искупленный человек не изымается из остального творения, а идет впереди него к «новому небу и новой земле».

Пламя Логоса горит «во тьме», постепенно пронизывая мироздание. Царству вражды и разложения Бог несет животворную силу единства, гармонии и любви. И, подобно растению, которое тянется к солнцу, природа внемлет этому призыву и повинуется Слову.

Чем больше узнаем мы сегодня о процессе миротворения, тем яснее обрисовывается картина Вселенной, восходящей по ступеням ввысь. Сначала — упорядоченность структур, потом — жизнь, и наконец — человек. Борьба не стихает ни на миг. С каждым шагом Змей Хаоса отступает во тьму, с каждым шагом все шире разливаются сияние.

Когда же человек не выполнил своего предназначения, Само Слово явило Себя миру, воплотившись в «новом Адаме».

235

«Так возлюбил Бог мир, что дал Сына Единородного...»

Но самоотдача Иисуса не могла не стать трагедией. Тот, Кто соединяется с падшим миром, неизбежно становится причастным его страданию. Отныне боль любого существа — Его боль. Его Голгофа. Среди людей Иисуса ждет не торжество, а муки и смерть.

Безгрешный, Он берет на Себя все последствия греха. Поэтому и призывает Церковь всех идущих за Ним: «Будем с терпением проходить подлежащее нам поприще, взирая на Начальника и Свершителя веры Иисуса, Который, *вместо подлежащей Ему радости*, претерпел Крест»¹⁷.

Его предтечами были святые и мученики минувших веков, которых гнали и предавали смерти. Их лики слились в одном мессианском образе, представшем мистическому зору Исайи Второго. Цари и народы, полагаясь на земную силу, с презрением смотрели на истинного *Служителя Господня*. Но им пришлось убедиться, что именно этого отверженного Страдальца избрал Бог.

*Кто поверит слышанному нами?
и кому открылась сила Ягве?
Перед Ним Он взошел, как росток,
как побег из корня в земле сухой.
Не было в Нем ни вида, ни величия,
что к Нему нас влекли бы,*

Ни благолешия,

что пленило бы нас.

Презираем и отвергнут людьми был Он,
Муж скорбей, изведавший мучения.

И как человека отверженного
мы ни во что ставили Его.

Он же взял на себя наши немощи
и понес наши болезни.

Думали мы, что Он поражен, наказан и унижен Богом,
а Он изранен был за грехи наши
и мучим за беззакония наши.

Он принял на Себя кару для спасения нашего,
и ранами Его мы исцелились.

Все мы блуждали, как овцы,
каждый своею дорогою,
но Ягве возложил на Него грехи наши.

Истязуемый, был Он покорен
и в муках не отверз уст,
как агнец, ведомый на заклание,
и как овца перед стригущими ее — безгласна,
так и Он не отверзал уст Своих.

(Исайя, 53, 1—7)

Мессия — страдалец!.. Казалось, этого нельзя было принять, понять, вместить. Мало кто из людей Ветхого Завета решался вслух говорить о возможности столь невероятной. Она представлялась кощунством. Но слово было сказано и запечатлено в Писании, оставляя людей в смущении и соблазне. Иудейские толкователи обходили это место, как бы стараясь забыть его. Иисус же, напротив, изъяснял Свою миссию, ссылаясь на пророчество о Слуге Господнем. «Ныне исполнилось Писание это перед вами...»

Он проходил по земле, не покаяя людей очевидностью Своего могущества. Он был *умален* в глазах «века сего», сохранив этим неприкосновенной человеческую свободу. Не рабов, а сынов искал Иисус, братьев, которые *бескорыстно* полюбят Его и пойдут за Ним, презираемым и отверженным. Если бы Мессия явился «во славе», если бы никто не смог отвернуться от Него, это было бы принуждением. Но Христос учил иному: «Вы познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Ради свободы человека Он заключил Себя в границы тленного. Он стал в те дни «менее Отца», Он нуждался в пище и отдыхе, Он закрыл от Себя грядущее и на Себе Самом пережил всю скорбь мира.

Ремесленник из провинциального городка, окруженный людьми невежественными и зачастую носящими клеймо порока. Он проводил Свои дни среди бедняков, мытарей, блудниц и прокаженных. У Него не было ни вооруженных отрядов, ни влиятельных союзников. Это ли Мессия, о Котором веками грезил народ?

Камнем преткновения явилось и то, что проповедь Назарянина не была одобрена официальными церковными властями. Фарисеи упрекали Его за свидетельство о «Самом Себе». На это

Он ответил: «Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня»¹⁸. Чтобы принять Сына Человеческого, нужен *подвиг веры*. Только чистые сердцем «узрят Бога». Он откроется им во Христе Иисусе, Которого «начальники» осудили как лжеучителя.

Теологи и иерархи ветхозаветной Церкви остались глухи к Его Евангелию — и в этом не было случайности. Они оказались в плену у традиции, данной, по их мнению, раз и навсегда. Они не допускали сомнений в своей непогрешимости, а в результате стали врагами дела Божия. Произошло это не потому только, что Анна и Кайафа были худшими из первосвященников. Самый факт приговора, вынесенного Христу иерархией, — величайшая трагедия религиозной истории мира, вечное предостережение. Страшная правда звучит в «легенде» Достоевского, где он изобразил Христа вновь пришедшим на землю и вновь осужденным «князьями» Своей же Церкви...

*В мире Он был,
и мир через Него возник,
и мир Его не познал.
К своим пришел, и свои Его не приняли,
Всем же, кто привял Его,—
дал Он власть стать детьми Божиими,
верующими во имя Его*¹⁹.

УЧЕНИКИ ПЕРЕД ТАЙНОЙ

Но если даже люди «церковные» — книжники и богословы — не узнали Его, как случилось, что Иисус все же нашел Себе учеников? Человеческая логика, «плоть и кровь» были тут поистине бессильны. Это тайна веры, святая святых, где душа встречается своего Спасителя. Разум апостолов мучили сомнения, но просветленная любовь принесла победу вере, и они склонились перед гонимым Странником, как перед Мессией, Сыном Бога Живого.

Ответом на исповедание Петра было пророчество Христово о Церкви, которая устоит, даже если все силы зла ополчатся против нее²⁰. А самого Симона Иисус назвал «Скалой», на которой она будет поставлена. Как бы ни понимать эти слова, трудно сомневаться в том, что Господь возложил на апостола какую-то исключительную миссию. Поэтому и в Церкви он был признан «первоверховным». Иногда возражают против этого, ссылаясь на отсутствие у Петра абсолютного авторитета в первой общине. Действительно, ни диктатором, ни «князем» Церкви в *земном* смысле слова он не был. Но разве не отверг Сам Христос со всей определенностью любые претензии на такое господство? Пусть пари владычествуют над народами, говорит Иисус, а «между вами да не будет так». Поэтому не честолюбивому «лидеру», а скромному рыбаку было сказано: «Паси агнцев Моих». Только действие Духа Божия превратило его потом в пастыря Христова. Тогда же, во время беседы у Кесарии Филипповой, Петр отнюдь еще не стал «скалой» Церкви. Поэтому Иисус сразу же дал иное направление его мыслям. Запретив

разглашать мессианскую тайну, Он завел речь о Своих страданиях и смерти.

Услышав это, Петр опечалился. Он отозвал Иисуса в сторону и с присущей ему непосредственностью решил ободрить Его.

— Бог милостив к Тебе, Господи! Не будет этого с Тобой!

Но слова ученика могли только ранить душу Иисуса. Разве и Сам Он не хотел бы, чтобы «чаша миновала Его»? Разве стремился к тому, чтобы люди оказались убийцами Мессии? Но Ему предстояло добровольно испить чашу искупления...

— Отойди от Меня, сатана*, — сказал Он, оглянувшись на учеников, — ты Мне соблазн, потому что думаешь не о Божием, а о человеческом.

Смущенный Петр умолк, а Иисус начал говорить, обращаясь уже ко всем Двенадцати. Они должны быть готовы ко всему. Приближается время испытаний. «Если кто хочет за Мной пойти, да отречется от самого себя, и возьмет крест свой, и следует за Мной». Путь к Царству лежит через победу над собой. Мессия станет жертвой, но и Его последователи должны учиться подражать ему. Только тогда они смогут стать участниками мессианского торжества. «Истинно, истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, доколе не увидят Сына Человеческого, грядущего в Царстве Своем»²¹.

Значило ли это, что конец мира настанет уже при этом поколении? Многие ученики именно так и поняли Иисуса. Между тем Он говорил не столько о грядущем, сколько о том, что совершается **ныне**, что началось еще в первые дни Его проповеди. Посеянное Христом семя растет, зерно становится деревом, а тем временем Суд уже происходит, новая эра уже **наступила**.

Прошло несколько дней. Близился праздник Суккот, или Кущей, который по обычаю следовало проводить в шатрах, сделанных из ветвей. Богомольцы готовились идти в Иерусалим. Иисус же оставался за Иорданом. И там произошло еще одно необыкновенное явление. Трем апостолам — Петру, Иакову и Иоанну дано было на миг увидеть завесу приоткрытой и созерцать сверхчеловеческую славу Христа²². Быть может, в преддверии Страстей Он хотел духовно укрепить самых близких, зная, какие испытания ждут их впереди.

Однажды, взяв их с Собой, Иисус поднялся на высокую гору, в то время как остальные отдыхали внизу. Пока Он молился, Петр, Иаков и Иоанн, расположившись рядом с Ним, заснули. Когда же они пробудились, их поразила перемена, происшедшая с Учителем. Лицо Его после молитвы лучилось неземным светом; даже одежда Иисуса стала ослепительно белой. Два незнакомца вели с Ним беседу. Непостижимым образом апостолы поняли, что это явились к Нему из иного мира древние пророки. Страх уступил ощущению мира, счастья, близости Божией... Увидев, что те двое уходят, ученики затрепетали, боясь потерять невыразимое блаженство этой минуты. «Рав-

* Арам.: противник, противящийся.

ви! — проговорил Петр. — Хорошо нам здесь быть. Сделаем три шатра: Тебе один, и Моисею один, и Илии один». Он не знал, что сказать, ему почудилось, что наступил час совершения обряда Кушей...

Что произошло потом, никто из учеников отчетливо не помнил. Это была сама Слава Предвечного, светлое облако Богоприсутствия, и над всем звучали слова: «Это — Сын Мой возлюбленный; слушайте Его».

А в следующее мгновение сияние померкло; апостолы увидели Учителя прежним.

Он стоял один на вершине горы.

Петр, Иаков и Иоанн едва могли опомниться. Иисус же, подойдя к ним, сказал: «Встаньте, не бойтесь» — и начал спускаться вниз. Как во сне, они последовали за Ним. По дороге Иисус нарушил молчание и велел хранить виденное в тайне, «доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых».

Не решаясь обратиться к Нему, ученики шепотом спрашивали друг у друга: «Что значит воскреснуть из мертвых?»...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НАВСТРЕЧУ ГОЛГОФЕ

Глава одиннадцатая

МНОГО ЗВАНЫХ — МАЛО ИЗБРАННЫХ

Сентябрь — декабрь 29 г.

Если даже после исповедания Петра апостолы не были готовы к восприятию богочеловеческой тайны, то что, в таком случае, вкладывали они в слово «Мессия»? Кем был для них Иисус на третий год их ученичества?

Хотя каждый день, который Двенадцать проводили с Ним, был наполнен чувством близости Бога, истинный смысл этого чуда ускользал от них. Не разделяя политического радикализма зилотов, апостолы продолжали верить, что Христос — это «Тот, Кто должен избавить Израиль»¹. Мысль о страждущем Спасителе мира не укладывалась в сознании учеников. Им был ближе грозный Мессия апокалипсисов, и они надеялись, что, основав Царство Божие в Иерусалиме, Сын Человеческий явится народам в несокрушимой мощи земного торжества. Одним словом, в те дни Двенадцать остановились на полдороге от мессианизма народных поверий к мессианизму евангельскому.

Сам Христос не отрицал, что приход Его предсказан в пророчествах, что в Нем осуществились чаяния Ветхого Завета; Свое служение Он нередко изъяснял с помощью священных текстов Библии. Это помогало Его последователям сохранить связь с традицией и постепенно углубить свои представления о Мессии.

Впрочем, иногда раздумья над Писанием приводили к неясностям. Так, еще в Голане апостолы задали Иисусу вопрос об Илии-пророке. Считалось, что этот древний борец за веру не умер, а пребывает в лоне Божиим; когда же придет назначен-

**Иерусалим.
Реконструкция.**

ный час, он вновь предстанет перед Израилем и укажет ему на Избавителя. Ученики недоумевали: если Иисус — Мессия, то почему не является Илия? «Говорю вам,— ответил Иисус,— что Илия **уже пришел**, и не узнали его, но сделали с ним все, что им захотелось».

Было ясно, что речь идет об Иоанне Крестителе. Но учеников заставили настроиться слова, которые вслед за тем произнес Наставник: «Так и Сыну Человеческому предстоит страдать от них»². Зачем Он снова говорит об этом? С какой стороны грозит Ему опасность? Решится ли Ирод Антипа на новое преступление? Но ведь он и без того вызвал гнев народа! А если не тетрарх, то кто же? Неужто поставленные Богом пастыри? Правда, многие из них относились к Иисусу с недоверием, но допустит ли Бог, чтобы Его служители ополчились на Мессию? Быть может, пройдет некоторое время, и они опомнятся, поймут, что галилейский Наставник воистину послан с неба.

Зная об этих недоумениях, Христос объяснил ученикам, что отныне «первые стали последними» и пастыри превратились в волков. Прежде чем поверить в Иисуса как в живое откровение Бога, иерархи и законники должны были признать в Нем хотя бы Пророка. Однако сделать это им помешали устоявшиеся взгляды и уязвленная сословная гордость. Единственным их желанием стало теперь — как можно скорее избавиться от Назарянина.

В связи с этим Христос по-новому пересказал ученикам притчу о званых на пир. Некий царь справлял свадьбу своего сына. Он отправил слуг пригласить на праздник знатных гостей. Те же в отместку оскорбили посланных, а некоторых убили. Разгневанный властелин покерал обидчиков, однако брачного торжества отменять не захотел. Он приказал слугам звать во дворец всех, кого придется, включая случайных прохожих и нищих, чтобы они заняли места на его пиру.

Ученые и пастыри не приняли Евангелия, а вместо них ко Христу стекаются «ам-хаарецы», бедные люди из народа, «мытари и грешники».

Впрочем, не все пришедшие на зов удостоятся благословения Божия. Об этом говорит заключительный эпизод притчи. Когда царь заметил, что один из гостей сел за стол, не надев вопреки обычаю чистого платья, он усмотрел в этом пренебрежение к себе и к наследнику и приказал выгнать невежу из дворца. Следовательно, Царство Божье предназначено не просто для «бедняков», а для тех, кто готов исполнять завет Христов. Вот почему «много званых, но мало избранных».

На вопрос: «Верно ли, что мало спасаемых?» — Иисус ответил:

Подвизайтесь войти узкой дверью,

ибо многие, говорю вам, будут стараться войти

и не смогут.

Когда встанет хозяин дома и затворит дверь,

и вы, стоя снаружи, станете стучаться в дверь

и говорить: «Господи, отвори нам»,

и Он ответит вам: «Не знаю вас, откуда вы» —

тогда вы начнете говорить;

*«Мы ели перед Тобой и пили,
и на улицах наших Ты учил»,
и скажет Он вам: «Не знаю вас, откуда вы.
Отойдите от Меня, делатели неправды».
Там будет плач и скрежет зубов,
когда увидят Авраама, Исаака и Иакова
и всех пророков в Царствии Божиим,
а себя изгоняемыми вон»³.*

Христос от каждого требовал духовного и нравственного подвига, «усилия». Он вовсе не был, как порой пытались изобразить, «демократом», для которого сама принадлежность к обездоленным классам есть уже заслуга. Этим объясняется холодность Иисуса к шумным проявлениям народного восторга. Массовый энтузиазм вспыхивает легко и легко делает своей добычей тех, кто жаждет подчинения и ищет кумиров. Не таковы должны быть чада Царства.

Отказ Иисуса идти навстречу страстям толпы и согласиться на роль популярного вождя, по-видимому, способствовал упадку Его влияния в Галилее. На этом поспешили сыграть противники и скоро добились своего. Когда Учитель вернулся из Голана, атмосфера резко переменялась. Было ясно, что чья-то рука направляет против Него людей. Его уже не допускали, как прежде, свободно проповедовать в синагогах. Церковному отлучению Он подвергнут не был, но этой карой грозили всем Его приверженцам.

С тех пор Иисус вынужден был навсегда покинуть Капернаум. Побоялись принять Его и соседние приморские города. Что там произошло — неизвестно, но из слов Христовых явствует, насколько энергичными были происки Его врагов:

Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида!

Ибо, если бы в Тире и Сидоне

совершились чудеса, совершившиеся в вас,

то давно бы в рубище и пепле покаялись.

Но говорю вам: Тиру и Сидону легче будет в день суда, чем вам.

И ты, Капернаум, до неба ли ты будешь вознесен?

До ада ты будешь низвергнут;

ибо если бы в Содоме были совершены чудеса,

совершившиеся в тебе,

он остался бы до сего дня.

Но говорю вам, что земле Содомской легче будет в день суда, чем тебе»⁴.

В Назарет путь Христу был также закрыт. Когда Он вторично пытался проповедовать там, Его едва не убили. Кольцо быстро сжималось. Теперь уже можно было ожидать вмешательства тетрарха, но осторожный Антипа предпочел остаться в стороне. От своего управляющего, жена которого была ученицей Иисуса, Ирод мог знать о трудностях, Его постигших. Был момент, когда ему захотелось увидеть Назарянина, но потом он решил, что лучше всего будет, если Тот покинет его владения.

С этой целью Ирод сообщил некоторым из фарисеев, что готовится арестовать и казнить Иисуса. Они же, поспешив

к Учителю, сказали Ему: «Выйди и уходи отсюда, потому что Ирод хочет Тебя убить». Однако Иисус сразу заметил уловку тетрарха.

*Пойдите, скажите этой лисице:
вот Я изгоняю бесов
и исцеления совершаю сегодня и завтра,
и в третий день — свершение Мое...
Ибо не может быть,
чтобы пророк погиб вне Иерусалима*⁵.

Фарисеи поняли, что Иисус и Сам намерен покинуть Галилею, что Его цель — город Давидов, где Он готовится принять мученическую смерть.

Трудно проследить путь Христа после того, как Он стал гонимым Скитальцем. Он находил убежище то в одном, то в другом селении, но нигде не задерживался подолгу. Когда один книжник сказал Ему: «Равви, я буду следовать за Тобой, куда бы Ты ни шел», он услышал исполненный горечи ответ: «У лисиц есть норы, и у птиц небесных гнезда, Сыну же Человеческому негде голову приклонить»⁶.

Судьба Иисуса стала беспокоить родных. Хотя братья и относились скептически к Его деятельности, они отнюдь не желали Ему зла. Когда Он был популярен, это, вероятно, даже льстило им. Теперь же, видя, что в Галилее Иисуса постигла неудача, они предложили Ему идти с ними в Иерусалим на праздник Кушей и заявить там о Себе.

244 — Пойди отсюда и иди в Иудею, — сказали братья с плохо скрываемой иронией, — чтобы и ученики Твои видели дела Твои, которые Ты творишь. Ибо никто ничего не делает втайне, а хочет сам быть на виду. Если Ты это делаешь — яви Себя миру...

— Я еще не пойду на этот праздник, — ответил Иисус, — потому что Мое время еще не исполнилось.

Тем не менее, когда братья ушли, Иисус отправился в Иерусалим, но «не явно, а как бы втайне».

Свое намерение посетить столицу Он объяснил ученикам, прибегнув к притче.

«Была у человека смоковница, посаженная в винограднике его, и пришел он искать плода на ней, и не нашел, и сказал виноградарю: «Вот **три года**, как я прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу. Сруби ее, к чему она и землю истощает?» Но тот сказал ему в ответ: «Господин, оставь ее и на этот год, а я тем временем окопаю ее и унавожу, не даст ли плода на будущий год. Если же нет — ты ее срубишь»⁷.

Одним словом, Иисус хотел еще раз испытать Иерусалим, прежде чем наступят роковые дни.

Не желая привлекать внимания, Он выбрал для путешествия дорогу, по которой паломники ходили редко. Они опасались враждебности самарян и предпочитали идти по восточному берегу Иордана. Иисус же отправился с учениками не в обход, а прямо через Самарию.

Когда наступил вечер, Он послал вперед апостолов приискать ночлег. Но в самарянской деревне в них узнали иудеев, идущих

на богомолье, и отказались впустить в дом. Иоанн и Иаков, усталые и раздраженные, сказали Учителю:

— Господи, хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?

— Вы не знаете, какого вы духа,— возразил Иисус,— Сын Человеческий пришел не губить души, а спасать⁸.

В конце концов им все же дали приют в каком-то селении. А через несколько дней путники, смешавшись с толпой, никем не замеченные, вошли в ворота столицы.

Праздник Кущей длился уже четыре дня и был в самом разгаре. Неустанно звучала музыка, трубили трубы, перекрывающая людской гомон; над горой Мориа стелились клубы жертвенного дыма. Справляя конец жатвы, народ веселился и пел, пировал и молился. Все свободные места в городе были усеяны шатрами, наскоро сооруженными из веток. Рядом с ними стояли верблюды, повозки и мулы. Иерусалим был подобен кочевому лагерю.

По вечерам богомольцы располагались в многочисленных пристройках Храма послушать речи мудрецов, отдохнуть, поделиться новостями. А новостей было много: стычки евреев и египтян в Александрии, казнь Сабина, обвиненного в «оскорблении величества», восстание фризов, расправа Пилата над галилеянами. Предметом оживленных толков был также Равви из Назарета. «Он добрый»,— говорили одни, а другие пожимали плечами: «Он вводит народ в заблуждение»⁹. Впрочем, с некоторых пор эту тему в Иерусалиме стали считать опасной. Люди боялись навлечь на себя осуждение старейшин.

Внезапно внимание присутствующих привлек спор, который вели книжники в одном из уголков галереи. Всех поразил неизвестный Человек с галилейским выговором. «Каким образом Он знает Писания, не пройдя учения?»— удивлялись книжники. «Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня»,— отвечал Он.

«Не Тот ли это, Кого ищут убить?»— догадывались иерусалимляне. Но почему Он действует открыто? Те, кому важнее всего было мнение власть имущих, встревожились: «Неужели же воистину узнали начальники, что Он — подлинно Мессия?» Их перебили пришедшие из Галилеи:

— Этого мы знаем, откуда Он. А когда Мессия придет, никто не будет знать, откуда Он.

— И Меня знаете, и знаете, откуда Я,— сказал, обернувшись к ним, Учитель,— и не от Себя Я пришел, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете.

Мнения разделились. Одни предлагали схватить еретика и вести к архиереям, другие, бывшие свидетелями Его исцелений, защищали Назарянина. Он же продолжал говорить о неведомом для них пути, по которому Ему надлежит следовать, исполняя волю Отца.

— Будете искать Меня, и не найдете, и, где Я, туда вы не можете пойти.

— Куда Он собирается?— с усмешкой заметили книжники.— Не в рассеяние ли к грекам, учить их?

Они поспешили сообщить Кайафе, что Иисус появился в городе. Тот немедленно отправил храмовую стражу с приказом задержать его. Наконец-то самозванец у него в руках! Однако посланные вернулись ни с чем.

— Почему вы не привели Его? — строго спросили их.

— Никогда еще не говорил человек, как этот Человек, — оправдывались служители.

— Неужели и вас ввели в заблуждение? Разве кто-нибудь из начальников или из фарисеев уверовал в Него? Но толпа эта, не знающая Закона: прокляты они.

Фарисей Никодим оказался свидетелем разговора.

— Разве Закон наш судит человека, не выслушав его прежде и не узнав, что он делает? — заметил он.

— Ты что, сам галилеянин? — ответили ему. — Исследуй Писания и убедись, что из Галилеи не может прийти пророк.

Однако на сей раз первосвященник Кайафа не осмелился больше ничего предпринять. Иисус же, когда спустилась ночь, вышел восточными воротами по направлению к Елеонской горе.

Если в самом Иерусалиме Его окружала обстановка чуждая и враждебная, то на Елеоне Он должен был ощущать Себя как в лучшие галилейские дни. Здесь, среди масляных садов, в небольших поселках жили Его друзья и последователи. Вифания уже давно, со времени Его первого посещения, стала своего рода христианским центром. Сюда сходились верные Иисусу люди. В доме Лазаря и у Симона Прокаженного Он мог отдохнуть среди близких и любящих Его.

246
Время от времени Учитель приходил в Иерусалим, расположенный всего в трех километрах. Там Он старался держаться в тени, как бы затерянный среди других наставников и раввинов. Рядом с Ним были только ученики и несколько галилеян, иногда к ним присоединялись случайные слушатели. Власть пока отказалась от попытки взять Иисуса под стражу. Либо они не находили удобного случая, либо надеялись, что новая секта распадется сама собой.

Только один раз проповедь Иисуса привела к открытому конфликту.

Праздник Кушей заканчивался 22-го числа осеннего месяца тишри. В этот день левиты в последний раз зажигали огромные светильники, огни которых озаряли город во время торжеств. Сидя в одном из притворов, Христос говорил о символах праздника — свете и воде. Обряд возливания воды напоминал о странствиях в пустыне, когда Моисей открыл родник для жаждущих. Вода — знак жизни, которую дарует Премудрость Господня. Но отныне Сам Мессия будет давать воду жизни вечной. Он призывает к Себе людей, как некогда звала Премудрость: «Кто жаждет, да идет ко Мне и да пьет».

Светильники обозначают свет Закона. Однако свет, исходящий от Мессии, горит еще ярче. «Я — свет миру. Тот, кто следует за Мною, не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни».

После таких слов набожные люди, не желая участвовать

в беседе, ушли, полные негодования. Остались лишь те, кто готов был выслушать Учителя. Однако и они не выдержали долго.

— Если пребудете в Слове Моем,— сказал Иисус,— воистину вы ученики Мои, и познаете истину, и истина освободит вас.

Такое выражение показалось им странным и обидным.

— Мы — потомки Авраама и никому не были рабами никогда. Как же Ты говоришь: «вы сделаетесь свободными»?

— Истинно, истинно говорю вам, всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вовек, сын пребывает вовек. Итак, если Сын вас освободит, вы действительно свободны будете.

— Отец наш Авраам,— упрямо повторяли они гордый девиз патриотов, не понимая, о чем идет речь. Раздражение их возросло с каждой минутой.

— Если бы вы были дети Авраамовы, вы делали бы дела Авраама. Теперь же вы ищете убить Меня: Человека, Который сказал вам истину. А услышал Я ее от Бога. Этого Авраам не делал. Вы делаете дела *отца вашего*.

Они снова не поняли. Одним казалось, что Он преувеличивает опасность, нависшую над Ним: «Не бес ли в Тебе, кто Тебя ищет убить?». Другие же были глубоко задеты.

— Мы не были рождены в блуде. Один у нас Отец — Бог.

— Если бы Бог был Отец ваш,— возразил Иисус,— вы любили бы Меня, ибо Я от Бога исшел и пришел... Почему вы речи Моей не понимаете? Потому что не можете слышать слова Моего. Вы — от отца вашего, диавола, и ходите делать похоти отца вашего. Он — человекоубийца был от начала...

— Не правильно ли мы сказали, что Ты — самарянин и бес в Тебе?

Их уже охватила настоящая ярость.

— Во Мне беса нет, но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня. Я же не ищу славы Моей. Есть Ищущий и Судящий. Истинно, истинно говорю вам: если кто слово Мое соблюдет — *не увидит смерти вовек*.

— Теперь мы знаем, что в Тебе бес... Неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер? И пророки умерли. Кем Ты Себя делаешь?

— Если Я Сам Себя прославляю, слава Моя — ничто; Отец Мой — вот Кто прославляет Меня, Он, о Ком вы говорите, что Он — Бог ваш. И вы не узнали Его, Я же знаю Его... Авраам, отец ваш, возликовал, оттого что ему предстояло видеть день Мой: и увидел, и возрадовался.

— Тебе нет еще пятидесяти, и Ты видел Авраама?

— Истинно, истинно говорю вам: прежде чем Авраам был, Я есмь.

Я ЕСМЬ... Так мог говорить один Предвечный. Это — Его тайное имя, которое произносил первосвященник в дни Кущей, когда святые слова заглушал трубный звук и клики народа¹⁰. И вот теперь они на устах Назарянина! Подобно древним пророкам, исполненный неземной силы, стоит Он перед людьми.

Колебаниям нет больше места. Либо Он лжец и богохульник, либо Сам Бог говорит Его устами.

И выбор был сделан. Поверившие теснее сплотились вокруг Иисуса, а остальные с угрозой взялись за камни...

По-видимому, людей, которые признали в Назарянине Посланца Божия, нашлось немало, и это предотвратило покушение на Него в Праздник Куцей. Впрочем, большинство из них было богомольцами, прибывшими в город на торжества. Евангелист Иоанн говорит лишь об одном иерусалимлянине, который обратился в те дни. Случилось это при необычных обстоятельствах¹¹.

Однажды прошел слух, будто Иисус вернул зрение человеку, родившемуся слепым. Многие знали его, так как он всегда сидел у ворот, прося милостыню. Сначала подозревали, что произошла ошибка, но скоро сомнения рассеялись. Исцеленного привели к фарисеям, и те потребовали рассказать, как было дело.

— Человек по имени Иисус смесь положил мне на глаза, и умылся я, и вижу.

— Не от Бога этот Человек, потому что субботы не соблюдает,— объяснили ему (чудо произошло в священный день покоя). Некоторые же фарисеи были сами в раздумье: «Как может грешный человек творить такие знамения?» После долгих споров они снова обратились к прозревшему:

— Что скажешь о Нем ты? Ведь Он тебе открыл глаза.

— Он пророк.

Тогда потребовали позвать его родителей.

— Ваш это сын, о котором вы говорите, что он родился слепым? Как же он теперь видит? — спросили испуганных стариков.

— Мы знаем, что это наш сын,— робко отвечали те,— и что он родился слепым, а как он теперь видит — не знаем, или кто открыл ему глаза — не знаем. Спросите его, он взрослый, сам о себе скажет.

Те фарисеи, что решили твердо стоять на своем, начали увещевать исцеленного.

— Воздай славу Богу. Мы знаем, что Человек тот — грешник.

— Грешник ли Он, я не знаю. Одно знаю, что слеп был и теперь вижу.

— Что Он сделал тебе? Как открыл тебе глаза?

— Я уже сказал вам,— ответил находчивый иерусалимлянин,— и вы не слушали. Почему снова хотите услышать? Не хотите ли и вы сделаться Его учениками?

— Ты ученик Его, а мы — Моисеевы ученики! — закричали в досаде книжники.— Мы знаем, что Моисею говорил Бог, а об Этом мы не знаем, откуда Он.

— Это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он открыл мне глаза. Мы знаем, что грешников Бог не слушает, но, если кто боится Бога и волю Его творит, того слушает. От века не было слышно, чтобы кто открыл глаза слепорожденному. Если бы не был Он от Бога, не мог бы творить ничего.

— Во грехах ты весь родился, и ты учишь нас! — окончательно

но вышли из себя фарисеи и выгнали его вон. Узнав об этом, Иисус нашел исцеленного и спросил:

- Веруешь ли ты в Сына Человеческого?
- Кто Он, Господи, чтобы я уверовал в Него?
- И видел ты Его, и Говорящий с тобою — Он.
- Верую, Господи! — ответил тот, склоняясь перед Иисусом...

Это событие поколебало, однако, и некоторых фарисеев. То, что странный Учитель обладал такой силой, не могло быть случайностью. Откуда же тогда у Него подобный дар? Они решили вступить с Иисусом в беседу и услышали суровые слова:

— На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели и видящие стали слепы.

— Неужели и мы слепы? — удивились фарисеи.

— Если бы вы были слепы, не имели бы греха. Ныне же вы говорите: «мы видим». Грех ваш пребывает.

В самом деле, они считали себя стражами Предания и Завета, преемниками великих отцов: Симона, Абталиона и Гиллеля. Они верили, что Дух Божий помогает им давать точнейшее толкование Торы, что Он и поставил их духовными пастырями Израиля. Но, упоенные чувством собственного превосходства, эти люди не смогли распознать живую Истину, пришедшую к ним в лице Иисуса Назарянина.

Между тем Он послан народу Божию как небесный Пастырь, не похожий ни на высокомерных книжников, ни на зилотского лжемессию.

Истинно, истинно говорю вам:

Я — дверь овцам.

Все, кто ни приходил до Меня, —

*воры и разбойники,
но не послушали их овцы...*

Я — Пастырь добрый,

Пастырь добрый душу Свою полагает за овец.

Наемник, а не пастырь —

тот, кому овцы не свои,

видит, как волк приходит,

и оставляет овец и бежит

(и волк их похищает и разгоняет),

потому что он наемник

и нет ему дела до овец.

Я — Пастырь добрый,

и знаю Моих,

и знают Меня Мои.

Как знает Меня Отец,

знаю и Я Отца;

и душу Мою полагаю за овец.

И другие овцы есть у Меня,

не из этого двора,

и тех Мне надлежит привести,

и голос Мой они услышат,

и будет одно стадо и один Пастырь¹².

«Снова, — повествует евангелист Иоанн, — произошло разделе-

ние между иудеями из-за этих слов. Говорили многие из них: в Нем бес, и Он безумствует. Что Его слушаете? Другие говорили: это — слова не бесноватого. Может ли бес открывать глаза слепым?»

До середины декабря Иисус беспрепятственно приходил из Вифании в храм, окруженный толпой учеников. Обычным местом, где они собирались, был притвор Соломонов у восточной стены. Однако в праздник Ханука произошло новое столкновение.

День этот всегда пробуждал воинственный дух народа, напоминая о победах Маккавея над язычниками. Героические подвиги освободителей давали пищу мечтам, если не о Мессии, то по крайней мере о могучем вожде, который опрокинет власть Рима. Вот почему внимание опять было привлечено к Иисусу. Его настойчиво стали спрашивать:

— Доколе будешь Ты томить душу нашу? Если Ты — Мессия, скажи нам открыто.

— Я сказал вам, — ответил Он, — но вы не верите. Дела, которые Я творю во имя Отца Моего, свидетельствуют обо Мне.

Однако они ждали от Него других «дел». Если бы Он поднял мятеж, как Иисус бар-Абба (Варавва), если бы он собрал вооруженных людей и двинулся на гарнизон Пилата, они бы пошли за Ним. А вместо этого Он говорит им о вещах малопонятных и трудноисполнимых.

Вы не верите,
потому что вы не из овец Моих...
Овцы Мои голос Мой слышат,
и Я знаю их, и они следуют за Мной,
и Я даю им жизнь вечную,
и не погибнут они вовек,
и не похитит их никто из руки Моей.
Отец Мой, Который дал Мне дар, — больше всех;
и из руки Отца не может похищать никто.
Я и Отец — одно¹³.

Ропот ужаса прошел по толпе. Он делает Себя Сыном Божиим! Нужно немедленно покарать Его за богохульство. Напрасно Иисус указывал им на слова Писания, где все верующие названы «Сынами Божиими». Фанатики не хотели входить в рассуждения. Аргументом их были только камни. На этот раз Иисус, лишь чудом избежав смерти, ушел на Елеон.

Его прощание с городом было печальным:

Иерусалим, Иерусалим, убивающий пророков
и камнями побивающий посланных к нему!
Сколько раз Я хотел собрать детей твоих,
как птица свой выводок под крылья,
и вы не захотели.

Вот оставляется дом ваш пуст.
Говорю вам: не увидите Меня,
доколе не скажете:

Благословен Грядущий во имя Господне!¹⁴

Декабрь 29 г.— 2 апреля 30 г.

До Пасхи оставалось около трех месяцев, но жить вблизи столицы Иисус уже больше не мог. Не желая возвращаться в Галилею, Он ушел на время зимних дождей в Заиорданскую область. Она подчинялась Антипе, но поскольку Тивериада, его резиденция, была далеко, Учитель и ученики находились за Иорданом в сравнительной безопасности.

Прибыв в Бетавару, Иисус в последний раз оказался в местах, где начинал Свое служение. Еще так недавно слышен был здесь голос Предтечи и Дух Божий осенил Сына Человеческого; здесь впервые стал Он учить о наступлении Царства. Теперь на берегах Иордана царила тишина, нарушаемая лишь шумом дождя; исчезли толпы, приходившие слушать Крестителя...

Четвертое Евангелие очень скупо говорит о пребывании Христа в том поселке, где почти три года назад два рыбака впервые подошли к Нему и смущенно спросили: «Равви, где Ты живешь?» Тогда Андрей и Иоанн лелеяли грандиозные мечты, но с тех пор многое изменилось. Изменились и сами апостолы. Они стали свидетелями небывалых событий, научились по-другому смотреть на вещи. Но все же неудача в Галилее и в Иерусалиме была для них неожиданной. Сцены на праздниках Куцей и Ханука, казалось, свидетельствовали о полном поражении. Конечно, ученики приготавились делить с Наставником все невзгоды, но тем не менее они были рады, что Он привел их в этот спокойный край, подальше от недружелюбного города.

Вскоре, однако, уединение их было нарушено. Окрестные жители узнали о приходе Христа, и Бетавара стала наполняться народом. Все слышали, что Учитель в опале, но это не остановило ищущих Слова Божия. Многие вспоминали о судьбе Крестителя, повторяли его слова об Иисусе и говорили, что, хотя сам пророк не совершил ни одного чуда, его свидетельство было истинным. Человек из Назарета, освобождающий людей от недугов и являющий дивные знамения, может быть послан только небом.

Весной, все еще находясь у Иордана, Христос избрал, кроме Двенадцати, еще *Семьдесят апостолов*. Они должны были обойти места, которые Ему предстояло посетить на пути в Иерусалим. Число их напоминало о семидесяти праотцах всех народов земли и служило как бы указанием на расширение деятельности новой Общины. Посланные были наделены даром исцеления и призваны благовествовать Царство Божие.

По-видимому, путешествие их было недолгим, но вернулись они «с радостью», окрыленные успехом.

— Господи, и бесы покоряются нам во имя Твое.

— Я видел Сатану, как молнию, с неба упавшего,— сказал Иисус.— Вот Я дал вам власть наступать на змей и на скорпио-

нов и — над всею силою врага; и ничто не повредит вам. Служа Сыну Человеческому, они стали бойцами священного воинства, идущего против тьмы. Для мира их Учитель — отверженный и бездомный Странник, но именно сейчас пришло время Его «славы». «Муж скорбей», перед Которым бессильны дьявольские соблазны, Он в своем уничижении сокрушает державу врага...

Апостолы не должны гордиться дарованной им силой. Самый великий дар — это приобщение к свету Царства. «Тому не радуйтесь, что духи вам покоряются, а радуйтесь, что имена ваши вписаны на небесах»¹.

Едва ученики начали обретать уверенность и надежду, как пришло новое испытание. Друзья из Иудеи сообщили, что опасно болел Лазарь, брат Марфы и Марии.

«Болезнь эта не к смерти», — сказал Иисус. Однако через два дня объявил, что собирается в Вифанию.

— Равви! — огорчились ученики. — Только что хотели иудеи побить Тебя камнями, и Ты снова идешь туда?

Но когда из Его слов они поняли, что Лазарь скончался и Учитель непременно желает побывать в его доме, апостолы смирились. Если Господу грозит опасность — они не оставят Его.

— Идем и мы, чтобы умереть с Ним, — сказал решительно Фома.

Им потребовалось не более двух дней, чтобы достигнуть Вифании. Иисус еще не вошел в селение, как навстречу Ему выбежала Марфа.

— Господи, — плача проговорила она, — если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой...

— Воскреснет брат твой, — сказал Иисус.

— Знаю, что воскреснет — в Воскресение, в последний день.

— Я — Воскресение и Жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет... Веришь ли в это?

— Да, Господи, я уверовала и верю, что Ты — Мессия, Сын Божий, грядущий в мир...

Мария тем временем оставалась дома в окружении родных и соседей, утешавших ее. Вошла сестра и шепнула: «Учитель здесь и зовет тебя». Мария встала и поспешила из дома. Друзья последовали за ней, думая, что она идет на могилу. Они нашли ее у ног Иисуса; Мария в слезах повторяла слова сестры: «Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». Глубокое волнение отразилось на лице Учителя. Все увидели, что Он плачет. «Вот как Он любил его», — переговаривались вифанцы. А кто-то сказал: «Не мог ли Он, открывший глаза слепому, сделать, чтобы и этот не умер?..»

«Где вы похоронили его?» — спросил Иисус. Люди повели Его к склепу, заваленному по обычаю каменной плитой. Прошло уже четыре дня, как Лазарь был погребен здесь.

«Отвалите камень», — приказал Учитель. Марфа робко запротестовала, говоря, что тело уже тронутό тлением. «Не сказал ли Я тебе, что, если уверуешь, увидишь славу Божию?» — ответил Господь.

Вход в пещеру открыли, Иисус поднял глаза к небу и погрузился в молитву...

Что произошло в следующее мгновение? Что вообще известно нам о тайне жизни и смерти, о состоянии духа, покинувшего свою оболочку? Мы знаем, что тело оказывает влияние на дух, но умеем ли верно определить силу обратного воздействия духа на плоть? Впрочем, для Единосущного Отцу нет преград и необратимых процессов...

«Лазарь, выходи!» — воскликнул Иисус, и голос Его, словно удар грома, отозвался в иных мирах.

Когда у порога пещеры показался умерший, люди в ужасе понялись. А он стоял, как жуткий призрак, с ног до головы закутанный в погребальный саван. «Развяжите его и пустите идти», — сказал Христос среди наступившей тишины².

При чтении этого евангельского рассказа невольно возникает вопрос: для чего Господь вернул Своего друга к жизни? Ведь в дальнейшем он так же, как и прочие люди, все равно остался обреченным на смерть. Существует много попыток объяснить вифанское чудо. Но скорее всего правы те, кто видит в этом событии намерение Иисуса показать ученикам Свою власть над жизнью и смертью. Воскрешение Лазаря должно было подготовить их к пасхальной тайне.

В Вифании многие и прежде верили в Царство Божие. Теперь же, вероятно, почти весь поселок принял Иисуса как Мессию. Однако и там нашлись люди, которые сочли своим долгом донести о происшедшем в Синадрию. Члены его, конечно, подумали, что имеют дело с обманом, но расценили сообщение как признак нового роста популярности Назарянина.

Немедленно был созван совет. Для участия в нем были приглашены и фарисеи, но их обвинения против Иисуса касались области чисто религиозной; между тем правящую партию тревожило другое: саддукеи опасались, что галилейское движение перерастет в мятеж и вызовет карательный поход римлян. Иосиф Кайафа заявил, что лжемессию следует устранить без колебаний. Лучше смерть одного человека, чем бедствие, которое обрушится на весь народ. Фарисеи, хотя и враждовали с духовенством, на сей раз, вероятно, согласились с мнением Кайафы и были рады, что иерархия готова проявить твердость. Теперь им не нужно было подвергать Иисуса отлучению, поскольку Синадрия доведет дело до конца собственными средствами.

Неизвестно, был ли сразу послан отряд в Вифанию или власти отложили дело, узнав, что Иисус оставил деревню. Но решение было принято. Все полагали, что на Пасху Галилеянин обязательно появится в Иерусалиме. Поэтому первосвященник распорядился, чтобы каждый, кто узнает о Его местонахождении, сообщал об этом властям.

Между тем Иисус направился из Вифании в безлюдную местность близ Иудейской пустыни. Середину марта Он провел в глухом городке, называвшемся Эфраим, а потом снова ушел за Иордан, в Перею.

После вифанского чуда апостолы еще больше восприянули духом. Если Господь может совершать такое, значит, все козни Его противников окажутся тщетными. Их удивляло лишь, как люди могут не верить Иисусу после подобных знамений. Он же рассказал им притчу.

Жил некогда один богач, черствый и равнодушный к чужому горю. Пировал он день и ночь, а у ворот его дома сидел нищий Лазарь, который кормился объедками со стола богача. Оба умерли, один обрел покой «на лоне Авраама», а другой — возмездие за грехи. В тоске думал богач о своих братьях и взмолился к Аврааму, прося, чтобы тот послал на землю Лазаря предупредить их, куда ведет путь зла. Но Авраам возразил: «Есть у них Моисей и Пророки: пусть слушают их». Богач счел это недостаточным:

— Нет, отец Авраам, но если кто из мертвых придет к ним — покаются.

— Если Моисея и Пророков не слушают, то, *когда бы и воскрес кто из мертвых*, не убедятся они³.

Этой притчей Христос хотел сказать, что, когда неверие поселяется в сердце человека, никакие чудеса не могут обратить его.

Дней за десять до Пасхи Иисус объявил ученикам, что намерен прибыть в Иерусалим раньше праздника. В путь собрались быстро, шли, почти не останавливаясь. Иисус словно спешил навстречу смерти. Его суровая сосредоточенность вселяла в апостолов страх, но, идя позади Него, они все же думали, что приближаются к победе.

Дорога вилась среди пологих холмов. Кое-где стали появляться люди, направляющиеся в Иерусалим. В числе галилеян была и Дева Мария, но Она покорно держалась вдали от Сына.

Постепенно Христос оказался во главе большой толпы богомольцев. Многие узнавали Его и радостно приветствовали. А иные приближались и просили принять их в число учеников. Но теперь Иисус сразу же начинал говорить им о жертвах, которые нужно принести для Царства Божия, и о том, что времени для колебаний больше не осталось. Один человек, который желал присоединиться к Иисусу, сказал, что прежде должен похоронить отца. «Предоставь мертвым хоронить своих мертвых», — был ответ. Другого, хотевшего сначала проститься с родными, Иисус предостерег: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не пригоден для Царства Божия»⁴.

Все больше народа двигалось вслед за Христом. Шествие превращалось в настоящий мессиянский поход. Реку пересекли у Иерихона. В городе жители спорили, кто примет Его, но Иисус выбрал не почтенную, всеми уважаемую семью, а дом мытаря Закхея. Нищий слепец, сидевший у ворот, кричал: «Иисус, Сын Давидов, помилуй меня!» Его останавливали, но Христос, подойдя к нему, сказал: «Прозри! Вера твоя спасла тебя»⁵...

Это чудо воспламенило энтузиазм народа. Все угрозы властей были забыты. Он — снова их галилейский Мессия, посланный

в мир Сын царя Давида. Повсюду раздавались возгласы: «Благословен Грядущий во имя Господне!..»

Апостолы уже не сомневались в том, что «Царство Божие должно теперь же явиться». Близость этого чудесного события стала для них настолько реальной, что Саломея, мать Иоанна и Иакова, попросила у Господа посадить ее сыновей по правую и левую руку от Своего престола, когда Он будет «во славе». Обернувшись к братьям, Иисус спросил:

— Можете ли пить чашу, которую Я пью, или крещением, которым Я крещусь, креститься?

— Можем,— простодушно отвечали они.

— Чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься. А сесть по правую Мою сторону или по левую — не Я даю, но кому уготовано.

Остальные ученики зароптали. Всем хотелось занять эти почетные места. Но Иисус остановил их:

*Вы знаете, что те,
которые считаются начальниками у язычников*,
господствуют над ними,
и вельможи их проявляют над ними свою власть.
Но не так — между вами.
Но кто хочет стать великим между вами,
пусть будет всем слугой,
и кто хочет между вами быть первым,
пусть всем будет рабом.
Ибо и Сын Человеческий не для того пришел,
чтобы Ему послужили,
но чтобы послужить
и дать душу Свою как выкуп за многих⁶.*

Тем не менее мысли учеников были поглощены ожадавшим, их торжеством.

В тот час Иисус был среди них одинок, как никогда...

В пятницу, 31 марта путники вошли в Вифанию, где был устроен праздник в честь прибытия Учителя. Собрались многие Его друзья. За столом прислуживала Марфа, а сестра ее, не зная, как выразить свою любовь и благодарность, помазала ноги и голову Иисуса дорогим миром. Комната наполнилась благоуханием, а Иуда недовольно сказал: «К чему эта трата? Лучше было бы продать это миро и раздать деньги нищим». И самое удивительное — его поддержали другие ученики. Очевидно, они думали, что, несмотря на все чудеса, будущему монарху следует позаботиться о деньгах, чтобы с самого начала явить Свою щедрость народу...

— Оставьте ее,— сказал Иисус,— что ее смущаете? Доброе дело сделала она Мне... Заранее помазала тело Мое для погребения⁷.

Но печальный смысл этих слов ускользнул от апостолов.

* ἔθνη — буквально «народов», но обычно это слово обозначало язычников.

Когда миновала суббота, Христос стал готовиться к вступлению в город. Прежде Он никогда не путешествовал верхом, но нынешний день был исключительным. Впрочем, конный всадник напоминал бы о войне, о древних царях, возвращающихся из кровавых походов, о римских солдатах, гарцевавших на улицах покоренного Иерусалима; поэтому Иисус выбрал животное, которое издавна было символом мира⁸. Придя в соседнее селение Виффагию, Он послал учеников, чтобы они нашли молодого осла. Хозяева, узнав, что он нужен Учителю, с радостью отдали его. Вместо седла на спину ослу положили одежды, и, сев на него, Иисус стал спускаться с Елеона.

Царь, возвещающий мир, Он ехал безоружным, в окружении пилигримов, которые кричали: «Осанна Сыну Давидову! Благословенно грядущее царство отца нашего Давида!..»

Галилеяне и вифанцы старались, как могли, украсить триумф Мессии. Под копыта бросали побеги маслин, стелили одежды; дети бежали за Иисусом, размахивая пальмовыми ветвями.

Апостолы ликовали. Наконец-то настал долгожданный день! Они громко славилы Бога, вторя толпе.

Едва показалась залитая вечерним светом панорама Иерусалима, как грянул мессианский псалом:

Благословен Грядущий,

Царь во имя Господне!

На небесах мир

и слава в вышних!

256 Навстречу бежали другие паломники. Среди них оказались фарисеи. Слыша возгласы: «Осанна Сыну Давидову!», они пришли в ужас. Значит, действительно бунт может вспыхнуть в любую минуту!

— Равви! — кричали они. — Запрети Твоим ученикам!

— Говорю вам, — отозвался Иисус, — если они умолкнут — камни возопиют...

Однако, несмотря на радостное возбуждение вокруг, лицо Иисуса было печально. Шедшие рядом с Ним видели на глазах Его слезы. Он оплакивал Иерусалим, город Обетования и город слепцов.

— Если бы ты познал в сей день, что ведет к миру! — сказал он. — Но теперь это сокрыто от глаз твоих. Ибо придут на тебя дни, когда враги твои возведут против тебя укрепления... и повернут на землю тебя и детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего.

Когда солнце уже близилось к закату, шествие достигло стен города.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 10

¹ Мф 15, 21—28; Мк 7, 24—30. Близ Тира Христос исцелил дочь финикийки, хотя вначале отказал ей в просьбе. Этот эпизод часто вызывал недоумение. В самом деле, почему Христос, без колебаний исцеливший слугу римского сотника

и не отклонивший просьбы злинов о беседе с Ним, проявил в данном случае такую суровость? В какой-то мере ответ дается тем, что известно о религии сиропфиникиян. Это был наиболее изуверский вид язычества, стяжавший мрачную славу массовыми ритуальными убийствами, принесением в жертву детей, разнуданными чувственными обрядами. Для Израиля как ближайшего соседа финикиян их религия была синонимом предельного нечестия. Быть может, именно поэтому Христос произнес столь резкие слова, показывая, что не может быть равного отношения к исповедникам единого Бога и к последователям этой демонической религии. И лишь когда женщина смиренно согласилась с Ним, но продолжала молить Его, Он совершил исцеление ради ее великого доверия к Нему.

² Мф 16, 13—20; Мк 8, 27—30; Лк 9, 18—21. Обращение «Бар-Иона» (сын Ионы) сохранилось в греческом тексте Евангелия от арамейского предания.

³ Б. Спиноза. Переписка. Письмо 73.

⁴ Цит. по Ф. Шарф. Иисус Христос — чудо истории. Пер. с нем. М., 1906, с. 252.

⁵ И. П. Эккерман. Разговоры с Гете, с. 847.

⁶ М. К. Ганди. Моя жизнь. Пер. с англ. М., 1959, с. 143.

⁷ См. Прем. 2, 24. Образ чудовища Хаоса (Левиафан, Раав, Дракон) появляется в библейской письменности раньше образа Сатаны. См. Ис. 51, 9—10; Пс 73, 13—14; 88, 11; Иов. 9, 13 (в этом стихе имя дракона «Раав» синодальный перевод заменяет словом «гордыня»); (ср. Откр. 12, 9; 20, 2; Ин 8, 44; 1 Ин 3, 8).

⁸ Пс 8.

⁹ Быт 3.

¹⁰ Втор 32, 8; Ис 28, 1; Иов 1, 6; 2 Цар 7, 14; Ис 2, 7.

¹¹ Ин 10, 38; 14, 11. Значительная часть подобных изречений Христа содержится в Ин. Это объясняется тем, что: а) эти речи обращены к духовным вождям Израиля, в то время как синоптики приводят слова, обращенные к народу; б) богословские интересы Ин сосредоточены на тайне Воплощения; в) само IV Евангелие адресовано к аудитории более подготовленной, чем адресат синоптиков. Тем не менее и в первых трех Евангелиях есть достаточно свидетельство Христа о Себе, близких по форме и по духу к Ин (напр., Мф 10, 32, 37; 11, 27—30; 24, 35; 28, 18). Мнение, согласно которому автор IV Евангелия был оторвавшийся от палестинской традиции греческий теолог, теперь можно считать опровергнутым. Были вскрыты арамейские корни текста, связь Ин с Ветхим Заветом и раввинистической традицией, а также с Кумраном. Все это доказывает, что автор вышел из иудейской среды первой половины I в. См. RFB, II, p. 658—661; Ch. Dodd. The Interpretation of the Fourth Gospel. Cambridge, 1972, p. 74 ff; R. Brown. The Gospel According to John. New York, 1966, p. LXII—LXIV.

¹² Ин 1, 1 сл. В последней фразе — отголосок арамейской аллитерации: «убба» (лоно) и «Абба» (отец).

¹³ Мф 20, 28; Мк 10, 45.

¹⁴ См. Исх. 19, 5; Ис 63, 9.

¹⁵ I Петр 2, 9—10; ср. Гал 1, 4; Тит 2, 14.

¹⁶ Рим 8, 19 сд.

¹⁷ Евр 12, 1—2.

¹⁸ Ин 8, 13—18. Говоря о свидетельстве двух, Иисус, вероятно, намекал на старый принцип иудейского права, которое требовало минимум двух свидетелей при разбирательстве дела; см. Втор 19, 15; Талмуд, Песахим, 113 в.

¹⁹ Ин 1, 10—12.

²⁰ «Врата ада» (Мф 16, 18) означают могущество зла. В семитических языках слово «врата» было синонимом силы. Этот образ был взят из строительной терминологии; крепкие врата считались залогом неприступности города.

²¹ Мф 15, 24—28; Мк 8, 34—38; 9, 1; Лк 9, 23—27. Некоторые толкователи предполагают, что в действительности Христос сказал не «крест», а «иго». Однако иудеям той эпохи крест как символ страдания был уже хорошо известен. И местные, и римские власти много раз практиковали этот вид казни; см. И. Флавий. Арх. XVII, 10; Война 11, 5.

²² Мф 17, 1—13; Мк 9, 2—13; Лк 9, 28—36. Восточное предание считало горой преображения *Фавор*. В древнем «Евангелии евреев» говорилось, что Иисус был перенесен на эту гору Духом Святым (*Ориген*. На Иоанна 11, 6). Однако современные экзегеты ставят это предание под сомнение. Фавор отнюдь не «высокая» гора (ок. 300 м). В евангельские времена там был расположен укрепленный поселок и поэтому Фавор не был удобным местом для уединения (*И. Флавий*. *Война*, IV, 1, 8). Кроме того, гора расположена в Галилее, а не в области Филиппа. Полагают, что евангелисты имели в виду один из отрогов *Ермона*.

Глава 11

¹ Ср. Лк 24, 21.

² Мф 17, 10—13; Мк 9, 11—13; ср. Мф 11, 14.

³ Лк 13, 23—28.

⁴ Мф 11, 21—24; Лк 10, 13—15. Содом и Тир в данном контексте означают предел нечестия.

⁵ Лк 13, 31—33. Согласно некоторым толкованиям, три дня, о которых говорил Христос, — апокалипсический символ срока испытания. Ср. Дан 7, 25, где сказано о трех этапах этого срока.

⁶ Мф 8, 19—20; Лк 9, 57—58.

⁷ Лк 13, 6—9.

⁸ Лк 9, 51—56. Лука относит этот эпизод к последнему путешествию Господа в Иерусалим. Однако тогда Он пришел из Заиордания (через Иерихон). Прямой же путь из Галилеи вел через Самарию. Слова «Вы не знаете, какого вы духа» и далее — отсутствуют в древнейших рукописях, но смысл их вполне гармонирует с учением и стилем речей Иисуса.

⁹ Посещение Христом Иерусалима в праздник Кущей описано у Ин 7—8. Ряд толкователей выдвигал гипотезу, что диалоги, приведенные там, есть лишь иллюстрации к учению Иоанна о Боге-Слове. Однако в этих главах больше, чем в других местах Евангелия,⁷ подчеркивается человеческая природа Христа (напр., 8, 42—55).

¹⁰ Выражение «Я емь» (по-гречески *ἐγὼ ἐμί*, по-еврейски «аниху») встречается в Ветхом Завете как эквивалент слова «Суший» (напр. Ис 48, 12; 43, 10). О том, что имя Ани-ху произносилось во время богослужения праздника Кущей, говорит рабби Иегуда бен Элай (II в.). См. Ch. Dodd. *The Interpretation of the Fourth Gospel*, p. 94—95.

В Ин Иисус много раз относит это слово к Себе (6, 35; 8, 12; 10, 7, 9, 11, 14; 11, 25; 14, 6; 15, 1, 5). Однако подробные выражения есть и у синоптиков. См. R. Brown. *The Gospel According to John*. v. I, p. 533 ff.

¹¹ Ин 9, 1—41.

¹² Ин 10, 11 сл.

¹³ Ин 10, 26 сл.

¹⁴ Лк 13, 34—35.

Глава 12

¹ Лк 10, 1—16. Лука, который один повествует об избрании Семидесяти, относит его к последнему времени служения Христа, не давая, однако, более точных указаний. Поскольку после возвращения Христа из Голана в Галилею Его проповедь встретила сопротивление, можно предположить, что Семьдесят были избраны во время пребывания Господа в Перее. Выражение «вписаны на небесах» происходит из библейской символики. Подобно тому как в древних городах существовали списки жителей, так и «небесный Иерусалим» имеет свою «книгу жизни» (ср. Откр 13, 8), где вписаны имена верных; см. Иер 22, 30; Мал 3, 16; Пс 86, 6.

² Ин 11, 1—45. Экзегеты давно задавались вопросом: почему синоптики не упоминают о воскрешении Лазаря? Однако теперь, когда новозаветные исследования привели к выводу, что Евангелия не были «мемуарами», а строились на основе целого ряда источников, проблема эта потеряла остроту (см. с. 370 сл.). Синоптики имели в своем распоряжении ограниченное число текстов и устных преданий, и рассказ о вифанском событии в их материалах мог отсутствовать. Марк, например, не включил в свое Евангелие текст молитвы Господней и другие важные разделы, имеющиеся у остальных евангелистов.

³ Лк 16, 19—31. На связь притчи с воскрешением в Вифании, вероятно, указывает имя Лазаря.

⁴ Лк 9, 59—62.

⁵ Мф 20, 29—34; Мк 10, 46—52; Лк 18, 35—43; у Мф говорится о двух слепцах.

⁶ Мф 20, 20—28; Мк 10, 35—45.

⁷ Мф 26, 6—16; Мк 14, 3—9; Ин 12, 1—8. Синоптики относят этот эпизод к самой Страстной неделе, но есть основания предпочесть хронологию Ин.

⁸ Мф 21, 1—11; Мк 11, 1—10; Лк 19, 29—38; Ин 12, 12—18. Осел, как символ мирного пришествия Мессии, впервые упомянут у пр. Захарии (9, 9).

Продолжение следует.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

- ┌ «Имперские амбиции»... горисполкомов?
- ┌ СЭС не слышит SOS
- ┌ «Нас судили за шпионаж»

Можно только сожалеть, что случайный попутчик Исхака Машибаша («Смена» № 2 за 1990 г., очерк «...Друг без друга») путает удэг с адыгом. Гораздо лучше, когда люди с подобным уровнем этнических знаний берутся за решение национальных вопросов.

Во многом можно согласиться с писателем Машибашем. Нелегкая судьба выпала на долю адыгского народа. В прошлом веке после покорения Кавказа часть адыгов покинула родные места — уехала в Турцию. Сталинские идеи «автоматизации», создавшие почву для неравенства советских народов, не могли не сказаться и на судьбе этого народа, который на территории исторической Адыгеи оказался разделенным границами республик и краев. Думается, что случайный попутчик писателя был бы удивлен, узнав о том, что адыги и кабардинцы — два субэтноса одного и того же народа...

Однако некоторые выводы И. Машибаша достаточно спорны, в частности вопрос о дате основания городов на кавказском побережье Черного моря.

Нельзя отрицать, что многие города Северного Кавказа, возникшие в прошлом веке в ходе войны России с горцами,

были первоначально военными укреплениями и крепостями. Но трудно согласиться с автором, что за дату основания Сочи, Туапсе и Новороссийска взята дата высадки десанта царских войск, и обвинить горисполкомы этих городов в «имперских амбициях».

Цемесская бухта отошла России в 1829 году по условиям Андрианопольского договора. В 1832 году в устье реки Цемеса было построено небольшое укрепление (так называемый «лагерь при Цемесе»).

В 1838 году по приказу Николая I начались работы по превращению Цемесского укрепления в крупный опорный пункт. Проект был утвержден в январе 1839 года, и тогда же будущий город-порт получил название Новороссийск.

И. Машибаш отмечает в своем очерке необходимость бережного отношения к исторической памяти, но в данном случае он пытается приписать истории то, чего не было.

Высадка войск, естественно, создает определенные предпосылки для создания города. Однако высадка войск еще не определяет автоматически его появление.

До основания Новороссийска по берегам Цемесской бухты

были расположены аулы и развалины турецкой крепости. На мой взгляд, эти населенные пункты нельзя считать предшественниками Новороссийска...

В. ХАЧАТУРОВ,
Краснодар

Р. С. Когда начались волнения в Нагорном Карабахе, мне многие задавали вопрос: «Что эти карабагцы дотят от армян и азербайджанцев?»

Еще один пример этнической безграмотности...

В.Х.

Большое спасибо за публикацию фрагментов книги Милована Джиласа «Разговоры со Сталиным».

Мне 54 года, я по убеждению сталинистка. И первые публикации в советской печати о Сталине меня только бесили, особенно «Воспоминания» Хрущева в «Огоньке» — это грязь, доть, может, в какой-то степени и правдивая... Чем мне понравились воспоминания Джиласа? Тем, что он о Сталине пишет и хорошее, и плохое, без всякой предвзятости, и я ему верю. Очень хочется прочитать всю его книгу, интересно, какое тогда у меня осталось бы впечатление о Сталине. Единственно, в чем я не согласна с Джиласом, так это когда он написал, что «Сталин способен был уничтожить девять десятых, чтобы осчастливить одну десятую из всех людей». А по-моему, наоборот — одну десятую уничтожал, чтобы девять десятых (это основной простой народ) жили хорошо! Не правда? А пусть наши историки обратятся к предвоенным и послевоенным годам, пусть посмотрят, как жизнь простого на-

рода улучшалась с каждым годом до 1953 года, а после стала ухудшаться, особенно после Хрущева. И пусть задумаются, почему после смерти Сталина прошло 37 лет, а его защищают столько простых людей. Его и Андропова, а не Хрущева и Брежнева.

Т. Ф. ФЕДОСЕНКОВА,
Ташкент

Обращаемся с уже давно наболевшим вопросом — по поводу жилья. Живем мы в Архангельской области. Архангельское отделение железной дороги, управление Северной ордена Трудового Красного Знамени железной дороги на наши обращения шлют отписки. Мы просто не знаем, куда еще стучаться, кого умолять, поэтому пишем в редакцию.

Живем мы в таких условиях: с одной стороны — железная дорога, с другой — автомобильная. Во дворе находятся материальные склады, сараюшки, колонка, помойка, туалет. А что у нас творится весной и осенью?! Помойка, которая находится в нескольких метрах от колонки (что запрещено нормами СЭС), разливается; по двору бегают огромные крысы, от которых не можем избавиться никакими средствами. А дома? Дети наши болеют не только инфекционными заболеваниями, но и простудными, так как зимой мы замерзаем: сколько бы мы ни тратали дров на отопление, улицу-то нам не прогреть. К тому же живем в постоянном страхе: того и гляди рухнет потолок или балка.

Обидно и горько, что на предприятии мы нужны только как

рабочая сила, а о нашем быте нет никому дела. Зачем интересоваться нашим начальникам, как мы живем?

Ведь у них-то квартиры с удобствами.

Жильцы домов №№ 3, 5, 7, 9 по ул. Урицкого г. Няндомы Архангельской области.

ЛУКАШОВЫ, АНТОНОВА, ГУСЕВЫ.

Всего 8 подписей

От редакции: мы печатаем это кричащее болью людской письмо и ждем от местного Совета народных депутатов принятия срочных мер, о которых обязательно сообщим в ближайшем номере.

В июне 1946 года меня привезли в закрытую колонию в Нижней Туре, что на Северном Урале, с довольно странным названием «Выя». Заключенные этой колонии работали только в зоне — делали слесарные тиски. Были в ней небольшой прокатный цех и чугунолитейная мастерская.

Однажды я увидел, как в наш барак вошел мальчик лет одиннадцати-двенадцати. У меня, естественно, возник вопрос: за что, за какое преступление осужден ребенок да к тому же помещен в закрытую колонию, где в основном содержались осужденные по 58-й статье — политические. Я думал, что малолетних преступников содержат только в колониях для несовершеннолетних, где они учатся в школе и работают.

Получив из дома посылку и в ней несколько конфет, я решил угостить мальчика (уже точно не помню, кажется, его звали Максимом). Нашел его в бараке, протянул конфетку, а он улыбается и говорит: обманываешь. Да нет, отвечаю, не

обманываю. Постепенно он перестал меня бояться и рассказал, как попал в заключение.

Родителей он не помнит, воспитывался в детском доме в Смоленске. Когда к Смоленску подошли немцы и на окраине города шли жестокие бои, администрация и воспитатели детдома разбежались. С детьми осталась лишь одна няня. Но не стало продуктов, и дети с утра расходились по городу, ища что-нибудь поесть. Они подходили к немецким кухням, но их отгоняли, бродили по рынку, но никто не обращал внимания на их мольбы и слезы. К ночи, голодные, они возвращались в детдом. Ребята постарше — одиннадцати-двенадцатилетние — решили пробиваться к своим. Их было десять человек. Однажды на рассвете они двинулись в сторону фронта. Шли по разрушенным деревням, сожженным селам, ели, когда удавалось что-нибудь достать. Немцы на них внимания не обращали. До линии фронта добралось всего четверо.

Осенней ночью они преодолели огненный рубеж и оказались в траншеях наших передовых частей. Солдаты сначала и не поняли, откуда в окопе появились оборванные, изможденные, плачущие и дрожащие от страха русские дети. Накормили чем могли, успокоили их, проводили в санчасть. Радости не было конца. И только измученным, больным ребятишкам стали подбирать белье, как нагрянули чехисты из особого отдела. Детей арестовали, закрыли в яме, бывшем погребе крестьянской избы, и началось следствие.

Кто вас подослал? Какое задание получили от немцев? — спрашивали их. Дяденьки, милые, родные, нас никто не под-

сылали, мы из разбитого Смоленска, мы из детского дома, нас все бросили, мы бежали от голодной смерти. В ответ же грубые окрики: бросьте эти сказки, вы шпионы и вас подослали немцы. Дети, измученные всем пережитым, увиденным, заливались слезами, клялись истязателям, что пробирались к своим, чтобы не умереть с голоду.

В результате — решение Особого совещания НКВД по пункту «ПШ», то есть подозрение в шпионаже и пять лет лишения свободы. Их не направили даже в колонии для несовершеннолетних преступников, а посадили в общие лагеря, где в основном находились осужденные по 58-й статье.

Так вот этот мальчик и очутился в закрытой Нижне-Туринской колонии.

Вечный страх и голод изуродовали ребенка вконец. Он не вырос, он так и остался маленьким, хотя ему в ту пору шел шестнадцатый год. Лицо его было детским, но морщинистым. Шел 1946 год, он готовился к выходу на волю, но очень боялся этой воли. Все спрашивал меня, что ему делать на воле: его пугало то, что там не будет лагерной столовой, где ему сейчас ежедневно выдают пайку хлеба и три черпака баланды, что ничему не учился и не имеет никакой специальности. Как мог, я старался успокоить его. Но я чувствовал, что у меня это плохо получается. Что я мог сказать тогда? Какие-то общие слова, в которые я и сам не верил: у меня у самого впереди были свои десятилетия заключения.

Сколько лет прошло с тех пор, а я не могу отделаться от чувства жалости и все думаю об изуродованной судьбе молодого

поколения сталинской эпохи.

Очень хотелось бы знать, как сложилась судьба всех тех, кто был в Смоленском детском доме в годы войны. Что стало с теми четырьмя, которых так безжалостно наказали ни за что.

П. С. ЦИПАНОВ,

г. Химки Московской области

Пишу потому, что молчать больше нет сил. Я несчастливая! Объясняю почему. Многие девочки стремятся быть почаще дома, а я? Если бы была возможность и меня никто бы не искал, я давно бы уехала из этих мест подальше и не вспоминала бы ни о ком, кто здесь остался. Я не вижу жизни в своем родном доме из-за постоянных пьянок, скандалов, драки, драк. Я стала психованной, огрызаюсь, обижаюсь по мелочам. Я не умею общаться с людьми. Вроде хочется поговорить, погулять с подружками, повеселиться, найти хорошего друга, но не могу. Сейчас хоть отдаю все силы работе, домой, слава богу, возвращаюсь поздно. Не точу, не могу идти домой, потому что трудно угадать, насколько пьяным пришел домой брат. Чуть домой опоздала — от брата получаю разгон. Я его ненавижу! В том году уходила из-за него из дома. Целую неделю моталась по троллейбусам. Водители кормили, потому что жалели, уговаривали вернуться к семье. Вернулась, и в тот же день скандал: брат напился. Снова хотела уйти, но не ушла, потому что маму пожалела. Я когда-нибудь не выдержу и что-нибудь с собой сделаю — под поезд брошусь или утоплюсь. А мне всего семнадцать лет...

Н. САТУРНСКАЯ,
Самара

«В голубой костючки»

ЗАМЕТКИ НЕЗАДАЧЛИВОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ

...Рубашка из стопроцентного нейлона.

Боже мой, как притягивала она мое воображение! Ослепительно белая с рафинадной голубизной, в целлофановой упаковке и «лейблом» внутри воротничка, на котором золотой канителью вышито: «Ниссэки. Мейд ин Джалап».

Благословенная Япония, откуда во Владивосток возвращались такие же, как я, молодые парни в нейлоновых рубашках, какой у меня не водилось пока. А не водилось потому, что мои сверстники, пройдя игольные ушки комиссий по благонадежности, получили право работать на судах заграничавания, а я зарабатывал еще визу в каботажке: вкалывал на палубе, стоял утомительные штормовые вахты, посещал обязательную политучебу, внимал поучениям старших. Очень хотелось мне повидать удивительный заграничный мир и стать обладателем красивой нейлоновой рубашки. Старшие товарищи учили, что для этого прежде всего следует не высываться со своим мнением. Помалкивать, то бишь.

Но купил я предмет своей мечты не в Японии, а с рук у подгулявшего морячины за четвертную. Ровно четверть моего матросского оклада, но в портовом городе все рубаха-парни одевались в «найлон», этой покупкой я сокращал сроки своей ущербности. В каких-то кабинетах еще проверялись мои анкеты («не был, не имел, не привлекался»), а я щеголял ввосью обновкой, сходя на берег. После каждого увольнения аккуратно укладывал обратно в целлофан мою желанную, а возвращаясь

с вахты, обязательно любовался своим богатством.

Знающие люди говорили: стирать-гладить нейлон не требуется. Сполоснул под краном, встряхнул и носи дальше, но траурная каемка выше золотистой надписи «Мейд ин Джалап» подвигла меня на стирку рубашки «Земляничным» мылом.

Исчезла рафинадная голубизна, воротничок смялся — это меня озадачило и подвигло на новое святотатство — глажку. От утюга моя ненаглядная приобрела устойчивый мышинный цвет, настроение мое испортилось на весь штормовой рейс.

— Дорогуша, где ты видишь мышинный цвет? — развлекался моим убитым видом приятель, четвертый помощник Виктор Плисс. — Это «гризайль», все богачи носят одежду только такого цвета!

В то время я лишь год отплавал матросом второго класса, и «гризайля» в моем словаре не водилось. Делал свое матросское дело, развлекался на свою матросскую зарплату и верил всем «лейблам», будь то лозунг «Наша цель — коммунизм!» или «СССР — великая морская держава», а «Сделано в Японии» воспринималось мною непререкаемым авторитетом хотя бы потому, что после своего развалюхи-пароходика вместе с открытием визы получил назначение на шикарный теплоход, построенный в Японии для нашей великой морской державы. Большой и ладный, с гидрорулевым устройством и автоматическими швартовыми лебедками, с одноместными каютами и «кондиционом» в каждой — даже у матросов! — и вот незадача с рубашкой...

Виной всему «Земляничное» мыло, трезво рассудил я и, ступив на японскую землю, незамедлительно обзавелся новой. Тогда

в ходу был тетрон, и моя обновка загадочно мерцала голубоватой искрой сквозь прозрачную упаковку, которая покоилась к тому же в глянцевого коробке. Купил я рубашку на втором этаже престижного супермаркета «Даймару», куда заскочил, пока мои товарищи, задержавшись у входа, увлеклись переборкой женских кофточек в больших коробах. На покупку я ухлопал почти всю валютную наличность.

«Паря, мы на таких этажах не отовариваемся!» — встретили меня здоровым матросским смехом палубные коллеги. Они умудрялись на те же деньги купить по две-три нейлонки, носков с люреksom или, как говаривалось тогда на флоте, — «с бисером», и кое-чего «для поддержания штанов», что означало косынки для перепродажи во Владивостоке, а вырученная сумма шла весомым довеском к скромной матросской зарплате.

В первом заграничье я знакомился не со словами изысканными типа «гризайль», а с понятием «гробовой магазин», «пыльный ящик», «наш этаж». Гробовой магазин — это где продается уцененное и обесцененное для обряжения покойников в последний путь, там и покупались нейлоновые рубашки, пыльный ящик располагался под мостом надземки в Кобэ, где глаз да глаз нужен за разбитыми Мишами и Васями, сбывающими морякам суший утиль, а наш этаж — это наш этаж, где, имея пять тысяч иен, можно вволю покопаться в куче шмоток, сваленных в короба для дешевой распродажи, отовариться властью и вернуться на судно ровней Крезу.

На берег в иностранном порту, согласно «Правилам поведения советского моряка за границей», увольняли тройками, и я усердно

мотался со своей группой по разным пыльным ящикам, дурея к вечеру от ярких цветов рекламы, длинных пешех переходов и голодухи. Со временем я наловчился изыскивать места распродажи и торговаться за каждую иену в лавчонках.

Что интересно, за четыре года матросской жизни тихо отслужили малый срок яркие батники, линявшие после каждой стирки больше и больше, расплзались по швам современные куртки и рубашки-апаш, элегантные туфли из кожзаменителей быстро лопались от соприкосновения с приморскими камушками, а вот моя вторая рубашка жила, не теряя рафинированной свежести. Уже и ворот изветшал, а надевать ее хотелось. И всякий раз, облачаясь в нее, глубже становился смысл пословицы явно японского происхождения: «Я не так богат, чтобы покупать дешевые вещи». Во всяком случае, ни одного японца в нейлоновой рубашке или виниловых туфлях я не встречал. В них потели и мучались от духоты мы, посланцы великой морской державы, а японцы в костюмах цвета мокрого асфальта, что в общем-то и есть «гризайль», штурмовали в часы пик свои надземки и подземки, спеша на службу; в неброских нарядах они выражали яро свое недовольство правительством на митингах и забастовках, возвращаясь к домашним очагам, переодевались в простоватое кимоно, читали газеты с четкой пропечаткой строк, смотрели на экраны цветных «ти ви» яркой контрастности и вздыхали о дороговизне.

Шутка ли, невзрачный серый костюмчик стоит четверть месячного оклада, а цветной «Айва» — целую получку, даже мужское кимоно из материи грубой выделки тянет тысяч пятнадцать иен. И

оплакивали бедных японцев по причине такой дороговизны все наши зарубежные обозреватели и комментаторы. Вот, мол, слушайте и запоминайте, как тяжело живется вашим собратьям по классу, избравшим рабскую преданность капитализму, а у нас все дешево, а вы никак не напрячьтесь, чтобы построить коммунизм, который мы торжественно вам пообещали со дня на день...

Всем нам становилось весело от такого неприкрытого шутовства и беспечно жилось. Менялась ценная древесина на нейлоновые рубашки, искусственные меха сторговывались за отечественную пушнину, утекала нефть из подземных кладовых, превращаясь в порошковую «Фанту», какую японец и под страхом смертной казни пить не станет.

Много чего скупалось в Японии на валюту. Яркое и дешевое попадало на прилавки, элегантно и дорогое пряталось в укромных местах и распределялось среди избранных. Мы-то, пожалуй, научились к тому времени отличать мышиный цвет и «гризайль», но в избранные нас не пускали.

«Это что же получится, если все попрут в Елисейский?» — возмущалась моя знакомая аппаратная дама, а сама отоваривалась, между прочим, в родном спецбуфете по дореволюционным ценам снедью, исчезнувшей для простых смертных тогда же. И еще хорошо запомнилась пресс-конференция со значимым в Приморье лицом, его чванливое поучение: «Минтайчик покупать надо, пристипомку жарить, от рыбки нос не воротить, на всех мяса не напасешься». Помню его лоснящуюся физиономию и блестящий костюм из шелка-сырца. Опереточный наряд и речитатив провинциального конферансье вызывал удивление. А где же «гризайль»? Я лишь

недавно стал членом СЖ, впервые попал на встречу с официальным лицом. Выходит, каков поп, таков приход? От этой пришедшей на ум поговорка сделалась весело, а нас, журналистов, собралась смешливая команда, и мы были не прочь развлечься. «Почему, — спрашивали мы значимое лицо, — в Японии рыбный день каждый день, а нам назначили только четверг?» Или: «А правда ли, что в подвалах ГУМа скопились японские цветные телевизоры, которые из-за повышенной радиации простым смертным не продают?» Я изощрялся больше других. В общем-то за подобные расспросы мне и прихлопнули визу пятью годами раньше. Значимое лицо подвох усекло, меня запомнило и свернуло пресс-конференцию, а мы ринулись в крайисполкомовский буфет запастись по счастливому случаю японскими сигаретами «Хай Лайт», приобщаясь таким образом к избранным...

Нас возвышающий обман: от каждого по труду, каждому по возможности. Труд же, исподволь привили нам, тем значимей, чем значимей кресло. Год от года рос этот многомиллионный легион упорно внушающих нам не замечать траурной каемочки над «лейблом» «Наша цель — коммунизм!». Нам устраивали зрелища, а хлеб везли из-за границы, и многим казалось, что где-то достаточно простирнуть, где то уютком подглядить победоносную теорию, и серый оттенок нашей всеобщей рубашки исчезнет.

Пятнадцать долгих лет не был я в Японии, хотя по образованию востоковед-филолог, а побывав, поразился навороченному там. Над экологически чистыми заливами переброшены легкие и прочные мосты, в экологически чистом небе болтается дирижабль, и каждый желающий может покататься,

с высоты птичьего полета обозреть экологически чистую землю, которую, несмотря на все уверения наших спецов-международников, не захлестнули петлей скоростные надземки, не удушил смог. Небо синее, трава зеленая — удивительно... Вдоль дорог цветут розы, и никто не пытается воровато их оборвать. Но что особо бросилось в глаза — японцы не просто зажили богато за эти пятнадцать лет, они изменились нравственно, по-добрели. Но по-добрели-то — разбогатели! (Где это видано, чтобы у нас кто-то, богатея, добрел?)

В Японии, впрочем, богатство не сродни скопидомству. В выходной день (а то и после трудового дня) японцы любят выехать на мост, полюбоваться огнями залива. Мы не успеваем луну в небе найти, текучка заедает, всякие перестройки нервы изматывают. Японский докер считает зазорным приезжать в порт на машине, возраст которой четыре года. (Если у нас кто-то станет с подобным безумством менять машины, в лучшем случае на него отпишут в КГБ...) «Я не так богат, чтобы покупать дешевые вещи» — въелось в сознание рядового японского труженика и главы преуспевающей фирмы, это спасло Японию от нищеты.

Революция, о необходимости которой говорили большевики, свершилась в Японии. Не удивляйтесь, тот самый коммунизм, о котором мы трубили на весь мир, они построили. И пусть умный идеолог из Академии общественных наук при ЦК КПСС разобьет мои доводы вдребезги, обвинит меня в искажении марксистско-ленинской науки, расскажет умно, что это такое — коммунизм и с чем его едят, но, по-моему, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Коммунизм, я думаю, это когда

люди становятся добрыми. Как японцы, с которыми я общался после стольких лет разлуки...

И раньше считалось делом обычным, когда японец укажет вам нужную дорогу, а водитель остановит тяжелый грузовик, пропустит вас, прущего с удалым русским «авось» на красный свет. «Я не так богат... — в данном случае оканчивается следующим образом, — чтобы из-за какого-то балбеса портить свои нервы». В магазине от вас не отмахнутся, безошибочно определив малое содержание вашего кошелька. Здесь при слове японец завершит так: «...чтобы упустить клиента». Вас нигде в Японии не обьегорят, как это успешно проделывают у нас все — от солдата продуктового магазина до маршала идеологии, потому что ум, совесть и честь в Японии ценятся дороже колбасы, а мы в погоне за ней махнули рукой на эту святую троицу.

Но были ведь дешевые поделки из нейлона, прели ведь наши дамы в трикотированных платьях? Для кого выпускались искусственные горы баракла?

Безотходное производство имеет разную сортность выпускаемых товаров, из несортных отходов получался нейлон, годный для промышленной нужды, увы, для нас. Не промахнулись японские хитрецы, наводняя мир миллионами дешевых рубашек, снабдив каждую блестящим «лейблом» и хрустящей упаковкой. «Ноу хау» с послевоенных времен было одной из составляющих японского чуда. Облачаясь в серые спокойные цвета, японцы помнили о притягательной силе стеклярусных бус и ярких оберток. Мы и помчались на красный свет, разбазаривая истинные богатства, гнались то за коровой из штата Айова, то за японским нейлоном...

Японцу и в голову не придет

стануть из штабеля доску, из бочки отлить себе маслица. Он не так богат, чтобы тратить на адвокатов, если прихватят с полицным, он не так воспитан. Он «legaly minded», «юридически мыслящий человек», требует от правительства неукоснительного выполнения обещаний, и члены правительства с подмоченной репутацией из кресла в кресло не пересаживаются, а вылетают из него навсегда, поэтому печся о благосостоянии народа приходится им не на словах, а на деле. Умело и по-восточному хитро в японском обществе постепенно соорудили крепенький барьерчик для посторонних.

Пятнадцать лет назад пачка «Хай Лайта» стоила сто иен, теперь — 220, сочная японская лоба — 30 иен, сейчас — 330. (Даже поговорка такая была у плавающих: «Дешевле японской лобы», то есть почти бесплатно.) Но вместе с ценами росла зарплата японцев, о чем наши демагоги, громившие капитализм на словах, помалкивали. Одновременный рост цен и денежного обеспечения трудящихся позволили сложиться рынку, куда нам, случайным туристам, соваться не стоит. Не по карману. А им хоть бы хны. И не от снобизма японский докер брезгует поддержанной машиной: не можешь купить новую — плохой работник. Низкосортная вещь автоматически ставит клеймо дешевизны и на его обладателя.

...Кто ныне не задумывается над несоответствием статистических данных предреволюционной России со словами пролетарского гимна «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов»? По статистике, простой народ жил недурственно, Россия кормила хлебом полмира, а по страстным проповедям большевистских ораторов, шло повальное обнищание масс. Стати-

стика — упряmica, ее не расстрелять, за границу не выдворить. Где же истина? А истина в том, что коммунизм — сообщество богатых духовно и материально. А наши вожди провозгласили как раз искоренение богатых. Богаче мыслишь — враг народа, диссидент, можешь заработать больше — кулак, мафиози, устои державы подрываешь. И проповедовали такие взгляды в первую очередь те, кто менее других умел создавать ценности.

В нынешней Японии только нежелающий заработать не зарабатывает. Деньги, как говорится, лежат под ногами. Можно подрядиться к домохозяйке и выместить дорогу перед домом. Иен пятьсот получи. Так поступает молодежь, а вечером с легким сердцем оставляет утренный заработок в баре, где безалкогольный коктейль стоит дороже бокала шампанского, купленного в винной лавке. Но это престижно — посидеть в дорогом баре. Не напиток, замечу, а приятно скоротать время за разговорами под хорошую музыку. Не нравится мести тротуары, можно пособирать утиль, сдать его старьевщику — тыщонка иен, другая... Не густо, зато и не зорно. Не нравится — зарабатывай на квантовой механике, дуй в дудку, тачай сапоги. Только у нас можно лицезреть в приемном пункте макулатуры некое человеческое отродье — жирное, наглое и богатое от умения обворовывать старушек, пришедших обменять кипу газет на талончик, чтобы позже выкупить «Королеву Марго» и уйти ненадолго в мир грез среди нищей действительности. Забыться...

Наши теоретики так насобачились, обличая капитализм, что сподобились на труд под названием «Политэкономия социализма», где уверенно доказывали для нашей же потребности о преимуществе

плановой системы ведения хозяйства. Труд оплатился, и тысячи студентов стали заучивать эту галиматью, внедрять позже на практике, разваливая и без того хлипкую экономику, а бесплановая система, несмотря на все пророчества, тряслась от кризисов перепроизводства, но выжила и научилась защищаться. И опять японский пример поучителен. Покатается японец на «тойте» последней марки год-другой и спешит за новой, сдавая прежнюю в третьи цены. Ужесточился контроль за окружающей средой, при первом намеке на неисправность, повышенную токсичность выхлопных газов автомашина откочевывает к скупщику, а тот перепродает ее целевым назначением в Австралию, Новую Зеландию, Африку, в страны «третьего мира». Новая автомашина тянет, кстати, три-четыре зарплаты среднего японца, подержанная удовлетворяет австралийского юнца, спешащего насладиться быстрой ездой на мощном и дешевом автомобиле. Не откажутся от «ниссана-фургон» 87-го года выпуска и продавец вразнос, и страховой агент, и фермер. Днем он выжимает из послушной японской машины все ресурсы, не щадит ее, а вечером пересекает на «мерседес» или тот же «ниссан», но последней модели и степенно поедет на отдых.

Огромные терминалы в японских портах заставлены автомобилями, готовыми к отправке за рубеж. Новыми и старыми. Множество мелких участков в японских городах принадлежит скупщикам подержанных машин, и торгуют они продукцией «секонд хэнд» весьма успешно.

Разумеется, клиент не только приходит сам. Чаще всего клиента надо найти, целая рать коммивояжеров изыскивает рынки сбыта. Как в случае с нейлоновыми ру-

башками, японские промышленники рассчитали верно: неприязнительный вкус покупателей из «третьих стран» поможет избежать перенасыщения. Учитывались массовые клиенты, о которых уже говорилось, и шальные. На долю последних приходится до 20 процентов сбыта.

В последние попали наши туристы, моряки, специалисты, работающие по контрактам за рубежом, и те, у кого завелась валюта. С недавних пор разрешено беспрепятственно ввозить в страну иномарки. Дескать, рассчитывали в верхах, страна получит дополнительную прибыль в виде таможенных пошлин, меньше станет претензий к отечественному автомобилестроению. Дай-то бог нашему теляти волка съесть...

Не знаю, на каких компьютерах просчитывают в Японии прибыль индустрии развлечений, изыскивают новые виды отдыха, но такая недавно появилась. Семьями и поодиночке японцы выезжают в порт — порт, как водится, территория открытая — и наблюдают загадочные русские души вблизи. Скупают подержанную продукцию арабы, греки, поляки, чехи, китайцы, не гнушаются французы и латиноамериканцы — красиво жить не запретишь, но массовый отдых японцам доставляем, пожалуй, мы. Частенько на причале можно наблюдать такую картину: с одной стороны собираются автомобили новейших и разнообразных моделей, с другой — разномастные и далеко не новейшие. В одних — веселые зрители, в других — счастливые обладатели. Одни, довольные приятным созерцанием, разъедутся по жилым кварталам этого города, другие, не менее счастливые, отправятся за море, въедут в родной квартал на белом ниссановском коне, второй, правда, свежести.

И я не удержался от повально-го соблазна, купил «тоёту-карину» 86-го года выпуска и по японским меркам сравнительно молоденькую, 70 тысяч пробега на спидометре — беленькая с рафинадной голубиной, как та первая нейлоновая рубашка. Знание языка и обычаев помогли купить эту красавицу практически за бесценок. Может, и другой фактор повлиял: владелец терминала порасспросил меня о перестройке, о наших королях и капусте — забирай, говорит, за символическую цену, езжай в свой перестроечный коммунизм...

На вчерашней машине в светлое завтра не уедешь. Это только кажется: вот простирнемся, вот подгладимся... Стыдно было, не скрою, от почти подачки, но покупал я себе «карину» по всем правилам и в таможене платил кровно заработанные... Мне не пришлось ловить за полу прохожих японцев, насильно всучивать золотое кольцо или бутылку «Наири», как это делали мои земляки из когорты избранных, облеченных властью, те, кто держат меня и мою мать в очереди на жилье двадцать восемь лет, те, кому никогда не будет стыдно за отсутствие ума, чести и совести. (Я им попросту не дался на этот раз, вырвался из душного автобуса и пересел в легковой автомобиль...)

Нас так долго приучали довольствоваться малым и не критиковать верхи за их маленький коммунизм на наших горбах, что мы привыкли самостоятельно изыскивать лазейки то в заборе мясокомбината, то в приемной комиссии вуза, то еще где — то есть везде. Сами того не замечая, превратились в общество подержанных ценностей.

А ведь когда-то нас уважали, стремились познать, поверить,

японские девушки приходили на советские суда учить русский язык, устраивались вечера дружбы, пожилые люди желали нам успехов, а нынче самые постоянные гости на судах под красным флагом — старьевщики. Предлагают они что попало: от холодильников и швейных машинок до автомобилей и компьютеров. Никто не просит списать слова «Подмосковных вечеров», не спрашивает о причинах железной уверенности построить общество всеобщего блага. Они его построили, остальное неинтересно. Их телевизионные программы о нас гораздо глубже и точней, их данные предельно выверены, прогнозы сбываются. Если японская метеослужба обещает солнечный день, зонтик, выходя в город, берет... ясно кто.

Из японских посетителей нашего судна мне запомнились особо двое. Фукумацу Окабэ, согласно визитной карточке, являлся членом общества «Япония—СССР», на самом деле сводник по перепродаже. Без особых церемоний он уверенно расположился в каюте старшего помощника, выложил альбомы с фотографиями. Вот я с русским капитаном таким-то, вот я с ребятами такого-то теплохода, а это я с любимой женщиной буфетчицей Таней. Свой парень, одним словом. По-русски Окабэ говорил почти бегло, акцент не мешал ему задавать такие вопросы: «Нет ли рыбных консервов? Армянский коньяк «Отборный» есть? Нельзя ли принести второе? А компот от обеда остался?» Линейщики этого гостя знают неплохо и выдворяют корректно, но быстро, так как автомашины, рекомендованные им, как правило, сущее дерьмо, а цены кусаются. (Лопухи все же попадают.)

С ностальгией по прежним го-

стям и духу взаимопонимания я выкатил ему от прилива интернациональных чувств сувенирный самовар в обмен на обещание покатать меня по городу — машина, между прочим, у Окабэ «галант» 88-го года, стоящий аппарат — и жестоко просчитался. Едва самовар исчез в его объемистой сумке, я стал для него пустым местом. По Нагое меня катал другой японец, не стригущий купонов с простактов.

А в Осака к нам на судно явился Миша, старый знакомый экипажа, учтивый и не хват. По-русски он не говорил, и мое присутствие на борту судна как нельзя кстати ему сгодилось. Встречая меня, он низко кланялся и называл «сенсэй» — особо почтительное обращение в Японии, «учитель». Вестимое дело, я был посредником, помогал ему делать коммерцию. Как и Окабэ, он торговал откровенным хламом. То швейную машинку без челнока привезет, то компьютер без «кейборда», уверяя притом жарко, что машинку и в Советском Союзе починить можно, а компьютер сгодится для тренажа молодых операторов. Цены он назначал сносные, но при всей валютной бедности нашего экипажа мало кто ловился на его товар. Он подолгу сидел с застенчивым видом в служебной каюте у трапа и караулил простактов.

Мне надоело всякий раз участвовать в купле-продаже, я обходился десятками трапами, и он это уразумел. Изловил однажды и, буквально ухватившись за пуговицу, произнес прочувствованный монолог. Вот он, клянусь мамой: «Сенсэй, я понимаю, какие трудные задачи стоят перед советским народом, как буксует перестройка. У вас растут цены, но надо смириться. Ваши кооператоры обкрадывают вас, и зреет возмущение народа. Но бастовать нельзя, это

принесет большую беду перестройке, надо смириться, и я, простой человек из Осака, изо всех сил буду стараться помочь вам. Помогите и вы мне продать этот неисправный компьютер».

Ах, какая это была прекрасная речь, достойная многих наших продавцов подержанного товара! И весь этот простой человек из Осака с мольбой в голосе и слезой в глазу так по-родному напоминал рядового партаппаратчика, любимыми средствами пытающегося удержаться на плаву. И нет секрета в японском коммунизме, да просят меня наши идеологи, он строился на незыблемом фундаменте человеческих ценностей: старьевщик, демагог, бездарь не имеет права жить лучше трудового человека — в Японии и поныне отличают серое вещество от мозга.

«Главный урок, который должны извлечь из японского опыта другие страны, — давно пора разоружаться. Второе — отказаться от теории сырьевой стоимости и по-новому взглянуть на такую ценностную категорию, как труд, рабочая сила. В-третьих, резкое ограничение власти бюрократов и сокращение масштабов социальных программ. Возможно, венцом объединенных усилий в этом направлении и станет совершенно новая система, которая вберет в себя лучшее как от современного капитализма, так и от коммунизма, во многом очень схожих друг с другом. Одна оговорка. При всех известных преимуществах коммунистическим режимам, по их сути ограниченным, присущи три невидимых при первом рассмотрении недостатка. Первый из них связан с отсутствием в стройной схеме коммунизма научного подхода к техническому прогрессу. Второй имманентный дефект — отсутствие системы, поддерживающей

постоянное прилежание, трудолюбие народа. И, наконец, при коммунизме оказалось практически невозможным обеспечивать приоритетное развитие отраслей, перманентно повышающих жизненный и культурный уровень населения» — так позволил нам заметить японский профессор Киминдо Кусака.

Наверняка найдутся любители нас объегорить, доказывая «колоссальный ресурс социализма, которого нет необходимости улучшать капитализмом». Если очередной фокус пройдет, носить нам и впредь рубашки серого цвета, менять лес на машины для вывозки этого леса. А надо-то всего лишь назвать вещи своими именами, воздать каждому по его труду. Пишу — и не верится в возможное...

«Есть три способа ведения дел, — советовал американский политолог Лоуренс Питер, — правильный, неправильный и способ военный». Правильный мы загробили по причине собственной ограниченности, неправильный испробовали по той же причине. Остается способ военный, что не означает пиночетовского варианта. Просто есть хорошее армейское правило: «Делай, как я». Делать, как мы, они не захотели. Стоит попробовать делать, как они...

Предложил мне поработать в своей компании маститый японский фирмач. Понадобились-таки мои знания и опыт. И гонорар по нашим сермяжным расценкам царский. Не за красивые глаза: с фирмачом этим я знаком давно, и он по-японски точно просчитал выгоду от моих, ставших со временем специфических знаний.

Вот я и решил подороже پرداختься для пользы отечества, которое будет взимать по новому закону приличный налог с моего валютного контракта. Совесть не му-

чит, ничего предосудительного я не сделал, поработаю, как многие нынче, блуждающим форвардом. Но мучит другое — куда пойдет валютный состриг? Во все новоявленные фонды я мало верю, а отдавать нуждающимся прямо в руки мне не позволяют. Ладно, проживем — увидим. В который уже раз...

В один из последних дней пребывания в Японии приятель из экипажа уговорил съездить с ним на свалку, помочь сторговать кое-какие запчасти для купленного «ниссана». Впору просьба: на моей «тоёте» хандрит аккумулятор, да и резины у нас не достать, следует запастись по случаю.

Не пугайтесь этого слова «свалка» и не принюхивайтесь: японская свалка — чистейший «грязиль» и прежде всего порядок. Есть свалка автомашин, компьютеров, домашней утвари, у каждой — хозяин, с которого спрашивает за поддержание порядка муниципалитет. На самом деле это пункт приема вторсырья и подержанных предметов. (Свалка — это наш термин. Как «спутник», «перестройка» и «давай-давай». Японцы приняли его, у них не убудет...)

Есть уникальные свалки: набьет хозяин старый автомобиль отслужившими срок вещами, загонит подальше от глаз дорожной полиции и санитарной инспекции и резво смывается. Иначе заплатит высокий штраф, а он не так богат, и обленится, видать, в своем японском коммунизме, не захотел тратить время на сборщиков утиля.

Те, кто чтит закон и порядок, поступают благоразумно: выносят телевизор или холодильник к обочине, их заберет проезжающий старьевщик, любой, кому сгодится. Если на свалке есть хозяин и сделка заключается с ним за

отобранные вещи, эти можно взять просто так, запасясь разрешением жильца ближайшего дома. Иначе вас сочтут вором. Осацкий Миша рассказывал, что его квартира целиком обставлена бросовыми вещами. И магнитофон со свалки у него крутится, и кофемолка вертится, и «тоёта» бегала, но полиция ее забрала — документов не оказалось, прежний владелец не оставил. Жалко союзника, который изо всех сил обещал помогать нам с перестройкой...

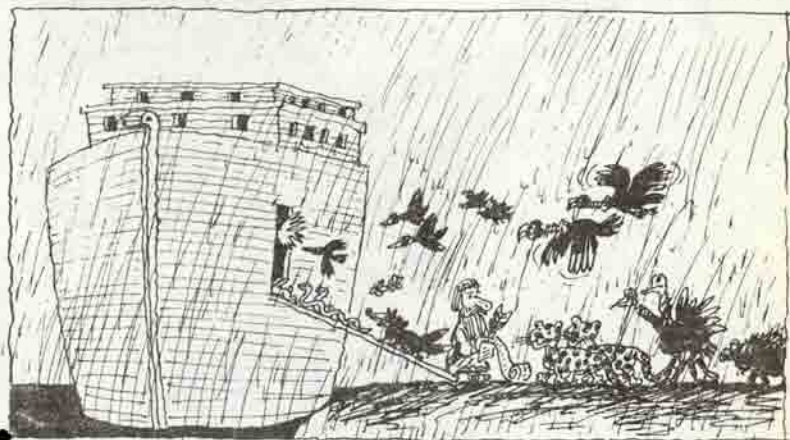
Возвращался на судно я с купленным аккумулятором, с обязательным чеком для полиции, если встретится, что такой-то имярек продал мне его за тысячу иен. Все в полном ажуре...

Только недолго крутил он стартер моей «карины» — свалка есть свалка. Эх, купил бы я новый, как водится в порядочных странах, да денег мне не доплачивают; и не лазил бы я по свалкам, да в спецраспределители не пускают... А тут еще пришло письмо от моего фирмача-нанимателя, едет заключать контракт, сию я в своей блочно-бетонной норе и горюю; а вдруг пожелает он посетить меня, увидит «карину» образца 86-го года и картину Крамского (репродукция, разумеется) и не пожелает заключать со мной контракт?

...Ну и черт с ним, с фирмачом этим! Мы бедные, но гордые.

ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ

Рисунок ОЛЕГА ТЕСЛЕРА

Грунна

ЩА-А-А

276

ФОТО ГРИГОРИЯ КУЗЬМИНА

Почему «На-На»? И что это означает? С такой маленькой хитрости началась творческая жизнь молодого коллектива, созданного продюсером одной из первых в Советском Союзе рок-шоу-группы «Интеграл» Бари Алибасовым.

Первое выступление «На-На» состоялось в июле прошлого года на международном фестивале «Фейс ту фейс» и оказалось весьма успешным. По оценке многих советских и зарубежных менеджеров, группа стала событием фестиваля.

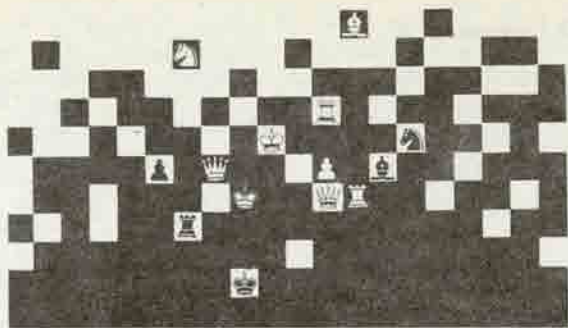
Через два месяца после образования «На-На» попадает в хит-парад газет и журналов, через полгода становится абсолютным лидером по разделу «Открытие года», а в витебском туре телешоу «50x50» занимает первое место по определению всех трех жюри — профессионального, зрительского и спонсорского.

За короткое время выпущены аудиоальбом и пластинка-мишень, которая была раскуплена буквально за несколько дней, а фирма «Мелодия» предложила записать первый в Союзе альбом-мишень.

Когда группа только создавалась, участников ее было раза в два больше, но происходил жесткий отбор. Сейчас коллектив сложился: Валера Юрин — вокал, гитара; Андрей Китарев — музыкальный руководитель, клавишные; Саша Карлухин — бас-гитара.

С молодыми музыкантами сотрудничают популярные композиторы Андрей Потемкин и Вячеслав Добрынин, поэты Лариса Рубальская и Михаил Шабров, балетмейстеры Елена Карасева и Николай Добрынин, художники-модельеры Вячеслав Зайцев и Виктор Леонтьев.

Мастерство музыкантов, их пластическая выразительность, разнообразие музыкального языка, пиротехнические и световые находки и решения делают выступления группы зрелищными. «На-На» — это праздник». Так говорят зрители.

Под редакцией
гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Итоги 31-й шахматной олимпиады

В 31-й шахматной олимпиаде «Смены» приняли участие около пяти тысяч любителей шахмат нашей страны, а также Польши и Румынии. Вместе с ответами на задания олимпиады читатели присылали свои отзывы о соревновании, критические замечания, пожелания на будущее. Именно с учетом читательских пожеланий (и это с удовлетворением отметили многие участники) трудные задания были равномерно распределены на «дебют, миттельшпиль и эндшпиль» соревнования. Это позволило поддерживать постоянный интерес к соревнованию до последнего тура даже у начинающих решателей. Правда, по отзывам некоторых «маститых» решателей, задания олимпиады в целом были не очень трудными, хотя удельный вес шахматных этюдов и возрос по сравнению с предыдущими олимпиадами, а их решать гораздо трудней, чем задачи! И все же со всеми заданиями успешно справилось не так уж много участников олимпиады — чуть более ста! Доминировали здесь «старожилы» наших олимпиад, фамилии которых, вероятно, уже примелькались в итоговых материалах. Приятно, что многие из них выросли именно в этих заочных соревнованиях «Смены», прошли путь от новичка до второразрядника. Но и новые молодые решатели оказывают все большую конкуренцию опытным. В 31-й олимпиаде более пятисот участников смогли выполнить впервые разрядные нормативы либо повысить свои спортивные разряды по шахматам. Просим всех, кому требуется справка о выполнении разряда, написать в редакцию журнала (в письме просим указывать имеющийся разряд и год его подтверждения).

Жюри олимпиады для выявления 25 победителей вынуждено было прибегнуть к помощи жребия. Ими стали:

Ю. Артемьев (Курск), **Р. Бикмурзин** (Казань), **Б. Боронин** (Москва), **В. Бурек** (Рига), **А. Васин** (Тюмень).

В. Гребешков (п. Середка, Псковской обл.), **А. Данилов** (г. Корсаков, Сахалинской обл.), **С. Ермаш** (Новосибирск), **Е. Жигач** (г. Борисов, Минской обл.), **Н. Зудин** (г. Силламяэ, ЭССР), **В. Иванов** (Варшава), **И. Кваша** (Новочеркасск), **П. Коншаков** (Москва), **Д. Красиков** (Ростов-на-Дону), **Н. Кулаков** (г. Киселевск, Кемеровской обл.), **Л. Левченко** (Николаев), **Н. Маркова** (Ялта), **Т. Неидзе** (Батуми), **С. Остапюк** (с. Надорожное, Тернопольской обл.), **Ю. Парамонов** (Москва), **Г. Родиченко** (Днепродзержинск), **Ф. Сбитнев** (Москва), **О. Сытник** (г. Северодвинск, Архангельской обл.).

ПАРАД МИНИАТЮР

I
П. Стригунов
1958 г.
Мат в 2 хода

II
В. Чепижный
1988 г.
Мат в 2 хода

К. Ухачев (Орел), **А. Щекин** (г. Вельск, Архангельской обл.).

Всем победителям будут вручены дипломы «Смены» и книжные призы.

Редакция журнала поздравляет победителей, желает им новых успехов в наших заочных соревнованиях. Благодарим также всех любителей шахмат, принявших участие в нашей олимпиаде!

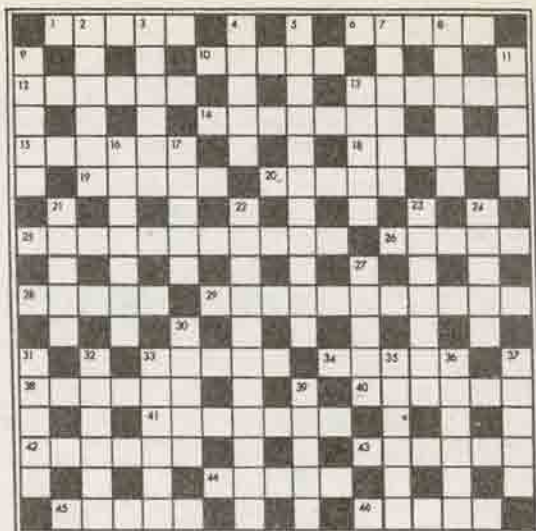
1. Сg5! (цугцванг) **1... e1k 2. Лd2 ×, 1... e1Ф 2. Лf7 ×, 1... Кре1 2. Сh4 ×.**

Соль задачи в ложных следах: **1. Сd2? e1k1** и невозможно **2. Лd2 ×, 1. Сf4? e1Ф** и не матует **2. Лf7**. В этих попытках представлена тема белых комбинаций. Суть ее в выборе вступительного хода из нескольких равноценных на первый взгляд продолжений, причем разделение ходов основывается на ослабляющих тактических моментах, содержащихся в этих ходах (здесь белый слон перекрывает линии для своей ладьи).

II. 1. Фf2? (2. Фg1 ×) Сg4! (2. Лf1?) 1. Лf2? (2. Лh2 ×) Сg2! (2. Фg2?)

1. Кре3! — цугцванг.

В этой задаче осуществлены белые комбинации, основанные на взаимном перекрытии белых ферзя и ладьи.

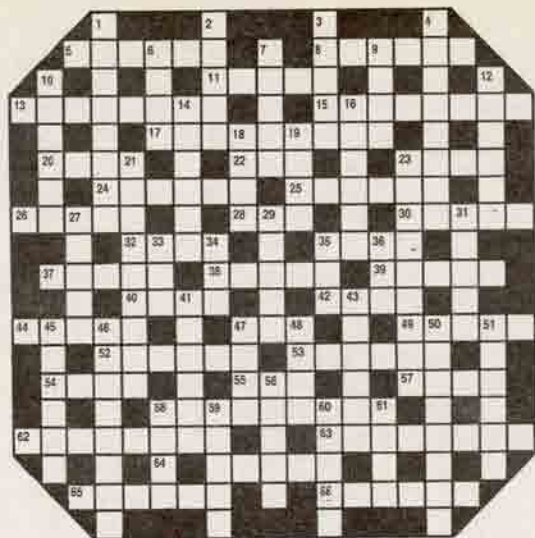
ЗРУДИТ По горизонтали:

1. «О друг! ты альфа и ... любви возвышенной моей» (Н. Языков. «Аделаиде»). 6. Поверхность футбольного мяча. 10. Более известное название тропического ядовитого дерева упас. 12. Металл, обычная примесь в природной платине. 13. Француз, о котором В. Брюсов сказал: «Интимнейший из поэтов». 14. Актер и драматург, автор либретто в опере А. Верстовского «Громобой». 15. Третья из величайших вершин мира. 18. Парфянская... (меткий коварный удар). 19. Сестра Татьяны. 20. Насекомое; изображенное на знаменитой фреске в Паучьей пещере недалеко от города Бикорп в Валенсии. 25. Мастер изворотливости в поведении, споре. 26. Искусство, которое не любил Иван Бунин. 28. В русско-японской войне 1904—1905 годов действовало три русских и пять японских... 29. Дерево, чьей древесиной очень довольны мастера художественной резьбы. 33. Каждая народная песня, снабженная духовным текстом и перенесенная Мартином Лютером в церковь. 34. Французский художник, которого Гюстав Моро, его учитель, назвал своим «интимным недругом». 38. Композитор, чьим первым крупным произведением была симфоническая поэма «Кошут» и кому посмертно была присуждена премия имени Кошута. 40. Кавказская река, на берегу которой разливают воду «Дзу-Суар». 41. Самая «песенная» лодка. 42. Сахарская антилопа, способная до двенадцати дней жить без воды. 43. Центральная фигура фольклора гаучо. 44. Одежда «мальчугана курчавого» в стихотворении И. Никитина «Жена ямщика». 45. Изобретатель морского аппарата «ныряющее блюдо». 46. Рыба, нерестящаяся в Кубани, Куре, Терек и Южном Буге.

По вертикали:

2. Пищевой продукт. 3. Позитивный жанр, название которого возникло от арабского глагола со значениями «пряхать», «плетсти», а также «воспевать», «превозносить» (женщину), «ухаживать». 4. Ф. Достоевский в бытность воспитанника Инженерного училища. 5. Штат США, где за бородку клином надо платить налог. 7. Каждый из двух найденных в Мещере музыкальных инструментов — древнейших в европейской части нашей страны. 8. Декабрист, дравшийся с А. Пушкиным на дуэли. 9. День отдыха у арабов. 11. Сплав, из которого делают маятники хронометров. 13. Самая большая река государства, в котором сорок девять воеводств. 16. Искательница «философского камня». 17. Город с церковью Дмитрия «на крови». 21. Ежедневник, который возглавлял Аполлон Григорьев. 22. Обычный сан настоятеля православного монастыря. 23. Ягода, созревающая тогда, когда поспевает рожь. 24. Существо, отлугивающее конкурентов песней. 27. Страна, где проблема эрозии почв — самая острая в мире. 30. Орех, способный проплыть в океане тысячи миль, сохраняя всхожесть. 31. Чувство, вызываемое несправедливостью, оскорблением. 32. Древнее азиатское государство со столицей Тушпа. 33. Художник, которого приветствовал в поздних стихах Д. Свифт. 35. Жители столичного города, имеющего комплекс домов «Три брата». 36. Австралийское животное. При опасности быстро зарывается в землю, оставляя снаружи лишь колючую спину. 37. Инструмент, в котором басовые струны не нажимают. 39. Специальность в цирке советского художника Е. Спасского. Так он был вынужден зарабатывать на жизнь.

КРОССВОРД
Составил
С. ВОИНОВ,
Зугрэс
Донецкой области

По горизонтали:

5. Оружие, упомянутое в «Левом марше» В. Маяковского. 8. Столица, которой, по легенде, пророк Мухаммед полюбился лишь издали, чтобы не лишиться себя небесного рая, поскольку в рай можно попасть единожды. 11. Австрийский композитор, неутомимый пропагандист музыки П. Чайковского. 13. Некрасовское «Болдино». 15. Надежды, предположения, расчеты. 17. Известный литовский скульптор. 20. Русская мера, десятая часть ведра. 22. Восточный музыкальный инструмент из тутового дерева. 23. Английский биохимик, первый получивший чистый пенициллин. 24. Советский искусствовед, много писавший о голландской живописи. 25. Хирургический инструмент. 26. Холм возле шахты. 28. Жанр стихотворения Г. Державина «Фелица». 30. Праздничная одежда. 32. Баклажанная, кетовая, паюсная ... 35. Пренебрежительное обращение к мальчику. 37. Автор донесения: «15.06. 1941г. Повторяю: девять армий в составе 170 дивизий начнут наступление на широком фронте на рассвете 22 июня 1941 г.». 38. Миллионная доля грамма. 39. Судостроительное предприятие. 40. Сказочная курица. 42. Око. 44. Бытовавшее название знака различия на петлицах красных командиров до 1943 года. 47. Снасть для поднятия якоря. 49. Дальневосточная сардина, на численность которой влияет температура воды. 52. Документ, необходимый при поступлении на работу. 53. Рамка для патронов. 54. Предки вепсов. 55. Инструмент для сверления скважин. 57. Создатель четырехтактного двигателя внутреннего сгорания. 58. Живущий только в Казах-

стане грызун, питающийся насекомыми. 62. Русская балерина, первая исполнительница партий в балетах на пушкинские сюжеты. 63. Аппарат для очистки газов и жидкостей. 64. Левая или правая сторона шеренги. 65. Замирание сердца. 66. Древнейшее из современных государств Европы Сан-Марино по расположению.

По вертикали:

1. Итальянец, автор знаменитых «Мемуаров». Интереснее всех о нем написал С. Цвейг. 2. Русский герой, которого в народе называли младшим братом Ильи Муромца. 3. Каждая из сильно взаимодействующих элементарных частиц. 4. «Погоня» с палочкой. 6. Чудовище в поэме А. Пушкина «Руслан и Людмила», обернувшееся Наиной. 7. Обломок скалы. 9. Первое из хлебных растений, «одомашненных» человеком. 10. Южное дерево, применяемое в бордюрах. 12. Цветок, который для букетов срезают полностью распустившимся. 14. Саморазгружающийся полувагон. 16. Степная трава, которую у нас начали вводить в культуру в 1900 году. 18. «...стрелецкой казни» — первое крупное историческое полотно В. Сурикова. 19. Река на юге ГДР. 21. «Шапка Мономаха» по технике исполнения. 23. Разменная монета в Италии до конца второй мировой войны. 27. Семейное положение веселой героини в оперетте Ф. Легара, принесшей ему мировую известность. 29. Шашка, дошедшая до крайнего поля противника. 31. Элемент стиха, отсутствующий в верлибре. 33. Один из Кикладских островов. 34. Богатый крестьянин в турецкой деревне. 35. Действие, поступок. 36. Героиня одной из фресок Микеланджело на плафоне Сикстинской капеллы. 41. Земля на севере ФРГ. 43. Спартанский царь, образец патриота и воина. 45. Один из тех в Петербурге, где «и Курагин и Долохов в то время были знаменитостями» (Л. Толстой. «Война и мир»). 46. Птица, прекрасная летунья. Даже пьет на лету. 57. Идеолог французского утопического «мирного коммунизма». 48. Английская политическая партия. 50. Измерительный прибор, уровень. 51. Нидерландский живописец, хранитель Бельведера в Риме. 56. Роскошно изданная книга, альбом. 58. Крепость, последняя опорная база таборитов, с падением которой закончилось движение гуситов. 59. Часть пушки. 60. Революер, названный по имени бельгийского конструктора. 61. Дань мехами, которую русские князья платили монгольским ханам.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

1. Остен. 4. Дювер. 7. ...идеолог... 8. Занавес. 11. Бетховен. 12. Дивертисмент. 16. Кролик. 17. Робость. 18. Цитата. 21. Ликвидатор. 23. Склад. 24. Лира. 25. Лодка. 27. Зуав. 28. Мане. 30. Камин. 33. Шуан. 34. Баран. 35. Библиотека. 39. ...моцион... 40. Чичерин. 41. Аскеза. 44. Воспоминания. 45. Анархист. 47. Атрибут. 48. Петлица. 49. ...краса. 50. Линия.

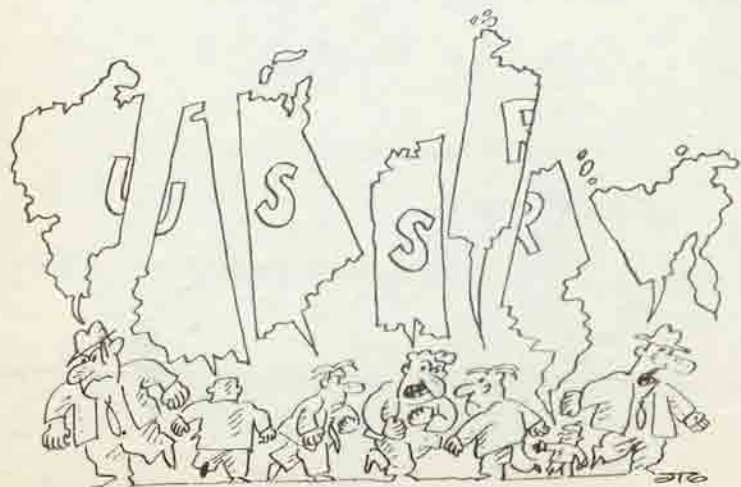
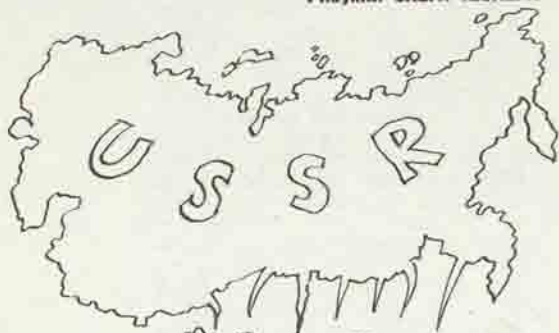
По вертикали:

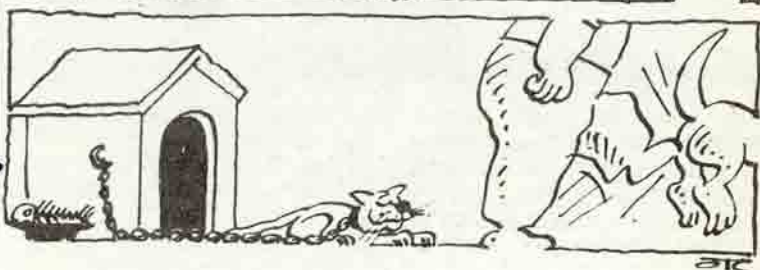
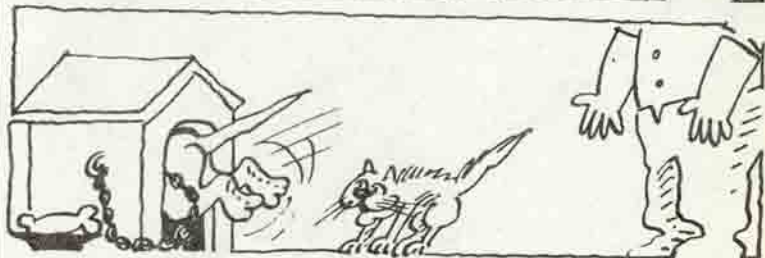
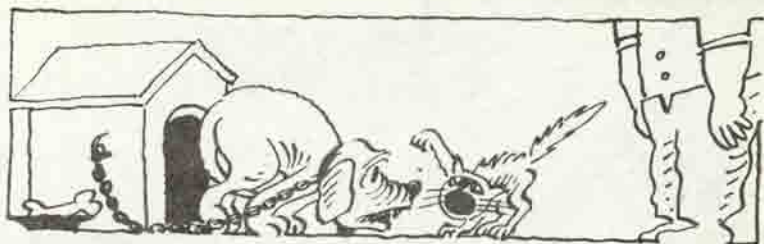
1. Орджоникидзе. 2. Трофей. 3. Неон. 4. Диалектика. 5. Власть... 6. Раевский. 9. Стройка. 10. Механик. 11. Бокал. 13. Инок. 14. Цара. 15. Посол. 19. Сарафан. 20. Каралли. 22. Роман. 23. Скриб. 26. Демонстрация. 29. Нарцисс. 30. Карикатура. 31. Никиш. 32. Венеция. 33. Шумов. 36. Азарт. 37. «Холостяк». 38. «Дети». 42. Физика. 43. Анилин. 46. Жезл.

ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ

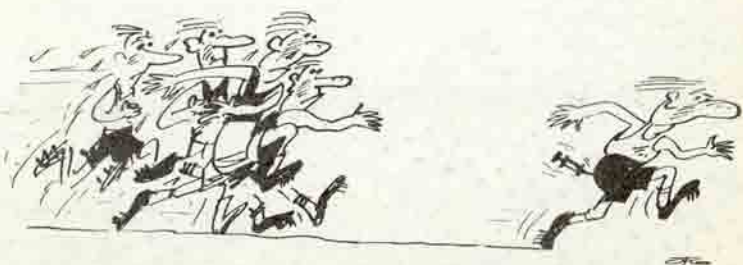

Рисунки ОЛЕГА ТЕСЛЕРА

285

АНДРЕЙ БАТАШЕВ

Фото ДМИТРИЯ АЗАРОВА

В ЧЕТЫРЕ

Борьба

Борьба

286

В мае 1987 года Михаил Мамиашвили — к тому времени он был трехкратным чемпионом мира по классической борьбе, — готовясь к чемпионату Европы, получил тяжелейшую травму колена...

— Боли я не ощутил, — вспоминает он. — Только услышал сухой треск и почувствовал, что справа нет опоры: нога не держит...

Боль пришла через два часа. Мамиашвили посадили на самолет и отправили в Москву. Недели через две сделали операцию: сшили центральный нерв, поставили лавсановые связки...

— Сколько часов длилась операция, я не помню, — говорит он. — Мне сделали укол, и я «потерялся»...

В раннем детстве он только слышал о спортивной борьбе. А сами атлеты представлялись

ему людьми из какого-то нереального, сказочного мира — слишком уж отличалась более чем скромная обстановка, в которой жил Миша Мамиашвили, от ультрасовременного антуража крупных соревнований, что показывали по телевизору.

Михаил вырос на окраине небольшого украинского города Котопта. Его отец — тракторист, мать — рабочая на заводе.

— Неподалеку от нашего дома, — рассказывает Михаил, — было высохшее болото. Там, как ни упали, не болно. Вот здесь мы и боролись до потери пульса. А зимой еще лучше — снег, сугробы. Мы и боролись, и играли в футбол и хоккей. Замерзали так, что, придешь домой, час отойти не можешь.

В 13 лет Михаил Мамиашвили все-таки записался в секцию борьбы, куда его привел один из друзей. Занятия проходили в под-

вале, по стенам текла вода. Руководил секцией тренер Анатолий Семенович Ефремов, к которому валом валили мальчишки со всего города.

— Я полюбил Ефремова сразу и на всю жизнь, — говорит Михаил. — Не знаю даже, как сказать: то ли я стал членом его семьи, то ли он — нашей.

...Недели через две после операции Михаил пришел в больничный зал лечебной физкультуры. Нужно было научиться шевелить пальцами, поворачивать ногу... Все это казалось бессмысленным. Разве можно после такой травмы выйти на ковер? Но он представлял своих кумиров — олимпийских чемпионов Николая Балбошина, Вахтанга Благидзе и многих других и говорил себе: но ведь они-то наверняка сумели бы с этим справиться...

Даже став вровень со «звездами», Михаил Мамиашвили не утратил романтического отношения к ним и всегда смотрел на больших борцов, словно бы из своего детства, тем внимательным и зорким взглядом ребенка, который легко соединяет повседневность спорта с легендой о нем. Может быть, именно это помогло и Михаилу вернуться на ковер, когда надежды на это почти не было.

Через три месяца, выписавшись из госпиталя, Мамиашвили пришел на первую тренировку, а через восемь — в начале 1988-го — выиграл чемпионат страны. Затем победил на международном турнире в ФРГ и завоевал звание чемпиона Европы.

Эта победа далась ему очень тяжело...

— Я потерял чувство ковра, — рассказывает он. — Если раньше в ходе схватки действовал почти автоматически, то теперь мой «компьютер» вышел из строя. Поэтому я всякий раз должен был

затрачивать огромное количество нервной энергии.

После чемпионата он дал себе передышку: не стремясь «преодолеть себя», тренировался так, как подсказывало ему внутреннее чутье.

Однажды он рассказывал мне о своем кумире, чемпионе Олимпийских игр в Москве Вахтанге Благидзе:

— Я подошел к нему и спросил: «Ваха, правда ли, что ты по 800 раз в день отжимаешься от пола и по 50 лазаешь по канату?» «Миша, — ответил он, — посмотри на мои руки...»

Я взглянул на его ладони, сухие, потрескавшиеся от тяжелой работы, и подумал: так, наверное, выглядит пустыня Каракумы...

Эти слова Михаила Мамиашвили прозвучали для меня, как цитата из некоего эпического сказания, где все — и события, и чувства — отличается необычной значительностью, а ладонь борца можно сравнить с пустыней.

Неукротимый темперамент и артистизм Михаил унаследовал от своего отца Геразия Мамиашвили, уроженца небольшого грузинского города Хашури. Когда его призвали в армию, он попал в Казахстан. Там и познакомился с 18-летней украинкой, приехавшей по комсомольской путевке поднимать целину. Когда же срок службы кончился, Геразий с молодой женой уехал на ее родину — в Конотоп.

...В 1984 году Михаил Мамиашвили (он теперь жил в Москве и тренировался у Николая Есина) мечтал выступить на Играх в Лос-Анджелесе. Но, увы... И вот сейчас, через четыре года, он должен был добыть «свою» золотую медаль. Только тогда, считал Михаил, были бы оправданы те усилия, которые он затратил, чтобы все-таки выйти на олимпийский ковер.

— Я не мог даже представить, — говорит Михаил, — будто кто-то в состоянии у меня выиграть. Со своим основным соперником Тибором Комароми из Венгрии я встречался в финале. Мы давно знали друг друга. В 1983 году на чемпионате мира среди молодежи я довольно легко выиграл у него со счетом 10:1, но позже — в 1988 году на первенстве Европы — с трудом вырвал победу, лишь в конце схватки заработав один-единственный балл.

В Сеуле же (я выступал в весе до 82 кг) у меня все получалось. Я сразу же провел прием в стойке, сбил Комароми в партер, а затем сделал два броска, каждый из которых оценивается в 4 балла. Не прошло и двух минут с начала схватки, а счет уже был 10:0 в мою пользу. Это означало, что золотая медаль у меня в кармане. Я понимал это и не мог дожидаться, когда же истекнут минуты и секунды, отделяющие меня от победы. В конце схватки Комароми отыграл 1 балл, но большего ему добиться не удалось.

Эта схватка, которую широко транслировали по телевидению, подарила Михаилу Мамиашвили любовь тысяч людей...

— В одном из сеульских магазинчиков, — вспоминает он, — нас с Сашей Карелиным, олимпийским чемпионом в тяжелом весе, любители автографов не отпускали в течение нескольких часов. Я тогда так устал, что до сих пор со страхом смотрю на свою авторучку...

Сеул уже уплыл в прошлое. Новые проблемы встают перед знаменитым борцом.

За последние годы он сильно изменился. И, как мне кажется, стал чаще задумываться о том, что схватка на ковре — это все же только образ борьбы, которая по-

стоянно идет за пределами спортивного зала. Двадцатисемилетний атлет убежден, что все его успехи не слишком много значат в той жизни, которая начнется для него тогда, когда он оставит спортивную арену.

— Мне совершенно не ясно мое будущее, — говорит Мамиашвили, — знаю только, что не пропаду. В этом году я заканчиваю заочное отделение Омского института физической культуры. Но у нас в стране мне вряд ли доверят готовить спортсменов высокого класса, а тренировать детей у меня нет желания. Мне это неинтересно. К тому же такая работа плохо оплачивается, а я должен думать о своей семье: у меня две маленькие дочки (одной — пять лет, другой — год), а жена, естественно, пока не работает...

Я обязан заботиться и о родителях. Они и теперь живут в Конотопе, в подвале дома, который того и гляди обвалится. Сейчас, хотя и готовлюсь к крупным соревнованиям, все равно буду то и дело приезжать в Конотоп: хочу построить им дом на свои деньги. Поэтому я, вероятнее всего, заключу контракт и уеду за рубеж либо профессиональным борцом, либо тренером.

— Ну а если бы, — спрашиваю я Михаила, — у тебя была бы возможность получить в Советском Союзе такую работу, которая удовлетворяла бы тебя, какой выбор ты сделал бы?

— Конечно, остался бы дома. Другие варианты сразу перестали бы для меня существовать...

**Бросок
в четыре
балла**

(ЧИТАЙТЕ СТР. 286)

ИНДЕКС 70820. 70 коп.

группа

"ША-А"а

МУЗЫКАЛЬНАЯ
АНТЕННА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ: